А. ШЛЯПНИКОВ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Государственное Издательство

А. ШЛЯПНИКОВ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Книга первая

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ И ТРИ ДНЯ МАРТА)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4143. Главлит № 5659. Москва. Напеч. 10.000 экз.

„Мосполиграф“. 1-я Образцовая тип., Пятницкая, 71.

Немного о хозяйственном положении.

Экономический кризис, вызванный затянувшейся империалистической войной, особенно сильно дал себя почувствовать широким кругам народа в конце 1916 года и в начале 1917 года. В эти последние месяцы перед февральской революцией товарный голод и продовольственный кризис добрался до самой северной столицы, до Петербурга.

Со столичного рынка и из богатейших магазинов исчезал один продукт за другим. Товаров становилось меньше, а цены росли с каждым днем, и многие предметы обуви, одежды и даже продукты питания переставали быть доступными рабочему люду.

Некоторые фабрики и заводы разросшегося Петербургского промышленного района стояли перед угрозой закрытия ввиду недостатков топлива, металла и других видов сырья. Военные переброски перегружали железные дороги и они были не в состоянии удовлетворить подвозом усиленные сырьевые нужды промышленности.

Война производила огромные изменения в народном хозяйстве. Все крупные отрасли промышленности и значительная доля кустарного хозяйства были привлечены к работе на нужды войны. Текстильная промышленность отдавала на войну 70% своего производства, металлическая промышленность с каждым месяцем сокращала работы на частный рынок, сдавая свыше 80% лучших сортов стали и железа для военной промышленности. Удовлетворение нужд невоенного хозяйства и частного потребителя отодвигалось на задний план. Нужды войны покрывали все.

Наблюдавшееся несоответствие между спросом и предложением продуктов промышленности должно было бы, по законам капиталистического хозяйства, повести к могучему увеличению промышленного производства, но в условиях

военного времени этого не произошло. Хотя за время войны и наблюдался некоторый приток капитала в промышленность, но это происходило главным образом в пределах работы на оборону.

В течение 1915 года открылось 136 новых акционерных обществ с капиталом в 189 миллионов рублей. По первое октября 1916 года образовалось новых 159 акционерных обществ с капиталом в 210 миллионов рублей. Одновременно с этим происходил процесс реорганизации старых обществ и предприятий, а также переход их в новые руки. Происходило внутреннее перераспределение капитала, усиление отдельных промышленных районов и финансовых групп.

Несмотря на усиленный спрос, который страна предъявляла к промышленности, последняя не только не увеличивала своей производительности, но, наоборот, обнаруживала довольно ощутительное и неуклонное падение. Особенно характерным было это падение для горной и металлургической промышленностей, этих основ ведения хозяйства и войны. Так, например, добыча угля за второе полугодие 1914 года была равна 912 миллионам пудов угля, а за первое полугодие 1916 года уже только 856 миллионам пудов. Это падение добычи угля происходило в то время, когда транспорт и промышленность предъявляли все возраставшие требования на топливо. Чтобы избежать катастрофической остановки работ, уже в 1915 году пришлось вести усиленные заготовки древесного топлива и этим путем покрыть недостаток в минеральном топливе.

Не менее тяжело обстояло дело с черным металлом. Потребность страны в металле, по мирному времени, для 1914 года была исчислена в 25 миллионов пудов в месяц. Производительность же наших горнозаводских районов за время войны показывала стремление к постоянному падению. Так, производство чугуна за месяц январь 1914 года было по всей стране 24,3 миллиона пудов, январь 1915 года дал уже 20,1 миллионов пудов, в январе 1916 года выработка его была равна 19,3 миллионам пудов, а январь 1917 года дал только 18,3 миллионов. Подобное же колебание и уклон вниз наблюдался и в производстве полупродуктов железа и стали.

Предприниматели объясняли это падение производства изменением качества рабочей силы. Благодаря усиленным

мобилизациям на войну, лучшие, приспособившиеся к работам, гнались на фронт. На смену им шли женщины, подростки и это приводило к падению производительности труда. Так, в каменноугольной промышленности за время войны добыча угля на долю одного рабочего в январе 1915 года была равна 786 пудам, в январе 1916 года—721 пуду, а в октябре того же года уже только 606 пудам.

Одновременно с изменением рабочего состава промышленных предприятий, происходило изменение правовых и бытовых условий рабочих. Предприниматели стремились к принудительному закреплению рабочих, лишению их права свободного перехода с одного предприятия на другое. Кроме того, требовали от военного ведомства предоставления для работы на рудниках и шахтах дешевой рабочей силы военнопленных. Принудительный труд, само собой разумеется, не мог дать той производительности, на которую был способен рабочий довоенного времени.

Жажда быстрой наживы толкала промышленников на поиски дешевой рабочей силы прежде всего. Труд подростков, женщин, военно-пленных и китайцев (особенно на Урале) оплачивался значительно ниже, даже по сравнению с «прикрепленными» к заводам рабочими. Злоупотребление систематическим удлинением рабочего дня, при низкой заработной плате, недостаточном питании, также приводило к истощению и рабочую силу, а через это и к падению производительности труда рабочих.

Продовольственный кризис.

Значительная доля заседаний Государственной Думы, общественных самоуправлений (городских дум и земских управ) конца 1916 и начала 1917 года были посвящены переживавшемуся страной продовольственному кризису. Вокруг продовольственного вопроса происходила борьба помещичьих интересов с интересами городской промышленной буржуазии. Царское правительство весьма ревниво оберегало интересы дворянского землевладения и этим вызвало против себя всю либеральную оппозицию.

Согласно статистическим данным того времени в стране были довольно крупные запасы хлебов. Урожай 1916 года,

принимая во внимание недосев, все же давал излишек в 444 миллиона пудов хлеба. Запасы прошлых лет исчислялись в сумме до 500 миллионов пудов. Менее благополучно было дело с маслом, сахаром и крупой. Сравнительно благополучно было с мясом. Убыль скота была менее предполагавшейся.

В деле организации продовольственного снабжения принимали участие: министерство земледелия, министерство внутренних дел, министерство путей сообщения, особое совещание по продовольствию, по транспорту и по обороне, совет министров, совещание шести министров, председатель совета министров, комитет по борьбе с дороговизной, военные власти, многочисленные уполномоченные, губернаторы, градоначальники и т. д. В результате такой организации происходила полная неразбериха.

Буржуазия пыталась внести некоторую организованность в дело заготовки и урегулирование снабжения населения продовольствием, но правительство из политических соображений не допускало ни земства, ни города к организованному разрешению продовольственной задачи. Однако, под угрозой голодных бунтов (кризис август—сентябрь 1916 г.) были изданы особые правила о закупке продовольствия организациями (правила от 10 октября 1916 г.), дававшие право участия в деле заготовок хлебных продуктов городским самоуправлениям и другим общественным органам. Вся суть этих правил заключалась в упорядочении организационной стороны дела. Либеральные круги предполагали созвать, на основании этой организации, особый продовольственный съезд. Помещики почуяли угрозу своим интересам и добились приостановки действия значительной доли этих правил от 10 октября.

С появлением Протопопова во главе министерства внутренних дел, началась «новая политика» свободной торговли. Опираясь на финансовые круги, Протопопов повел борьбу против привлечения «общественности» (т.-е. промышленной буржуазии) к делу организации продовольственного снабжения. Попытки проведения общероссийского плана снабжения терпели неудачи.

По данным «обследования продовольственного дела в городах Европейской России», произведенного Союзом Горо-

дов, положение дела в конце 1916 года и начале 1917 года было весьма критическое по всем крупным потреблявшим районам. Постепенно исчезал для бедноты сначала белый хлеб, а затем и черный.

Средняя месячная норма выдачи муки Петербургскому населению за 1916 год составляла:

пшеничной муки . .	762.172 пуда,
ржаной „ . . .	514.453 „
Всего . .	1.276.629 пудов.

Поступление же муки по нарядам в Петербург было:

		В %% к выдаче
в ноябре муки пшеничной . .	886.000 пудов	
„ „ ржаной	285.430 „	
Всего . .	1 171.430 п.	91%
в декабре пшеничной муки . .	470.500 пуд.	
„ „ ржаной „ . .	135.970 „	
Всего . .	606.470 пуд.	47,6%
в январе пшеничной муки .	555.250 пуд.	
„ „ ржаной „ . .	176.360 пуд.	
Всего . .	731.610 пуд.	57,3%

Не менее тяжелую картину показывало снабжение хлебом и Москвы. Суточная норма потребления в Москве белой и ржаной муки была равна 86 вагонам. Средний же суточный подвоз за декабрь месяц давал всего 47 вагонов, а в январе суточный подвоз муки упал до 39½ вагонов.

Исполнение нарядов для других городов предфронтовой и северной полосы было еще более плачевным. Так, Пскову было назначено в ноябре и декабре 321 вагон, а исполнено только в конце января 1917 года в количестве 76 вагонов. Для Новгородской губернии предназначалось 1800 вагонов, а прибыло в конце января только 10 вагонов. Вологодской губернии были даны наряды на 1080 вагонов, а фактически пришло только 200 вагонов. В Рязанскую губернию было предназначено в ноябре—декабре 582 вагона, а поступило в конце января всего 20 вагонов. Самой Рязани было дано нарядов на 64 вагона, а прибыло всего 3 вагона. Для Тулы было по нарядам отпущено 100 вагонов, а получено на месте всего 7 вагонов, да и то к концу января 1917 года.

Из-за отсутствия зерна остановились мельницы в Царицыне, Тамбове, Нижнем и др. местах.

Из Иваново-Вознесенска сообщали в январе, что запасов муки в торговле у города нет. В других городах района положение было не лучше.

Население некоторое время питалось своими запасами и сокращало потребление хлеба, заменяя его другими видами продуктов. У рабочего же населения эти запасы были чрезвычайно скромны, и семьи пролетариев особенно тяжело переносили этот кризис. Низкая же заработная плата не позволяла пускаться в погоню за хлебными продуктами у спекулянтов и нередки были случаи, когда рабочие днями не видели хлеба. Такое положение, ухудшавшееся со дня на день, крайне волновало рабочих, подталкивало их на борьбу. Угроза голода висела над каждым промышленным городом и побуждала рабочих задуматься над своим положением и искать из него выхода.

Количество и состав рабочих Петербургского района.

Начиная с первых дней войны, Петербургская промышленность стала быстро приспособляться к работе на оборону. К концу 1916 года заводы Петербургского района исполняли значительную долю военных заказов.

Промышленность, работавшая полностью или частично на нужды войны, была впервые подробно учтена «Заводским Совещанием» Петербургского района на 1 октября 1916 года. По данным анкетного обследования было учтено 561 предприятие из общего числа приблизительно 600 промышленных предприятий.

Во всех обследованных 561 предприятии было занято на 1 октября 1916 года 371.317 рабочих. Если же принять во внимание те 40 предприятий, которые не дали о себе сведений, а среди них были и крупные, как например: завод Боровского, завод Веттерстранд, Невский стеариновый, завод Т-ва «Проводник», завод Виденского, завод А. О-ва «Виннер», Салолин, Кронверкский, Арсенал и другие, то количество рабочих в промышленных предприятиях было близко к 400.000 рабочих.

Эти учтенные 371.317 рабочих распадались по возрасту на 343.427 взрослых или 92,5% и подростков 27.890 или 7,5%. По половому признаку это же количество делилось таким образом: рабочих мужчин было 251.380 (67,7%) и работниц 119.937 (32,3%). Приблизительно та же пропорция по половому составу существовала и для подростков.

Так, из общего числа 27.890 подростков было 18.645 мальчиков (или 66,8%) и 9.245 девиц (или 33,2%).

О том, как распределялись по производствам эти 371.317 рабочих, дает указания нижеследующая таблица (см. на стр. 10-й).

Из этой таблицы видно, что огромная доля всей учтенной рабочей массы, 61,6%, или свыше $^3/_5$ всего количества рабочих, были заняты в производствах, связанных с обработкой металлов. Следующие, занимающие видные места в этой таблице по количеству рабочих, идут производства: химическое, в котором занято около 12%, обработка волокнистых веществ около 11%. Этим трем отраслям промышленности принадлежало в Петербурге почти 84% всей учтенной рабочей силы.

Предприятия, принадлежащие к первой учтенной группе, занимающей преобладающее значение, в свою очередь могут быть разделены на родственные подгруппы, в таком виде:

ПОДГРУППЫ ПРОИЗВОДСТВ.	Число заводов в данной подгруппе.	В них всего рабочих.	В том числе подростков.	% их к общему числу рабочих.
1. Чугунно-литейное, сталелитейное, медно-трубопрокатное, механическое, машиностроительное, слесарно-кузнечное, проволочно-гвоздильное и др. металлические производства	245	154.945	9.728	6,3
2. Специально-снарядное производство	20	38.902	1.964	5,0
3. Судостроительное .	8	20.074	1.318	6,6
4. Произв. инструментов, приборов (физических, хирургических и оптических). . .	18	5.062	264	5,2
5. Авиационное производство .	7	4.191	295	7,0
6. Паровозо-вагоно-строит. . .	2	3.658	224	6,1
7. Автомобильное.	5	1.970	98	5,0

Группы производств.	Число учтенных заводов по данной группе.	В них рабочих.					
		Всего.	% к итогу.	В том числе.			
				Взрослых.		Подростков.	
				Число человек.	% к числу рабоч. в группе.	Число человек.	% к общему числу рабоч. в группе.
1. Обработка металлов	305	228.802	61,6	214.911	93,9	13.891	6,1
2. Химическое	57	43.811	11,8	40.885	93,3	2.926	6,7
3. Обр. волокн. вещ.	44	38.142	10,8	33.524	87,9	4.618	12,1
4. Бумагоделат. и полиграфич.	27	14.107	3,8	12.127	87,0	1.980	14,0
5. Кожевен. и шорное	25	11.268	3,0	9.993	88,7	1.275	11,3
6. Электрич. и электротехнич.	14	8.010	2,1	7.221	90,2	789	9,8
7. Обраб. питат. и вкус. вещ.	10	7.735	2,1	6.882	89,0	853	11,0
8. Обр. минерал. вещ.	21	7.436	2,0	6.470	87,0	966	13,0
9. Смешанные произв.	4	4.442	1,2	4.410	99,3	32	0,7
10. Обработка дерева.	38	4.432	1,2	4.090	92,3	342	7,7
11. Изгот. предм. воен. снаряжения и обмундирования	16	3.132	0,9	2.914	93,0	218	7,0
Итого	561	371.317	100,0	343.427	92,5	27.890	7,5

Из первой таблицы известно, что общее количество работниц на учтенных предприятиях равно 32,3% всех занятых рабочих. Однако этот процент далеко не одинаков для всех производств. По целому ряду отдельных производств этот процент значительно повышался, как, например, в текстильном деле до 78,2%, в производствах по изготовлению предметов военного снаряжения и обмундирования до 72%, в предприятиях по производству питательных и вкусных веществ до 71% и понижаясь в металлообрабатывающей промышленности до 18% и в группе смешанных производств до 17%. Наглядную картину распределения рабочей силы по полу и возрасту можно видеть из нижеследующей таблицы (см. табл. на стр. 12).

Тот же материал «Заводского Совещания» дает весьма интересные данные о заводах по числу рабочих. Из этой сводки, охватывающей 561 предприятие, видно, какой высокой степени концентрации достигла Петербургская промышленность. Из нижеприводимой таблицы видно, что 14% всех предприятий занимали у себя около 77% всех рабочих района.

Группы предприятий по числу рабочих.	Число предприятий в данной группе.	% их к итогу.	В них всего рабочих.	% их к итогу.
Имеющих менее 100 раб. .	247	44,0	10.425	2,8
от 100 до 399 р.	175	31,2	35.821	9,6
„ 400 „ 699 р.	34	6,1	17.301	4,7
700 „ 999 р.	27	4,8	23.099	6,2
„ 1000 и более .	78	13,9	284.671	76,7
Всего. . .	561	100	371.317	100

На 247 предприятиях с числом рабочих менее 100 было занято всего 10.425 человек, т.-е. почти столько же, сколько их работало на одном Обуховском заводе. Эта группа пред-

Группы производств.	Всего рабочих на заводах данной группы.	В том числе рабочих женского пола.		Взрослых рабочих.			Подростков рабочих.		
				Всего.	В т. ч. женщин.		Всего.	В т. ч. женского пола.	
		Число.	% к общему числу.		Число.	% к общему числу.		Число.	% к общему числу.
1. Обработка металлов.	228.802	42.466	18,6	214.911	41.571	19,3	13.891	895	6,5
2. Химическое	43.811	20.172	46,0	40.885	18.409	45,0	2 926	1.763	60,2
3. Обр. волокнистых веществ	38.142	29.842	78,2	33.524	26.290	78,4	4.618	3.552	76,9
4. Бумагодел. и полиграфическ. производство . . .	14.107	7.378	52,3	12.127	6.324	52.1	1.980	1.054	53,2
5. Кожевенное и шорное	11 268	6.142	54,5	9.993	5.300	53,0	1.275	842	66,0
6. Электрич. и электротехническое . .	8.010	1.981	24,7	7.221	1.864	35,8	789	117	14,8
7. Обр. питательн. и вкусовых веществ	7.735	5.490	71,0	6.882	4.042	71,8	853	548	64,2
8. Обр. минеральн. веществ	7.436	2.271	30,6	6.470	1.988	30,7	966	283	29,3
9. Смешанные производства	4.442	772	17,4	4.410	758	17,2	32	14	43,7
10. Обработка дерева . .	4.432	1.175	26,5	4.090	1.098	26,8	342	77	22,6
11. Изгот. предмет. военного снаряжения и обмундирования	3.132	2.248	71,8	2.914	2.148	73,7	218	100	45,4
Итого. . .	371.317	119.937	32,3	343.427	110.692	32,2	27.890	9.245	33,2

приятий может быть разделена еще на следующие подгруппы по числу рабочих:

	Число заводов в данной группе.	%% к итогу.	В них всего рабочих.	%% к итогу.
Имеющих менее 25 чел. . .	78	13,9	1.147	3,1
от 25 до 49 . . .	76	13,6	2.749	7,4
„ 50 „ 74 . .	55	9,8	3.246	8,7
„ 75 „ 99 . .	38	6,8	3.283	8,8

Крупные предприятия с числом рабочих более 1.000 на каждое, группировались на 1 октября 1916 года таким образом:

Группы предприятий по числу рабочих.	Число заводов в данной группе.	%% к итогу.	В них всего рабочих.	%% к итогу.
Имеющих от 1000 до 1999	40	7,1	57.648	15,5
2000 „ 2999	13	2,3	31.355	8,4
3000 „ 3999	5	7,9	17.343	4,7
4000 „ 4999	3	7,5	13.148	3,5
5000 „ 5999	3	0,5	15.868	4,3
6000 „ 6999	4	0,7	25.975	7,0
7000 „ 7999	3	0,5	22.191	6,0
8000 „ 8999	2	0,35	16.644	4,5
9000 „ 9999	—	—	—	—
10000 и более	5	0,9	84.479	22,8

Из общего числа учтенных заводов до открытия военных действий существовало 426 (не считая Путиловского завода, сведения о котором поступили в «Заводское Совещание» только в 1916 году). Количество рабочих, занятых в этих 426 предприятиях, на 1 марта 1914 года было равно всего 208.000. В сентябре того же 1914 года число рабочих на этих предприятиях сократилось до 197.300 человек. На первое сентября 1915 года количество рабочих поднялось уже до 248.400 человек, увеличившись по сравнению с весной 1914 года на 19,1%. На первое сентября 1916 года количество рабочих на тех же 426 предприятиях возросло до 297.700, т.-е. на 41,3%. В течение одного месяца сентября 1916 года на этих же 426 предприятиях количество рабочих увеличилось до 305.000. На 59 предприятиях, возникших к 1 сентября 1915 года, работало тогда только 8.309 человек. Через год на первое октября количество рабочих на них более чем удвоилось, достигнув 17.892.

Одновременно с ростом общего числа занятых в промышленности рабочих увеличивался и процент занятых на фабриках и заводах женщин. В марте 1914 года среднее количество работниц на предприятиях было равно 28,1%, а к первому октября 1916 года эта средняя поднялась уже до 34%.

Таковы были силы промышленного пролетариата накануне Великой Революции. Вне этого учета осталось огромное количество рабочих железнодорожных мастерских, депо, рабочих городского трамвая и пригородных дорог, типографий и др. предприятий печатного дела, не связанных с работой на войну. Не вошли в учет рабочие и служащие торгово-промышленных предприятий и служащие правительственных и общественных учреждений. Заполнить эти пробелы, к сожалению, не смог, но смею утверждать, что в деле борьбы рабочего класса с царизмом, особенно за последние годы войны, служащие частных и правительственных учреждений массового участия не принимали. Вся тяжесть этой гигантской борьбы лежала на промышленном пролетариате. Приведенные справки о состоянии пролетариата в этой промышленности помогут пониманию многих событий первых месяцев 1917 года в Петербургском районе.

Развал царской монархии.

Несмотря на спасительную поддержку, которую оказывала царизму патриотическая буржуазия и разночинная интеллигенция, развал дома Романовых достиг неописуемых размеров. Многомиллионное население страны было отдано на поток и разграбление всякого рода мародерам военного времени, и этого не могли скрыть, загладить патриотические фразы. На громких делах, получавших скандальную известность по всей стране, рабочий и крестьянский народ видел, что между всеми спекулянтами, хищниками фронта и тыла, наживавшими состояния, чины и ордена на кровавом деле войны, и царственной кликой существовало трогательное единство. Легкая нажива и грабеж объединяли банкира еврея Рубинштейна с отъявленным черносотенцем и погромщиком попом Питиримом, взяточника Манусевича-Мануйлова с главой совета министров Штюрмером, а все вместе они находили приют и защиту у придворного пророка Распутина. Огонь войны обнажил всю гнилость, пороки и разврат двора царя-последыша, осветил перед всем народом полную непригодность царских людей, неспособность их справиться с задачами военного времени. Буржуазия, заинтересованная в победоносном завершении войны, отчетливо понимала грозившую ей от царских порядков опасность, но больше всего, даже больше поражения, ее пугал красный призрак революции. Состояние буржуазии определялось молвой, приписывавшей П. Н. Милюкову выражение — «лучше поражение, чем революция». Оппозиционность буржуазии никогда не поднималась выше критики отдельных явлений и лиц. Она умышленно избегала критики всей царской системы управления. Свою борьбу с царизмом либеральная буржуазия вела под знаменем «единения царя с народом», освобождения Николая-последнего из плена «темных сил» двора. Торгово-промышленная буржуазия и шедшая за ней на поводу разночинная интеллигенция готовы были итти на компромисс с царизмом, прикрыть его позорную наготу во имя «победы освободительной войны». Но развал царско-помещичьей власти зашел слишком далеко, чтобы его можно было поправить, остановить соглашением с либералами.

Развитие событий конца шестнадцатого года в Государственной Думе и вне ее стен убеждало всех, что патриотическая буржуазия, даже организованная в единый прогрессивный блок, не способна справиться с «темными силами», душившими страну в кроваво-спекулянтских объятиях. Военная политика царизма, его борьба с либеральной, весьма робкой буржуазией, внутреннее разложение, имели столь откровенно антинародный характер, что широкие круги рабочей и крестьянской (солдаты) демократии усваивали достаточно полно и твердо необходимость свержения царизма. Идеи монархизма, царской, самодержавной власти за время войны разоблачили свою сущность, потеряли в глазах даже отсталой деревенской массы свою божественность и свой святой авторитет.

Наиболее дальновидные представители дворянства и монархии понимали опасности, угрожавшие господству их класса, и примкнули к расплывчатой оппозиции прогрессивного блока. Недовольство «поведением» двора охватило и часть царедворцев. Убийство Распутина оправдало слухи и ожидания дворцового переворота.

Расстройство всех областей народного хозяйства, тяготы войны и вызванной ей дороговизной жизни выбили из обычной колеи даже терпеливые элементы народа, побуждали его задумываться над создавшимся положением и искать из него выхода. Поиски выхода сказались в виде всеобщего недовольства существовавшим положением вещей. Эта видимость всеобщности недовольства окрыляла надеждами вожаков Думского прогрессивного блока. Свалив при помощи союзников Штюрмера, наши «прогрессисты» готовились одержать еще ряд «мирных» завоеваний, но, встретив отпор со стороны твердого курса «темных сил», вынуждены были отступить и даже предать своих ближайших последователей слева: народников и социал-демократов меньшевиков, исключив их из Думы. Последний акт прогрессивного блока подействовал благотворно на оборонческие круги социалистов, проводивших идеи прогрессивного блока в рабочей среде и демократии.

Однако все благие пожелания прогрессивного блока и дальновидных представителей дворянства спасти монархию от падения были напрасны. Революционное движение де-

лало громадные успехи, захватывая с каждым днем все новые и глубокие слои народных масс. Антицаристское настроение рабочих передавалось и другим демократическим слоям города и деревни. Непримиримая политика царя и его двора только укрепляла революционное настроение. Царская власть готовилась расправиться с «народным бунтом», подготовляла кадры полицейских пулеметчиков для кровавой бани. Со сцены Таврического дворца борьба переходила на фабрики, в заводы, казармы. Правительство готовилось к бунту, рабочие ожидали, готовились к революции.

Перед девятым января.

Уже в конце шестнадцатого года, для нас, революционных социал-демократов, подпольных работников того времени, было ясно видимо приближение революционной бури, неизбежность ее, наперекор сопротивлению буржуазии и оборонческих элементов интеллигенции. Перед нашей партией, перед партийными работниками стояли сложные задачи по приближению революционного момента, вовлечению в это движение широких масс рабочих и особенно солдат, могущих обеспечить падение царизма и положить конец войне.

На собраниях Бюро Центрального Комитета, на заседаниях Петербургского Комитета, во время многочисленных моих свиданий с товарищами рабочими Питерских районов, а также на совещаниях с отдельными представителями провинции, неоднократно были попытки конкретизировать надвигавшиеся революционные события. Обмен мнений вращался вокруг трех вопросов: 1) о месте, где вероятнее всего произойдет «прорыв» революционной бури; 2) о движущих силах в грядущих событиях; 3) о тактических задачах нашей партии до революции и в период ее. Беседы по этим вопросам велись в плоскости учета сил революционного движения. Никто из нас не предполагал заранее наметить «план революции», но все считали необходимым осмыслить развертывание событий и наметить линию своего поведения в них.

Относительно места возможного прорыва революционных настроений было два предположения: Москва и Петербург.

Москва в конце 1916 и начале семнадцатого года переживала революционно-патриотический подъем. Значительная доля этого подъема была вызвана борьбой «истинно-патриотической» общественности против германофильского Петербургского правительства и двора. В Москве собирались все съезды Мининых и Пожарских нашего времени, горевших желанием спасти Россию и получить Дарданеллы и Константинополь. Среди студенчества также наблюдалось революционное настроение. Рабочие не отставали от настроений мелко-буржуазных элементов, но патриотических восторгов не выявляли.

В то время как в Москве тон всем настроениям и общественному движению задавали торгово-промышленные круги и мелко-буржуазная интеллигенция, в Петербурге дело было иначе. Несмотря на то, что в Питере заседала Государственная Дума, вели борьбу Военно-Промышленные Комитеты, тон всего движения определяли рабочие фабрик и заводов. Хотя состав рабочих за время войны и был изменен не в пользу пролетарских элементов, тем не менее рабочее движение все время сохраняло, в общем, независимость от буржуазных влияний. Отношение Петербургских рабочих к царской политике, к царизму было отрицательное, революционное. Война не встречала патриотической поддержки в большинстве Питерского пролетариата. Борьба рабочих с предпринимателями не прекращалась с самого начала войны. Присутствие на фабриках и заводах случайного элемента военного времени, укрывавшихся от мобилизаций, оказалось неспособным разбить боевую солидарность рабочих. Стачки экономические и политические проходили единодушно, дисциплинированно и организованно, несмотря на полицейские мероприятия.

К началу Семнадцатого года настроение и отношение Петербургских рабочих к развертывавшимся событиям можно определить, как сознательно революционное. Большинство работников партии сходилось на том, что исходным пунктом движения, революционных событий будет Петербург. Взоры всех революционных пролетариев были обращены на питерский пролетариат, от последнего ждали инициативы во всех выступлениях, по нему равнялись пролетарии других промышленных районов.

Вопрос о движущих силах приближавшейся революции был разрешен в нашей партийной литературе, испытан на опыте революции 1905 года. Соотношение классовых сил со времени первой революции мало изменилось. Оправдались вполне наши предвидения относительно поправения российского либерализма, руководимого конституционно-демократической партией. Положение в стране осложнялось войной, но все сложности, противоречия и трудности военного времени способствовали обострению классовой борьбы, как между промышленниками и помещиками, так и со стороны рабочих против царской и капиталистической кабальной системы.

Все мы, большевики того времени, были единодушны в том, что основными двигателями грядущей революции во время войны будут пролетарии и крестьяне, одетые в серые шинели. Союз этих сил должен был определить успех революции, ее размах и глубину преобразований. Эти положения отделяли нас от всех социалистов других направлений. И меньшевики, и социалисты-революционеры (типа Дана, Керенского, Пешехонова) полагали основной силой надвигавшихся событий организованную буржуазию. В расчете на нее они строили и свою тактику поддержки прогрессивного блока, организации «общественных сил» вокруг Думы и т. п.

Тактические задачи имели для нас непосредственный практический интерес. Много бесед, групповых и одиночных, было посвящено вопросу о том, как втянуть в революционную борьбу переполнявшую города крестьянскую массу, переодетую в серые шинели, обезличенную военной муштрой и дисциплиной. Связи между казармами и рабочими были. Велась и революционная работа, особенно успешно среди матросов Балтийского флота. Однако от кружковой работы до участия воинских масс в революционном движении было далеко. А события развертывались в масштабе, требовавшем массового действия. Организационно охватить весь Питерский гарнизон—никто из нас не смел и думать,—при наших силах и средствах нам едва-едва удавалось вести работу среди рабочих, уделяя работе в армии лишь небольшие силы. Работу в войсках наши комитеты возлагали, главным образом, на членов партии, мобилизованных репрессивно (за стачки, протесты и т. п.), а также и взятых в войска в общем порядке. Текучий состав гарнизона затруднял работу, осо-

бенно часто нарушал органическую связь с частями. Выпускавшиеся листовки для солдат попадали даже в те части, с которыми не было организованных сношений. Это дело шло в порядке агитации самой рабочей массы среди своих солдат, земляков или случайных знакомых. Самую ожидавшуюся революцию мы представляли себе, как стихийный процесс, захватывающий своим развитием даже те массы, которые менее пролетариата способны к самоорганизации.

В конце 1916 года Бюро Центрального Комитета нашей партии, состоявшее из пишущего эти строки, представителя и члена Центрального Комитета (по кооптации) и товарищей В. Молотова и П. Залуцкого, предложило Петербургскому Комитету, Московскому Областному Бюро обсудить вопрос об уличных выступлениях и всеобщей стачке. До этого времени преобладавшей формой борьбы была стачка. Можно сказать, что за время войны стачки были универсальным средством борьбы: нужно добиться прибавки на заработок или же отразить удар военной эксплоатации—стачка; не уступает предприниматель, поддерживаемый обществом заводчиков и фабрикантов—стачка солидарности; судят матросов за революционную работу—политическая стачка-протест. Однако это движение не выходило за пределы рабочих кварталов, хотя и были случаи рабочих манифестаций по близлежащим к предприятию улицам.

Наше предложение сводилось на практике и по существу к переходу от разрозненных выступлений экономического характера и случайных политических выступлений к организованной массовой политической борьбе. Начальной формой политической борьбы мы считали уличные демонстрации под нашими лозунгами борьбы с войной, дороговизной жизни, царской монархией, за 8-ми часовой рабочий день и землю крестьянину и другие. Уличные демонстрации, вовлекая широкие массы рабочих и городской демократии, неизбежно вели к обострению борьбы с царизмом. Развитие этой борьбы должно было заставить правительство пустить в дело армию, втянуть ее в борьбу с рабочими. Последнее, мы это отчетливо представляли, должно было разложить войсковые части, а наши революционные лозунги—способствовать присоединению солдат к рабочим. Путем уличной борьбы мы надеялись вовлечь в революционное движение всю недоволь-

ную войной и своим положением солдатскую массу. Это вовлечение шло через доведение борьбы до наивысшего предела—уличных битв, кровавых жертв. И наши противники, от кадет до меньшевиков и социал-революционеров, осыпали нас упреками в том, что мы затеваем кровавую авантюру, запугиваем и отталкиваем от себя прогрессивные элементы буржуазии и этим наносим вред всей «демократии». Называясь революционерами, они как огня боялись революционных действий, предпочитая итти за прогрессивным блоком и его лозунгами в ожидании «бескровных побед». Мы не питали подобных мещанских иллюзий и не обманывали рабочих несбыточными надеждами на победы без жертв.

Предложения Бюро Центрального Комитета были приняты без всяких оговорок. Всем работникам подполья был ясен предлагаемый нами путь. Вынесенный на обсуждение наших заводских кружков и коллективов, а через них и на широкие собрания рабочих, вопрос об уличных выступлениях получил всеобщее одобрение. Успех был настолько большой, что оборонческие элементы меньшевиков и социалистов-революционеров, шедшие на поводу у прогрессивного блока Государственной Думы, вынуждены были изменить свое отношение к тому, что они перед этим считали нашей «авантюрой».

Петербургский Комитет и Московский Комитет РСДРП (б) решили произвести первую пробу уличных выступлений 9-го января. К этому дню велись традиционные приготовления, и почва для забастовки в этот день была подготовлена.

Девятое января 1917 года.

Конец декабря и начало января ознаменовались в целом ряде промышленных районов стачками рабочих на экономической почве. 29 декабря возникла итальянская забастовка в Иваново-Вознесенске. 30 декабря она превратилась почти во всеобщую стачку текстильщиков Иваново-Вознесенска за основное требование выдачи единовременного пособия на дороговизну в размере четырехмесячного жалования [1]). Рабочими Сормовского завода были предъявлены тре-

---

[1]) Смотрите по этому делу приложение второе.

бования о повышении заработной платы [1]). В Петербурге дело было также неспокойно, рабочие были взволнованы толками о приостановке предприятий за отсутствием топлива и сырья. В Москве положение рабочих было не лучше, конфликты на экономической почве возникали и нередко принимали форму стачки. Таковы были условия, в которых нам приходилось вести подготовительную работу по проведению забастовки и демонстраций в день 9 января.

Благодаря провалу нелегальной типографии в Новой Деревне, а также аресту техников, печатавших в типографии Альтшуллера, захватным путем, 4-й номер «Пролетарского Голоса», Петербургскому Комитету не удалось выпустить листовки о 9-м января. Небольшое количество листовок было выпущено только Выборгским районным комитетом, а раньше этого был выпущен листок, посвященный этому событию на латышском языке, в количестве 2.000 экземпляров. Кое-где на заводах были распространены листовки «Междурайонного Комитета» и некоторое количество печатных листков «Инициативной Группы» социал-демократов меньшевиков. Листок меньшевиков предлагал Петербургским рабочим «отметить забастовкой этот памятный день... связать это массовое политическое выступление с событиями нынешнего дня. Мы предлагаем превратить наш ежегодный траурный праздник в первое активное выступление в борьбе за мир [2])».

Однако, выдвигая лозунг борьбы за мир, меньшевики не указывали путей и способов борьбы. Прокламация содержала много ходячих фраз о борьбе «со старыми отжившими силами», но не содержала ни одного слова о необходимости именно революционной борьбы.

Листок Междурайонного Комитета, посвященный 9-му января, был гораздо содержательнее листка Инициативной Группы. Значительная доля листовки, в агитационной форме, объясняла причины и цели войны, ее анти-рабочий, империалистический характер. Разоблачая хищнические намерения русской буржуазии и помещиков на ближнем востоке, листок указывает на обманный характер «обороны отечества», доказывая, что в этой хищной войне нет обороняющихся, а все.

---

[1]) Смотрите по этому делу приложение первое.

[2]) Листок напечатан в приложениях третьим.

движимые жаждой грабежа, наступают. Только одну защиту отечества признает листок, это защита его от царизма и тех бандитов, которые затеяли войну, желая расстроить ряды борющегося пролетариата. Обращаясь к деятельности рабочих групп при военно-промышленных комитетах, листок называет членов этих групп предателями рабочего класса за то, что они призывают его к объединению с буржуазией, проводя все то, что выгодно буржуазии. В заключение листок от имени «большевиков и меньшевиков» призывает пролетариат к «созданию единой социал-демократической рабочей партии», устройству однодневной стачки, с протестами против войны и под революционными лозунгами [1]).

Провал техники, невыход прокламации не помешал празднованию 9-го января. Партийные кружки и коллективы вели по всем районам энергичную агитацию, и забастовочное движение в этом году приняло небывалые за время войны размеры. Официальные сообщения Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета в Бюро Центрального Комитета говорили, что «блестящий успех забастовки превзошел самые смелые ожидания» [2]).

По районам забастовка имела следующий характер: Выборгский район—всеобщая стачка; Невский (включая Обухово)—всеобщая; Петербургская сторона—бастовало большинство предприятий; Городские—стачка в большинстве предприятий; Московский—почти всеобщая; Васильевский остров—слабовато. Из крупных предприятий бастовали Путиловский, Обуховский, СПБ Арсенал, Невский судостроительный и др. К забастовке примкнули и печатники многих типографий, благодаря чему не вышли газеты «Речь», «День», «Современное Слово» и другие. По неполным и непроверенным сведениям Исполнительной Комиссии П. К. бастовало 9-го от 160.000 до 200.000 рабочих.

«Рабочая Группа» при Центральном Военно-Промышленном Комитете сообщала в своем письме провинциальным группам следующее о движении 9-го января в Петербурге: «По имеющимся у нас сведениям забастовка охватила большинство фабрик и заводов Петрограда. Московская застава, Вы-

---

[1]) Листок напечатан в приложениях четвертым.

[2]) Смотрите это письмо в приложениях пятым и шестым.

боргская и Петроградская стороны стали почти целиком. Бастовал ряд предприятий и в других районах города, в том числе наиболее крупные заводы Петрограда—Путиловский, Обуховский, Франко-Русский, Невский Судостроительный и др. Не работало также значительное число типографий, вследствие чего 10-го января не вышли некоторые газеты. Всего 9-го января бастовало в Петрограде, по приблизительным нашим подсчетам, до 200.000 рабочих» [1]).

Эти цифры «Рабочей Группы» и Петербургского Комитета я тогда же оспорил и заявил, что они преуменьшены. Один перечень крупных заводов давал свыше ста тысяч рабочих. В Петербурге же в то время было занято в крупной и средней промышленности, а также в городском хозяйстве и торговле свыше 500.000 человек. Более близкой к истине, но, все же минимальной цифрой являлась 300.000 рабочих, бастовавших в этот день.

О характере движения 9 января то же письмо «Рабочей Группы» говорит, что «начавшаяся политическая кампания (речь идет о кампании поддержки Государственной Думы. А. Шл.) совпала с традиционной для русского рабочего движения датой — днем 9 января. Те воспоминания, которые связаны с этим днем, в современных условиях, приобрели, повидимому, особенную остроту. И 9 января было отмечено в этом году рабочим классом не только как традиционная дата. Основной темой речей, прозвучавших в этот день на заводских митингах, был вопрос о преодолении в интересах демократии назревшего политического кризиса, а самое выступление рабочих рассматривалось ими как первый шаг к такому преодолению».

Исполнительная Комиссия П. К., давая сообщение о ходе движения 9 января, указывала, что «с митингов рабочие выходили с пением революционных песен, а кое-где и с красными флагами».

О том, что рабочие смотрели на движение 9 января в 1917 году не как на традиционный траурный день рабочего класса, говорит и письмо Исполнительной Комиссии за № 1 в Центральный Комитет. «Некоторые товарищи, — сообщает Исполнительная Комиссия, — при обсуждении вопроса

---

[1]) Смотрите об этом приложение седьмое.

о том, как отметить день 9 января в этом году, высказывались за то, чтобы на этот раз выступление развернулось вглубь и вширь, вплоть до решительного сражения» [1]).

Бюро Ц. К. и работники Петербургского Комитета не ожидали от 9 января «решительных сражений». Мы рассматривали этот день лишь как начало, как первую организованную попытку массовой политической борьбы. Демонстративные шествия и попытки пройти к центру города были, главным образом, на Выборгской стороне. Петербургские власти имели наготове крупные полицейские силы, но они держались не вызывающе и стычек с рабочими было, сравнительно с размерами движения, мало. Успех стачки и первых попыток выхода на улицу с красными знаменами ободряюще действовал на рабочую массу. Много дней после этого выступления темой бесед и разговоров на фабриках и заводах, в трамваях и очередях были события 9 января. О Государственной Думе, ее борьбе уже и не вспоминали. Дума же не могла напомнить о себе, так как «была на рождественских каникулах».

Москва на этот раз также отметила день 9 января массовыми выступлениями [2]). За некоторое время до этого дня Московский Комитет нашей партии выпустил листок, в котором призывал рабочих отметить этот день митингами по фабрикам и заводам, а также уличными демонстрациями. Листок оканчивался революционными лозунгами: «Да здравствует Революция!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует Демократическая Республика!».

Подобный листок был выпущен, приблизительно одновременно, несколькими нашими с.-д. группами Москвы, так как Московская организация к этому времени еще не была вполне восстановлена и некоторые районы работали самостоятельно. Технические средства Московского Комитета были слишком слабы, чтобы воспроизвести многотысячное количество листков, необходимое для удовлетворения потребностей всех районов. Да и аппарат распространения был также слабо налажен и, в силу этого, некоторые группы и районы

---

[1]) Смотрите приложение шестое.

[2]) Смотрите приложение восьмое.

вынуждены были обслуживать себя своими силами и средствами.

О готовящейся забастовке, о необходимости ее в день 9 января, говорили по предприятиям за много дней до наступления 9 января.

В день 9 января, после утренних митингов по фабрикам и заводам, бросили работу следующие предприятия: заводы Бромлей. Добров-Набгольц, Изисков, Зуккау (б. Гакенталь). Михельсон (б. Гоппера), Динамо, Бари, Густав Лист; фабрики: Хишина, Циндели и др. Бастовали портные и много мелких предприятий. Всего, по минимальному подсчету, не работало с утра 20% всех рабочих Москвы, а после обеда количество бастовавших увеличилось до 30%.

По приглашению Московского Комитета нашей партии, на Тверской бульвар явилось тысяч до трех рабочих, среди них было десятка три студентов. Полиция была собрана заранее в большом количестве, а поэтому демонстрировать было невозможно. Начались набеги и аресты при попытках запеть революционные песни. На бульваре появились отряды конной полиции. Товарищи, сговорившись, небольшими группами направились на Театральную площадь.

В начале третьего часа на Театральной площади собралась толпа рабочих с небольшим количеством студентов. Запели «Марсельезу» и с развернутым красным знаменем, на котором было написано «Долой войну!», «Да здравствует РСДРП!», прошли от Неглинной улицы до половины Охотного ряда и обратно. Толпа выросла до 1.000 человек и движение трамваев по этому узлу приостановилось. Прохожие останавливались, образуя большие толпы наблюдающих. Слышались одобрительные возгласы от проходивших в толпе солдат. Около гостиницы «Метрополь» дорогу демонстрантам преградили полицейские офицеры и навстречу толпе бросились два прапорщика с обнаженными шашками. Полицейские также обнажили шашки и били демонстрантов плашмя. Появились отряды конных городовых с боков и сзади. Демонстранты, согласно ранее данным указаниям, быстро рассеялись. Несколько человек было арестовано. Всего за этот день на улицах во время демонстраций арестовали человек 15. Кроме демонстрации на Театральной площади, демонстрации с красным знаменем и пением революционных песен происходили

у Красных ворот, на Лубянской площади, на Елоховской ул.. где человек двести двинулись от здания Союза Потребительских Обществ по Рыкунову переулку и были остановлены и рассеяны полицией на Елоховской площади. Там же были произведены также аресты. Происходили демонстрации и на Пресне.

Вслед за этим движением начались стачки на экономической почве. Кое-где рабочие устраивали демонстрации с караваем хлеба и требованием «хлеба». У Даниловской заставы произошло на этой почве серьезное столкновение рабочих с полицией. Столкновения рабочих с полицией имели место и на Калужской площади.

Демонстрации и забастовки очень приподняли настроение Московских рабочих. Работа организации пошла успешнее.

Вслед за празднованием 9 января наступил праздник учащейся молодежи—«Татьянин день»—12 января. Этот праздник студенты отметили вечерним собранием у памятника Пушкину. Полиция разогнала. Позднее большая толпа учащихся обоего пола собралась на Моховой ул., около студенческой столовой. Пели революционные песни. Приехал к ним полицмейстер, предложил хоть раз пропеть «национальный гимн». На это предложение ему ответили «крепким словом». Лишь поздним вечером разошлись учащиеся.

Конец декабря и начало января я провел в дороге, посетив Московскую организацию, побывав в Нижнем, Сормове и в родном раойне, на Выксунском горном заводе—в Досчатом. Из Петербурга я уехал перед 9 января умышленно, чтобы не попасть под обычные, перед 9 января массовые, обыски и аресты и этим временем ознакомиться с работой организаций Московского Промышленного района.

По Питеру слежка за мной была основательная, назойливая и многочисленная. Некоторые из моих квартир были уже выслежены, я узнавал об этом по дежурным агентам и филерам. Однако знание города и, особенно, пригородных мест (Выборгской стороны, Лесного района, Невской заставы, Васильевского острова), комбинации с переодеванием и домашней «контр-разведкой» помогали мне удачно выходить из агентурной, филерской слежки.

Поездка по железным дорогам в то время была также связана с риском—любое железнодорожное, полицейское или

жандармское начальство могло потребовать паспорт с приложением документов по отсрочке от воинской службы. Дезертирство принимало уже тогда массовый характер и бывали частые проверки поездов. На случай всякой неожиданности я раздобыл себе настоящий финляндский паспорт на имя Эеро Иоганнес Пеккаринен, выданный Куопиоским полицейским управлением. Паспорт имел четыре прописки в Петербурге и освобождал меня от предъявления документов о воинской повинности, как финляндского гражданина.

Два пути.

В то время, как наши подпольные организации вели революционную агитацию и сплачивали массы в подготовке революционных событий, бок-о-бок с нами вели работу другие организации, внося раскол в единую пролетарскую семью, стремясь подчинить революционное рабочее движение интересам и целям империалистической буржуазии. Во все время войны, как и в довоенный период, в рабочем движении, на каждом крупном вопросе или событии, сталкивались два направления. В моменты обострения классовой борьбы особенно отчетливо было различие целей и интересов, стоявших за этими двумя направлениями.

Конец шестнадцатого года обнаружил полную политическую несостоятельность прогрессивного блока. Расплывчатость его программы скрывала классово-разношерстный элемент, неспособный к действительной и решительной борьбе с правительством. Не видели этого только наши оборончеcкие элементы, организовавшиеся вокруг лозунга «поддержки» Государственной Думы. Все свои силы, организованные вокруг легальных Военно-Промышленных комитетов, оборонцы сосредоточили на поддержке прогрессивного блока. В целях руководства оборонцами других мест «Рабочая Группа» при Центральном Военно-Промышленном Комитете издавала бюллетени и письма. Подъем настроений после выступления в день 9 января, оборонцы решили использовать для усиления и «поддержки» Государственной Думы. По этому поводу было выпущено специальное «письмо Рабочей Группы Центрального Военно-Промышленного Комитета», которое сообщает, что «с 5 января в Петрограде нача-

лась полоса заводских митингов, отразивших пробуждающуюся активность рабочих масс Петрограда. Такие митинги состоялись, насколько нам известно, на Обуховском заводе, заводе «Вулкан», в Арсенале и т. д. Все они заканчивали вынесением резолюций в Государственную Думу и требующих от нее отказа от половинчатой политики и немедленно вступления на путь решительной борьбы с властью». Далее в письме сообщается в виде скрытой директивы: «...в организованных рабочих кругах полагают, однако, что проявления рабочей активности, имевшие пока своим завершением забастовку в день 9 января, этим отнюдь не закончатся. По их мнению, перед рабочим классом стоит неотложная задача организованного вмешательства в ту политическую кампанию, которая началась в связи с близящимся возобновлением занятий Государственной Думы. Отмечая повсюду приподнятое настроение рабочих масс, круги, о которых мы говорили, считают необходимым направить это настроение в сторону энергичного воздействия на политическую жизнь страны. По имеющимся у нас сведениям, вновь началась полоса заводских митингов, выносятся и направляются в Государственную Думу резолюции и т. д. Все это дает основание указанным выше кругам полагать, что в дальнейшем такое участие рабочих масс в начавшемся политическом движении примет еще более широкий характер» [1]).

Письмо писалось Всероссийским оборонческим центром, конспиративно скрытым под «организованными рабочими кругами». Написано оно в первой половине января месяца и содержит всю программу действий оборонческого блока того времени. В этот блок входила фракция меньшевиков Государственной Думы, а также и трудовики. Официально связь с «рабочей группой» поддерживали Чхенкели, Хаустов, Чхеидзе, Скобелев, Керенский.

Однако Чхеидзе и Керенский стыдились своего участия в работе оборонческого центра и при свидании у Н. Д. Соколова отрицали свою солидарность с деятельностью «Рабочей Группы» ЦВПК. Свою связь они объясняли необходимостью информации. И Чхеидзе и Керенский заявляли себя

---

[1]) Смотрите приложение седьмое.

сторонниками Циммервальда и Кинталя, искали блока с нами, чтобы завершить «единство демократии» против царизма.

Письмо «Рабочей Группы» правильно отмечает начало кампании, предпринятой оборонцами всех оттенков на заводах. Уже в конце шестнадцатого года (в декабре) по заводам и фабрикам распространялось воззвание в пользу поддержки требований Государственной Думы. В противовес нашим революционным лозунгам против войны, против царизма, за Временное Революционное Правительство, 8-часовой рабочий день и Учредительное Собрание, меньшевики и социалисты-революционеры выдвигали прикрашенные фразами требования прогрессивного блока. Воззвание содержало два основных пункта: «1) немедленное и решительное преобразование существующего строя и организация опирающегося на народ, на Думу, на все существующие,—рабочие и демократические организации — правительства спасения страны; 2) немедленное объявление всеобщей и полной амнистии и, в первую голову, освобождение и восстановление в правах сосланных с.-д. депутатов второй и четвертой Государственной Думы».

Кое-где на заводах эта резолюция-воззвание было принято. Однако создать на почве поддержки Государственной Думы массовое движение даже при прямой поддержке легальных организаций и печати было невозможно. Государственная Дума лишь на миг сумела приковать к себе внимание, но так же быстро и оттолкнула от себя. Классовое содержание Государственной Думы, ее стремления к сделке с царизмом даже не скрывались и вождями прогрессивного блока. Рабочие же знали и помнили лучше либеральных журналистов сущность политических партий 4-й Думы и не обманывались показной стороной «борьбы». Ни Питерский пролетариат, ни сознательная часть так называемой «революционной демократии» (разночинная интеллигенция, студенчество, военные), не могли избрать своим центром, своим вождем и руководителем прогрессивный блок. Дальнейшие события показали правильность наших предположений и утопичность надежд оборонческого блока. Революционное рабочее движение развивалось под нашими лозунгами, не шло в объятия либералов.

Почти всеобщая забастовка питерских рабочих в день 9 января, несмотря на энергичное противодействие оборонческих элементов, призывавших к сплочению вокруг Думы, свидетельствовала о громадном росте революционного настроения и активной воле к борьбе. Январское движение показало также ничтожность влияния шовинистов всех мастей на петербургских рабочих. Грандиозность выступления пролетариата в Москве и Петербурге в день 9 января, рост революционных настроений рабочих масс, солдат и даже обывателей, ясно указывали, в каком направлении будут развиваться события. Эти обстоятельства заставили оборонцев переменить свое отношение и изменить линию поведения по отношению к массовому стачечному и революционному движению. Проповедь классового мира во имя войны и ее опасностей не встречала согласия эксплоатируемых рабочих масс. Однако для либеральной, империалистической буржуазии было очень желательно надеть узду на поднимавшуюся революционную стихию и через своих социалистических спутников,—оборонцев,—пристегнуть ее к колеснице «единения» с Государственной Думой, чтобы вернее и быстрее подкатить Милюкова, Гучкова и К° к портфелям «ответственного» министерства в правительство «спасения страны».

В первой половине января «Рабочая Группа» ЦВПК, с благословения меньшевистского центра и фабрикантов Бюро Центрального Военно-Промышленного Комитета, повернула свою политическую ладью по ветру революционной стихии. Учтя настроение рабочих, их жажду борьбы и готовность на жертвы, либеральные политики задумали оседлать движение и направить его на пользу прогрессивного блока. Представители рабочей группы и их единомышленники оборонцы (плехановцы, меньшевики, социалисты-революционеры и т. п.) повели агитацию за выступление в день открытия заседаний Государственной Думы после рождественских каникул.

Никто из нас, работников подполья, не был удивлен такой быстрой переменой тактики оборонцев. Для всякого хоть немного политически грамотного человека в январе семнадцатого года было ясно видно, что вся страна, и особенно Петербург, находятся накануне грандиозных революционных событий. С тактикой осторожности, послушания и

отказа от борьбы на время войны к питерской массе подходить было уже нельзя. И еще вчерашние противники «вспышкопускательства», «стачечного азарта» и тому подобных жупелов, выступавшие против нас все время осенью и в январские дни, теперь сами повели агитацию за выступления, за стачку, за манифестации вокруг Думы, за поддержку требований «демократии» и т. п.

Нашим Бюро Центрального Комитета и Петербургским Комитетом было решено повести решительную борьбу с лозунгами «единения с Государственной Думой», с посылкой ей петиций и резолюций. Нами была принята резолюция-тип для агитаторов, предложенная членом Исполнительной Комиссии П. К. т. Михаилом (К. И. Шутко), следующего содержания:

Мы, рабочие, (завода, фабрики), обсудив свое отношение к выступлению Государственной Думы, считаем необходимым заявить: с самого начала войны мы находим, что единственный правильный путь для того, чтобы ввергнутый в войну народ не погиб, состоит в борьбе за прекращение войны.

Затяжной характер войны разоблачил тех, кому выгодно ее продолжение—клики капиталистов и помещиков с их правительством во главе. Поэтому борьба за прекращение войны требует от нас усилий, направленных к низвержению царского правительства.

Политические партии заинтересованных в войне классов, в лице Государственной Думы, стремясь использовать движения народных масс против правительства с целью дележа с ним власти, бессильны принести народу облегчение, так как их заветные желания—продолжать войну до конца. Находясь под влиянием буржуазии, шовинистические группы рабочих, обращаясь с призывом к борьбе за создание *правительства спасения страны*, вносят новую политику, стремясь ослабить движение революционного пролетариата. Господствующие классы готовы спасать страну от внешней опасности с тем, чтобы беспощадно давить восстающие к свободе народные массы внутри страны.

Лозунг «спасения страны», скрывая действительные намерения тех, кому он на руку, является новой ложью и оправданием этого кровопролития и всех его ужасов. Только

переход власти от низверженного царского правительства в руки рабочих и крестьянской бедноты в лице *Временного Революционного Правительства* обеспечит — через созыв учредительного собрания — осуществить политическую свободу и положить конец этой войне.

Исходя из этого, мы выражаем готовность отдать свои силы на борьбу, к которой нас зовет *Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия* во имя провозглашаемых ею лозунгов».

Этой резолюцией мы не только отмежевывались от империалистической буржуазии и ее патриотической оппозиции, но, отвергая ее предложения «правительства спасения страны», противопоставили нашу борьбу за низвержение царского правительства. Вместо «правительства спасения страны», под которым разумелся дележ власти и сотрудничество с царизмом или, в лучшем случае,—выбор правительства из среды членов прогрессивного блока или ответственность его перед зубрами 4 созыва, мы выдвинули требование рабочей и крестьянской демократии — «Временное Революционное Правительство», как результат революционной победы рабочих и крестьян. Вместо петиции и подачи резолюций, вместо хождений к Думе и т. п. либеральных путей, мы вели агитацию за уличные демонстрации против правительства и не около Таврического дворца, а в центре города, по революционной традиции, на Невском проспекте и у Казанского собора. Перед рабочими стояли две тактики, два пути, различные способы борьбы и взаимно исключающие друг друга лозунги. Классовое сознание и революционное чутье подсказало пролетариям наш путь, наши методы, наши лозунги.

Арест «Рабочей Группы» Ц. В. П. К.

Общий подъем настроений и возбужденно революционное состояние рабочих масс имели сильное воздействие на верхи оборонческих организаций. Члены Рабочей Группы и их единомышленники качнулись заметно влево. В середине января Рабочая Группа приняла воззвание и наметила план действий, по-прежнему концентрируя все силы и все внима-

ние на поддержке прогрессивного блока Государственной Думы.

По своему характеру воззвание также значительно отличалось от предыдущих патриотических выступлений «Рабочей Группы». Беря за исходную бедствия войны, порождающей продовольственный кризис, несущей рабочему классу закрепощение, воззвание обвиняет правительство в том, что оно своей политикой безмерно увеличивает народные бедствия. Впервые за все время войны оборонцы поставили вопрос об окончании войны. «Ликвидация войны и мир, которого жаждет утомленная страна, не выведет народ из бедственного положения,—говорится в воззвании,—*если ликвидировать войну будет не сам народ, а теперешняя самодержавная власть*» [1]). Все сторонники обороны и войны до конца вынуждены были уже в начале 1917 года признать, что народные массы жаждут мира. Успех наших анти-военных лозунгов ставил перед ними ребром вопрос о том, чтобы и на этом пути, через туманные лозунги, вроде «ликвидировать войну должен сам народ», занять руководящее массами положение.

Политика царского правительства, дезорганизовавшая народное хозяйство и поставившая страну перед катастрофой, побуждает Группу признать, что «рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен.—Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны является теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования рабочего класса и демократии». Такая поспешность и нетерпение совершенно не вязались с обычной для оборонческих кругов политикой «умеренности и осторожности».

По отношению к Государственной Думе оборонческий центр уже изменил свою политику поддержки прогрессивного блока, заявляя в воззвании, что «нынешнее столкновение имущего буржуазного общества с властью создает момент особенно благоприятный для активного вмешательства рабочего класса, что столкновение Думы с правительством может быть использовано народным движением в интересах

[1]) Смотрите приложение девятое.

решительного удара по самодержавию». В этих положениях проводится мысль об использовании столкновения помещиков и царя с фабрикантами и купцами, в интересах «народа», т.-е. других групп и классов страны. До этого времени все меньшевики и социалисты-революционеры оборонцы давали себя в распоряжение и использование имущим классам. Поворот был вынужденный, тогда же нами и был учтен как таковой.

Резолютивная часть воззвания предлагает рабочим: «немедленно приступить к сплочению и организации своих сил и избрать заводский комитет; сговориться с товарищами других фабрик и заводов; на ряде собраний выяснить всем товарищам исключительную важность момента; сообщить о своих решениях на другие заводы. К моменту открытия Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступление». Противники подпольной работы, певцы использования легальности, вынуждены были ходом событий стать на нелегальный путь борьбы.

Когда царскому правительству стало известно, что «Рабочая Группа» при Центральном Военно-Промышленном Комитете организует «народ» вокруг Государственной Думы и становится на нелегальный путь, Протопопов решил арестовать ее. Рабочая Группа Ц. В. П. К. вместе с группой Областного В. П. Комитета состояла из 16 членов. Наиболее активными из них были К. А. Гвоздев, И. Е. Брейдо, И. И. Емельянов, Ф. Я. Яковлев, И. В. Васильев и В. Абросимов, оказавшийся провокатором. Во второй половине января Протопопову удалось произвести арест части «Рабочей Группы».

Этот арест внес большое возмущение в круги, связанные с Военно-Промышленными Комитетами и деятелями прогрессивного блока. 29 января происходило заседание Центрального Военно-Промышленного Комитета с представителями прогрессивных фракций Государственной Думы. Гучков сообщил об аресте Рабочей Группы Ц. В. П. К. и указал, что Группа, под влиянием современного режима, занималась политическими вопросами. Политическая деятельность Группы была Комитету известна и в общих чертах Комитет был с ней солидарен.

Когда среди членов заседания поднялся вопрос относительно основательности предъявленных Группе обвинений, то член Государственного Совета Гурко заявил, что в настоящее время к этому аресту нельзя подходить с юридической меркой, что положение вещей в России таково, что даже умеренные политические партии и буржуазно-дворянские организации вынуждены вступить на путь открытой борьбы с правительством. И было бы странно, если бы рабочие организации в такое время остались бы в стороне от политической борьбы. Рабочая Группа Военно-Промышленного Комитета не явилась исключением и в этой борьбе, которую она вела, и Военно-Промышленному Комитету следовало бы, по его мнению, заявить себя солидарным с Рабочей Группой.

Большую сенсацию произвело на этом заседании выступление П. Н. Милюкова, который разошелся с общим настроением заседания, выразил удивление, что Военно-Промышленный Комитет стоит еще на старой точке зрения, согласно которой общественные организации, подобные Земскому Союзу, Союзу Городов и Военно-Промышленным Комитетам, могут играть политическую роль. По мнению Милюкова, такую точку зрения следовало бы давно оставить. Союзы должны заниматься исключительно теми культурно-техническими задачами, для которых они созданы. Руководство же политической жизнью страны должно остаться у единого в настоящее время в России прогрессивного блока Государственной Думы. Его взгляды не нашли сторонников на собрании и вызвали отрицательное отношение большинства. Предложение солидаризоваться с оценкой переживаемого страной политического момента было принято.

Правительственное сообщение от 30 января, обвинявшее Рабочую Группу в революционной деятельности, дало прекрасный материал и повод для выступления Центрального Военно-Промышленного Комитета с обширным разъяснением. В этом публичном разъяснении дана правильная оценка деятельности Рабочей Группы, точная аттестация ее идейному направлению.

«...Правительственное сообщение о революционной деятельности Рабочей Группы Ц. В. П. К. и о возбуждении судебного преследования против членов Группы освещает во-

прос о деятельности этой Группы неправильно и односторонне, — заявляет Центральный Военно-Промышленный Комитет, руководимый Гучковым и Коноваловым [1]).—Правительственное сообщение причисляет всех членов Рабочей Группы к членам революционных партий. Такая характеристика политических воззрений Группы является, однако, совершенно неверной». Так определяют направление и мировоззрение оборонческих вождей деловые политики из Военно-Промышленного Комитета, работавшие с Рабочей Группой бок-о-бок. Как доказательство непричастности членов Рабочей Группы к революционной партии, приводится фактическая справка о той роли, какую они играли в момент выборов в Военно-Промышленные Комитеты. О борьбе двух течений в рабочем классе, «оборонческом» и «пораженческом», буржуазным дельцам было очень хорошо известно. «Одно из них (т.-е. течений. *А. Шл.*) стояло за совместную работу с другими классами общества (т.-е. буржуазией, помещиками. *А. Шл.*) на пользу обороны, другое — совершенно отвергало эту работу. Победило первое течение, и одно уже это обстоятельство свидетельствует о том, что в уполномоченные и в члены Группы попали не самые крайние представители рабочего класса, а, напротив, более умеренные элементы». Члены Центрального Военно-Промышленного Комитета очень хорошо знали, когда помогали благополучному ходу вторичных выборов в конце 1915 года. Они поддерживали «более умеренных» против представителей нашей партии, не соглашавшейся итти на классовое сотрудничество и надеть на рабочий класс ярмо «обороны отечества» Романовых. Эта поддержка, оказываемая буржуазией за время войны направлению и деятельности Рабочей Группы, отнюдь не носила характер особого «личного» доверия буржуазии к членам Группы. Нет, поддержка и доверие относилось ко всему крылу меньшевизма. «Члены Рабочей Группы, насколько можно судить по их деятельности в Комитете, ближе всего примыкали по своим воззрениям к так наз. «меньшевикам», т.-е. одному из более умеренных политических течений среди русских рабочих. Деятельность Рабочей Группы протекала открыто и была далека от методов борьбы, обычно

---

[1]) Смотрите приложение десятое.

применяемых революционными партиями для достижения своих целей», разъясняет Бюро Ц. В. П. К.

Далее заявление перечисляет услуги, которые были оказаны Рабочей Группой делу обороны. Особенно подчеркивается «самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, занятых в предприятиях, работающих на оборону. При этом Группа решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы». Из истории нашей борьбы мы знаем, о каких «эксцессах» идет речь. Дело идет о «политических эксцессах», демонстрациях против войны, стачках, протеста против суда над балтийскими моряками и т. п., противниками которых являлись оборонческие круги. Свою солидарность с Рабочей Группой Бюро Центрального Военно-Промышленного Комитета выражает следующим образом: «Расходясь подчас с Рабочей Группой в ее политических и социальных воззрениях, Комитет в то же время согласен с этой Группой в оценке нынешнего политического режима и правительственного курса и признает существующую власть неспособной обеспечить победу России над внешним врагом».

По Питеру ходили тогда слухи о том, что Протопопов замышлял арестовать и буржуазную верхушку Центрального Военно-Промышленного Комитета.

Работе Рабочей Группы Ц. В. П. К. было посвящено несколько статей в либеральной Московской и Петербургской печати. Все они сходились в общей оценке с цитированным выше письмом Бюро Центрального Военно-Промышленного Комитета. Однако протесты буржуазии не были в силах освободить сидевших из тюрьмы. Протопопов собирался создать «дело».

В рабочих районах не было никакого отклика на арест Рабочей Группы. Однако брошенная ими мысль о движении в день открытия Государственной Думы развивалась оставшимися на свободе членами Рабочей Группы, а также их единомышленниками, встречая поддержку и в рядах оппозиционных обывателей.

Дело об аресте «Рабочей Группы» при Центральном Военно-Промышленном Комитете было перенесено в Государственную Думу. Часть членов Государственной Думы предъявила пра-

вительству запрос. С обширной, мотивированной речью по существу запроса выступил один из руководителей Центрального Военно-Промышленного Комитета А. И. Коновалов.

Либеральный политик, душа военно-промышленных социалистов, А. И. Коновалов взял под свою защиту рабочие организации, отмечая весь административный произвол и своеволие царской власти. «Среди величайших ошибок власти, совершенных ею за время настоящей войны,—сказал Коновалов,—разгром рабочего представительства в общественной организации, ставящей своей единственной целью помощь армии и делу национальной обороны, должен быть осужден нами со всей беспощадностью и решительностью». Опровергая правительственные сообщения о причинах ареста «Рабочей Группы», А. И. Коновалов торжествующе опирается на заявление представителя московских оборонцев, Федорова-Девяткина—«я не стану останавливаться на самом содержании обвинения... в стремлении создания какой-то социал-демократической республики, совершенно непонятной рабочему классу. Бессмысленное обвинение в нелепом стремлении лучше всего характеризует совершенное непонимание правительством стремлений и задач рабочего класса». В процессе соглашательской работы эти господа оборонцы отбросили все, что отделяло социалиста от простого либерального рабочего политика. А. И. Коновалов, как свидетель «деятельности» «Рабочей Группы», отмечает ее глубокий патриотизм и преданность, несмотря на гонения, делу национальной обороны. Он с негодованием отвергает все обвинения Рабочей Группы в том, что будто она преследовала свои классовые выгоды и интересы, умело доказывая, что представители рабочих в военно-промышленных комитетах служили делу защиты страны. С фактами в руках А. И. Коновалов доказывает депутатам Государственной Думы, какую пользу приносили Рабочие Группы в деле обеспечения нормального течения заводской жизни.

Ценные услуги оказывала Рабочая Группа Центрального Военно-Промышленного Комитета в деле умиротворения политических страстей, притупления классовой борьбы рабочих во время войны. Коновалов в своей речи привел ряд воззваний Рабочей Группы, при этом последнее имело уже отношение к движению от 14 февраля.

Не забыты были и законодательные потуги Рабочей Группы, стремившейся оживить умерший закон о фабрично-заводских старостах, а также ввести в России «примирительные камеры».

Останавливаясь на вопросе об отношении рабочих к войне, А. И. Коновалов под аплодисменты депутатов и крики «браво» оглашает заявление все того же Федорова-Девяткина, что «рабочие стремятся к ликвидации войны, но не к заключению мира, независимо от условий и от того, кем он будет заключен. И тогда, когда за спиной народа правительство открыло торг, стремясь заключить сепаратный мир, широкие рабочие массы не могли не заняться этим вопросом, который, может-быть, тяжелее всего отозвался бы на интересах самих рабочих. Сепаратный мир для рабочих масс недопустим», и т. д. и т. п.

Арест Рабочей Группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете нанес большой удар влиянию либеральных промышленников на рабочие массы. Правительство, запирая наиболее активных оборонцев, лишило либеральную буржуазию ее верных, искренних и преданных сторонников, проводивших под флажком умеренного социализма дешевенькую политику либерализма в рабочей среде.

Вокруг Государственной Думы.

В начале февраля было уже окончательно известно о дне созыва Государственной Думы после рождественских, довольно продолжительных каникул. Открытие назначалось на 14 февраля. Начатая еще в январе агитационная кампания за стачку и манифестации к Таврическому дворцу получила теперь и твердую дату.

Перемена позиции меньшевиков и других оборонческих элементов по отношению к массовым выступлениям не вызывала ни восторгов, ни удивления среди членов нашей организации. Мы прекрасно понимали, что это радикальное изменение есть лишь тактический шаг в борьбе за массы, новый подход оборонцев к рабочей массе.

По январь 17 года оборонцы всех мастей старались убаюкать рабочих высокими интересами «отечества», требованиями «обороны» и прочими обманами, направленными к тому, чтобы

рабочие покорно несли бремя войны и эксплоатации, не устраивали протестов и стачек. Царская война, война помещиков и буржуазии за свои барыши, рассматривалась как дело «всей демократии» и особенно как «дело рабочего класса». Резолюция, выпущенная в конце января, впервые заговорила о ликвидации войны силами самого народа. Но недоговоренность формулировки, как ликвидировать войну, указывала на то, что этот пункт, как и многое в воззвании, было взято «на прокат» для собирания возможно больших сил вокруг Государственной Думы.

Бюро Центрального Комитета нашей партии решило поддержать призывы к демонстрациям, принять участие в этом движении, но отнюдь не подчинять наши ряды лозунгам инициаторов, а, наоборот, противопоставляя им наши, углубляя их, призывая рабочих и солдат к низвержению царской монархии, установлению демократической республики на развалинах монархических установлений, объявлению войны войне.

Вместо хождения к Таврическому дворцу с резолюциями в Думу, мы выдвинули предложение итти на Невский с нашими требованиями, под красными знаменами революции.

По поводу готовящегося выступления снеслись с Москвой.

Предложили им наше решение, которое ими было принято. Петербургский Комитет был вполне солидарен с нами, как по вопросам оценки движения, так и относительно нашего участия в нем. Приняв общие лозунги, выпустив прокламацию с оценкой лозунгов хождения к Думе, Петербургский Комитет нарушил решение относительно даты. В напечатанном по этому случаю воззвании, в количестве 12.000 экземпляров, П. К. призывал к стачке в день суда над нашими депутатами, на 10 февраля [1]). Выбирая эту дату, П. К. хотел отмежеваться не только выбором лозунгов и места демонстраций, но и вообще от затеи хождения к Думе. Однако отмежевываясь так усердно, товарищи из Петербургского Комитета упустили маленькую деталь:—с 9 февраля начиналась масленица и заводы останавливались. Лишь немногие предприятия работали 10-го, да и то только до двух часов

---

[1]) Смотрите приложение шестнадцатое.

пополудни. День получки мешал и на них провести забастовку. За такой шаг Бюро Центрального Комитета вынесло Петербургскому Комитету порицание. Последний и сам признал свою ошибку и дал директивы держаться в районах в духе наших решений.

Воззвание Петербургского Комитета, написанное тов. Михаилом (К. И. Шутко), было посвящено отношению Государственной Думы к войне и политике царя.—«Наступает сокращение работы, идет голод. Двухлетняя бойня, ведущаяся в угоду сильных мира, вывела из круга жизни во всех воюющих странах до 15 миллионов человек. Какое неслыханное преступление!.. Великий и трудный долг лежит на нас, рабочем авангарде, порабощенной демократии, льющей свою кровь за чуждое ей дело,—остановить это преступление». Государственной Думе воззвание бросает обвинение, что своим пособничеством войне она способствует разорению страны и закабалению народа. Напомнила прокламация и отношение зубров 4 созыва к аресту 5 депутатов с.-д. большевиков. «Когда из среды Государственной Думы были выхвачены наши депутаты и после быстрой расправы изгнаны в далекую холодную Сибирь,—в Государственной Думе помещики и капиталисты потирали руки от удовольствия... Два года молчит Дума о попрании ее прав. Она смолчит и в день двухлетней годовщины изгнания наших депутатов». Останавливаясь на внесенных оборонцами в рабочую среду вожделениях думских либералов, листок дает следующую оценку: «Теперь, ко дню предполагаемого созыва Государственной Думы 14 февраля, в рабочей среде ходят самые прихотливые слухи о намерениях Государственной Думы. Нетрудно разглядеть, что ничего нового делать Государственная Дума не собирается, но еще раз не прочь думские либералы помахать кулаками за спиной поднявших голову рабочих».

Кончается листок развитием наших революционных лозунгов и призывом к стачке на 10-ое (а затем измененное на 13-ое) февраля.

Отрицательную оценку движению 14 февраля дала и пресловутая «Питерская Межрайонка». Междурайонным Комитетом была вынесена и отпечатана гектографическим способом следующая резолюция:

«Принимая во внимание:

1) что выступление широких рабочих масс, приуроченное безответственными политиканами ко дню открытия Третьеиюньской Думы, сыграет на руку оппозиционной буржуазии, самым ярким требованием которой являются требования министерства, опирающегося на большинство Государственной Думы, занявшей явно враждебную позицию по отношению к народу, предавшей самодержавию наших депутатов и провозгласившей своим лозунгом бойню до конца;

2) что рабочий класс не вполне организован, что его вождь—Российская Социал-Демократическая партия переживает тяжелый организационный кризис, что нет еще единства действия революционных с.-д.;

3) что армия, без выступления которой революционное движение обречено на разгром, не связана тесно с рабочими организациями и что в данный момент нет оснований расчитывать на ее активную поддержку;

4) что преждевременное выступление рабочих масс может нанести тяжелый удар всему революционному движению, может создать погромное движение несознательных масс и тем самым повести их по ложному антиреволюционному, непролетарскому пути;

5) что, готовясь к решительному выступлению против царизма, ведя самую широкую агитацию в армии, организуясь в единую Росс. Соц.-Дем. Рабочую Партию пролетариат решит свою революционную задачу, одним ударом сметя Государственную Думу и царское самодержавие, он выдвинет из недр восставшего народа Временное Революционное Правительство, которое созовет Учредительное Собрание, а последнее заменит самодержавный строй Демократической Республикой.

Петербургский междурайонный комитет призывает вас, товарищи рабочие, не поддаваться на удочку слуг буржуазии, зовущих вас 14 февраля к стачке и демонстрациям перед Государственной Думой, а одновременно протестовать против суда над социал-демократическими депутатами, показать всему миру свою солидарность с томящимися в Сибири рабочими представителями, зовет вас организовывать митинги протеста, сборы в фонд нелегальной печати и в пользу депутатов.

Долой войну. Да здравствует мир. Долой самодержавие.
Да здравствует Революция.
Да здравствует Временное Революционное Правительство.
Да здравствует Учредительное Собрание.
Да здравствует Демократическая Республика.
Да здравствует международная солидарность пролетариата.
Да здравствует социализм.

Петербургский Международный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Февраль 1917 года».

Наше внимание тогда же остановила обычная слезница объединенцев — это относительно отсутствия единства в Р.С.-Д.Р.П. Однако, идя все время нога в ногу с нами, «межрайонцы» предпочитали жить особливо, не сливаясь с нами, хныкать об единстве. Эта резолюция, предостерегая рабочих от опасностей, содержит в себе ряд вредных уклонов. Так, второй пункт резолюции ставил под сомнение всякое выступление рабочих, так как Р. С.-Д. Р. П. переживает... кризис. С таким положением мы согласиться не могли и считали, что лучшим целителем от всяческих болезней является действие.

Пункт третий не давал исхода, не указывал путей, могущих сплотить армию с рабочим движением. Мы не разделяли опасностей, что солдаты нас не поймут, но не страдали и излишним оптимизмом, что все обойдется без жертв. Втянуть солдат в революционное движение мы предполагали, и проводили это через революционные действия, уличные выступления.

Четвертый пункт повторил лишь старую оппортунистскую погудку и даже не на новый лад—«преждевременно», «рабочие не созрели», «армия не поспела» и т. д. Упоминание о погромах свидетельствовало об отсутствии учета и понимания тех настроений, коими жил Питер в эти дни. Маленькая группа, каковой была «Межрайонка», оказалась напуганной грандиозностью предстоявших событий и предлагала стихии обождать, когда она достигнет «единства» и организует пролетариат. Да и само дело организации рабочих масс наши объединенцы мыслили по интеллигентски, вне борьбы, вне изменчивых исходов ее.

Петербургская Инициативная группа социал-демократов-меньшевиков также выступила с оценкой агитации Рабочей Группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете за поддержку Государственной Думы в ее конфликте с властью. В довольно пространном листке, размноженном на пишущей машинке, Инициативная группа давала подробную характеристику борьбе прогрессивного блока и его лозунгам[1]).

Сама агитация Рабочей Группы нашла пренебрежительную оценку—«распространяется даже неизвестно кем выпущенная бумажка, призывающая рабочих Петербурга итти к Таврическому дворцу в день открытия Государственной Думы и тем самым спаять освободительное движение рабочего класса с оппозиционной борьбой буржуазии и Государственной Думы во имя ее политических требований».

Листки с проектом резолюции действительно распространялись без подписи, но происхождение их было всем известно. Анонимные, возможно в силу конспирации, они тем не менее распространялись и поддерживались частью тех же работников Инициативной группы, примыкавших к оборонческим кругам меньшевиков. Их организационным центром была Рабочая Группа при Центральном Военно-Промышленном Комитете.

Далее Инициативная группа задает вопрос о том, могут ли рабочие признать «нынешнюю Думу действительным борцом за народные интересы и вождем народных масс в их борьбе с господствующим самодержавным режимом?». И на этот вопрос, как и на вопрос о том, можем ли мы в своей борьбе за полное раскрепощение России рассчитывать на поддержку Думы, листок дает отрицательный ответ.

Давая правильную оценку Государственной Думе, как представительству противонародных сил, листок переходит к указанию на действительное отношение этой Думы к борьбе рабочего класса. «Дума не останавливается перед клеветой и ложью лишь бы втоптать в грязь действительную борьбу рабочих за народные интересы. Нашу славную борьбу против войны и против военного суда над нашими товарищами-матросами, наше массовое выступление в октябре прошлого

---

[1]) Смотрите приложение двенадцатое.

года, когда пришло в движение до 130 тысяч рабочих Петербурга, Государственная Дума, вместе с буржуазными организациями и Рабочей Группой Военно-Промышленного Комитета, назвала делом рук провокации и призывала правительство к самой решительной борьбе с нами».

По вопросу о войне листок указывает на антинародную политику Думы, желающей вести войну без конца, а во внутренней политике стремящейся сохранить все привилегии имущих. Приводя эти соображения, Инициативная Группа высказывается против поддержки Государственной Думы и ее лозунгов. Однако из отрицания этой поддержки, предупреждает Инициативная Группа, не следует игнорировать борьбы буржуазии с правительством. Она высказывается лишь против того, чтобы в угоду этой буржуазии урезывать политические требования рабочего класса.

Инициативная Группа высказывалась против того выступления, которое исходило от Рабочей Группы Военно-Промышленного Комитета не только потому, что оно было неприемлемо по своим лозунгам. Социал-демократы меньшевики считали так же, как и межрайонцы, момент и настроения рабочих неподходящими для массовых выступлений. «Мы не имеем права в угоду буржуазии с легким сердцем звать пролетариат на открытое массовое выступление, если не будем уверены, что оно является результатом накопившейся революционной энергии рабочего класса», говорит листок. В ответ на призыв меньшевиков-оборонцев к хождению к Таврическому дворцу, меньшевики-интернационалисты ответили: «мы не последуем за безответственными и политически недобросовестными группами, которые нашу славную массовую борьбу за прекращение войны в октябре клеймят провокацией, а в январе призывают нас к массовому выступлению для борьбы против той же войны и аннексионистских вожделений нашей буржуазии».

Относясь отрицательно к лозунгам и выступлению рабочих в поддержку требований прогрессивного блока Государственной Думы, Инициативная Группа сама ничего, кроме обычных фраз о собирании сил и необходимости готовиться к борьбе, не выдвигала. «Мы будем собирать свои силы, организовываться и готовиться к решительной борьбе во имя наших, чисто пролетарских классовых задач и интересов», го-

ворилось в листовке. Но каковы же были эти «чисто пролетарские» требования? Листок выдвигал обычные наши революционные демократические лозунги созыва Учредительного Собрания, установления Демократической Республики, считать которые «чисто пролетарскими» мы не могли.

Такое отрицательное отношение к выступлениям вообще, проявленное междурайонцами (или объединенцами), а также меньшевиками-интернационалистами, было глубоко ошибочным и показывало, что эти группы слишком оторваны от рабочих низов, поэтому оказались неспособными учесть революционное настроение рабочих масс и согласовать его с наметившейся революционной ситуацией в стране. Меньшевики-оборонцы были гораздо ближе к массам, они видели и понимали, что фабрично-заводская масса настроена чрезвычайно революционно и готова итти в бой. Это стремление масс к активной борьбе оборонцы всех мастей и пытались эксплоатировать в интересах буржуазии. В последнем случае у нас с ними интересы расходились и мы вели против них жестокую борьбу.

Мы несколько иначе подходили к оценке перемены оборонческого фронта в сторону активной борьбы. Отметая их лозунги, решительно борясь против подчинения движения руководству и влиянию либеральной буржуазии, наше Бюро Центрального Комитета высказалось за активное выступление рабочих, отнюдь не связывая этого движения с показной, словесной борьбой Государственной Думы.

Ввиду того, что все политические группы и организации подполья были против выступлений в ближайшие месяцы 1917 года, наша организация оказалась единственной, которая выступила против оборонцев не с простым отрицанием, но с положительной практической программой действий. В период первых двух недель февраля, когда по фабрикам и заводам шла борьба двух лозунгов: оборонческого—к Государственной Думе, и нашего—на Невский, к революционным демонстрациям, нам удалось одержать победу только наполовину: массы не пошли к Думе, устроили забастовку, но также не пошли и на Невский. После этих дней вопрос об активных выступлениях не был снят, а только отодвинут.

Правительство было немало встревожено настроениями рабочих масс и петербургского населения, включая и ту часть, которая именовалась «обществом». Ночью с девятого на десятое февраля по городу было расклеено знаменитое воззвание генерала Хабалова, характерное для пережитой нами эпохи, следующего содержания:

Рабочие Петрограда!

«На некоторых заводах столицы рабочие призываются к забастовке в день открытия Государственной Думы с тем, чтобы скопом пойти к Таврическому Дворцу для предъявления политических требований.

Истинный сын Родины на это не пойдет.

Коварный злобный враг вторгся в пределы России, опустошил Польшу и часть Западного края. Доблестная армия наша, верная своему долгу перед царем и родиной, грудью своей остановила натиск врага. После неисчислимых жертв русского народа силы врага, наконец, надломлены. Осталось, быть может, последнее усилие.

Помните, что без единодушия внутри страны, без непрерывной работы на оборону всех и каждого в тылу армии, все ее боевые подвиги, все жертвы народа пойдут прахом.

Каждая забастовка уменьшает число снарядов, отнимает у нашей армии оружие. Тот, кто бастует теперь, изменяет своему отечеству, предает своих братьев, находящихся в окопах.

Большинство из вас — военнообязанные. И вы должны были стать в ряды армии и ежеминутно рисковать своей жизнью. Вас оставили здесь при ваших семьях, при вашей привычной работе.

Для чего?

Для того, чтобы вы ковали то оружие, которое необходимо армии, недостаток которого увеличит потери армии и затянет окончание войны.

Не предавайте же ваших братьев!

Петроградские рабочие!

Я обращаюсь к вашему здравому рассудку, к вашей совести.

Не слушайте преступных подстрекателей, которые зовут вас к измене. Оставайтесь при ваших станках, исполняя тем ваш долг перед вашими братьями, которые заменили вас в окопах. Берегите нашу общую мать,—нашу родную Россию.

Тем же, кто останется глух к моему обращению, я напоминаю, что Петроград находится на военном положении и что всякая попытка насилия и сопротивления законной власти будет немедленно прекращена силой оружия.

Подписал: командующий войсками петроградского военного округа генерал-лейтенант *Хабалов*».

Царское правительство решило проявить твердость и жестоко наказать за уличные демонстрации. У того же генерала Хабалова в канцелярии «работал» жандармский генерал Гордон, обложенный картами и подробными планами Петербурга, на которых он отмечал места, улицы и перекрестки, где должны быть поставлены, ко времени ожидавшихся выступлений рабочих, как полицейские и воинские команды, так и пулеметы. Об этих приготовлениях нам было известно. Тогда же нам сообщили, что правительство считало питерский гарнизон неблагонадежным и уже тогда стягивало в столицу казачьи полки. В частности ожидался Текинский казачий полк и так называемая «Дикая Кавказская Дивизия», набранная из кавказских горцев-мусульман.

Одновременно с Хабаловским выступлением появилось в газетах письмо вождя кадетской партии П. Н. Милюкова, разоблачавшего «коварные замыслы врага»:

Письмо в редакцию [1]).

До сведения моего дошло, что неизвестное мне лицо, называвшее себя членом Гос. Думы Милюковым, вело в последние дни агитацию на фабриках (в частности Лесснера), убеждая рабочих выступить в день возобновления сессии Гос. Думы, 14 февраля, на улицах Петрограда с требованием более решительного образа действий от Гос. Думы и

---

[1]) Цитирую по «Речи».

с протестом против войны. Из того же источника я узнал, что какие-то люди, именующие себя членами Гос. Думы, раздают рабочим оружие.

Спешу предупредить лиц, поверивших подобным заявлениям, что они сделались жертвой самого грубого обмана. Мое отношение к войне и к работе на оборону слишком хорошо известно, чтобы мне нужно было опровергать мнения, высказанные якобы от моего имени. Обращу лишь внимание рабочих на то, что дурные и опасные советы, распространяемые в их среде такими низкими средствами, очевидно, исходят из самого темного источника. Последовать этим советам—значит сыграть на руку врагу. Поэтому я обращаюсь с убедительной просьбой ко всем, услышавшим эти советы и увещания, не принимать участия в демонстрациях 14-го февраля и оставаться в этот день спокойными. Своим спокойствием они расстроют планы своих врагов и лучше всего поддержат своих друзей. Сознательность отношения рабочих кругов к тому тяжелому моменту, который мы переживаем, дает мне надежду, что мой предостерегающий голос будет услышан и коварный замысел не удастся.

Член Государственной Думы Милюков».

Этот исторический документ является показателем контрреволюционных отношений Милюкова к наметившемуся народному движению. Всякое проявление политической активности в народных низах он приписывал «коварному замыслу врагов»—немецким шпионам. Только один прогрессивный блок мог заниматься политическими вопросами, все, что было вне его, то от лукавого немца. Такая позиция П. Н. Милюкова вызывала удивление даже у зубров 4-й Государственной Думы. Поведение П. Н. Милюкова и его отношение к революционному рабочему движению нашло должную оценку на собраниях рабочих фабрик и заводов. Агитаторы Петербургского и районных комитетов беспощадно клеймили поведение лидера кадетской партии.

В номере втором «Осведомительного Листка», издаваемого Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б), в маленькой «передовой» была также дана оценка провокационному поведению Милюкова.

«Провокаторство и демагогия Милюковых».

За последнее время учащаются выступления отдельных либералов с гнусной клеветой на организованных рабочих. Пользуясь вынужденным молчанием открытой рабочей печати, либералы в союзе с черной бандой провоцируют несознательных рабочих, опубликовывая в печати и заявляя на заседаниях Государственной Думы и т. д., что революционное движение в России выгодно теперь немцам и вызывается какими-то темными источниками. Эта чисто полицейская точка зрения (вспомните, кстати, что революцию 1905—1906 г.г. прихвостни правительства «объясняли» «японскими деньгами») совершенно не считается с тем, что причин для растущего недовольства народных масс в порабощенной царским правительством России слишком много. Либералы демагогически выступают в качестве заботливых опекунов рабочих, встречая в этом поддержку царского правительства.

Особенно широко этот гнусный прием провокации и демагогии использует кадетский лидер Милюков.

Перед последним выступлением рабочих (10—15 февраля), которое обсуждалось с.-д. рабочими организациями Петербурга и некоторых других городов (см. известия в этом № «Осведомительного Листка»), появилось в газетах до наглости самоуверенное и лживое письмо Милюкова с предупреждением о «коварном замысле» кого-то, какого-то «темного источника». При этом провокатор-клеветник не имеет смелости назвать прямо, кого он имеет в виду.

Не знающие меры своему холопству Милюковы должны встретить самый решительный отпор со стороны не только с.-д. организаций, но и от всякого честного демократа. Между тем, приходится указать, что к этим же презренным средствам прибегала «рабочая группа» Центрального Военно-Промышленного комитета и даже депутаты левых фракций в Государственной Думе, Керенский, Чхеидзе и др. в октябре 1916 года.

Товарищи рабочие, разъясняйте всем гнусные приемы демагогии и провокации».

10—14 февраля.

В течение января и начала февраля я имел несколько свиданий с Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенским. Некоторые свидания были у Н. Д. Соколова, а февральское у присяжного поверенного Гальперна, с участием представителей партии социалистов-революционеров.

На всех наших совместных совещаниях стоял всегда вопрос о контакте, о согласовании действий в рядах «революционной демократии», как говорили мы тогда. Уже не один раз собирались мы за время войны с представителями фракции меньшевиков и партии социалистов-революционеров, много было потрачено времени и сил, чтобы отыскать линию единства действий. И Н. С. Чхеидзе, и А. Ф. Керенскому я поставил ряд условий, выработанных нашим Бюро Ц. К. и Петербургским Комитетом, выполнение которых считал непременным и обязательным для установления действительного единства действий. Главными из поставленных нами условий были: разрыв с шовинистами-оборонцами, осуждение их тактики подчинения рабочего движения воле и видам империалистической буржуазии; поддержка с Думской трибуны революционной борьбы рабочих против войны. Однако дальше обсуждения наших условий, дипломатических обходов друг друга дело не шло. На свои предложения я получал длиннейшие и скучнейшие объяснения, сводившиеся к тому, что в основном «они согласны со мной», но что их положение, как представителей «всей демократии», обязывает их вести контакт со всеми антицаристскими силами. Конечно, мы их прекрасно понимали, что они сами были кость от кости социал-шовинизма. Их выступления в Думе достаточно ясно говорили об этом. Поэтому и контакт с ними возможен был лишь информационный, технический и от случая к случаю, не больше.

Не имея никакого интереса стать игрушкой в буржуазных руках, я не шел ни на какое формальное соглашение, обязывающее наши организации согласовать свою волю и действия с намерениями других организаций. Конечно, меня осыпали упреками в узости, обвиняли в том, что мы не желаем объединить для борьбы с царизмом «всей демокра-

тии», в стремлении сектантски изолировать рабочий класс и его борьбу, чем и погубить дело его освобождения.

Внутри наших партийных центров,—в Бюро Ц. К. и в Петербургском Комитете, все работники были единодушны в оценке других группировок, все являлись сторонниками сохранения полной независимости в том движении, которое нарастало в стране, и также едины в проведении без колебаний той революционной политики против царизма и войны, которую питерский пролетариат проводил в жизнь от начала войны. На все вопли об «изоляции», нежелании итти на единство с большой буквы, мы отвечали усилением нашей революционной деятельности в массах и укреплением наших подпольных организаций. И мы считали, что решительностью своей борьбы мы объединим гораздо прочнее наиболее активные элементы революционной демократии вокруг наших знамен, чем путем дипломатических соглашений, идущих в сторону притупления нашей борьбы.

Собрание у гальперна было посвящено предполагавшемуся выступлению в день открытия Государственной Думы. На нем присутствовали: от фракции меньшевиков Н. С. Чхеидзе, Скобелев; от социалистов-революционеров—А. Ф. Керенский и Александрович (он же Пьер Ораж); от большевиков был один я. Там же присутствовали: Н. Д. Соколов, хозяин квартиры Гальперн и еще несколько человек, имена и фамилии которых не сохранились в моей памяти.

На этом собрании мне поставили вопрос о том, как мы относимся к тому движению, которое подготовляется в населении Петрограда и связывается с днем открытия заседаний Государственной Думы. Я сообщил собравшимся, что наше официальное отношение к либеральному движению в пользу «правительства спасения страны» за поддержку Думы и зовущее рабочих к единению с ней—отрицательное. Я заявил, что наша партия решительно несогласна обманывать рабочих надеждами на Государственную Думу и ее прогрессивный блок. Мы будем выступать, как и раньше, с разоблачением политики Государственной Думы; в противовес единению с ней и борьбе через нее, будем призывать к немедленной борьбе с царизмом, путем политической стачки, уличных демонстраций будем вовлекать в нашу борьбу солдатские

массы и всю прочую «демократию Питера», если имеется еще таковая, кроме рабочих и солдат, готовая итти на борьбу..

Мое заявление вызвало горячее возражение со стороны А. Ф. Керенского, который боялся, что наше отрицательное отношение к думской оппозиции может «повредить демократии». Н. С. Чхеидзе проявил полную растерянность, но все вместе просили меня дать ответ на то, как мы намерены держаться по отношению к движению «14 февраля».

Само собой разумеется, заявил я, мы не будем препятствовать выступлению 14-го, в эти дни сами поведем агитацию за другие лозунги, но поддерживать хождения к Думе своим авторитетом не будем. Представитель с.-р. Пьер Ораж (Александрович) также стоял на моей точке зрения, чем и охлаждал истерический пыл А. Ф. Керенского. Долго совещаться не пришлось, и мы с Александровичем, оба нелегальные, покинули собрание у Гальперна.

Каковы были намерения и надежды буржуазии на выступления рабочих в день открытия Думы, сказать трудно. Несомненно лишь одно, что о выступлении в день 14-го февраля говорили всюду и открыто, как о непременном, решенном деле. Подготовляла ли буржуазия некоторый военный переворот к этому моменту, используя возбужденное состояние города и оппозиционное настроение командного состава, решить нам тогда было трудно.

Все же целый ряд косвенных данных говорил за то, что некоторые круги прогрессивного блока, либеральных придворных и военные готовились к каким-то событиям. Н. Д. Соколов говорил мне еще в начале 1917 года, что «кто-то» из либеральной и военной оппозиции подготовляет дворцовый переворот. Поступок Сумарокова и Пуришкевича, организовавших убийство Г. Распутина, был очень популярен в известных кругах. Этот путь для буржуазных политиков был более приемлемый, чем революция.

План заговорщиков состоял в том, чтобы опираясь на верхи воинских частей, арестовать Николая II, принудить его к отречению от престола в пользу сына Алексея. При Алексее предполагалось организовать регентство с Михаилом Александровичем во главе, а кн. Львова поставить во главе министерства, пользующегося доверием «общества».

Об этом заговоре было известно некоторым лицам из прогрессивного блока. Указывали, что близкими к центру этого дела являются А. И. Коновалов, А. И. Гучков, великий князь Кирилл и, кажется, из военных генерал Крымов, участник Корниловского восстания, застрелившийся в кабинете у Керенского после его неудачи.

В курсе этого дела были Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, И. А. Чхенкели, А. Ф. Керенский. Они были не только в курсе этого заговора, но подобно всем другим ожидали спасения от этого дворцового переворота. К. А. Гвоздев, бывший министр труда, передавал мне впоследствии, что между их группой деятелей при Военно-Промышленном комитете и фракцией Чхеидзе произошел разрыв на почве воззвания к выступлению в день открытия Государственной Думы. Скобелев открыто выражал свое негодование не только по поводу содержания воззвания и постановки вопроса о войне, но и по поводу самого факта его появления. Думские меньшевики боялись, что народное движение сможет расстроить планы дворцового переворота. Этакое отношение меньшевиков - «марксистов» свидетельствовало о крайней их растерянности. Лично я не помню ни одного свидания с Чхеидзе, на котором бы он не был «растерянным», но в этой растерянности была своя логика и, пожалуй «линия». За время войны фракция совершенно оторвалась от массового рабочего движения и попала целиком в лагерь буржуазной оппозиции.

Подготовлявшееся к открытию Думы движение на 14-ое февраля, в силу указанных мною выше причин, растянулось с 10-го по 15-ое февраля. День 14 февраля прошел по Петербургу в таком виде: Невский район: забастовка на Обуховском, было устроено два митинга; бастовали Карточная фабрика, у Торнтона, на Атласе и др. мелких предприятиях. В городских районах прошло спокойно. На Выборгской стороне бастовали Айваз, Экваль, Рено, Новый и Старый Лесснер, Парвиайнен, Эриксон, Феникс, Металлический, Промет, Лебедев и др. На некоторых заводах рабочие вышли с пением революционных песен, а Новолесснеровцы небольшой группой, человек двести, в присутствии угрожающей полиции, с криками «долой войну!» и «хлеба!»

демонстративно шли в город и были рассеяны только обнаженными шашками.

В Московском районе: демонстрация у Скорохода была рассеяна нагайками полиции. За Нарвской: Путиловцы вышли с двумя красными знаменами и надписями на них: 1) Долой правительство, да здравствует республика; 2) Долой войну! Произошла стычка с полицией; были аресты. Настроение рабочих приподнятое. Администрация назначила некоторых рабочих к расчету, предстояла борьба.

Васильевский Остров. Уже с 9-го февраля на Трубочном было неспокойно, шли митинги. На Кабельном были 14-го митинги и забастовка, все шло под нашими лозунгами. Бастовало много мелких предприятий.

Студенты также проявили себя кое-чем в эти дни.—13-го была сходка в Политехническом Институте, присутствовало 500 чел., была принята наша общеполитическая резолюция, а также протест против суда над депутатами и объявлена трехдневная забастовка. Была сходка и в Лесном Институте, на которой объявлена двухдневная забастовка. Стебутовские курсы: сходка и объявление однодневной забастовки. Разошлись с демонстративным пением революционных песен. На курсах Лесгафта была созвана сходка, на которой произошло объявление трехдневной забастовки, которая на другой день была сорвана. На сходке в университете студенты раскололись на вопросе о том, под какими лозунгами итти и куда итти демонстрировать. После дебатов вынесли решение: одна часть—итти к Таврическому дворцу, другая—на Невский. Политехнический институт: 14-го студенты устроили вторую сходку и решили итти на Невский.

День 14-го февраля я провел на улицах. Чтобы избежать подозрений, принял «буржуазный» вид, пригласил с собою одну из работавших по поручению Бюро Центрального комитета курсисток и долго бродил около Таврического Дворца, ожидая поддержки Государственной Думе. Я провел в районе водокачки, Смольного около пары часов, но не было видно «массового движения» ни по Шпалерной улице, ни по другим. Только встревоженные обыватели щупали любопытными глазами окрестности Таврического дворца, да прислуга барских домов, денщики из казарменных квартир, дворники по «долгу службы» стояли робкими кучками на

некоторых уголках, вдали от здания Государственной Думы, ожидая «беспорядков». Полицейских сил не было видно, очевидно, они были припрятаны. Так и не удалось мне видеть «массовой поддержки» Государственной Думы. Другим посчастливилось. После этих дней мне товарищи сообщали, что небольшая группа, до 500 человек, собралась около Таврического Дворца, но была рассеяна полицией. Невский же проспект весь день кишел конной и пешей полицией, а также учащейся молодежью, певшей песни, ходившей большими группами. Полиция пыталась производить аресты, но встречала усиленное сопротивление и, несмотря на усердие, смогла арестовать всего около двух десятков демонстрантов. По нашим сведениям, всего бастовало в этот день около 80.000 рабочих [1]).

В Москве план выступления на 13—14, предложенный Бюро Ц. К., как я уже сказал, был принят. Московский Комитет выпустил листок, но всего лишь в количестве 500 экземпляров. И это немногое число крайне плохо распространено, помешали массовые обыски и аресты. 13—14 бастовала Симоновская слобода: зав. Динамо и Бари, куда, главным образом, и попали листки. Бастовали Сокольничьи мастерские военного снаряжения и несколько мелких предприятий. Усиленные наряды полиции разгоняли по улицам собиравшиеся толпы народа.

Как и следовало ожидать, призыв к поддержке Государственной Думы, той Думы, которая все время поддерживала правительство в его борьбе с рабочими, помогала царской власти душить деревню, этот призыв не мог зажечь сердца Питерских рабочих энтузиазмом борьбы и самопожертвования. Мы использовали эти дни для развертывания наших лозунгов революционной, уличной, политической борьбы с царизмом.

Несколько дней спустя после этих событий, я встретился с А. Ф. Керенским у Н. Д. Соколова буквально в дверях. Керенский был очень возбужден и истерическим тоном осыпал меня градом злых упреков. Я совершенно не ожидал такой встречи и был немало удивлен такому состоянию А. Ф. Керенского.

«Вы разбили подготовленное с таким трудом движение демократии!..»

---

[1]) Смотрите приложение восемнадцатое.

«Вы играли на руку царскому правительству!..»

«Все было подготовлено для торжества демократии, а вашей политикой вы его сорвали!..»

В течение нескольких минут на меня лились обвинения, сыпались упреки. Я быстро понял, что имею перед собой истерика, спор был бесполезен.

Как ни возмутительны были упреки, я выдержал себя и не горячась спросил, а чем же мы помешали «их революционной демократии» притти и пасть к стопам Родзянко?

«Если масса не пошла к Думе,—продолжал я,—то винить нас за это вы можете, но я лично считаю это нашей заслугой перед революцией».

«Вы недовольны нами, но мы, наши организации, никогда не обязывались проводить ваши лозунги, ваши мысли в жизнь, в массы».

«Где же вы были раньше?—спросил я.—Где были вы и ваши организации в эти дни, чтобы вести массы к Думе?»

«Шли бы к этой массе на фабрики и заводы и там убеждали бы ее поступить по вашему желанию, так же, как делали это мы».

Мое спокойствие подействовало на него, но все же мы смотрели друг на друга очень враждебно. К удивлению любезного хозяина, Н. Д., обменялись еще несколькими взаимными резкостями и разошлись враждебно, не пожав друг другу руки.

Этот разговор, особенно заявление А. Ф. Керенского, что «все было готово», навело меня на мысли о том, что заговорщики также задумали использовать эти дни для приведения в исполнение своих планов. Это было только мимолетное предположение. Выяснять это дело не было ни времени, ни желания.

О работе революционного подполья правительство было хорошо осведомлено. Тайная агентура давала частенько знать о себе нашим партийным организациям, предавая наши руководящие органы. Деятельность социал-демократических организаций по подготовке уличных выступлений рабочих, солдат и учащейся молодежи обеспокоили царское правительство. Зная о том, как относится рабочее население к агитации за революционные выступления, видя по докладам явной и тайной полиции, какой успех имеют среди масс призывы «на

Невский», «к Казанскому», под лозунгами «Долой войну и царское правительство», власти начали готовиться к борьбе. Для борьбы с революционным рабочим движением в Питере и его окрестностях, был организован особый штаб «внутреннего фронта» при Петроградском военном округе, начальником коего состоял генерал Хабалов.

В начале 1917 года особенно энергично проявилось стремление царских ставленников к подготовке «надежных» воинских и полицейских команд. Петроградский гарнизон считался недостаточно надежным и принимались меры стягивания к столице «свежих» казачьих и других полков из Дикой Кавказской Дивизии.

Кроме того, генерал Хабалов подготовлял к уличной борьбе специальные полицейские части. На это дело борьбы с «внутренним врагом» уходило немало лучшего вооружения. Подобная же система борьбы проектировалась и во многих других промышленных городах и местечках. Военные власти передали полиции большое количество пулеметов, из которых полицейские отряды учились стрельбе. Вопрос о передаче полиции пулеметов, необходимых для действующих частей на фронте, поднимался в Особом Совещании по Обороне. На заседании Особого Совещания по Обороне от 21 января Родзянко и член Государственного Совета Карпов указывали военному министру на факты передачи полиции пулеметов в Петербурге, Москве и других городах. Военный министр Беляев оправдывался незнанием.

В штабе Петербургского военного округа кипела работа по разработке плана, вернее «планов» борьбы с возможными, ожидавшимися революционными выступлениями рабочих. Еще в январе нас предупреждали, о том, что в штабе округа «работает» жандармский генерал Гордон над изучением рабочих районов, путей к центру и на особых картах наносит пометки о том, где должны стоять пулеметы, воинские команды и полицейские части. Город был разделен на особые районы, охрана которых была поручена особым начальникам из стоявших в Питере воинских частей. Надежные части гарнизона, учебные команды, были расписаны по этим районам.

Принимавшиеся меры по подготовке подавления революционного движения на улицах Петербурга вполне оправды-

вали ходившие по городу слухи о том, что вчерашний блокист и друг Милюкова министр внутренних дел Протопопов решил жестоко расправиться с рабочей вольницей. Военные мероприятия власти окончательно подорвали в рабочих кругах всякий кредит «мирным иллюзиям» на исход надвигавшейся борьбы. Питерский пролетариат, а вместе с ним и рабочий класс всей России, вступая в битву, был свободен от либеральных надежд на полюбовное соглашение с царизмом.

Из жизни и деятельности Р. С.-Д. Р. П. (б.)

Основная партийная работа в январе семнадцатого года сосредоточивалась на проведении наших лозунгов в движении 9 января. Петербургскому Комитету приходилось одновременно вести борьбу и против лозунгов оборонцев, начинавших говорить революционные фразы, но на деле проводивших либеральную политику в рабочие массы.

Во многих местах центрального промышленного района происходили экономические стачки. Стачечное движение охватило подмосковный текстильный район: Иваново-Вознесенск, Шую, Кохму и др. местечки.

В Туле бастовал тульский ружейный завод. Были экономические конфликты и в Нижегородском районе.

В начале января повсеместно были традиционные — перед 9 января—обыски и аресты.

Руководство стачечным движением также падало на наши организации. За время войны профессиональные союзы были уничтожены. Защита интересов труда происходила неорганизованно. Партийные организации не могли заменить собой повседневную работу профессионального союза.

Бюро Центрального Комитета, совместно с Петербургским Комитетом и Московским Областным Бюро пришлось решать ряд вопросов, связанных с политическими выступлениями вокруг Государственной Думы. Из предшествующей главы результаты работы наших организаций видны.

Связи Бюро Ц. К. с местными организациями росли. Центральный промышленный район был связан через Москву. На юге работал посланный от Бюро Ю. Лутовинов. Связь с Поволжьем держали через Москву (а Москва через т. Милютина) и непосредственно через тов. Вадима (т. Тихомир-

нова). Сношениями с далекой Сибирью ведала вернувшаяся временно из ссылки Е. Д. Стасова. Из Сибири нам была доставлена выпущенная там прокламация [1]), нашего направления, за подписью «Комитет Рабочего Союза». Листок печатный с нашими лозунгами, помечен январем 1917 года и был выпущен, по нашим предположениям, в г. Канске.

Развертыванию работы не позволяла наша бедность. Привезенная мною небольшая сумма денег из Америки быстро иссякла. За время же от 1 декабря по 1 февраля мы имели поступлений всего 1117 рублей 50 коп. На содержание «профессионалов», каковыми являлись все трое членов Бюро Ц. К., расходовалось в месяц не более ста рублей на человека, несмотря на колоссальную дороговизну. Больших расходов требовал транспорт литературы от финских границ до питерских явок. По Финляндии все расходы несла финляндская социал-демократия.

Заграничная литература не могла удовлетворить все запросы внутри-российской работы. И мы с конца шестнадцатого года вели подготовительную работу по организации печатного дела внутри России. Мы предполагали поставить издание центрального органа внутри страны и всю работу по технике поручили В. Молотову. Остановка была за средствами. Нужно было для начала от 5 до 10 тысяч рублей, а их-то у нас и не было. Организовать сборы по заводам было трудно—пришлось бы говорить, хотя и узкому кругу лиц, о целях, на которые нужны эти средства.

Пошел к А. М. Горькому за советом о том, как и где добыть денег. Алексей Максимович обещал и через пару дней я получил от него три тысячи рублей, которые и сдал на хранение Н. Д. Соколову. Так было положено начало нашего фонда партийной печати.

Вспомнил разговор с представителем еврейского общества в Нью-Йорке, которому я передал материал об еврейских погромах за 500 долларов в 1916 году, согласно которому я мог еще получить денег, такую же сумму и в Питере. Поделился этим с Н. Д. Соколовым. Указанное мне лицо—Л. И. Брауде, чиновник Публичной библиотеки в Питере,—

---

[1]) Смотрите приложение одиннадцатое.

было ему известно, и он взял на себя переговоры относительно получения от него денег.

Переговоры закончились на этот раз также удачно: от Брауде за мою работу по вывозу документов удалось получить 1000 рублей. Таким образом к началу февраля у нас было уже 4000 рублей специального фонда для печати. Дальнейшим финансовым операциям помешали надвинувшиеся события начала февраля.

Не затрогивая этих сумм, мы вели подготовительные работы по организации солидной типографии. Оборудование было легко достать через партийных печатников. В январе было изготовлено несколько сложных переносных наборных касс для шрифта. Кассы исполнялись на заводе Эриксона тов. В. Н. Каюровым и на аэропланном заводе Лебедева тов. Д. А. Павловым, работавшим там мастером.

Не дожидаясь окончательной организации техники, Бюро Центрального Комитета решило издавать «Осведомительный Листок», размножая его примитивными способами—на пишущих машинках, гектографе. Нужда в информации была огромная. К нам стекалось много сведений, о которых необходимо было, хоть парой строк, извещать наши организации. Выполнять работу по составлению «Осведомительного Листка» пришлось лично мне, а техническую работу взяли на себя Е. Д. Стасова, Д. А. Павлов и ряд других добровольцев. Уже тогда мы намечали т. Стасову, а также других товарищей, имевших возможность размножать, в технические секретари Бюро Центрального Комитета.

Первый № «Осведомительного Листка» вышел 22-го января и посвящен информации о 9-м января. Во вступлении мы находим следующие строки: «Выпуская «Осведомительный Листок», Бюро ставит своей задачей посильное ознакомление российских социал-демократических организаций с положением дела в партии, с характером рабочего и общественного движения отдельных мест обширной России. В интересах полноты сведений Бюро предлагает всем организациям регулярно присылать информацию».

Трудно поддавалась нам организация регулярной связи с нашей заграничной частью Центрального Комитета. Во время своего проезда через Швецию и Финляндию в Россию мне удалось установить пути сношения. Литературу удава-

люсь получать, но регулярную отправку и получение писем так и не пришлось наладить, за отсутствием средств. Переписка Бюро с заграничной частью Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. шла нерегулярно и в микроскопических размерах. Материалы же о нашей работе и литературные легальными и нелегальными путями мы высылали из России в большом количестве. Часть отправлений мне удалось найти на наших старых явках за границей, во время моей поездки туда в 1920 году и привезти в Россию. Среди документов имелось мое письмо от 11 февраля 1917 года в Центральный Комитет, находившийся в то время в Швейцарии, следующего содержания:

«Петроград, суббота 11 февраля 1917 г.

Дорогие друзья!

Пересылаю вам кое-что из материалов. Легальное и нелегальное. В декабре было отправлено вам, получили ли вы? От вас получил только одно письмо «Льву». Новой литературы еще нет. Старая получается. Почему не шлют новую?

Очень сожалею, что подолгу оставляю вас без вестей, но ничего не могу поделать. Все товарищи перегружены работой. Обещают и только. Организационные дела у нас не плохи, но могли бы быть куда лучше, если бы были люди. Теперь успешно организуем Юг, Поволжье, Урал. Основано Московское Областное Бюро. Ждем известий с Кавказа. Требуют людей и литературы. Постановка производства последней внутри России—очередная задача Б. Ц. К. Публику удалос ьподобрать хорошую, твердую и способную. По сравнению с тем, как обстоят дела у других—у нас блестяще. Можно сказать, что Всероссийская организация в данное время есть только у нас. Есть «дикие» группки, кружки, но это всегда было. Кое-где в Питере и провинции меньшевики, «объединенцы» и пр. отколовшиеся вновь вступают в ряды партии. Мы приветствуем такую мобилизацию пролетарских сил. «Центры» (Инициативная Группа и Объединенный Междурайонный Комитет) ведут речи о создании общей организации. Мы предлагаем им вступать в наши ряды.

Нет времени много писать, но все же нужно, хоть кратко, черкнуть, что делается.

Политическая борьба с каждым днем обостряется. Недовольство бушует по всей стране. Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган... Правительство гнет свою «политику», дезорганизовало всю страну. Кое-где становятся заводы за недостатком угля. В городах не бывает хлеба, а дороговизна принимает характер «голодовок»... В морозы—сидят без дров.

Настроение угрожающее. В обывательской массе еще есть иллюзии на Думу. Эти иллюзии питаются «оппозицией» Думы, но мы боремся с этим миражем. Прогрессивный блок ведет антинародную политику. Всякое проявление массового недовольства буржуазия à la Милюков старается дискретировать, представить в виде провокации...

В конце прошлого месяца из «Гвоздевских» кругов вышла прокламация-резолюция, призывавшая рабочих к демонстрации 14-го февраля вокруг Думы. Среди обывателей циркулируют слухи относительно «революции» от 14-го февраля. Действительно, психология массы очень подготовлена к уличным демонстрациям, хотя организованности былых времен нет. Демократия распылена, рабочие «разбавлены» различными спасающимися от позиции элементами: дворниками, лавочниками, домовладельцами и мужичками. Много женщин и детей. Все же необходимо приучать массы к уличной активной борьбе, и мы стояли за использование этих дней для выступления. И в противовес гвоздевщине проводить движение не по линии поддержки Думе, в том «лукаво-демонстративном» виде, как хотели гвоздевцы, а *под своими* знаменами и *против* Государственной Думы.

Я был в Москве и москвичи разделяют эту позицию. С того времени гвоздевцев убрали. Организации, которая могла бы провести «хождение к Думе», нет, хотя возможна стихия. Наши товарищи стояли за всеобщую стачку в день суда над пятью депутатами (10—12 февраля 1915 г.), но Бюро было за перенесение на 13-ое, хотя стачку приспособить к годовщине суда. *10—12*—масленица. Некоторые заводы кончили работу 9-го, а большинство 10-го в 2 часа дня.

Объявлять забастовку на праздники—это уж глупо. Но эту глупость сделали. Когда Петербургский Комитет получил наше послание—у него уже был заготовлен листок (приложен) довольно неудачный. Но, как мы и предвидели, 10-го

стачка не состоялась. Бросили работу за 1—2 часа до окончания всего не больше заводов 5-ти. Таким образом, наносится небольшой удар Петербургскому Комитету, но это сгладится выходом второй листовки и забастовкой в день 13-го февраля.

Правительство уже угрожает. Читайте приложенную хабаловщину. Милюков в виде «разъяснения» от своих блокистов говорит о провокации, о депутатах, «которые раздают оружие» и т. д. Его ссылка на завод Лесснера, где якобы выступали от его имени—*ложь*, все остальное—тоже подлая ложь. Сделаем соответствующее опровержение, если «хабаловщина» разрешит.

Либералы, а из них Милюков ведет себя подлецом по отношению к революционному движению. Клеймите его перед лицом демократии всего мира!

Ну, пока будет.

9-го забастовал завод в Колпино. Подробности готовящегося движения сообщу в следующей близкой почте.

Привет и лучшие пожелания.

Ваш *С.*

Р. S. Предложите Г. Зиновьеву отмежеваться *по телеграфу* от «Волны». Он причиняет вред организации, и все последствия падут на него.

Пишите статьи!»

В постскриптуме дело идет относительно участия Гр. Зиновьева в организованном Л. Старком и М. Черномазовым (провокатор) издательстве «Волна», куда он направил, по неосведомленности, свою рукопись. Эта посылка дала повод Л. Старку и Черномазову спекулировать на том, что Центральный Комитет был против отстранения их от партийных организаций.

Январские и февральские дни повлекли за собой многочисленные аресты наших партийных работников. В Питере, где особенно грандиозно развертывались события, Петербургский Комитет был очень ослаблен провалами. Однако районы стояли сравнительно крепко и провалы, имевшиеся там, не нарушали работы организаций. Этакое положение в низах

придавало нам бодрости и уверенности в преодолении всех затруднений.

Самым крепким и богатым работниками районом являлась в то время Выборгская сторона. В этом районе были расположены новейшие заводы, устроенные по последнему слову техники, требовавшие много рабочих высокой квалификации. Заработная плата на них была выше, чем в других районах. Это условие привлекало в район наиболее развитых и предприимчивых пролетариев, среди которых мы имели очень много наших активных работников. Жилищные полудачные условия и сообщение до Финляндской ж. д. давали возможность работать на Выборгской стороне многим из товарищей, не имевших возможности свободного житья в пределах Питера. Условия местности позволяли лучше, чем где-либо, конспирировать квартиры и даже технику.

Работники Выборгского района того времени являлись по существу руководителями и самого Петербургского Комитета. Нередки были случаи, в истории подполья военного времени, когда Выборгскому Районному Комитету приходилось нести работу всего Петербургского Комитета. Исходя из такой роли Выборгского района, а также отчасти из условий конспирации, я лично основался также на Выборгской стороне, кочуя с одной квартиры на другую.

В конце шестнадцатого года Бюро Ц. К. уже твердо закрепилось в «штаб-квартире» Д. А. Павлова, в доме № 35 по Сердобольской улице. Благодаря умелой конспирации М. Г. и Д. А. Павловых эта квартира продержалась без провала до дней февральской революции.

Пребывание в рабочем районе давало мне возможность быть в курсе всей пролетарской жизни столицы, а через связи отдельных рабочих со своими коллегами других городов, иметь помимо связи с организациями и непосредственную информацию о положении дела в пролетарской среде различных концов страны.

Помимо официальных свиданий и встреч с членами Петербургского Комитета, я имел много частных совещаний с отдельными группами рабочих, ведших партийную работу в различных местах. На этих беседах, носивших исключительно товарищеский характер, все работники делились своими сомнениями, своим опытом и пытались коллективно разрешить

волновавшие нас уже в конце января и начале февраля вопросы революционного движения в стране. Многих волновал вопрос о вооружении. Как бы добыть оружие, как бы организовать, в противовес полицейским силам, свои вооруженные дружины? Неменьше этого обсуждался вопрос о том, как втянуть в революционное движение солдат. Все понимали, что без армии, без активного содействия солдат, революция в условиях военного времени победить не сможет.

Нередко по целому ряду вопросов возникала оживленная дискуссия. Я помню случаи, когда споры поднимались до вопросов о характере нашей грядущей революции. Многим товарищам было «не по-душе» ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка. В Харькове, как нам сообщали, на почве теоретической оценки характера революции в нашей стране, возникли разногласия. Часть товарищей рассматривала надвигающуюся революцию, как начало социалистической эпохи. Другая ограничивала ее задачами буржуазной демократии.

Из участников наших бесед помню В. Н. Каюрова, Г. И. Осипова, Н. И. Назарова, Д. А. Павлова, Чугурина, Куклина, И. М. Бубнова (Афанасьев-Климонов), Н. Г. Полетаева, Шурканова, Скороходова, Лебедева и много других, имена которых утратил.

По вопросам вооружения рабочих мы держались того взгляда, что оружие рабочие должны добыть от солдат. Я решительно возражал тем товарищам, которые думали, что революцию можно обеспечить боевыми дружинами. Только массовый переход войск на нашу сторону может обеспечить победу, говорил я. Отсюда и вытекали наши задачи. Они шли не в сторону организации дружин, а в направлении связи с казармами, работы среди солдат. В то время, когда рабочее движение выльется в уличные политические демонстрации, а к этому мы шли быстрыми шагами, правительству не хватит полицейских сил и оно вынуждено будет втянуть в борьбу и войска. Настроение же войск нам было сравнительно хорошо известно: тяготы войны не были по-душе крестьянину, одетому в серую шинель. Технические же части войск, в которых были мобилизованные рабочие, по своему настроению ничем не отличались от рабочих фабрик и заводов. В моменты обострения борьбы рабочих с прави-

тельством мы не сомневались в том, что эти части будут с нами. Уже в конце шестнадцатого года были случаи, когда запасные солдаты выражали активно свою солидарность с рабочими, в частности во время стачки завода Новый Лесснер. При столкновении же рабочих с полицией, симпатии солдат были всецело на стороне рабочих. Запасные солдаты питали жгучую ненависть к полицейским, которых они рассматривали, как укрывавшихся от войны. От нас, революционных социал-демократов, требовалось уменье подойти к солдатской массе, чтобы втянуть эту силу в борьбу с царизмом. И Бюро Центрального Комитета, на совместных совещаниях или свиданиях с представителями Исполнительной Комиссии П. К., подчеркивало необходимость втягивания солдат при всяком нашем выступлении. По этим вопросам у нас было полное единодушие с работниками Петербургского Комитета. Регулярную личную связь с нами в период января—февраля поддерживал товарищ Михаил (К. И. Шутко), состоявший членом Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета.

События, имевшие место в начале февраля, вызвали у целого ряда товарищей печаль по поводу нашей неорганизованности. Многие товарищи высказывали свои соображения, целесообразно ли призывать рабочих к революционным действиям, когда наши организации не смогут овладеть движением? Не обождать ли, не преждевременно ли вызываемое нами революционное движение? Такие мысли приходилось встречать отнюдь не у пессимистически настроенных товарищей. У товарищей «объединенцев», среди которых были отнюдь не пессимисты и не умеренные элементы, эти соображения откровенно выражены в резолюции о движении в день 14-го февраля. Происходило же это от того, что товарищи рассматривали приближавшиеся с неотвратимой неизбежностью революционные события, с точки зрения их технической, организационной подготовки.

В наших организациях того времени мы имели только очень тонкий слой наиболее отважных, сознательных рабочих. На уменьи, авторитете их среди рабочих росло и крепло влияние нашей партии. Конечно, нашу подпольную организованность нельзя было и сравнивать с организованностью буржуазии. Буржуазия великолепно и умело использовала войну

для самоорганизации. У нас же не было ни политических, ни профессиональных, ни просветительных свободных организаций даже в той степени, как имела их буржуазия нашей страны. Но именно поэтому-то и развивалось у нас революционное движение, которое в первую очередь должно было освободить пути к организации рабочего класса. Приходилось указывать товарищам, что перед нами стоит еще стихийный революционный процесс. Мир еще не видел организованной революции. В этом стихийном процессе организующее значение имеют наши лозунги, наши кружки и партийные организации. В момент стихийной борьбы, каковой являлась ожидавшаяся нами революция, роль и значение крепких пролетарских организаций будет огромна. За примерами итти далеко не приходилось: у каждого рабочего они были на памяти, по опыту наших стачек, протестов и демонстраций. Стойкая, сплоченная и энергичная группа рабочих, революционных социал-демократов, в моменты выступлений рабочих всегда оказывалась во главе движения. Еще большее значение должны будут иметь наши организации, наши заводские и фабричные рабочие кружки, военные коллективы, в момент решительных боев с царским правительством. Наши заводские, фабричные и прочие партийные кружки и коллективы должны будут объединять вокруг себя все беспартийные рабочие и солдатские массы и являться проводниками партийного руководства в революционные массы.

Давая такое определение роли и значения организованности в момент революционных схваток, нам приходилось опровергать и бороться с некоторыми заблуждениями и иллюзиями товарищей относительно преувеличения сил рабочего класса в надвигавшейся борьбе. Некоторые товарищи полагали достаточным одних пролетарских сил для успешного завершения революции. К Петербургскому Комитету, к Бюро Центрального Комитета они предъявляли требования на оружие, имея в виду организацию боевых дружин. В своих мотивах эти товарищи опирались на высокую солидарность питерских рабочих, их энтузиазм и на возможный нейтралитет и дезорганизацию войск. Отнюдь не преуменьшая роль пролетариата в предстоявших событиях, мы решительно возражали товарищам, что победоносная всероссийская революция, а не восстание в том или ином центре, воз-

можна лишь при активном участии в ней солдатских масс. И же просьбы о добыче, приобретении оружия я сознательно отклонял, предлагая желающим, жаждущим оружия, получить его «по знакомству» в казармах. Мы не питали обманчивых надежд, что можем соперничать своим вооружением с воинскими частями, а понятую нам жажду вооружения тактически сочетали с необходимостью связи рабочих с казармами, предлагали поощрять массовое знакомство в войсках, братания с солдатами в моменты уличных встреч и т. д.

В наших товарищеских дискуссиях нередко подходили мы и к вопросу о власти. Однако все разговоры о власти, ее классовом составе носили отвлеченный, «принципиальный» характер. Все прекрасно понимали, что вопрос о власти, об ее характере будет решен реальным соотношением сил в той борьбе, которая развертывалась перед нами. Попытки конкретизировать вопросы власти не встречали живого отклика среди наших работников. Все детали и обсуждения такого порядка встречали ироническое отношение—«нельзя делить шкуру еще не убитого зверя». Однако это вовсе не означало, что наши организации были равнодушны к основному вопросу революции, о составе власти. Принципиальная сторона вопроса была решена еще в эпоху первой русской революции, и никаких сомнений или отклонений в нашей среде не замечалось. В наших воззваниях, листовках мы выдвигали лозунги Временного Революционного Правительства, осуществляющего немедленно основные требования нашей социал-демократической программы минимум, с добавлением к нему пунктов о прекращении войны. Мы знали и понимали, что буржуазия попытается крепко уцепиться за власть, использует в целях удержания ее в своих руках весь свой «оппозиционный» капитал и соглашательские способности как направо, так и налево. Но мы знали и понимали еще задолго до решительных боев, что буржуазное правительство из состава даже левой части прогрессивного блока Государственной Думы не в состоянии будет осуществить требований нашей революции, особенно в вопросе о войне. Классовый характер прогрессивного блока, его империалистический уклон стояли в прямом противоречии с требованиями революционного народа.

Обсуждая вопросы власти, мы логически подходили к правительству «революционной демократии», создающемуся на началах соглашения между существующими в стране тремя основными революционными и социалистическими партиями—Социал-Демократической Рабочей Партией—большевиков, Социал-Демократической Рабочей Партией—меньшевиков и Партией Социалистов-Революционеров. Однако при первой же попытке конкретизировать основы междупартийного соглашения для организации Временного Революционного Правительства, мы вскрывали глубокие разногласия между политическими группировками по одному из основных вопросов революции—по вопросу о войне. Вопросы войны становились краеугольными камнями всей политики, к требованиям войны приспосабливали всю внутреннюю политику, вся экономическая жизнь строилась применительно к потребностям войны. А единства по отношению к военной политике русской буржуазии среди социалистов не было. Большую тревогу испытывали мы, когда останавливались на том, какие огромные разрушения произвела война, даже царская война, в рядах русских социалистических партий. Правда, мы были уверены в том, что именно наши антивоенные лозунги встретят наибольший отклик в революционных массах, так как они, эти лозунги, правильнее других отвечают экономическому положению трудящихся. Наша уверенность отнюдь не была кабинетной, измышленной, досужей фантазией человеколюбия, нет, она явилась в результате нашего подпольного опыта. За два с половиной года войны мы имели возможность много раз убедиться в том, как принимает и правильно оценивает наши лозунги широкая рабочая масса. Не меньшие успехи имела наша кампания и среди крестьян-солдат. Те «освободительные» мотивы, гуманитарные идеи борьбы с милитаризмом, под которыми вели на бойню западноевропейских рабочих, не могли играть того же значения на почве русского варварского царизма. Так было, но трудно было определить, как будет в момент переворота и после него. Русская буржуазия имела некоторые способности по использовыванию опыта своих европейских коллег. Нам, еще в подполье, приходилось считаться с этим во время выборной кампании в Военно-Промышленные Комитеты. И мы допускали, что победа революционного движения может спо-

собствовать проявлению так называемого «национального самосознания», в виде усиления патриотизма. И все же мы были уверены в том, что конечная победа в вопросе о войне, несмотря на возможный взрыв патриотизма, будет принадлежать нашим лозунгам, единственным, отвечавшим материальным интересам трудящихся нашей страны. Как организация, как партия, мы были достаточно сильны, чтобы обеспечить себе полную свободу пропаганды наших идей, наших лозунгов борьбы с патриотизмом и оборончеством. Этого одного нам было бы достаточно для обеспечения успеха и победы нашим лозунгам.

После январских выступлений (9 января), наши питерские организации росли и крепли. Все крупные предприятия, особенно металлообрабатывающей промышленности, были связаны сетью кружков и заводских партийных коллективов. В связи с организацией оборонческими (меньшевистскими и эс-эровскими) элементами движения вокруг Государственной Думы, работа наших заводских кружков, коллективов и районных партийных комитетов била ключем. В гуще питерского пролетариата, по всем фабрикам и заводам велась усиленная агитация и борьба вокруг двух лозунгов: 1) единения вокруг Гос. Думы и 2) выход на улицу для борьбы с царским самодержавием и его приспешниками. К Государственной Думе с петициями и резолюциями!—звали меньшевики и эс-эры оборонцы. На Невский, к солдатам, к оружию!—звали наши большевики.

В эти годы войны и, в частности, в эти предреволюционные месяцы 1917 года, наша Российская Социал-Демократическая Партия (большевиков) была сильнейшей партией подполья. Как ни пытались меньшевики и социал-революционеры, поддержанные всеми легальными средствами буржуазных организаций, подчинить рабочие массы своему влиянию, им это не удавалось. Движение к Государственной Думе, организованное ими, наглядно показало слабость их влияния. Питерский пролетариат не пошел к прогрессивному блоку. В этом мы видели наши успехи и по этим признакам судили о степени нашего влияния на пролетариев фабрик и заводов.

Однако мы не почили на победных лаврах, а предложили всем организациям усилить работу по агитации за лозунги

уличных выступлений. От нехождения масс к Государственной Думе, до выхода на Невский, на Казанскую площадь, было еще далеко. За время войны нами впервые практически ставился перед рабочими массами вопрос об уличных демонстрациях, об уличной борьбе. Нужно, требовалось время для его усвоения, а когда вопрос об уличных демонстрациях будет всеми осознан, тогда дело пойдет самоходом. Когда это произойдет, от какого события и дня, мы не гадали, даже не ставили перед собой такого вопроса, а вели упорно и последовательно нашу работу. Победа наших лозунгов оказалась не за горами.

На бой с царизмом.

Во второй половине февраля, числа 18-го, вспыхнула забастовка в одной мастерской Путиловского завода. Стачка возникла из-за солидарности, в виде протеста и поддержки произвольно увольняемых администрацией рабочих. По всем мастерским состоялись митинги, на которых была подвергнута суровой критике деятельность администрации. Была избрана особая делегация с наказом добиваться возвращения на прежние места работы уволенных товарищей.

Делегация от мастерских ходила к директору, но уступок не добилась. Директор не только не обещал удовлетворить требования рабочих, но грозил расчетом и всему составу делегации от рабочих. По мастерским каждый день происходили митинги, а 21-го был устроен общезаводский митинг, который настаивал на возвращении уволенных. В эти же дни «верфь» Путиловских заводов предъявила экономическое требование о повышении заработной платы на 20—60%. В виде подкрепления своих требований рабочие начали «итальянить», т.-е. каждый находился у своего дела, но ничего не делал. 22-го стали на работу, но администрация объявила рабочим локаут.

Рабочие встретили объявление локаута дружным решением не уступать, и избрали стачечный комитет. Стачка солидарности и экономическая превращалась в политическое событие огромной важности. Остановка завода-гиганта в 30 тысяч рабочих рук, в столице, переполненной оппозиционным настроением рабочих и солдат, не могла пройти без

вмешательства в эту борьбу всего питерского пролетариата. Сами путиловцы решили обратиться за поддержкой ко всем рабочим Петербурга.

Кое-где в рабочих районах в эти дни отсутствовал хлеб, постепенно исчезали и другие продукты питания. На рынках рабочих кварталов цены на продукт, поднимались. Это положение чрезвычайно тяжело отзывалось, прежде всего, на работницах, многие из которых были одновременно и хозяйками дома, имели детей или других членов семьи на попечении.

Наступавший «женский день» или «день работницы» имел уже подготовленную жизнью тему для протеста. Организованные нашей партией, женщины требовали от Выборгского районного комитета, чтобы в день 23-го февраля были устроены митинги. Тема для ораторов была: «Война, дороговизна и положение работниц». Нелегальная типография Петербургским Комитетом еще не была налажена, а поэтому листовки, посвященной «женскому дню», выпущено не было. По городу кое-где ходил один листок Междурайонного комитета, посвященный этому дню [1]).

Двадцать третье февраля.

Митинги в день 23-го были устроены на многих заводах и фабриках, где эксплоатировался женский труд. Собрания всюду проходили удачно, с подъемом и под нашими революционными и антивоенными требованиями. Напряженная атмосфера последних дней выражалась в боевых предложениях. Пущенный и пропагандированный нами лозунг борьбы—«на Невский»—прививался в сознании широких масс. Женщины, работницы Выборгской стороны, были первыми активными проводницами этого нашего решения. Митинги закончились приостановкой работ, съемкой работающих. По Выборгским улицам ходили толпы демонстрировавших работниц. По пути к городу они снимали работающих и с криками «долой войну» и «хлеба» направлялись к центру города. Кое-где были стычки с полицией. На мостах, соединяющих Выборгскую сторону с другими частями города, и особенно на Литейном, были сосредоточены усиленные отряды кон-

---

[1]) См. приложение семнадцатое.

ной и пешей полиции, не пропускавшие никого из рабочих в город. Производились аресты. Над городом, особенно над его рабочими кварталами, навис полицейский террор.

Бо̀льшую часть этого дня я провел на квартире Бюро Центрального Комитета по Сердобольской улице, д. 35, у т.т. Павловых. Туда стекались сведения со всего Выборгского района. Постоянными посетителями были старые партийные руководители района и представители Петербургского Комитета нового состава, товарищи: Скороходов, Каюров, Чугурин, Александров, Куклин и др. К вечеру известия с заводов говорили о том, что на следующий день район Выборгской стороны будет весь охвачен забастовкой. Настроение было бодрое, революционное и боевое не только у рабочих, но и у работниц.

Часу в шестом вечера я покинул квартиру и двинулся в путь, в город, чтобы там получить сведения о положении дела в других кругах, о готовящихся мероприятиях власти. На углу Сердобольской взял трамвай «двадцатку», переполненную рабочими и работницами, едущими в город. На Литейном мосту, у дома Хабалова, стояли большие полицейские части. Каждый едущий в город вагон трамвая останавливали по середине моста, в вагоны входили околоточные, городовые и проверяли едущих. Поверка, сортировка пассажиров, которым разрешалось ехать в город, происходила на глаз. Околоточные делили публику по одежке и рукам—рабочие руки, рабочая одежда—изгонялись из вагона. Возражавших выводили или арестовывали. Ехать могла только «чистая публика». Я лично был одет достаточно чисто, на моих руках уже с год, как исчезли мозоли, поэтому меня оставили, и я свободно проехал в город.

Однако эта полицейская мера не могла предохранить центр от проникновения крамольных рабочих. Прежде всего, и в самом городе их было достаточно. Из Выборгского же и других районов рабочие шли тропинками по льду, обходя расставленные на мостах полицейские рогатки.

По Невскому проспекту в этот вечер бродило много рабочих. В прилегающих к нему улицах были расположены скрытые полицейские отряды. Обычная публика Невского проспекта наблюдала с некоторым страхом и любопытством все таинственное для нее, совершавшееся в центре города. Кое-

где патрули городовых, под руководством приставов и околоточных «очищали» и «сортировали» публику на самом Невском. Рабочих, ходивших группами или даже в одиночку, изгоняли с Невского. Эта работа вызывала скопление зрителей, а рабочая молодежь занималась своеобразной игрой в прятки с полицейскими.

По всем мероприятиям царских властей, расположению полицейских сил, не трудно было видеть, что правительство хорошо осведомлено о нашей работе, о наших призывах к борьбе в центре, к демонстрации и митингам на Невском, и готовилось дать нам беспощадный бой.

За много недель перед этим полицейские части обучались обращению и стрельбе из пулеметов. Говорили даже о готовности правительства создать полицейские «артиллерийские» команды. Надежды на питерский гарнизон у царских слуг не было. Нам было очень хорошо известно о приготовлениях царских слуг для борьбы на «внутреннем фронте». Нам передавали даже некоторые детали. У начальника Петербургского военного округа, генерала Хабалова, в его канцелярии «работал» жандармский генерал Гордон, обложенный картами и точными планами Питера. На картах он делал пометки с указанием о том, где, на каких отдельных улицах, перекрестках и т. п. должны быть поставлены полицейские части и пулеметы. Ввиду малой надежности питерского гарнизона, предполагалось стянуть к городу казачьи части. Говорили даже о привозе Дикой дивизии.

Факт передачи военным ведомством большого количества пулеметов в распоряжение полиции в Питере, Москве и других крупных промышленных центрах был установлен еще 21-го января на заседании «Особого совещания по обороне», состоявшемся под председательством военного министра Беляева, членом Государственного Совета Карповым и председателем Думы Родзянко.

Чрезвычайно интересную картину начала движения дают полицейские сводки сведений по участкам города. Вступительная характеристика движения указывает также и на переход дела подавления революционного движения в руки военных властей.

Начальником охраны города оказывается уже не генерал-лейтенант Чебыкин, а полковник Павленко.

Нижеприводимые сводки разбиты по отделениям и участкам в том порядке, как указано в приведенном мною стратегическом плане в главе «Подготовка подавления революции».

Свод сведений

о ходе рабочих беспорядков в городе Петрограде, возникших 23-го февраля 1917 года.

23-го февраля.

23-го февраля с утра явившиеся на заводы и фабрики рабочие Выборгского района постепенно стали прекращать работы и толпами выходить на улицу, выражая протест и недовольство по поводу недостатка хлеба, который особенно чувствовался в названном фабричном районе, где, по наблюдениям местной полиции, за последние дни многие совершенно не могли получить хлеба. Движение рабочих масс, как видно из доклада начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, в большинстве носило настолько демонстративный характер, что их приходилось рассеивать нарядами полиции.

Вскоре весть о забастовке разнеслась по предприятиям других районов, мастеровые которых также стали присоединяться к бастующим. Рабочие Выборгского района около часу дня, выходя толпами на улицы с криками: «дайте хлеба!» стали одновременно производить в разных местах беспорядки, снимая с работ работавших товарищей и останавливая движение трамваев, при чем демонстранты отнимали у вагоновожатых ключи от электрических двигателей и били стекла в некоторых вагонах. Забастовщики, энергично разгоняемые нарядами полиции, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в других, проявляя в этом особое упорство. Попытки рабочих Выборгского района перейти толпами в центральную часть города предупреждались в течение всего дня нарядами полиции, охранявшими мосты и набережные, но к четырем часам дня часть рабочих все-таки перешла поодиночке через мосты и по льду реки Невы на большом ее протяжении и достигла набережной левого берега, где рабочим удалось сгруппироваться в боковых, прилегающих к

набережной улицах, и затем почти одновременно снять с работ рабочих некоторых заводов и, далее, произвести демонстрации на Литейном и Суворовском проспектах, где рабочие вскоре были разогнаны. Чины полиции, при рассеивании скопищ рабочих, подвергались нападению и насилиям со стороны демонстрантов.

Около двух часов дня охрана порядка и спокойствия в столице была принята военными властями и в лице начальника охраны полковника Павленко.

В течение дня были прекращены работы, по сведениям участковой полиции, в 50 фабрично-заводских предприятиях, где забастовали 87.534 рабочих, а по данным охранного отделения, бастовало 43 предприятия с 78.443 рабочими.

До настоящего времени поступили следующие официальные донесения о беспорядках 23-го февраля:

По первому отделению.

Первый участок Адмиралтейской части.

Около четырех часов дня городовой, стоявший на посту у Верхне-Лебяжьего моста, заметив скопление людей и услышав крики и свист у часовни Спасителя и у въезда на Троицкий мост, тотчас же сообщил об этом в управление участка. До прибытия немедленно высланного из участка наряда, рабочие около 200 человек прошли через мост по направлению к Михайловскому мосту.

Первый участок Казанской части.

В 4 часа 40 минут дня к Казанскому мосту на Невском проспекте со стороны Михайловской улицы подошла с пением песен и криками: «давайте хлеба!» толпа приблизительно из 1.000 человек, преимущественно женщин и подростков. Толпа эта немедленно при содействии чинов полиции и жандармов, а также 2 взводов 9 запасного кавалерийского полка, под руководством полицеймейстера первого отделения д. с. с. Значковского, была рассеяна, при чем пострадавших не было. После этого Невский проспект освещался конными патрулями от кавалерийского полка и жандармского дивизиона.

Второй участок Спасской части.

В пятом часу дня толпа рабочих до 150 человек, преимущественно молодежи, вышла с Садовой улицы на Невский проспект с пением рабочей марсельезы, направляясь к Адмиралтейскому проспекту, но была рассеяна полицейскими нарядами и казачьим разъездом. Часть рабочих успела против здания Городской Думы снять и унести с трех моторных вагонов трамвая рукоятки.

Первый участок Литейной части.

Около 5-ти часов дня толпа численностью до 200 человек подступила к запертым воротам Орудийного завода (Литейный проспект, № 3) и, сорвав засов, ворвалась в раздевальную, откуда была удалена при содействии полицейского надзирателя Шавкунова, который обнажил шашку и вынул револьвер, заставив этим толпу отхлынуть. Однако часть толпы успела проникнуть в мастерские и снять рабочих в числе 1.900 человек. При удалении толпы из раздевальной было похищено 10 пальто и разбито около 20 стекол. В то же время другая толпа, проникнув со стороны Шпалерной улицы в мастерские гильзового отдела завода, сняла там с работы около 3.000 человек, преимущественно женщин. Одновременно новая толпа забастовщиков числом до 200 человек направилась к воротам завода со стороны Сергиевской улицы с намерением ворваться в мастерские, но, встреченная полицейским надзирателем Волковским, обнажившим шашку и вынувшим револьвер, и городовым Коваленко, отхлынула на противоположную сторону улицы и с криками: «хлеба, хлеба», направилась по Литейному проспекту, где была настигнута конным полицейским нарядом под руководством полицмейстера 5 отделения полковника Шалфеева, при чем была рассеяна.

Спустя около часа времени рабочие образовали на Литейном проспекте толпу около 1.000 человек, которая и направилась к Невскому проспекту, держась наравне с казачьим разъездом до 15 человек с офицером во главе, следовавшим по тому же направлению. У дома № 59 по Литейному проспекту толпа была встречена и остановлена чинами полиции 1-го участка Литейной части, 1-го участка Московской части

и 2-го участка Литойной части, и при содействии вышеупомянутого казачьего разъезда, а также и другого разъезда, оказавшегося поблизости, была, по приказанию пристава 1-го участка Московской части, рассеяна, при чем младшим помощником пристава 1-го участка Литейной части штабс-капитаном Кубень был задержан за демонстративный отказ расходиться рабочий Путиловского завода Александр Ядринцев, 23 лет. При рассеивании толпы, часть таковой, прижимаясь к стенам домов, выдавила стекла в 3-х магазинах.

По второму отделению.

Второй участок Коломенской части.

22-го февраля на Франко-Русском заводе (Набережная реки Пряжки, № 17) рабочие литейной мастерской в количестве 306 человек забастовали и предъявили к администрации требование об увеличении заработной платы на 100%. Администрация завода предлагала увеличить плату по одному рублю в день к получаемой ныне рабочими в размере от 5 до 8 рублей в день. Соглашение не было достигнуто и рабочие вечером удалились вместе с ночной сменой, не приступившей к работам.

23-го февраля около 6-ти часов вечера в механической мастерской того же завода собрались рабочие всех отделений завода в числе 3.000 человек и устроили митинг. Выступавшие ораторы говорили, главным образом, о недостатке хлеба, произносились речи и за и против войны, равно как и за и против беспорядков. Окончательное решение вопроса о выступлении было отложено и рабочие спокойно разошлись. Для охраны завода прибыла рота лейб-гвардейского Кексгольмского полка.

Четвертый участок Нарвской части.

Рабочие Петроградского Вагоностроительного завода (Забалканский проспект, № 99) в числе 2.000, 23-го февраля, ссылаясь на неполучение ими ответа на свое требование, предъявленное 20-го февраля об увеличении заработной платы на 50%, к работам не приступили. Администрация завода вывесила объявление, что, в случае невозобновления работ, завод с 24-го февраля будет закрыт и всем рабочим будет выдан расчет.

Петергофский участок.

23-го февраля в мастерских Путиловского завода и Путиловской верфи были вывешены объявления директоров завода генерал-майора Дубницкого и верфи полковника Кутейникова о закрытии завода и верфи с того же числа и о расчете рабочих, при чем в объявлении по Путиловской верфи отмечено, что мастерские закрываются на неопределенное время ввиду непрекращающихся нарушений рабочими нормального хода работ, несмотря на неоднократные предложения администрации верфи приступить к работам. Прибывающие рабочие мастерских верфи допущены туда не были.

По третьему отделению.

Четвертый участок Литейной части.

Получив около часу дня сведения, что на Выборгской стороне во время обеденного перерыва рабочие, вышедшие с заводов, группируются и производят беспорядки на улицах, пристав немедленно явился с нарядом полиции к Александровскому мосту, куда вскоре прибыли вызванные части от конно-полицейского и жандармского дивизионов. Около 5 часов дня толпа рабочих в несколько сот человек, долго сдерживаемая конным заслоном на стороне Александровского моста, прорвалась на мост и хлынула на Литейный проспект, при чем мелкие конные части не могли сдержать напора толпы, к которой затем присо... [1].

Вскоре прибыл эскадрон кавалерийского полка, при помощи которого, под личным руководством полицеймейстера третьего отделения д. с. с. Мораки, Литейный проспект был разделен на несколько частей заставами, при чем путь к центру города был отрезан. Постепенно толпа рабочих была оттеснена обратно за Александровский мост и порядок на улицах был восстановлен.

Второй участок Литейной части.

Чинами полиции второго участка Литейной части, совместно с чинами других участков, была встречена и рассеяна толпа демонстрантов у дома № 56 по Литейному проспекту (смотри сведения по 1-му отделению 1-го участка Литейной части).

---

[1]) Пропуск в тексте. *Ред.*

Около семи часов вечера на Невском проспекте, со стороны Знаменской площади, появилась толпа рабочих, которая у Пушкинской улицы остановила встречные трамваи, успела снять ключи с 5 вагонов и выбить в 3-х вагонах по стеклу. Толпа эта была рассеяна конным нарядом.

Первый участок Рождественской части.

Около шести часов вечера толпа, направлявшаяся по Суворовскому проспекту на Невский, преследуемая командированным из участка пешим полицейским нарядом, успела по пути следования разбить в 3-х магазинах 8 стекол и отнять у вагоновожатых 5 ключей.

Второй участок Рождественской части.

Около семи часов вечера толпа, преимущественно из женщин и подростков, проходя по Суворовскому проспекту к Николаевскому вокзалу с криками «ура» и требованиями хлеба, останавливала трамваи и отнимала ключи, остановив 15 вагонов. Участковой полицией толпа была разогнана. По пути рабочие разбили стекла в трех торговых заведениях, при чем в овощной лавке Соколова в д. № 31 по Болотной улице расхитили товара и выручки всего на сумму 75 руб.

Третий участок Рождественской части.

Часть толпы, учинившей беспорядок на Невских мануфактурных фабриках и фабрике Бехли, появилась около 8 часов вечера на Смольном проспекте, где, разбив стекло в часовом магазине еврея Лихаевского, ограбила ювелирных изделий на сумму 350 рублей. Полициею задержан один из участников грабежа, проживающий в том же доме, в котором находится означенный магазин, кр. Порфирий Матюхин, 16 лет, в квартире которого и была обнаружена часть похищенного.

Первый участок Московской части.

Около семи часов вечера во время беспорядков на Невском проспекте, появившаяся со стороны Знаменской площади толпа демонстрантов выбила передние стекла в 2-х трамвайных вагонах и сняла ключи с 5 моторных вагонов. Толпа немедленно была рассеяна нарядом пешей и конной полиции.

По четвертому отделению.

Первый участок Петроградской части.

В 2 часа 45 минут дня толпы рабочих, преимущественно из подростков, сняли рабочих с картонажной фабрики Кибель (на Большой Ружейной ул.) и пытались также снять рабочих трубочного завода на Кронверской ул., 7, где силою сорвали одну половину ворот, и фабрики конторских книг «Ф. Кан» на той же улице № 21, но не успели в этом, так как подоспевшими нарядами полиции были рассеяны.

Второй участок Петроградской части.

Около трех часов пополудни толпа до 200 человек, ожидавшая очереди около булочной Филиппова в доме № 61 по Большому проспекту после заявления, что весь хлеб распродан, разбила в трех окнах булочной двойные зеркальные стекла и внутри магазина — несколько стеклянных витрин, испортив при этом часть товара. До прибытия полицейского наряда толпа разбежалась. Установлено, что эта булочная, несмотря на уменьшение отпуска хлеба покупателям, не могла удовлетворить всех ожидавших в очереди.

Третий участок Петроградской части.

Около трех часов дня с Выборгской стороны через Самсониевский мост прошла толпа рабочих около 4.000 человек, но на углу Большой и Малой Дворянской ул. была рассеяна нарядом конных городовых. Часть толпы успела пройти на Троицкую площадь, где была встречена полицеймейстером четвертого отделения полковником Спиридоновым, который при содействии конных городовых рассеял толпу и не допустил ее к Троицкому мост, при чем был задержан кр. Петр Утан за подстрекательство толпы к неисполнению требований полиции.

Четвертый участок Петроградской части.

Около семи часов вечера толпа рабочих Литейного завода «Вулкан» до 1.500 человек, остановившись у ворот механического завода 1-го Российского Товарищества воздухоплавания, на Корпусной ул., стала ломиться в ворота. Бывший здесь полицейский надзиратель Вашев после тщательных тре-

бований от демонстрантов разойтись, вынул револьвер. Окружив моментально Ванева и выбив из его рук револьвер, рабочие избили его палками и, проникнув на завод, сняли рабочих. Полицейскому надзирателю Ваневу причинены серьезные ушибы и перелом нижней челюсти. Он отправлен в больницу.

Гаванский участок.

В Василеостровском трамвайном парке дневная смена кондукторов и вагоновожатых перед отправлением на линию заявила администрации требование озаботиться о снабжении их хлебом. Из расспросов полицией выяснилось, что при парке имеются две продовольственные лавки, отпускающие хлеб служащим трамвая в числе 1.670 человек. Между тем 23-го февраля хлеба было доставлено только 5 пудов.

По пятому отделению.

Первый и второй участки Выборгской части.

С утра и во время обеденного перерыва в районе второго участка Выборгской части прекратили работу рабочие многих фабрик этого района, числом свыше 30.000 человек. Забастовавшие толпами направлялись по Большому Сампсоньевскому проспекту, выражая протесты по поводу недостатка хлеба. Около первого часа дня старший помощник пристава названного участка надворный советник Каргельс, наблюдая за правильным движением трамвая на углу Финского переулка и Нижегородской улицы, пытался задержать рабочего, отнявшего ключ от мотора у вагоновожатого, но тут же был окружен толпою, из которой нанесен был ему сильный удар по голове каким-то твердым предметом, причинивший надворному советнику Каргельсу рассеченную рану в теменной части головы, длиною в 5 сантиметров. Пострадавший был отправлен в бессознательном состоянии в клинический военный госпиталь, где поранение признано тяжким, но для жизни не опасным.

В то же время при рассеивании все возраставшей толпы, направлявшейся от Нижегородской улицы к Финляндскому вокзалу, был сбит с ног младший помощник пристава первого участка Выборгской части коллежский секретарь Гротгус, пытавшийся задержать одного из рабочих, при чем

коллежскому секретарю Гроттусу причинены рассеченная рана на затылочной части головы, пять ушибленных ран головы и поранение носа. По оказании первоначальной помощи пострадавший был отправлен в свою квартиру. Степень причиненных ему повреждений определить пока не представлялось возможным.

От Финляндского вокзала часть толпы направилась к Арсеналу (по Симбирской ул.), откуда вышли рабочие и присоединились к демонстрантам. Далее около двух часов дня прекращены были работы и на других крупных заводах района первого участка Выборгской части.

Около 4 часов дня огромная толпа рабочих подступила к снаряжательному отделу Петроградского Патронного завода (по Тихвинской ул., № 17), где и сняла рабочих 5.000 человек. Администрациею завода задержано и доставлено в участок 19 человек, которые ворвались на завод и, бегая по мастерским, снимали рабочих. Подоспевшим нарядом полиции толпы рабочих, собравшихся у означенного завода, были рассеяны. Однако на Симбирской улице рабочие снова собрались и направились к Александровскому мосту, где нарядом конно-полицейской стражи при содействии казаков и эскадрона Драгунского полка были рассеяны. Отсюда, прорвавшись, часть толпы направилась на Литейный проспект.

В 7½ часов вечера по Лесному проспекту (в районе второго участка Выборгской части) на остановке трамвая группа рабочих отцепила прицепной вагон и опрокинула его. Нарядом полиции вагон был поднят и движение было восстановлено.

В 9 часов вечера небольшая толпа рабочих снова собралась у Арсенала (в районе 1 участка Выборгской части) и не допускала ночную смену на работу. При появлении наряда толпа, равно как и смена рабочих—разошлись.

Лесной участок.

На заводе «Айваз» (Выборгское шоссе, 21/25), на котором работает 2.123 человека, в два часа дня обсуждался вопрос о забастовке, каковая и была об'явлена под влиянием подстрекательства работающих там женщин, несмотря на заявление администрации завода о том, что заводом организована выпечка хлеба для своих рабочих до 1.500 фунтов в день.

Охтенский участок.

Около пяти часов пополудни толпа рабочих около 1.000 человек направилась по Больше-Охтенскому проспекту к заводу Снарядный цех Морского ведомства, где предложили рабочим прекратить работу, при чем брошенными из толпы какими-то твердыми предметами были побиты стекла в окнах ремонтно-механической мастерской, не пожелавшей примкнуть к забастовке. В вышедшего к толпе мастера Ивана Кузьмина, в ответ на его увещевания, было брошено из толпы несколько твердых предметов, которыми ему причинены легкие поранения головы. На заводе Снарядный цех имеется самостоятельная охрана и караул из 14-ти человек от 86 пешей Вологодской дружины.

Полюстровский участок.

Около трех часов дня направлявшиеся по Полюстровской набережной к Охте бастующие рабочие комьями снега выбили несколько стекол в окнах завода «Промет».

К вечеру 23-го февраля усилиями чинов полиции и воинских нарядов порядок повсеместно в столице был восстановлен.

Двадцать четвертое февраля.

В пятницу 24 февраля по фабрикам и заводам всей Выборгской стороны были устроены митинги. Рабочие призывались к забастовке и демонстрациям в центре города. Наши товарищи выступали с предложениями братанья с солдатами, проникновения к ним в казармы. Рабочая масса с энтузиазмом приветствовала эти предложения и, в свою очередь, непосредственно проводила их в жизнь. Вокруг солдатских казарм, около часовых, патрулей и цепей стояли кучки рабочих и работниц, дружески перекидывались словами.

Весть о локауте на Путиловских заводах разнеслась по всему городу, вызывая всеобщее возмущение рабочих во всех районах. Стачки, митинги и демонстрации стали разливаться по всем районам. Выборгский район и Путиловский завод уже не были одиноки в борьбе с правительством.

Все экономические, вернее профессионально-копеечные интересы отошли на задний план. Боевым кличем этих дней стали наши лозунги—долой царское правительство, да здравствует временное революционное правительство, учредительное собрание, 8-часовой рабочий день и прекращение империалистической войны.

Наше Бюро Центрального Комитета, в составе трех товарищей П. Залуцкого, В. Скрябина и пишущего эти строки, собиралось в эти дни очень часто. События развивались с головокружительной быстротой. В связи с развитием стачечного движения, принявшего определенно-революционный, антицаристский характер, замечалось левение и оппозиционной интеллигенции, буржуазии и даже «обывателей», т.-е. мелких ремесленников, чиновников, лавочников и т. п. людей. Государственная Дума продолжала свое оппозиционное ухаживание за Николаем Романовым, и можно было ожидать от нее какого-нибудь антинародного сюрприза.

Движение с каждым часом росло вширь и вглубь, вовлекая десятки тысяч рабочих и никто не был в силах, кроме наших партийных организаций, его остановить. Мы приняли решение развивать движение в сторону вовлечения в него солдатской массы и отнюдь не ограничивать это выступление каким-либо механическим постановлением, определяющим всеобщую стачку трехдневной, как это было в моде у Петербургского Комитета. Проведение этого решения в Петербургском Комитете поручили нашему представителю в Петербургском Комитете т. П. Залуцкому. Петербургский Комитет, в лице отдельных членов товарищей: Кирилла Шутко, Скороходова, был согласен с нами по вопросу о необходимости развития движения до максимальных размеров. Конечно, никто из нас не был уверен, что «это будет последний и решительный бой» царскому режиму. Такой уверенности у нас не было, и когда мы говорили о необходимости развития революционного движения до крайних пределов, то имели в виду и учитывали лишь силы стихии. Крайними пределами нам представлялись схватки вооруженных рабочих и солдат с полицейскими и верными трону войсками, схватки, за которыми могла последовать и кровавая баня, а после нее—некоторый отлив. И этот момент организация должна учиты-

вать и, не доводя выступления до развала, закончить его организованно.

О намечавшемся движении в Питере, решено было послать курьера в Москву, с информацией и пожеланием, чтобы и Московские рабочие отозвались на выступление Петербургского пролетариата. Ближайшие к Питеру города и рабочие поселки информировались силами Петербургского Комитета или непосредственно рабочими связями. На всех заводах и фабриках в окружности Питера настроение также было повышенное и заводы один за другим примыкали к стачке. Днем то тут, то там, на берегах Невы или на льду, посредине реки, образовывались летучие митинги, кучки спорящих, на глазах как будто равнодушных часовых у мостов, тропинок через Неву или у правительственных зданий.

Несмотря на правительственные и полицейские угрозы, невзирая на патрули, цепи солдат и тому подобные препятствия на путях и переходах из рабочих районов к центру города, вечером в пятницу, 24 февраля, весь Невский проспект был заполнен рабочими, полицией и казаками. Вся чистая, франтоватая, фланирующая вечерами по Невскому публика испуганно исчезала. Рабочие останавливали трамваи, отбирая у неподчиняющихся вожатых пускные ключи. Полиция старалась оградить трамвайных рабочих, но последние не соглашались работать под охраной полиции и возвращались в парк с пустыми вагонами. Магазины, торговавшие обычно предметами роскоши и яств до глубокой ночи, а также рестораны, кафе закрывались. Дыхание отваги, мужества и решимости сопровождалось жутким веянием смерти. Одиночные посты городовых исчезли. Городовые появлялись то тут, то там, уже организованными группами. Одних полицейских сил уже не хватало, чтобы подавить движение и на помощь были призваны казаки. Небольшие отряды казаков взводами разъезжали уже вечером в тот же день по главным улицам Питера.

Вечер этого дня я провел также на Невском, среди кучек рабочих, в публике и около патрулей. Гуляющих солдат и даже офицеров уже не было. Очевидно военное положение поставило в боевую готовность казарменную жизнь столицы. Движение трамваев, извозчиков и автомобилей сокращалось с каждой минутой. Улицы были полны только пешеходами,

собиравшимися в кучки. Кучки эти росли, превращались в громадные, останавливающие всякое движение толпы. Одна такая группа, возникшая по Невскому проспекту недалеко от Литейного, быстро выросла во всю ширину улицы. Появился над толпой агитатор. Это был первый открытый митинг на Невском. Оратор призывал граждан к борьбе с самодержавным правительством, к борьбе со всеми бедствиями, которые несла и порождала война.

Во время речи на толпу шагом двигался взвод казаков. Толпа не дрогнула. Только лица, стоявшие близко от тротуаров, потеснились ближе к домам. Оратор смолк, все ждали, как поведут себя казаки. Наступила глубокая тишина, раскалываемая звоном конских подков. Тысячи глаз следили за каждым движением подъезжавших казаков. Как будто инстинктивно все придавали этой встрече рабочих с казаками определяющее дальнейшее не только сегодняшнего дня. Казаки—это была часть армии, наиболее чуждая рабочему классу и революционному движению. Понятен был всеобщий интерес к этой небольшой, но многозначительной встрече. Не знаю, что подействовало на казаков—передалось ли им напряженное состояние тысяч устремленных на них, молчаливых, но много говорящих взглядов или то был сознательный шаг, но только взвод тихим шагом рассыпным строем, разделившись одиночно, но порядком прошел через толпу. Может быть, это была их казачья воля, их решение избегать столкновений, испуга ни с той, ни с другой стороны не было здесь. Для многих тротуарных зрителей этот маленький исторический эпизод был нечто вроде красивого жеста казаков, который заслуживал театрального одобрения. С тротуаров последовали возгласы — браво и аплодисменты. Но в густой толпе к этому отнеслись иначе. Там почувствовали, что и под казачьим мундиром бьется недовольное, возмущенное царистской политикой сердце. Армия с нами,—пронеслось в толпе. Рабочие вновь сомкнулись, оратор продолжал свою речь о вовлечении армии в революционную борьбу.

Эта встреча рабочего митинга с казаками наводила на размышления. Поведение казаков показывало, что тревога, думы и недовольство проникли и в казачьи казармы. В этот момент правы были товарищи рабочие митинга на Невском, что на этот раз армия будет с нами, с восстающим народом, с

рабочими районами. И эти тысячи блузников, революционных застрельщиков с удесятеренной энергией бросились в борьбу, призывая заводские массы и солдат к общей борьбе с царским режимом. Покидая Невский и другие улицы центра города, рабочие призывали друг друга на завтра опять на Невский, приводить туда всех и прощаясь кричали друг другу «до свиданья на Невском, до завтра!».

Во многих местах в этот день произошли стычки с полицией, прибегавшей к холодному оружию. Много рабочих было арестовано на улицах и на дому. Однако это не ослабляло движения и не понижало того энтузиазма и решимости к борьбе, который охватил всю пролетарскую демократию. Движение становилось настолько прочным и массовым, что жалкими мероприятиями царской власти остановить его было уже нельзя.

Опьяненный мечтами и мыслями о победе над царизмом пошел я на свидание с своими товарищами по Бюро Центрального Комитета и работниками Петербургского Комитета. Однако было уже поздно искать их по квартирам, и я отправился на свою любимую ночевку к добрейшей М. Г. Павловой.

Там нашел уже целую группу партийных работников, Чугурина, Каюрова, Павлова и хозяйку М. Г. Павлову, и также, кажется, Куклина и еще члена Петербургского Комитета А. К. Скороходова. Товарищи делились впечатлениями пережитого дня, комментировали события, сообщали новости и делали предположения. Для всех было ясно, что революция началась, Россия «тронулась». Революционное движение охватило столь широкие круги, что никто уже не сомневался в том, что наступает решительный бой. Последнее слово ожидали только от солдатской массы. На этом собрании товарищи указывали на целый ряд фактов, свидетельствовавших о неспокойном состоянии казарм. Необходимо было в этом направлении усилить работу, проникать в казармы, завязывать уже боевые связи с солдатами. Оружие должно стать на сторону народа.

В полицейских и воинских сводках за 24 февраля находим подробные сведения о развитии движения за этот день.

24 февраля в фабрично-заводских предприятиях столицы бастовало 197.000 рабочих (по сведениям Охранного Отде-

ления в этот день не работало 151 предприятие с 158.583 рабочими). В течение дня беспорядки рабочих выразились в следующем:

По первому отделению.

Первый участок Литейной части.

С 8 часов утра к Орудийному заводу, накануне временно закрытому, стали сходиться рабочие этого завода. В то же время к Литейному мосту стали стекаться рабочие с Выборгской стороны. Здесь группировки рабочих не допускались разъездами от жандармского дивизиона и конно-полицейской стражи и были совершенно рассеяны прибывшими казаками. Около 10 часов утра движение рабочих с Выборгской стороны усилилось. Огромная толпа, заняв литейный мост во всю его ширину, двигалась к д. № 1/2 по Литейному проспекту. Остановленная в конце моста кавалерийскими частями и конно-полицейской стражей, толпа шумела и с криком «ура» бросилась на конные части. Прорвав оцепление, часть толпы до 5.000 человек мужчин и женщин, густою массой хлынула к дому № 2 по Литейному проспекту, но встреченная приставом полковником Шебеко и чинами участка, обнажившими шашки, раздвоилась, при чем одна часть повернула на Воскресенскую набережную, а другая направилась к зданию Окружного Суда. Из этой последней, повернувшей обратно, стали бросать в пристава и городовых кусками сколотого льда, лопатами и т. п., при чем полицейскому надзирателю Лучкину куском льда была причинена рассеченная с кровоизлиянием рана и ссадина левой щеки. Оставшаяся на Литейном мосту толпа, численностью до 10.000 человек, шумевшая и выкрикивавшая: «кровопийцы, хлеба», была затем рассеяна конными жандармами и оттеснена на Выборгскую сторону. Некоторые из них перебрались с Выборгской стороны через лед и вышли на Французскую набережную. Образовавшаяся здесь группа от 400 до 500 человек направилась по Гагаринской улице, намереваясь, как это можно было понять из отдельных возгласов, пойти к зданию министерства внутренних дел по Фонтанке, но встреченная приставом и взводом 9-го запасного кавалерийского полка на углу Сергиевской улицы была рассеяна и оттеснена к Литейному проспекту.

К 11 часам утра на Невском образовалась громадная толпа, рассеянная конными частями. Затем на Невском проспекте в течение всего дня до позднего вечера появлялись толпы, вследствие чего их приходилось разгонять много раз нарядами полиции и конных частей.

Первый участок Казанской части.

В 11 часов 10 минут дня на Казанском мосту, на Невском проспекте, собралась толпа рабочих числом до 1.000 человек, преимущественно женщин и подростков, выкрикивавшая: «дайте хлеба, хотим есть». Толпа эта вскоре разогнана была казаками и пешими городовыми.

В 12 часов 45 минут дня со стороны первого и второго участков Спасской части к Казанскому мосту продвинулась толпа рабочих числом до 3.000 человек. Эта толпа была встречена на мосту полсотней казаков и двумя взводами 9 зап. Кавалерийского полка, которым и удалось рассеять толпу окончательно лишь к 1 часу 45 мин. дня. Толпа эта в течение часа группировалась на участке Невского проспекта между Казанским и Полицейским мостами, а главным образом у Казанского Собора. В толпе этой пели: «Марсельезу», «Вставай, поднимайся, рабочий народ» и, помимо криков «давайте хлеба», произносили революционные возгласы «долой царя», «долой правительство», а также выкидывали красные флаги. Наконец, толпа, значительно увеличившаяся, была рассеяна по боковым улицам.

В три часа дня на Невский проспект прибыл начальник участка войсковой охраны командир 3 стрелкового запасного батальона полковник Шалковников, который в дальнейшем и руководил действиями войсковых частей и полицией по рассеиванию толп на Невском проспекте.

В 4 часа 20 минут дня к Казанскому мосту снова подошла толпа, состоявшая из рабочих и подростков, числом до 3.000 человек с пением революционных песен. Встреченная у моста вышеупомянутыми частями войск и полуротой 3 стрелкового *его величества* полка, толпа эта в течение полутора часа была разгоняема, при чем участники толпы, удаленные с одного места, сейчас же группировались в другом месте. К пяти часам 50 мин. дня толпа была окончательно рассеяна. В разгоне этого скопища принимал участие и

взвод жандармского дивизиона, прибывший затем со стороны первого участка Адмиралтейской части.

В 7 часов 50 минут вечера к Казанскому мосту опять стянулась толпа, численностью до 1.000 человек, которая в течение 15 минут была рассеяна по боковым улицам двумя взводами жандармского дивизиона и 12 конными городовыми стражи под руководством офицеров Петроградского Жандармского Дивизиона, штабс-ротмистров Дементьева и Подобедова.

В первых трех случаях скопления рабочих отдельные личности отнимали ключи у вагоновожатых.

Во всех 4 случаях оружие в дело не пускалось и пострадавших не было.

По второму отделению.

Второй участок Коломенской части.

Около 12 часов дня преждевременно прекратившие работы рабочие Адмиралтейского завода (на Галерном Островке) стали скопляться у выхода, но рассеивались полицейским нарядом. Тогда, скопившись у Калинкина моста, толпа бросилась к проходившим вагонам трамвая с намерением перевернуть таковые, но также была рассеяна конным и пешим полицейским нарядом. В последнем случае были брошены в чинов полиции твердые предметы, которые попали приставу Водопьянову в правую ногу и городовому Кулебякину, не причинив им ушибов. Один из бросавших, задержанный чинами полиции, оказался рабочим Франко-Русского завода Владимиром Розенбергом, 17 лет, и объяснил, что он бросал железные гайки.

Второй участок Нарвской части.

В три часа дня толпа рабочих около 200 человек пыталась проникнуть на завод резиновой мануфактуры «Треугольник» (по Обводному каналу) с целью снять рабочих этого завода, но нарядом полиции она на территорию завода допущена не была и немедленно была рассеяна.

Петергофский участок.

Около пяти часов вечера группа подростков на Петергофском шоссе начала останавливать трамваи Ораниенбаум-

ской электрической железной дороги и бросать в вагоны осколками льда, при чем разбили два стекла. При появлении разъездов казаков толпа рассеялась.

По третьему отделению.

Четвертый участок Литейной части.

Чины участка, не находившиеся в распоряжении участковой полиции, части конно-полицейской стражи жандармского дивизиона 9 запасного кавалерийского полка участвовали в рассеянии толп на Литейном мосту и проспекте (см. сведения по 1 Отделению 1 уч. Литейной части).

Первый участок Рождественской части.

Около 8 часов утра группа рабочих до 100 человек на Суворовском проспекте останавливала трамвайное движение, но участковой полицией и подоспевшим нарядом от соседнего участка была рассеяна.

Второй участок Московской части.

Около 12 часов дня на Коломенской улице собралась толпа женщин и подростков числом до 1.500 человек и, направляясь к Пушкинской улице, разбила по пути шествия стекла в 4 магазинах. Толпа немедленно была рассеяна чинами участковой полиции, которыми вместе с тем были задержаны трое участников беспорядка, из коих двое уличены в грабеже, а один в подстрекательстве толпы. Особенную энергичную деятельность при этом проявили полицейские надзиратели Пензин, Ярошевич и Орса.

Третий участок Московской части.

Утром на Глазовой, Боровой и Разъезжей улицах появились группы подростков-хулиганов, которые выбили стекла в 19 магазинах. Мерами полиции задержаны двое, изобличенных в разбитии стекол.

По четвертому отделению.

Первый участок Васильевской части.

Около 11 часов утра к табачной фабрике «Лаферм» по Среднему проспекту подошла толпа бастующих рабочих, к

которым присоединились и рабочие этой фабрики. Нарядом полиции соседнего второго участка и конными городовыми толпа была оттеснена к гавани. Около двух часов дня на углу Среднего проспекта и 5 линии у остановки трамвая толпа подростков стала останавливать вагоны, но нарядом участковой полиции была рассеяна.

Около 4 часов дня от Среднего проспекта на Большой проспект вышла толпа, состоявшая из подростков и учащихся высших учебных заведений с пением марсельезы. Толпа эта была рассеяна казаками. Около 5 часов дня толпа из подростков и женщин, направлявшаяся по 8 линии к Николаевской набережной, на углу 6 линии была встречена полусотней 1 Донского Казачьего полка, которая, не разогнав толпу, пропустила большую часть ее к Николаевскому мосту. Здесь толпа была остановлена нарядом от Финляндского пехотного полка и совместно с нарядом полиции рассеяна.

Второй участок Васильевской части.

Около 9 часов утра толпа мужчин и женщин остановилась перед зданием завода «Сименс и Гальске» (6 линия, 61), вызывая рабочих криками и свистками, но прибывшим нарядом полиции в числе 19 человек собравшиеся были рассеяны. Позже были получены сведения, что к забастовке присоединились и вышли на улицу рабочие означенного завода. Образовавшаяся толпа до 5.000 человек направилась к Среднему проспекту с пением: «вставай, подымайся, рабочий народ». Конный отряд городовых врезался в толпу, дабы рассеять ее. В это время появился патруль казаков в 9 человек под командой урядника, к которому бывшие в полицейском наряде помощники пристава второго участка Васильевской части титулярный советник Евсеев и поручик Пачогло обратились за помощью. Патруль сначала последовал за толпой, не принимая участия в действиях конных городовых, и, доехав до Среднего проспекта, скрылся. На погонах казаков были инициалы «Н. 2». Рассеянная полицией толпа эта в большинстве направилась в район Гаванского участка.

Первый участок Петроградской части.

С утра у мелочных лавок наблюдалось большое скопление публики в ожидании очереди. В некоторых местах выража-

лось злобное настроение по поводу недостатка продуктов и хлеба, в результате оказались в некоторых лавках выбиты стекла, а мясная лавка Уткина (в д. № 19 по Съезжинской ул.) подверглась разграблению. Разграбленные в этой лавке окорока, куры, рыба и масло частью найдены в соседних домах.

Чинами полиции задержана мещанка Андреева, 21 года, изобличенная в разбитии стекла в булочной Чекулаева.

Появившиеся в районе участка толпы рабочих рассеивались чинами участковой полиции или военными патрулями, появившимися на улице к вечеру.

Второй участок Петроградской части.

В 9 часов утра толпа рабочих около 3.000 человек скопилась на Большом проспекте. Наряд полиции, встретив толпу на углу Большой Гребецкой ул., не мог по своей малочисленности остановить движения, и толпа двинулась дальше до Каменноостровского, где свернула в направлении Троицкого моста. Вызванный казачий разъезд совместно с конными городовыми приставом были направлены окольными путями навстречу толпе, которую и рассеяли. В толпе помимо рабочих были воспитанники средних учебных заведений. В толпе раздавалось недружное пение марсельезы. Еще раньше на углу Большого проспекта и Введенской ул. рабочими были сняты рукоятки с двух моторов трамвая.

В 2 часа дня толпами, ожидавшими очереди у хлебопекарни Барского у Лахтинской ул. и хлебной лавки Ярофеева по Геслеровскому переулку были выбиты стекла. При попытке толпы ворваться в мелочную лавку Колчина по Геслеровскому переулку подоспевшим полицейским надзирателем Прейсером толпа была разогнана.

Около 6 часов вечера старший помощник пристава 2 участка Петроградской части титулярный советник Васильев, проезжая по передней площадке вагона—после того, как вагон был остановлен толпой, потребовал от вагоновожатого продолжать движение. В ответ на это из толпы стали бросать камнями и кусками сколотого льда, которыми титулярному советнику Васильеву причинены две глубокие рассеченные до кости раны в затылочной области головы.

Около того же времени были опрокинуты 2 вагона трамвая на углу Введенской и на углу Съезжинской улиц.

В 8 часов вечера толпами были выбиты стекла в окнах трех фруктовых магазинах.

Третий участок Петроградской части.

Около 11 часов утра толпа из 607.000 человек, имея впереди мальчиков и девочек, двинулась по Каменноостровскому проспекту. Пристав, ввиду неисполнения участниками толпы требования его прекратить шествие, приказал наряду конно-полицейской стражи рассеять толпу. После того, как улица была очищена и следовавшие по ней рабочие отошли на панель, из публики, стоявшей у дома № 4 по Каменоостровскому проспекту, был произведен безрезультатный выстрел из револьвера в наряд полиции. Спустя короткое время из публики, стоявшей у дома № 8 по Малой Посадской ул., был произведен второй выстрел, которым смертельно ранена в голову неустановленная женщина, скончавшаяся по доставлении ее в Петропавловскую больницу. Около 4 часов дня в ту же больницу поступили на излечение с огнестрельной раной левого бедра мещан. Андрон Грабовский, заявивший, что ранение ему нанесено конным городовым, ранившим женщину, при чем пуля, пробив якобы голову женщины, попала ему в бедро. Изложенное показание Грабовского не заслуживает доверия, так как ранение в голову скончавшейся женщины не сквозное. Полицеймейстером 4 отделения полковником Спиридоновым задержан молодой человек, назвавшийся учеником реального училища Протасова, Алексеем Титоренко, 17 лет, который, указывая на городового конно-полицейской стражи Марчук, уверял публику, что застрелил женщину именно этот городовой. При осмотре полицеймейстером револьвера городового Марчука все патроны оказались в наличности и пороховой нагар в канале ствола совершенно отсутствовал. Титоренко привлекается к ответственности за распространение заведомо ложных слухов.

Четвертый участок Петроградской части.

Утром полиция 4 участка Петроградской части содействовала в поддержании порядка полиции 2 участка той же части.

Отделившаяся от толпы группа разбила стекла и разграбила мясную лавку в доме № 47 по Большой Спасской улице и чайный магазин в д. № 43 по той же улице. Подоспевшими городовыми толпа была рассеяна и задержаны участники грабежа две женщины и подросток.

В 6 час. вечера собравшиеся у Петроградского Механического завода рабочие вечерней смены до 1.500 человек, не приступившие к работам, были рассеяны нарядом полиции. При этом из толпы рабочих были брошены в городовых конно-полицейской стражи Фому Долгова и Илью Кулемина комья мерзлого снега, причинившие первому ушиб подбородка и второму ушиб спины. Ушибы незначительны и городовые эти остались на службе.

В 8 час. вечера были разбиты стекла в мелочной лавке в д. № 29 по той же улице, при чем в последней толпа расхитила остаток хлеба и около 50 рублей выручки. На месте грабежа задержаны полициею два мальчика подростка.

Гаванский участок.

В начале двенадцатого часа дня толпа рабочих женщин и подростков числом до 5.000 человек подошла к воротам Петроградского военно-подковного завода и с криком «бросай работу» пытались сломать и ворваться в завод, но приставом с чинами 7 роты столичной полиции была оттеснена. При чем из толпы в наряд было брошено несколько кусков сколотого снега. Толпа выбила стекла в мелочной лавке Горшкова (на углу Среднего проспекта и 18 линии) и, ворвавшись в лавку, разбросала по улице хлеб. Та же толпа пыталась опрокинуть остановленный ею трамвайный вагон, но была рассеяна взводом запасного батальона Лейб-Гвардии Финляндского полка.

В 12 часов дня рабочие военно-подковного завода, выходя из завода, кричали: «хлеба, хлеба», а затем разошлись. В это время вблизи завода, прикомандированные к Гаванскому участку губ. секретарь Семенов и городовой Либавской полиции Стриковский задержали молодого человека, назвавшегося студентом Психо-неврологического Института, Константином Левантовским, 21 года, который пытался обратиться к толпе с речью. При обыске у него найдена записка

следующего содержания: «Долой войну. Да здравствует мир и социал-демократическая республика».

Полициею также задержаны Николай Бурнашев, 16 лет, за попытку остановить трамвай и Лазарь Ерохин, 17 лет, за подстрекательство к забастовке.

Суворовский участок.

В течение всего дня рабочие собирались на улицах большими партиями, но собрание их прекращалось полицейскими и воинскими нарядами.

Около двух часов дня толпа разбила стекла и расхитила часть товара в мелочной лавке Андреева (на углу Среднего проспекта и 17 линии).

Новодеревенский участок.

В красильной фабрике Пеклие по Строгановской набережной явившаяся толпа бастующих рабочих сняла рабочих этой фабрики, разбив два стекла в мастерских.

Толпа рабочих до 2.000 человек заводов на Комендантском аэродроме, следовавшая по Ланскому шоссе, была рассеяна приставом с нарядом полиции, при чем брошенным из толпы камнем было разбито два стекла в хлебопекарне Воротилова.

По пятому отделению.

Первый участок Выборгской части.

В 9 часов утра к Александровскому мосту стянулись бастующие рабочие Выборгского района числом до 40.000 человек. У моста находились: наряд полиции, две с половиной сотни казаков и две роты запасного батальона Лейб-Гвардии Московского полка, которыми толпа эта была рассеяна и на мост не допущена.

Второй участок Выборгской части.

Рабочие заводов «Руссий Рено», «Новый Лесснер» и «Снарядного» выходили на улицу, шумно пытаясь петь марсельезу, но тут же у заводов были рассеиваемы нарядами казаков, жандармов и полиции.

Лесной участок.

Около 9 часов утра явившиеся на завод «Айваз» 3.500 рабочих собрались в помещении мастерской автомобильного отдела и устроили сходку, на которой посторонние ораторы произносили речи, выражавшие недоверие к правительству и призывающие рабочих к сплочению, энергичному выступлению с требованиями к Государственной Думе об устранении настоящего правительства. В заключение была вынесена резолюция: «Требовать устранения правительства».

Охтенский участок.

Около 8 часов утра толпа рабочих и подростков свыше 500 человек разбила стекла в двух мелочных лавках, при чем вынесла из лавки Якунева около 10 пудов хлеба; а затем расхитила товар в двух мелочных лавках, по заявлению владельца на сумму свыше 9.000 руб. Вызванным конным нарядом означенная толпа была рассеяна.

По шестому отделению.

Первый участок Александро-Невской части.

Около 3 часов дня толпа, двигавшаяся по Невскому проспекту по направлению к Знаменской площади, впереди которой рассыпным строем ехали казаки (около полусотни), прорвалась на площадь. Толпа эта была встречена 15 городовыми конно-полицейской стражи, пытавшимися ее рассеять, но, встреченные визгом, свистом, криками и градом поленьев, камней и осколков льда, лошади испугались и понесли своих всадников назад. На месте остались казаки, в присутствии которых у памятника императора Александра III произошло митинговое собрание, откуда слышались возгласы: «Да здравствует республика, долой войну, долой полицию», а также крики «ура» по адресу бездействовавших казаков, которые отвечали толпе поклонами.

При столкновении с толпой был поранен поленом в правую щеку конный городовой Боков и получил ушиб левой руки вахмистр Орешкин.

Второй участок Александро-Невской части.

Около 10 часов утра на Лиговской улице собралась значительная толпа, которая мерами полиции была быстро рассеяна. По той же улице в 6 мелочных лавках убегавшими подростками были разбиты стекла.

Третий участок Александро-Невской части.

В восемь с половиной часов утра у фабрики «Новая Бумагопрядильня» по Обводному каналу собралась большая толпа, до 1.500 человек, из которой бросали в окна фабрики камнями. К этой толпе присоединились рабочие упомянутой фабрики в числе до 2.000 человек. Приставом при содействии конных городовых и наряда пешей полиции толпа была немедленно рассеяна. В то же время толпа разбила стекла в нескольких вагонах трамвая и в нескольких лавках. За разбитие стекол задержана фабричная рабочая Матаева, 17 лет.

По донесению пристава особой энергией при рассеянии толпы отличался вахмистр 6 отделения конно-полицейской стражи полицейский надзиратель Орешкин (этот чин полиции около 3 час. того же дня при столкновении с толпою на Невском проспекте получил ушиб. См. выше сведения по 1 уч. Александро-Невской части).

Двадцать пятое февраля.

В субботу 25-го утром имели заседание Бюро Центрального Комитета. От Петербургского Комитета получили предложение дать боевую листовку. В порядке дня стояли вопросы исключительно текущего момента. Проектов листовок у нас было несколько, но мы остановились на одном, присланном товарищем М. С. Ольминским. Приняв его в основу, решили исправить его таким образом, чтобы он мог служить руководящей нитью в текущем выступлении. Выставляя на первый план необходимость открытой борьбы с царизмом, мы решили организованно спаять распыленную, живущую и действующую вне всякого плана рабочую и солдатскую массу вокруг наших партийных организаций, предлагая устраивать «социал-демократические комитеты» по заводам, райо-

нам, городам и областям, по всей России. Кроме того, решили немедленно принять меры к тому, чтобы питерское движение нашло отклик по всей России. Постановили включить лозунг Всероссийской всеобщей забастовки, послать в Москву гонца с предложением московским товарищам немедленно выступить с агитацией за поддержку питерских рабочих, за революционные лозунги путем всеобщей стачки. Совместно с товарищем В. М. Молотовым мы исправили прокламацию в желанном направлении, дополнили ее лозунгами и призывом к открытой борьбе и тут же вручили товарищу, присланному Петербургским Комитетом.

В окончательном виде прокламация была следующего содержания:

«*Российская Социал-Демократическая рабочая партия.*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить.

На фронте—кровь, увечье, смерть. Набор за набором. Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню.

Нельзя молчать!

Отдавать братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода, и молчать без конца—это трусость бессмысленная, преступная, подлая.

Все равно не спасешься. Не тюрьма—так шрапнель; не шрапнель—так болезнь или смерть от голодовки и истощения.

Прятать голову и не смотреть вперед—не достойно. Страна разорена. Нет хлеба. Надвинулся голод. Впереди может быть только хуже. Дождемся повальных болезней, холеры...

Требуют хлеба—отвечают свинцом! Кто виноват?

Виновата царская власть и буржуазия. Они грабят народ в тылу и на фронте. Помещики и капиталисты на войне наживаются: не успевают считать барыши. Тянут войну без конца. Ради военных барышей и ради захвата Константинополя, Армении и Польши гонят на бойню народ. Нет конца их жадности и зверству.

По доброй воле они не откажутся от наживы и не прекратят войну. Пора укротить черносотенного и буржуазного зверя.

Либералы и черносотенцы, министры и Государственная Дума, дворянство и земство—все слилось во время войны в одну озверелую шайку.

Царский Двор, банкиры и попы загребают золото. Стая хищных бездельников пирует на народных костях, пьет народную кровь. А мы страдаем. Мы гибнем. Голодаем. Надрываемся на работе. Умираем в траншеях. Нельзя молчать!

Все на борьбу! На улицу! За себя, за детей и братьев!

В Германии, в Австрии, в Болгарии поднимает голову рабочий класс. Он борется там против своей озверелой буржуазии за мир и свободу. Поможем ему и себе. Поможем борьбой против своих угнетателей. Поднимайтесь все! Организуйтесь для борьбы! Устраивайте комитеты Российской социал-демократической рабочей партии по мастерским, по заводам. по районам, по городам и областям, по казармам, по всей России. Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Объясняйте крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов.

Надвинулось время открытой борьбы. Забастовки, митинги, демонстрации не ослабят организацию, а усилят ее. Пользуйтесь всяким случаем, всяким удобным днем. Всегда и везде с массой и со своими революционными лозунгами.

Пусть приспешники капитала назовут наши действия стачечным азартом и вспышкопускательством. Спасенье в немедленной и повседневной борьбе, а не в откладывании ее на дальний срок.

Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах.

Впереди борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический интернационал!»

Тут же получил через своего маленького секретного курьера сообщение о том, что у Н. Д. Соколова предполагается

быть вечером в этот день собрание представителей от различных фракций, мое присутствие считалось необходимым. Обсудили этот вопрос и решили, что время для дипломатических переговоров, соглашений уже прошло. Настала пора действий. Следовательно, программа соглашений могла быть одна—активное действие, поддержка уличных выступлений рабочих, призыв к демонстрациям и вооруженной борьбе с полицейскими силами и т. п. Путешествие на кв. Н. Д. Соколова, свидание с Чхеидзе, Керенским и другими интеллигентами уже не имело существенного интереса. Поэтому товарищи согласились со мною, что не следует придавать большого значения этим свиданием и поручили мне быть там, если позволит время.

Движение в этот день приняло характер всеобщей стачки питерского пролетариата. К движению примкнули самые отсталые заводы, трамвайные парки, трамвай и все типографии, мелкие мастерские и торговые заведения. С самого утра рабочие районы находились в состоянии необычного возбуждения. Полиции в одиночку не видно. Все черные силы реакции сконцентрировались по отдельным участкам, ходили группами или целыми взводами. Митинги, собрания, кучки собеседников покрыли все окраины. Власти приняли все меры к тому, чтобы волны бушующей пролетарской стихии не перекатывались в центр города, расставили полицейские барьеры, цепи воинской охраны. Оцеплены были мосты, тропинки через реку, особо охранялись правительственные здания, тюрьмы, почта, телеграф. Но напрасны были все полицейские барьеры и солдатские штыки. Перед обеденным временем началась усиленная тяга из районов в центр города. «Сегодня к Казанскому собору!» проносилось по всем рабочим районам. И рабочие вместе с работницами и своими женами, обходя все препятствия, прокладывая новые дороги по льду, проникали тысячами в центр города. По улицам Невского, Литейного и по прилегающим к ним, а также на Знаменской, Казанской площадях проходили и стояли пешие и конные части. Город принимал вид военного лагеря, далеко не мирного времени. Известно было, что в участках, на пожарных каланчах и на некоторых домах производится установка пулеметов. Полиция вооружилась. Правительство решило дать бой. Об этом свидетельствовали не только Хабаловские объявления и при-

казы, но и маневренное развертывание полицейской и жандармской, конной и пешей силы. Однако для борьбы с восставшим народом одной полиции было слишком мало. Приходилось прибегать к помощи войск. Поэтому центральное внимание всех было направлено на солдат. Завоевание революцией солдат,—вот был наш лозунг дня. Судьбу этих дней решало поведение этих тысяч серых шинелей, так стройно шагавших по городу или находившихся наготове в своих казармах.

Многие товарищи рабочие и представители районов обращались ко мне в эти дни с требованиями добыть оружия. «Хоть несколько револьверов, товарищ», умоляли меня пролетарии. Достать можно было и, сравнительно легко, однако, ведь, не револьвер решал дело. Вооружением царское правительство было богаче нас и надо было его оружие использовать и овладеть им. Боялся я, что нетактичное направление приобретенного таким путем оружия может только повредить делу. Разгоряченный товарищ, пустивший револьвер в ход против солдата, мог бы только спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих. Поэтому я решительно отказывал в поисках оружия всем, самым настоятельным образом требовал вовлечения солдат в восстание и этим путем добыть оружие и всем рабочим. Это было труднее, чем приобретение несколько десятков револьверов, но в этом была целая программа действий. Обострение уличной борьбы возбуждало у рабочих великую жажду вооружения. Все, даже массовики понимали, что это было единственное средство к победе, к закреплению каждой новой позиции в происходившей борьбе. Оружие рабочий революционер мог достать только у солдата—рабочего и крестьянина в серой шинели, колебавшегося в своей верности присяге и боровшегося со страхом и оковами дисциплины, но показавшего тысячами случаев, что он всем сердцем и душой с нами, с революционным народом, но нужно сделать еще шаг друг к другу, чтобы это единение из сочувственного, превратилось в действующее. И этот шаг, по моему мнению, должны были сделать сами рабочие. Практически я мыслил это и предлагал представителям Петербургского Комитета и работникам Выборгского Районного Комитета осуществить на местах по районам и казармам таким образом. Наши товарищи, поль-

зуясь партийными и личными связями с солдатами, расположенными в их районе, проникают, несмотря на риск и трудности, в казармы, устраивают массовки с участием солдат, там, где нельзя будет проникнуть в казармы. На этих собраниях ставить вопросы внутреннего положения о тягостях войны, ее целях и необходимости свержения царской власти и прекращения войны. Звать к активности и присоединению к народу, к поддержке революционных требований. Во время уличных встреч следовало быть крайне осторожным и не нападать на воинские солдатские части, а стараться сливаться с солдатами, вступать в разговоры, обращаться к ним с речами, стремиться к уличному братанию, распылению их в толпе, изолированию от них офицеров. Возможны были все же столкновения с солдатами и при такой тактике, которую рисовал и предлагал я товарищам, так как правительственная власть постарается бросить на рабочих прежде всего самые верные части, вроде унтер-офицерских, учебных команд и т. п. Но приходить в отчаяние от той или иной неудачи, основывать на ней отрицание необходимости подобной тактики, было бы пагубно. События этого и последующих дней подтвердили верность такой позиции.

Впервые после двенадцати лет реакции и борьбы, Петербург видел в этот день такой массовый наплыв рабочих в центр города. Тысячные толпы со всех районов, по всем улицам и закоулкам стремились прорваться к месту боевого сбора — Казанскому собору. Несмотря на всю энергию полиции как конной, так и пешей, ей не удавалось сдерживать наших рабочих и в обеденный час там, около Казанского собора, собралась огромная толпа. Немало было там и полицейских сил. Для полноты военной картины не хватало только артиллерии. Конные городовые, жандармы устраивали па площади «мельницы», бросались в атаку на толпу. Тут же стояла и пехота, мрачная, недовольная. Под натиском вооруженных полицейских сил толпа переливалась с одного места на другое, разбегалась и смыкалась вновь. Во многих случаях зверские атаки встречали сопротивление. На конных городовых и жандармов сыпались камни, бутылки, палки. Была беспорядочная стрельба по безоружной толпе. Были раненые, убитые и арестованные.

Оказывая самое упорное сопротивление жандармам и полиции, этим продажным шкурам, как характеризовали основную силу царской власти рабочие, они всячески избегали столкновений с солдатами. К пехоте все стремились приблизиться, и были случаи, когда по команде офицеров солдаты брали ружья на перевес, чтобы разгонять толпу, но за их винтовки хватались женщины, поднимался такой шум и крик, что солдаты терялись, этим мгновением толпа разъединяла их. превращала воинскую часть в кучки спорящих, волнующихся, упрекающих друг друга солдат и рабочих.

На Знаменской площади была такая же картина. Та же давящая толпу «мельница» конницы, тот же свист нагайки. те же приемы и угрозы стрельбой, такие же стычки. Под вечер Знаменская площадь была запружена многотысячной толпой рабочих и работниц. Полиция начала применять энергичные меры по разгону демонстрантов. То в одном, то в другом конце огромной площади происходили схватки. Пролилась пролетарская кровь. Зверский разгон возмутил некоторых казаков и между полицейскими и казачьим отрядом произошла стычка, в результате которой один полицейский чин был ранен шашкой. И так по всему городу, по всем районам. Казаков в этот день было немного, очевидно им был дан отдых от работы в предыдущие дни, а возможно, что их не выпускали за проявленную ими легкость по отношению к демонстрациям и митингам. Впервые в этот день раздались выстрелы по безоружным демонстрантам. Стреляли у Литейного проспекта и около Михайловской улицы. На крышах домов и пожарных каланчах были установлены пулеметы в ночь на двадцать пятое. Правительство готовилось к бойне.

Только под вечер удалось полиции очистить город от наплывших туда рабочих. Однако это не означало победы над восставшими рабочими. Общий голос расходившихся по домам призывал на другой день к новым еще более многолюдным демонстрациям. Все переживали необыкновенный подъем настроения, заразивший даже обывателя. Три дня уличных встреч, борьбы и общей опасности спаяли десятки тысяч рабочих, сделали их борцами и агитаторами за революцию. Рассказы о том, что было, что делалось на том или другом конце Невского, на площадях и закоулках выслу-

шивались с затаенным дыханием, вызывали в глазах печаль и месть, если гибли наши силы, и огоньки восторга, когда враги попадали в скверное положение. Особенный интерес проявили слушатели ко всякой мелочи в поведении солдат. От коллективной наблюдательности массы не ускользнули даже оттенки той внутренней борьбы, которую переживали солдаты патрулей и воинских усмирительных частей. Решительное действие войск, или, вернее, их отказ от решительного действия против рабочего народа должен был завершить эти дни полным торжеством революции.

В этот день мне не удалось зайти на совещание партийных представителей (меньшевиков, социалистов-революционеров), поэтому я не был в курсе всех предположений других организаций. Однако эти совещания и свидания при сложившихся партийных отношениях нам, большевикам, ничего не давали. Встречи носили случайный характер и отличались расплывчатостью бесед и неопределенностью задач. Частенько сходились представители противоположных мировоззрений, потерявших за время войны даже былые революционные традиции подполья. Легалисты и оборонцы всех направлений приходили на эти совещания для того, чтобы выведать, узнать от своих противников ближайшие шаги и намерения подполья. Все «острые» вопросы революционной и классовой политики собиравшиеся, в большинстве интеллигенты, дипломатически обходили. У меня было очень мало надежды на то, что эти круги смогут оказать активную поддержку восставшим рабочим. То, что я видел на улице, что я узнавал от рабочих, что я слышал в кучках собеседников, было важнее кабинетных размышлений, а потому и не оказалось у меня особых побуждений к встрече и совещанию с представителями интеллигентских кружков.

Петербургская Дума, напуганная революционным движением, устроила заседание вечером 25 февраля. Собрание было посвящено обсуждению продовольственного вопроса. Обсуждение продовольственного вопроса превратилось в обсуждение политического положения страны. С политическими речами выступали сначала Шингарев, Шнитников, представитель рабочих кооперативов с.-д. меньшевик Волков. Потом на собрание пришли Керенский, Скобелев, также выступали с речами, бичевали царское правительство. На заседа-

ние прибыло много демонстрантов рабочих и интеллигенции. Дума приняла резолюцию с требованием свободы слова, печати, собраний и свободы выборов в учреждения, ведавшие делами продовольствия. Во время заседания в Думу приносили раненых на улице рабочих. Это вызывало шумные антиправительственные манифестации присутствовавших [1]).

Вечером в этот день (25 февраля) мы имели заседание Бюро Центрального Комитета в квартире т. Павлова. Нашим представителем в Петербургском Комитете т. П. Залуцким было сделано сообщение о положении дела в районах Петербургского Комитета нашей партии. Из полученных им данных положение дела и состояние организации было очень благоприятное. Повсюду работники наших подпольных коллективов стремились охватить движение, направляя его на путь революционных демонстраций и братанья рабочих с солдатами. Стачка проходила блестяще, приняла всеобщий характер и протекала при повышенном и боевом настроении рабочих. Представители районов сообщали Петербургскому Комитету о том, что рабочие решили закончить стачку лишь по достижении победы над царским правительством. Связи с казармами у Петербургского Комитета и по районам налаживались. Особенно энергично действовал в этом направлении Выборгский район. Там стояло несколько запасных полков и команды самокатчиков, среди которых наши товарищи начали вести усиленную агитацию. Привлечь солдат на нашу сторону, поднять хоть часть их из казарм—было мечтой всех организованных и беспартийных пролетариев фабрик и заводов. Вокруг казарм ходили в одиночку и кучками рабочие, стараясь всячески связаться с солдатами. Офицерство всячески стремилось помешать сношению казармы с «волей», часто угрожая стрельбой по ходившим и собиравшимся около казарменных зданий рабочим. За жизнью и деятельностью солдат в казарме следили тысячи рабочих. От них не укрылось царившее в казармах беспокойство, малейшие признаки неподчинения солдат бодрили и вселяли надежды на победу.

День 25 февраля был фактически первым днем всеобщей стачки. В сводках начальника охраны города мы находим

---

[1]) Подробности об этом собрании смотрите в докладе охранного отделения, приложение двадцать первое.

подробное описание выступления рабочих, а также «доблестных» действий полицейских и воинских частей. Во всех полицейских сводках имеются открытые выражения недовольства полиции действиями казачьих частей.

«25 февраля».

25 февраля забастовка рабочих продолжала разрастаться. По сведениям полицейских участков бастовало 240.000 рабочих. Этот день следует отметить, как чрезвычайно тяжелый в действиях столичной полиции по прекращению уличных беспорядков, по жертвам, принесенным ею при исполнении долга службы (убит пристав, тяжело ранен полицеймейстер, ранено несколько других чинов), а также по тем отдельным случаям проявления войсковыми частями, участвовавшими в нарядах, пассивности и даже нетерпимости в отношении к деятельности чинов полиции по восстановлению нарушенного порядка и спокойствия в столице.

В течение дня уличные беспорядки выразились в следующем:

По первому отделению.

Первый участок Казанской части.

С 11 часов утра в центральной части Невского проспекта стали появляться в одиночку небольшими группами бастующие рабочие, которые до 12 часов дня рассеивались конными городовыми, бывшими в распоряжении участковой полиции в числе 40 человек под командой полицейского офицера корнета Доморацкого.

Около 1 часа дня к Казанскому мосту подошла с пением революционных песен толпа рабочих, которая была встречена бросившимися в атаку, с обнаженными шашками, вышеупомянутыми конными городовыми под командой корнета Доморацкого и сотней 4 Донского казачьего полка. В рассеивании этой толпы принимали участие и $1^1/_2$ роты 3 стрелкового запасного батальона. На набережной Екатерининского канала против д. № 21 из толпы были брошены в казаков и конных городовых пустые бутылки, а также было произведено до 6 отдельных выстрелов.

Выстрелами, произведенными из толпы, были ранены городовые 3 отделения конно-полицейской стражи Илья Кулемин в живот (отправлен в Обуховскую больницу), Нефед Павлов—в левую сторону головы у левого уха с причинением рассеченной раны глубиною в сантиметр. Кроме того, брошенными бутылками причинены ушибы правой руки корнету Доморацкому и ушибы головы стрелку 3 стрелкового запасного батальона Нестеренко. Корнет Доморацкий во время рассеивания толпы произвел в нее против вышеупомянутого дома два выстрела из револьвера, результаты коих неизвестны.

Около двух часов дня к Казанскому мосту снова подошла толпа, численностью до 5.000 человек с красным флагом и пением революционной песни. Часть этой толпы подошла к дому № 3 по Казанской ул., во дворе коего содержались до 25 человек арестованных участников уличного беспорядка под охраной городовых, при чем намеревались освободить этих задержанных. К толпе подъехал взвод казаков 4 Донского казачьего полка с офицером, который въехал во двор дома и освободил арестованных, при чем казаки нанесли удары ножнами шашек, окарауливавшим арестованных городовым Шупову и Крогулецу. По показанию одного из городовых, один из казаков въехавших во двор, где находились арестованные, ударяя шашкой городовых, ругал их бранными словами и говорил: «служите вы за деньги».

Означенная толпа была окончательно разогнана казаками, при помощи подоспевшего отряда конных жандармов под командой штаб-ротмистра Подобедова.

За подстрекательство к уличным беспорядкам задержан рабочий Арсенала, состоящий на учете военно-обязанный Николай Козырев, 27 лет.

Первый участок Литейной части.

В районе этого участка, на Невском проспекте в течение всего дня также двигались толпы рабочих, подростков и учащихся, большею частью студентов психо-неврологического института. Толпы эти рассеивались войсковыми конными частями, конными жандармами и конно-полицейской стражей, действовавшими изредка холодным оружием. Отношение толпы к чинам полиции было весьма враждебно.

Около 4 часов дня на углу Невского и Литейного проспектов в разъезд конных жандармов был брошен разрывной снаряд, разорвавшийся с большим шумом, но никому вреда не причинивший.

В это же время при рассеивании толпы на полном карьере, против дома № 72 по Невскому пр., упал вместе с лошадью корнет 6 Уланского Его Величества полка Мордовин, получивший при этом тяжелые ушибы и повреждение правой ноги. Пострадавший корнет Мордовин был выведен из толпы помощником пристава штабс-капитаном Кубень и отправлен в автомобиле домой.

Второй участок Спасской части.

В 12 часов дня пристав получил сведения, что по Невскому проспекту со стороны Николаевского вокзала продвигается большая толпа, и, находясь у д. № 45 по названному проспекту, послал полицейского надзирателя к командиру пехотной части, находившемуся поблизости в Гостином Дворе с просьбой немедленно прислать, как это было между ними заранее условно, воинскую команду, для охраны арестованных, которые в числе до 60 человек были временно задержаны во дворе вышеупомянутого д. № 45. Через 20 мин., в течение которых воинская команда не прибыла, толпа подошла к означенному дому и остановилась, требуя освобождения задержанных. Пристав увещевал разъяренную толпу, наседавшую на него и на бывших с ним 4 полицейских надзирателей, стараясь оттянуть время в надежде, что ему будет оказана помощь со стороны воинского наряда, находившегося в Гостином Дворе, откуда было видно, что происходит напротив. Тщетно прождав этой помощи, пристав прорвался через враждебно настроенную к нему толпу в Гостиный Двор и обратился к сотнику 6 сотни 4 Донского казачьего полка с усиленной просьбой оказать содействие, но тот ответил, что он имеет задачу охранять лишь Гостиный Двор. Тогда другой офицер со взводом казаков согласился помочь, но оказалось, что было уже поздно, так как к тому времени толпа успела ворваться во двор и освободить арестованных.

Во дворе д. № 46 толпа набросилась на полицейского надзирателя Тройникова, повалила его на землю и избила

до потери сознания, ударив поленом по голове и причинив ему много кровоподтеков на голове и лице. Врачами признано, что хотя полученные полицейским надзирателем Троиниковым повреждения не особенно тяжки, но заранее определить исход их невозможно. Пострадавший отправлен в больницу.

В 2 часа 10 минут толпа демонстрантов, отступая под давлением конных отрядов от Казанского моста, пыталась проникнуть в булочную и кофейную «Пекарь», но туда не была допущена находившимся у булочной по наряду полицейским надзирателем Бервиновым. Тогда из толпы полетели бутылки и камни, которыми были разбиты 3 оконных стекла в булочной. Участники толпы сорвали шашку с вышеназванного полицейского надзирателя и поломали ее, а также обезоружили постового городового Лисовского, окружив его и отняв от него револьвер и шашку.

По второму отделению.

Третий участок Нарвской части.

Около 9 часов утра подоспевшим отрядом рассеяна была группа рабочих, пытавшихся проникнуть с целью прекращения работ на Невскую ниточную мануфактуру (Лифляндская ул.). На самом же заводе задержаны двое рабочих, остановившие несколько машин.

Четвертый участок Нарвской части.

Бастующие рабочие в местности за Путиловским железнодорожным мостом приперли казачий разъезд в тупик между канавой и забором. Тотчас по получении об этом сведений в управление участка была выслана оставшаяся в резерве часть сотни, которая, под руководством командира сотни подъесаула Силкина, в несколько минут рассеяла значительную толпу.

За день в районе участка толпа подростков отобрала ключи от нескольких моторных вагонов трамвая. По наблюдению полиции в этих случаях можно предполагать снисходительную податливость со стороны самих вагоновожатых.

По третьему отделению.

Второй участок Литейной части.

В 9 часов утра толпа бастующих рабочих проникла в помещение типографии газеты «Новое время» (Эртелев пер., 13), разбила в окнах несколько стекол и сняла рабочих типографии. Прибывшим вскоре нарядом конных жандармов скопление рабочих было рассеяно.

Первый участок Московской части.

Около 4 часов пополудни толпа демонстрантов в несколько тысяч человек, следовавшая по Невскому проспекту по направлению к Николаевскому вокзалу с красными флагами, на Аничковом мосту окружила городового Дубневского и обезоружили его, отняв у него шашку и револьвер «Наган».

Из той же толпы, на углу Пушкинской улицы и Невского проспекта демонстранты набросились на стоявшего около тротуара младшего помощника пристава коллежского секретаря Юхневича, нанесли ему несколько ударов кулаками в спину, грудь, бока и, держа его за руки, плечи и голову, обезоружили, вытащив у него из ножен шашку и из кармана револьвер «Браунинг» малого калибра, а затем подхватили его на руки и при угрожающих возгласах оттащили его на Пушкинскую улицу и втолкнули в подъезд д. № 4.

На углу Лиговской улицы и Лиговского пер. демонстранты отняли револьвер у городового Шиш.

Около 5 часов пополудни на углу Невского и Владимирского пр. толпа окружила полицейских надзирателей Живца, Иванцева и Расторгуева и пыталась последних обезоружить. Защищая Расторгуева, Живец выстрелил, а Иванцев обнажил шашку и замахнулся на нападавшего. В это время из толпы был произведен выстрел, при чем пулею ранило полицейского надзирателя Иванцева в правое плечо навылет. Пострадавший отправлен в больницу; рана для жизни не опасна.

В то же время и на том же пункте толпа избила городового Кадиса и отняла у него шашку и револьвер. У Кадиса разбита голова и обезображено лицо. Пострадавший в тяжелом состоянии отправлен в военный госпиталь.

Третий участок Московской части.

За попытки снять с работ задержано 4 молодых людей, при чем у одного из них найдено два металлических шара.

Участок Александро-Невской части.

Около 1 часу дня на углу Невского проспекта и Михайловской ул. толпа демонстрантов остановила извозчика, на котором городовой Ерошин вез подкинутого ребенка в воспитательный дом и, набросившись на Ерошина, выхватила у него из кобуры «Наган» с патронами.

По четвертому отделению.

Суворовский участок.

Около 8 часов утра у дома № 5 по Косой линии толпа набросилась на городового Франца Ваха, 53 лет, и, избив его, отняла у него шашку и револьвер «Наган». У него оказались рассеченные раны на правой стороне лба, на левой брови и на нижней губе, а также выбиты 2 зуба.

Второй участок Васильевской части.

В 11 часов утра при появлении забастовщиков в Петроградском Трубочном заводе была вызвана начальником завода рота Лейб-Гвардейского Финляндского запасного батальона под командою подпоручика Иосса. Ввиду неуместных шуток и неповиновения толпы подпоручик Иосс произвел из револьвера выстрел, которым был убит слесарь Дмитриев. Труп убитого, по распоряжению военного начальства, был отправлен в Николаевский военный госпиталь в сопровождении конвоя казаков из 7 человек, которые, не исполнив отданного им приказания, без всякого противодействия допустили толпу взять сопровождаемый ими труп и внести в покойницкую св. Марии Магдалины у Тучкова моста. Тут же у моста стояла охранная полурота под командой подпоручика Вустина, которому, однако, казаки не доложили о сущности полученного ими приказания и о самоуправстве толпы. Впоследствии тело убитого рабочего было отвезено по месту назначения. В связи с вышеуказанным случаем был задержан за демонстративное отношение к офицеру

по поводу приказания его разогнать толпу, ученик 6 класса реального училища Эмилий Бем, у которого оказался револьвер казенного образца, заряженный двумя патронами.

Второй участок Петроградской части.

Около 10 часов утра толпа, численностью до 800 человек, подошла к зданию Государственной типографии с целью снять рабочих, но подоспевшим нарядом пеших и конных городовых была рассеяна. До прибытия воинской охранной команды при Государственной типографии были оставлены патрули от чинов полиции.

Третий участок Петроградской части.

В 9 часов утра в булочной швейцарского гражданина Крузи, по Каменно-Островскому проспекту стоявшими в очереди покупателями были выбиты три больших стекла после того, как им было заявлено, что булок больше нет, а таковые были обнаружены публикой уложенными на телегу для вывоза. По распоряжению пристава обнаруженные булки в количестве 300 штук были тут же проданы.

В 10 часов утра на Каменноостровском проспекте полицией задержан бастующий вагоновожатый Никифор Попов за отнятие моторной ручки у другого вагоновожатого.

По пятому отделению.

Первый участок Выборгской части.

Около 10 часов утра огромная толпа в несколько тысяч человек продвигалась по направлению к Александровскому мосту с целью проникнуть в город. Навстречу этой толпе с полусотней казаков и городовыми конной стражи выехал полицеймейстер пятого отделения полковник Шалфеев, который, устроив у Симбирской улицы заслон из казаков и конных городовых, подъехал к толпе и предложил ей разойтись. Здесь толпа набросилась на полковника Шалфеева, стащила его с лошади и стала наносить ему удары ломиком и толстой палкой, причинив ему перелом лучевой кости правой руки, раздробления переносицы и несколько повреждений кожных покровов на голове. Поднятый городовыми пол-

ковник Шалфеев в тяжелом состоянии отвезен в военный госпиталь.

Та же толпа набросилась на чинов конно-полицейской стражи, кинувшихся на выручку полицеймейстеру, при чем какой-то человек атлетического сложения поднял над головой вахмистра конной стражи Лисина большой лом с целью нанести удар, но Лисин выхватил револьвер, ударил им в лицо злоумышленнику и свалил его с ног.

В то же время из толпы стреляли и бросали разными тяжелыми предметами в конных городовых, которые также ответили выстрелами. После первых выстрелов казаки 4 сотни 1 Донского полка, стоявшие в заслоне вместе с городовыми, отступили и оставили против толпы лежащего на мостовой полицеймейстера и около него 10 человек конно-полицейской стражи. Вскоре толпа была оттеснена от моста и постепенно рассеяна конными частями и нарядами полиции.

В то время, когда из толпы раздались выстрелы, оказавшийся на панели у дома № 11 по Нижегородской ул. городовой 1 участка Выборгской части Москалев, видя, что ему из толпы не выбраться, вошел в ворота этого дома. Вбежавшие вслед несколько рабочих побили Москалева и отобрали от него шашку и револьвер.

Лесной участок.

Около 9 часов утра рабочие завода «Айваз» устроили на заводе сходку, на которой ораторы предложили продолжить забастовку до 1 марта, заявив, что к ней примкнут все мелкие предприятия, а также железнодорожные рабочие. Кроме того, было предложено устроить мирную демонстрацию у Казанского собора.

По шестому отделению.

Александровский участок.

В 9 часов утра рабочие Обуховского сталелитейного завода, на котором работает до 14.000 человек, бросив работы, вышли на улицу с красным флагом и пением революционных песен. Толпа направилась к городу, снимая по дороге рабочих с других предприятий (карточная фабрика, императорский фарфоровый завод и др.), которые частью и присоеди-

нились к ней. Встреченная на проспекте Михаила Архангела нарядами полиции толпа была рассеяна с применением к непокиновавшимся нагаек и обнаженных шашек, которыми наносились удары плашмя. При этом чинами полиции был отобран у демонстрантов красный флаг и задержан флагоносец, оказавшийся рабочим Обуховского завода, состоящим на учете Михаилом Масальским, 18 лет, флаг длиною $2\frac{1}{2}$ аршина и шириною 13 вершков, на нем надписи белыми буквами: «Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика».

Воскресенье 26 февраля.

Утром двадцать шестого предполагалось собрать пленум Петербургского Комитета нашей партии, на котором должны были подвести итоги движению и наметить линию дальнейшего действия. Движение развивалось, расло. Наши предположения о вовлечении солдатской массы в движение начинали оправдываться: в казармах было неспокойно. Сторожевые посты солдат легко вступали в разговоры. В их поведении чувствовалась глубокая тревога.

Государственная Дума, ее оппозиция была уже забыта, отошла на задний план. Благодаря всеобщей стачке газеты не выходили и никто не знал о том, что делается в мире буржуазной оппозиции. Внимание всех было направлено на улицы Питера, все чувствовали и понимали, что там, на площадях и в закоулках, решаются судьбы революции. Необходимо было обеспечить максимум успеха за восставшими рабочими в уличной борьбе с верными царизму отрядами полицейских, жандармов и воинских учебных и иных команд. Все наши помыслы были прикованы к уличной, грандиозно развертывавшейся борьбе. Для победоносного завершения всеобщей стачки и революционных демонстраций, требовалось немного активного участия в борьбе со стороны хотя бы незначительной части войск. Уже в субботу 25-го чувствовалось, понималось нами, что для победы над имевшимися у правительства надежными частями, нужна небольшая воинская часть, активное выступление которой, совместно с восставшими рабочими, решало борьбу в пользу победы революции. Найти такие части, привлечь их к борьбе ра-

бочих, было делом наших организаций, делом и заботой каждого члена нашей партии. В казармы, к солдатам! Такие давались нами лозунги на эти дни. Вопросы боевой практики отодвигали на задний план все задачи по оформлению движения, созданию «всеми признаваемого» центра по руководству борьбой и на случай победы. Та доля руководства и влияния на борьбу, которую имели наши партийные организации, снизу доверху, нас достаточно удовлетворяла. Техника уличной борьбы и демонстраций под красными знаменами революции не требовала кабинетных соглашений между различными политическими группировками того времени. Мы сознательно не выставляли лозунгов по созданию какого-либо непартийного органа для руководства полустихийным движением, выдвигая для этой цели наши испытанные в борьбе, дисциплинированные и централизованные партийные коллективы. Для боевого объединения рабочих этих центров было вполне достаточно.

При победе восстания, даже при первом его успехе, мы предполагали созыв совета рабочих депутатов. Как он создается, для рабочих очень хорошо было известно по опыту 1905 года. Другого, более авторитетного центра трудно было и выдумать. Солдат местного гарнизона также было бы легко ввести в рамки представительства в совет. Идеи создания совета рабочих депутатов в Питере возникали во время войны (1915—1916 годы) неоднократно, почти при каждом крупном забастовочном движении. И Бюро Центрального Комитета нашей партии, совместно с Петербургским Комитетом пришло к заключению, что руководство восстанием должно сосредоточиваться в наших нелегальных партийных центрах. Однако, большинство наших заводских коллективов, в силу их боевой роли, потеряли в эти дни свой «нелегальный», т.-е. секретный, подпольный характер, превратившись в легальное представительство всех рабочих. Кое-где на заводах металлической промышленности были созданы «Заводские Комитеты». На них в эти дни лежала забота по наблюдению за предприятием, удовлетворение материальных нужд рабочих, сношения с администрацией и т. п.

Двадцать шестое февраля, второй день всеобщей стачки, был день праздничный, воскресный. С самого раннего утра рабочие кварталы столицы были переполнены празднично

одетыми группами рабочих. Всюду господствовало оживление и боевое, антиправительственное возбуждение. Из рабочих кварталов тянулись людские потоки к центру города. Улицы, переулки, ведущие из рабочих кварталов к центру были заняты усиленными нарядами полицейских и воинских частей. Мосты, тропинки через замерзшую Неву и каналы, проложенные ногами экономных пешеходов, также были под зоркой охраной и наблюдением вооруженной охраны.

«Дальше нельзя!»

«Переходить запрещено!»

«Назад!» —раздавалось при первой попытке пройти «нормальными» путями в центр города. Но все эти усиленные кордоны, солдаты, стучавшие прикладами винтовок об утоптанный снег, бессильны были преодолеть волю восставших рабочих. Охраняемые места обходили, прокладывали тысячи новых дорог, тропинок и вереницами, группами и в одиночку продвигались к Невскому, к Знаменской и Казанской площадям. Около воинских патрулей, солдатских цепей, преграждавших путь толпились возбужденные рабочие, работницы. Солдаты попадали под влияние массовой пропаганды, охотно беседовали с прохожими, выражали свое сочувствие и нередко отворачивались, чтоб «не видеть» прорывов охранной цепи.

В этот день войсковых частей, привлеченных к делу подавления революции, было значительное количество, на много превышало то количество сил, которое было использовано правительством за предыдущие дни. По решению Штаба Округа город был разбит на участки. К каждому участку была приписана воинская часть, а начальниками участков были назначены командиры полков.

Первой моей заботой в этот день была посылка курьера в Москву, для осведомления Московского Областного Бюро относительно всего происходящего у нас в Петербурге и с предложением выступить во что бы то ни стало на поддержку начавшегося движения в Петербурге. Послал своего маленького курьера К. Тютерева по явкам на поиски за работавшими при Бюро Центрального Комитета курсистками, назначив свидание на вечер за несколько часов до отхода вечернего поезда на Москву.

Из-за Невской заставы перебираюсь, по переполненным улицам предместий района Песков, Выборгской стороны на

нашу штаб-квартиру Бюро Центрального Комитета, на Сердобольскую улицу.

Из Лесного и Выборгской стороны, несмотря на раннее утро—не было еще и десяти часов, празднично одетые пролетарии спешили к центру города. Жизнь фабричного района совершенно замерла. Не слышно ни фабричного шума, ни гула металлических военных заводов. Все лавочки, базары закрыты. На улицах нет ни одного извозчика. Не слышно дребезжащих звонков трамвая—на линиях не видно ни одного вагона. По Финляндской дороге, громыхая через мосты, движутся к городу переполненные пассажирами поезда.

На квартире Д. А. Павлова узнал, что собравшийся рано утром в этот же день Петербургский Комитет, на квартире тов. Куклина, по Большому Сампсоньевскому проспекту, был арестован. В руки полиции попали кое-какие документы о состоянии работы в районах и написанная Бюро Центрального Комитета прокламация. Впоследствии оказалось, что несколько членов Петербургского Комитета избежали ареста. Арест указывал на провокаторскую руку, но не приходилось и думать о поисках и тратить время на догадки. Арест Петербургского Комитета в момент разгара движения мог внести расстройство в ряды организации и тотчас же нужно было заменить арестованный центр другим. Была большая опасность в том, что районные работники, лишенные руководства, могли повести массы вразброд. Эта опасность усиливалась еще намерениями оборонческих кругов вести агитацию за ликвидацию движения. Собирать районы и производить новые выборы Петербургского Комитета в такой боевой момент было совершенно невозможно. Общее руководство движением и партийной работой в Питере, с момента ареста, автоматически ложилось на Бюро Центрального Комитета.

До обеда удалось найти кое-кого из членов Выборгского района и договориться с ними относительно создания нового Петербургского Комитета. Помню, что, кроме Павловых, Афанасьева, на совещании был В. Н. Каюров, Чугурин и, кажется, К. Лебедев. Я предложил Выборгскому Комитету, как самому мощному, взять на себя обязанности Петербургского Комитета и, совместно с Бюро Центрального Комитета, руководить движением. В нашей подпольной практике существовал некоторый обычай—равняться по Выборгскому району, и во

время стачек, масса очень часто равнялась по Выборгской стороне, по ее фабрикам и заводам. Кроме того, Выборгский Комитет, благодаря личной и территориальной связи с Петербургским Комитетом, был наиболее других районных комитетов в курсе общепитерской работы. Совещание согласилось с моим предложением, и в тот же день поспешили оповестить всех заинтересованных в создании центра товарищей. Бюро Центрального Комитета в тот же день также одобрило предложенные мною организационные мероприятия по созданию нового Петербургского Комитета. Таким образом была парализована возможность расстройства наших боевых рядов в эти дни. И на этом заседании товарищи Выборгского района поднимали вопрос относительно вооружения и создания боевых дружин. Арест Петербургского Комитета полицией дал новый толчок просьбам и требованиям на оружие. Особенно «грызли зубы» местные рабочие на полицейский участок, вкрапленный как заноза в пролетарский квартал. Полицейские посты исчезли давно, и городовые, вооруженные винтовками, сидели в части. Выбить их из этой части—было большим желанием рабочих.

Указал еще раз товарищам на единственный верный путь к оружию—привлечение солдат, дружба с казармами, в которых было достаточно хорошего вооружения.

С Сердобольской улицы направился к центру города. Был второй час дня, рабочие густыми вереницами стекались к Литейному мосту. По мосту проходить не давали. Пришлось спуститься к реке и пройти в обход, в направлении «Крестов» и оттуда переправиться на ту сторону Невы. По набережным и у дорог стояли часовые. По улицам города сновали конные отряды городовых, жандармов. Изредка показывались казаки и др. конные части войск гарнизона. Рабочих сгоняли со всех дорог, мостов, переходов, ведущих в город. Воинских и полицейских сил в эти дни было значительно больше, чем раньше. Но как и в предыдущие дни все эти полицейские рогатки, воинские заставы, были беспомощны задержать народный поток. Уже с обеденного часа Невский проспект был заполнен пролетарской публикой. На Знаменской площади, на углу Литейного проспекта и Невского, а также на перекрестке Невского и Садовой появились манифестации с красными знаменами. Но наиболее крупная манифестация про-

исходила у Казанского собора, на традиционной площади революционного движения нашей столицы. Там были сосредоточены большие полицейские и воинские силы. За Полицейским мостом через Мойку была расположена какая-то воинская часть, среди манифестантов говорили, что это была учебная команда Павловского полка. Между воинскими частями и публикой, пехотой и манифестантами происходили постоянные переговоры, разговоры и агитация. Действия конницы приводили к тому, что рабочие, работницы и прохожие граждане теснились около пехоты. Раздававшаяся время от времени стрельба из винтовок со стороны Мойки залпами и в одиночку, заставили демонстрантов искать прикрытия за углами и очистить середину Невского проспекта.

В различных концах площади слышатся звуки «Марсельезы», кое-где поют: «Дружно, товарищи». Появляются красные знамена. Этого не выдерживает полицейское око, и начинается атака и разгон. Демонстранты оказывали сопротивление, кто чем мог, что попало под руку. Ни стрельба, ни разгон не помогали: демонстранты, тысячными толпами, сбитые в одном месте, собирались в другом.

Был уже третий час дня, когда я проходил от Литейного по Невскому проспекту. По обеим сторонам проспекта двигалась густая масса пешеходов. Тут были чиновники, военные врачи, учащиеся, прислуга, дворники и группы рабочих и работниц. При звуках стрельбы все стремительно бежали в ворота домов или жались к подъездам. Стреляли со стороны Казанского собора по направлению к Знаменской площади, вдоль Невского проспекта. Середина проспекта быстро очистилась, превратилась в белую пустынную полосу, окаймленную по сторонам черной движущейся лентой людской толпы. Стрельба стихала, тротуары приходили в оживленное состояние. Смельчаки выбегали на середину проспекта, иные спешили использовать затишье для перебежки на другую сторону Невского.

Где-то вдали слышны залпы, один, другой...

Тра-та-та... раздается где-то близко, со стороны Знаменской площади, чеканно-звонкий треск пулемета.

Все останавливаются, как-будто замирают на месте, прислушиваясь с тревогой к отдаленным звукам смерти. Снова

беспорядочная пальба со стороны Садовой, и плавный шопот пулемета со Знаменской...

Опять все ищут защиты во дворах домов, на углах пересекающих Невский улиц и в карнизах домов...

Паники, страха не наблюдалось, но возмущение против правительства, допустившего стрельбу по безоружной толпе, было огромно и захватило все слои населения.

Беспорядочная пальба из винтовок и мерный пулеметный чок прекратились через несколько минут. Снова все осторожно выходили на тротуары Невского и устремляли свои взоры вдоль по проспекту.

Вдали, на укатанной снежной мостовой, недалеко от Литейного проспекта, а также ниже Аничкина дворца, виднелись небольшие, мешкообразной формы предметы... То были первые жертвы царизма в этот день. Разбойная рука полицейских била по всякой цели, попадавшейся на глаза. Полицейские пулеметчики, рассаженные по засадам на крышах домов и пожарных каланчах, поливали свинцовым дождем демонстрировавшие массы рабочих.

Опять залпы вдалеке заглушают рокот пулемета. Снова перекличка пулемета Знаменской (вернее с каланчи Александро-Невской части) со стрелками от Мойки.

Я забрел на угол Знаменской площади и Невского проспекта. Цепь солдат преградила дорогу. Просят, умоляют толпу вернуться в улицу и пройти в обход, другими путями. Площадь была закрыта, но прилегающие к ней улицы и переулки были полны рабочим людом.

На прилегающих к Знаменской площади улицах послышалось пение революционных песен. Там собрались текстильщики и металлисты Невской заставы. Со стороны Невского, обходным путем, по направлению песен, тянулись рабочие. В этом районе было много полицейских и воинских сил, расположенных в участке, в Северной гостиннице, на Николаевском вокзале и прямо на площади. По площади ездили казаки, не смешиваясь с полицией, держась особняком.

Появление толпы, пение и демонстрации представляли удобный случай для расправы, и полиция поспешила ринуться на безоружных рабочих и работниц, рубя, давя лошадьми, стреляя из револьверов. Сцена была столь дикая, что возмутила казаков, и последние тут же выступили против

полиции. В толпе передавали, что один казак зарубил командира полицейских сил (пристава Александро-Невской части). Этот случай передавали из уст в уста, как самую радостную новость. Однако, как ни приятна была в то время эта новость, все же верилось с трудом, чтобы казаки, сами казаки, даже казаки, этот оплот царизма, был с нами, с восставшими пролетариями и возмущенными гражданами. Казаков поспешили убрать...

На пожарной каланче Александро-Невской части разгуливали городовые с винтовками, изредка постреливали по Смольному проспекту, выбирая кучки собравшихся, стреляли по группам детей, гулявших по улицам. Были убитые.

С угла Невского и Знаменской направляюсь на Пески, на одну из Рождественских улиц, где назначил явку «курьеру» для поездки в Москву. Переход через Смольный проспект совершался в перебежку, так как с Александро-Невской части стреляли городовые. За углами, под прикрытием домов и заборов стояли рабочие, работницы, жители этого района и громко обсуждали создавшееся положение.

Моими попутчиками были рабочие с Обуховского, Невского и других заводов. Все наперебой делились своими впечатлениями, рассказывали о том, как той или иной группе рабочих удалось привлечь на свою сторону солдат. Сообщали радостно о том, как солдаты около Казанского собора не были в состоянии выполнить приказа о разгоне демонстрантов, как, при попытке наступления, солдаты были разобщены и потерялись, растаяли в массе.

На явке нашел курсистку «товарища Соню», которой и предложил немедленно отправиться в Москву, сообщить о начавшейся всеобщей стачке и об уличных выступлениях. Передал наше предложение Бюро Московской Области о необходимости их выступления. Дал денег, явку в Москву и снова побрел по улицам, на свою почевку.

С наступлением темноты стрельба прекратилась. Начался отлив демонстрантов из города. Путь на Выборгскую сторону был усеян кучками тихо шедших рабочих и работниц. На устах у всех—события текущего дня. От наблюдений массовиков не укрылось состояние войск. Переживания солдат, их поведение служило предметом разговоров и предположений. Все по опыту убедились, что солдаты в народ стрелять

не будут. В этот день отличались зверством только одни пьяные конные и пешие городовые. Были разговоры и об особых учебных командах, принимавших участие в стрельбе по народу.

Уже во время моего прохождения по Пескам слышал сообщения о том, что рабочие начали избивать жандармов и городовых, возвращавшихся в одиночку «со службы» домой. Было несколько случаев расправы толпы с прислужниками царизма.

Улицы Выборгской стороны кишели народом. Полицейских сил не было. Казармы, вернее входы в них, охранялись усиленными нарядами. Солдат не выпускали из казарм, но обо всем, что происходило в городе, они информировались через часовых и через заборы, вступая в разговор с прохожими.

На квартире Д. А. Павлова застал ряд товарищей, пришедших сообщить о виденном и слышанном. Среди присутствовавших были тт. Чугурин, Каюров, Лебедев, Бубнов (Афанасьев). Все были восхищены и поражены грандиозностью движения. Д. А. Павлов и М. Г. Павлова много рассказывали о том, что видели и слышали, чему были свидетелями и участниками около Казанской площади. Из всех рассказов, пришедших товарищей, побывавших за день в различных местах, можно было притти к одному: наши лозунги к уличным выступлениям осуществились полностью. Однако все мы сознавали, чувствовала это и вся многотысячная масса рабочих, что сделана только половина должного. Трудный момент выхода в бой, начало сражений было положено, но что же дальше?

На тему о том, что же дальше, завязался оживленный разговор, перешедший вскоре в спор. В некоторых кругах, близких к оборонческим центрам, поговаривали о том, что нужно ликвидировать движение. Оставшаяся на свободе часть членов рабочей группы Военно-Промышленного Комитета открыто высказывалась за окончание всеобщей забастовки. Среди участников нашей дискуссии не было сторонников ликвидации движения, но все старались подойти поближе к вопросу о том, что мы можем ждать от событий. Учитывая события прошлых дней, товарищи ставили вопрос о том, каковы наши дальнейшие лозунги, как мы намерены были

бы направить движение. Углублять и уточнять вопрос любил тов. Каюров и он упорно, с разных сторон подходил все к тому же, что же дальше?

Товарищ Чугурин высказывал предположения, что если бы у рабочих было хоть немного оружия, можно было бы организовать боевые дружины, а с ними легко было бы одержать верх над полицейской ратью. Зная во мне противника такой точки зрения, добрейший товарищ Чугурин бросал злые взоры и колкости в мою сторону. Я знал, что мнение т. Чугурина разделяется значительным количеством членов партии на Выборгской стороне и мне пришлось особенно подробно остановиться на его точке зрения.

События, в которых мы имели активную долю, все же учили нас тому, что один пролетариат, без прочного союзника одержать верх над царизмом не сможет. Даже принимая во внимание успех «боевых дружин» против питерской полиции, эта основная задача не была бы решена. Было известно, что правительство перебрасывает войска к Питеру, против которых были бы бессильны даже великолепные дружины товарища Чугурина. И опять мы вернулись к вопросу о том, что присоединение армии к революционному движению решает дело, и тогда Петербургу не могут быть страшны никакие «дикие дивизии». Что же дальше?—Будем продолжать борьбу, примерами привлекать массы рабочих и работниц к дезорганизации войск, стараться вовлекать их в движение, призывая от сочувствия к активной борьбе. Случай с казаками на Знаменской был характерным показателем настроений казарм.

Не могу сказать, чтобы мои собеседники были особенно удовлетворены моими ответами, но никто не предложил другого, а продолжать борьбу, обострять ее этим — все были согласны.

В беседе выяснилось, что стрельба по безоружным, дикая расправа полицейских сил над демонстрировавшими рабочими происходила по всему центру города. Стрельба по Невскому проспекту возобновлялась несколько раз, но ее перестали бояться, умело спасаясь за прикрытиями. А кроме того, смерти уже перестали бояться—на таком миру и смерть была красна.

Воодушевление, энтузиазм были огромны и столь же велико было желание победы. Расходясь по домам, товарищи рабочие прощались «до завтра», мечтая на другой день продолжать борьбу еще более решительно. Против царского правительства были не только рабочие и работницы, но и обыватели. Правда, обыватель не шел на активную борьбу, но своим сочувствием и порицанием действий власти, создавал благоприятную «моральную» обстановку для борьбы в буржуазной части города.

Утром в воскресенье по городу было расклеено объявление генерала Хабалова, командующего Петроградским Военным Округом, в котором он предлагал рабочим возобновить работы и угрожал применением военной силы в случае непринятия его предложения и продолжения уличных «беспорядков».

Во многих местах солдаты проявили признаки недовольства, а командный состав терялся. Власти теряли уверенность в борьбе и возможности руководить войсками против революционного народа. Размеры массового выступления разрушали все репрессивные намерения генерала Хабалова. Его утреннее воззвание и угрозы презрительно срывались. На язык пулеметов, которым заговорили с рабочими царские генералы, пролетарии мечтали ответить тем же.

После ухода товарищей из квартиры Д. А. Павлова, засел за работу по окончанию составления очередного номера второго «Осведомительного Листка», издававшегося Бюро Центрального Комитета. Имевшиеся сведения нужно было формулировать сжато, чтобы иметь возможность поместить как можно больше. В этом номере поместил «предварительные сведения о революционном движении с 23 февраля». Эти сведения еще носят отпечаток конспиративных соображений и чрезвычайно кратки. Утром должен был зайти курьер для передачи всего материала второго номера Е. Д. Стасовой, имевшей возможность «тиснуть» его на пишущей машинке.

Нижеприводимая сводка охранного отделения от 26 февраля, с описанием некоторых эпизодов из борьбы рабочих с правительственными полицейскими и воинскими силами, единственная за 26 февраля, попавшая в архив. Во всем революционном движении охранное отделение видело только

«буйство». Говоря об арестованных, охранное отделение сообщает об аресте пяти членов Петроградского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков). Этот арест был произведен на квартире у товарища Куклина, жившего на Большом Сампсониевском проспекте. Арестовано было 4 члена Петроградского Комитета и пятый хозяин квартиры — Куклин. В аресте принимало участие большое количество конной и пешей полиции. Это собрание Петроградского Комитета было предано охранному отделению провокатором Я. М. Оссисом, жившим в то время на Васильевском острове, по Большому проспекту в доме № 88в.

Собрание радикальной интеллигенции действительно предполагалось, но адрес мне был дан на квартиру Н. Д. Соколова.

Кому адресован доклад охранного отделения в оригинале не указано. Нет и обычных подписей.

«В устранение возможности революционным деятелям использовать в своих целях стихийно возникшие в столице беспорядки, в ночь на 26 сего февраля было арестовано около 100 членов революционных организаций, в том числе 5 членов Петроградского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Кроме того, на состоявшемся 25 февраля вечером, в помещении Центрального Военно-Промышленного Комитета, собрании арестованы два члена Рабочей Группы названного Комитета, избегнувшие задержания во время ликвидации в минувшем январе месяце этой преступной группы. Прочим участникам того же собрания было предложено разойтись.

Сегодня, 26 февраля, в 3½ часа дня, близ Городской Думы собралась толпа, по которой было произведено три залпа холостыми патронами, после чего толпа рассеялась.

В то же время происходила стрельба боевыми патронами по Лиговской улице, где были раненые.

Значительные скопища, стекавшиеся из разных улиц на Знаменскую площадь, также были встречены боевой стрельбой, в результате чего оказались убитые и раненые.

Помимо сего стрельба боевыми патронами производилась на углу Невского и Владимирского проспектов, где собралась толпа в количестве около 1.000 человек, а также на углу Невского проспекта и Садовой улицы, где скопище

достигло приблизительно 5.000 человек. В последнем пункте убитых и раненых на месте не оказалось, так как толпа, повидимому, унесла их с собой.

В $4^{1}/_{2}$ часа дня Невский проспект на всем его протяжении был очищен от толпы, при чем на Знаменской площади чинами полиции подобрано около 40 убитых и приблизительно столько же раненых. Одновременно на углу Итальянской и Садовой улиц обнаружен труп убитого прапорщика Лейб-Гвардии Павловского полка с обнаженной шашкой в руке; личность и обстоятельства, при которых он погиб, выясняются.

В 5 часов дня на углу 1 Рождественской улицы и Суворовского проспекта, произведенным войсками по собравшейся толпе залпом, 10 человек было убито и несколько человек ранено, при чем часть их, повидимому, унесена их товарищами.

Во время происходивших сегодня беспорядков наблюдалось в разных пунктах столицы появление воспитанников средних учебных заведений, которые, имея широкие повязки Красного Креста на рукавах ферменных пальто и белые передники под верхней одеждой, группами направлялись к Невскому проспекту для уборки, в качестве добровольцев-санитаров, раненых и подачи им первоначальной помощи. В тех же целях и слушательницы высших женских учебных заведений проникали в места доставки раненых, где вели себя по отношению к чинам полиции, стремившимся их оттуда отдалить, в высшей степени (зачеркнуто: вызывающе) дерзко.

Во время беспорядков наблюдалось, как общее явление, крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа, в ответ на предложение разойтись, бросала каменьями и комьями сколотого с улиц снега. При предварительной стрельбе войсками вверх, толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались в дворы ближайших домов и, по прекращению стрельбы, вновь выходили на улицу.

Надлежит отметить, что в числе убитых на Знаменской площади было двое в солдатской форме, при чем так как толпа унесла их с собой, то обстоятельство это дает повод предположить, что по всей вероятности убитыми оказались не солдаты, а переодетые в форму нижних чинов демонстранты.

После рассеяния скопищ с Знаменской площади, буйствующие стали накапливаться по Невскому проспекту в части его, называемой «Старым Невским» (от Знаменской площади к Александро-Невской Лавре) и по Гончарной улице, при чем притаившись за угловыми домами (зачеркнуто: за углами улиц и оттуда стрелять), стреляли оттуда из револьверов в воинские наряды (зачеркнуто: разъезды).

По полученным Охранным Отделением агентурных сведениям, сегодня в 8 часов вечера в доме Елисеева на Невском проспекте предположено устройство тайного собрания представителей революционных организаций, с участием члена Государственной Думы Керенского и присяжного поверенного Соколова, для обсуждения вопроса о наилучшем использовании в революционных целях возникших беспорядков и дальнейшем планомерном руководительстве таковыми. Собрание это предположено арестовать».

26 февраля 1917 года.

Понедельник 27 февраля.

Было очень рано, не было еще и 7 часов утра, когда на квартиру нашего Бюро Центрального Комитета, служившую мне и ночевкой, явился товарищ Чугурин. М. Г. Павлова, усумнившаяся в деловом характере столь раннего посещения, не выказывала желания указать ему, где обретался я. Однако указания товарища Чугурина на партийную необходимость победили сопротивление нашей преданной делу хозяйки.

Подняв меня с постели, товарищ Чугурин заявил, что пришел по настоянию членов Выборгского районного комитета, исполнявшего обязанности Петербургского комитета нашей партии, поговорить о работе сегодняшнего дня. Рабочие уже стекаются к заводам, устраивают собрания и решают продолжать всеобщую забастовку. Требуют листков, а их

пока нет. Все, что было, и старое и новое, уже разошлось. Предложил мне написать тотчас же коротенькую листовку, которую постараются тиснуть или будут просто читать на собраниях.

Относительно направления деятельности партийных организаций продолжили наш предшествовавший вечерний обмен мнений. По моему предположению, деятельность наших членов должна была в этот день заключаться в том, чтобы призывать рабочие массы к братанью с солдатами. Товарищ Чугурин был настроен более примиренчески и соглашался со мной на том, что солдат нужно привлечь во что бы то ни стало и как можно скорее, пока движение не пошло на убыль. Мы подробно остановились на том, как это нужно сделать, например, на Выборгской стороне, по отношению к Московскому и другим полкам. Я предложил устраивать по близости казарм, если нельзя прямо в самом казарменном дворе, летучие митинги, от имени которых обращаться к стоящим там солдатам. Находящимся внутри казарм пересылать записки или, еще лучше, направлять гонцов. Одним словом, всячески будоражить казармы, разрушить ту умышленную изоляцию войск от народа, которую практиковало офицерство.

В заключение нашей беседы я набросал и передал товарищу Чугурину маленькую листовку. Привожу ее по сохранившемуся у меня черновику.

«Товарищи, граждане, солдаты!

Царская власть привела Россию на край гибели. Страна разорена, народ обворован, мучается на фронте и в тылу. Нет хлеба, нет дров, нет угля, нет железа. Нечего есть, нечем работать, не на что жить. А власть Николая II своей душительской политикой старается увеличить все растущее горе.

В ответ на рабочие требования—остановили заводы, тысячи выбросили на мостовую. Это произошло в Питере, Колпине и др. городах. В Москве, Нижнем и многих других местах закрывают заводы за отсутствием топлива и сырья. Черносотенная власть занята ограблением в тылу и на фронте, неспособна дать народу хлеб и работу. Нас давят, не дают говорить, не дают писать, не дают собираться, чтобы обсудить, как выйти из великой беды.

Вот уже три дня, как замерла в городе вся трудовая жизнь. Рабочий люд не хочет больше терпеть насилия, гра-

бежей, разруху. На требования рабочих и нерабочих граждан Питера, заявленных демонстрациями по городу, ставленники самодержца-царя отвечают свинцом. Нашлись и палачи-солдаты для стрельбы по безоружной толпе. Пусть проклятие народа, сотен убитых, их жен и детей сопровождает всю жизнь их пьяную совесть.

Царская власть не способна удовлетворить нужды народные. Она ведет себя, как в завоеванной стране. Пользуется войной для укрепления трона. Тысячи томит по тюрьмам, в каторге, ссылает в Сибирь, расстреливает на улицах.

Необходимо свергнуть эту власть!

Настало время решительной борьбы! Всеобщая всероссийская стачка—наше главное оружие. Для борьбы с конными и пешими народными палачами нам должны помочь наши друзья всех родов оружия. Пусть солдаты, наши братья и дети, идут в наши ряды с оружием в руках. Тогда пробьет последний час романовской монархии!

Долой царскую монархию! Да здравствует Народная Республика! Всю помещичью землю—народу! 8-мичасовой рабочий день—рабочему люду! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Партия! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой бойню!»

Получив листок, товарищ Чугурин быстро исчез. Заходившие немного позднее товарищи с завода Айваза, Эриксона, Лебедева и кое-кто из Выборгского районного комитета сообщали, что по заводам идут митинги, принимаются решения продолжать борьбу до полной победы над царским правительством. Кое-где происходили братанья рабочих с солдатами. О возобновлении работ никто и не думал. Все помыслы были направлены на борьбу. Из других районов сообщали, что митинги, общезаводские собрания всюду прошли с громадным воодушевлением. Работа производилась неполностью только в некоторых мастерских военного характера. Из городского района извещали, что Орудийный завод (на Литейном проспекте) также продолжал работать. Снять рабочих не могли, так как район находился под охраной.

Между десятью и одиннадцатью часами утра на явку вновь буквально прибежал товарищ Чугурин и от имени Выборгского районного комитета нашей партии предъявил мне требование рабочих добыть им немедленно оружие, и

тут же заявил, что в противном случае все дело погибнет. Его взволнованный и возмущенный вид встревожил всех бывших в это время в нашей штаб-квартире.

«Что произошло?»

«В чем дело? Что его так волнует?»

«Почему дело гибнет?»

Чугурина засыпали вопросами. Все интересуются тем, что произошло там, в районе, что взволновало его и заставляет говорить о гибели всего выступления.

Из отрывочных фраз можно было уяснить лишь одно, что рабочие Выборгской стороны, руководимые нашими товарищами, взялись всерьез за дело «завоевания солдат». И партийные и беспартийные рабочие и работницы решили во что бы то ни стало объединиться с солдатами. Решили и тотчас же приступили к делу. Устроили около казармы Московского полка митинг, который был разогнан пулеметным огнем. Нечто подобное же произошло и у Запасного полка, казармы которого соприкасаются с заводом «Новый Лесснер». Стреляли офицеры. Эта неудачная попытка сближения с солдатами так озлобила наших товарищей, что они готовы были итти с револьверами против пулеметов и винтовок.

И на этот раз я ответил отказом содействовать созданию боевых дружин, предлагая им получить оружие у солдат в казармах, и, разоружая городовых, добыть его в участках. Между нами завязался короткий, но решительный спор, в котором я настаивал на необходимости повторения попыток вовлечения в наши ряды солдат, не останавливаясь и перед жертвами. Только таким путем можно было «завоевать солдат» и побудить их к активной борьбе на стороне революции. Только через них можно было прочно завоевать вооружение для рабочих. Я еще раз повторил свои соображения на счет неосновательности надежд на боевые дружины. Вопрос решался не десятком револьверов, которые мог бы приобрести я, а присоединением к движению всей, или наиболее активной, массы солдат.

Долго спорить было некогда и товарищ Чугурин, немного раздосадованный, поспешил к ожидавшим его районным товарищам. Не знаю, как отнеслись другие товарищи к моему ответу и предложению, но помню, что через пару часов к нам пришел неутомимый товарищ Чугурин с винтовкой в

руках и лентой патрон через плечо, весь перепачканный, но сияющий и победный. Наша взяла!

Он первый сообщил нам, что солдаты по частям, с оружием в руках, переходят к нам. Кое-где рабочим удалось соединиться с солдатами, проникнуть в казармы и получить винтовки и патроны.

Добыв оружие, винтовки и патроны, рабочие Выборгской стороны, совместно с наиболее решительной частью солдат, наметили план действий. Ближайшей задачей вооруженных рабочих и солдат был захват полицейских участков, в которых засели вооруженные городовые, разоружение всех полицейских чинов, освобождение рабочих, сидевших в участковых казематах. Дальше предполагали двинуться к тюрьмам: «Крестам», «Предварилке», освободить сидевших там политических заключенных и развернуть борьбу с полицейскими отрядами в самом городе, соединиться со стоявшими там воинскими частями и рабочими других районов.

После т. Чугурина забегали еще товарищи и сообщали радостные вести о наших победах—появились броневики. Рабочие водрузили на них красные знамена и разъезжали по району, приводя в изумление и ужас всех непокорявшихся революции. Из других районов за утро вестей не было. Значило, что Выборгская сторона и в этом деле продолжала итти впереди.

После обеда двинулся в город, предполагая обойти другие части города или повидать товарищей других районов, чтобы иметь полную картину всего движения, чтобы быть в курсе всего, узнать, что делается в других кругах, чем располагают и что предполагают делать наши враги?

Из донесений Протопопова в ставку.

Когда моя работа по писанию этой книги приходила уже к концу, заведующие Архивом Октябрьской революции нашли в делах папку с материалами, относящимися к периоду февральской революции. Документы были собраны, очевидно, «Чрезвычайной Следственной Комиссией», назначенной еще первым Временным Правительством, для выяснения виновников событий 23—27 февраля на улицах Петрограда. Среди документов имеются две телеграммы последнего министра

внутренних дел царского правительства—Протопопова. Первая из них датирована 25 февраля 1917 года, следующего содержания.

Шифр.
Военная.

«Ставка.
Дворцовому коменданту.

Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба взрослым по фунту, малолетним половинном размере вызвали усиленную закупку публикой хлеба, очевидно, в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве двадцать третьего февраля вспыхнула столице забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками. Первый день бастовало около 90 тысяч рабочих, второй до 160 тысяч, сегодня около 200 тысяч. Уличные беспорядки выражаются демонстративных шествиях, частью красными флагами, разгроме некоторых пунктах лавок, частичном прекращении забастовщиками трамвайного движения, столкновениях полицией. 23 февраля ранены два помощника пристава, сегодня утром Выборгской стороне толпой снят лошади, избит полицеймейстер полковник Шалфеев, виду чего полицией произведено несколько выстрелов направлении толпы, откуда последовали ответные выстрелы. Сегодня днем более серьезные беспорядки происходили около памятника Императора Александра III на Знаменской площади, где убит пристав Крылов. Движение носит неорганизованный стихийный характер, наряду с эксцессами противоправительственного свойства буйствующие местами приветствуют войска. Прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством. Москве спокойно. МВД. Протопопов. № 179. 25 февраля 1917 года».

Эта телеграмма наглядно показывает, как далеко было правительство от действительности. Неверно объяснение Протопопова, что движение вызвано недостачей хлеба некоторой части населения. Движение было начато стачкой и митингами работниц по случаю «Международного женского дня», как называли мы его тогда. Требования об урегулировании продовольственного дела были, но не носили основного харак-

тера. Для многих заводов продовольственный кризис вовсе не существовал, так как администрация предприятий производила для рабочих специальные заготовки продуктов.

На Выборгской стороне стачечники начали прежде всего снимать работавших, а разгромами лавочек совсем не занимались. Кроме того, рабочие не оставались с своими требованиями в своих кварталах, а стремились массами в центр и это стремление было со всех районов. Последнее обстоятельство особенно хорошо подчеркивало победу наших лозунгов борьбы против царского правительства, против войны, как причины дороговизны.

Вторая телеграмма имеет подпись того же Протопопова, но без указания числа и номера. Однако по содержанию этой телеграммы видно, что она была отправлена не ранее вечера 26 февраля.

Военная.
Шифр.

«Ставка.

Дворцовому Коменданту.

Сегодня порядок в городе не нарушался до четырех часов дня, когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа, неподчинявшаяся требованию разойтись. В виду сего возле Городской Думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там сборище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, также на пересечениях Невского Владимирским проспектом и Садовой улице, при чем всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска каменьями, комьями сколотого улицах льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызывая лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть стрельбе боевыми патронами по толпе, в результате чего оказались убитые, раненые, большую часть коих толпа, рассеиваясь, уносила с собой. В начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные участники беспорядков, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские разъезды. *Около шести часов вечера четвертая рота Павловского полка, возмущенная участием учебной команды*

того же полка подавлении безпорядков самовольно пошла с оружием под командой унтер-офицера навстречу учебной команде, желая с ней расправиться, но, встретив разъезд конных городовых, открыла по нем огонь, при чем один городовой убит, другой ранен. Затем эта рота возвратилась в свои казармы, куда явился батальонный командир полковник Экстен, который был ранен. По сему поводу производится расследование военными властями. Рота усмирена вызванными преображенцами.

Охранным Отделением арестовано запрещенное собрание 30 посторонних лиц помещении группы Центрального Военного Комитета и 136 человек партийных деятелей, а также революционный руководящий коллектив из пяти лиц. Моему соглашению командующим войсками контроль распределением выпечкою хлеба, также учетом использования муки возлагается на заведующего продовольствием Империи Ковалевского.—Надеюсь, будет польза.—Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работам. В Москве спокойно. Протопопов. МВД».

На отдельном листке бумаги, рукою того же Протопопова, как бы в дополнение к этой телеграмме, написано: «войска действовали ревностно, исключение составляет самовольный выход четвертой эвакуационнной роты Павловского полка».

Сообщение Протопопова, что порядок в городе не нарушался до четырех часов, неверно. Демонстрации в этот день начались часов с двенадцати дня и с этого же часа происходили столкновения с полицией и войсками. Я лично в этот день был на Невском около 2 часов дня и был свидетелем ряда столкновений, обстрелов демонстрантов и т. п.

Напечатанное жирным в тексте телеграммы было зачеркнуто. Сообщение, что арестован «революционный руководящий коллектив из пяти лиц» имеет в виду арестованных на квартире т. Куклина членов Петербургского Комитета, у которых была взята написанная нами накануне этого дня листовка. Слухи о возобновлении работ могли исходить из оборонческих кругов, близких к Военно-Промышленному Комитету, так как оставшаяся часть работников на свободе раньше высказывалась и в печати против стачечного движения.

Среди документов имеется чиновная «Ведомость о происшествиях по городу Петрограду», без подписей. Очевидно,

составлялась в Градоначальстве для доклада министру, следующего содержания:

«Ведомость о происшествиях по городу Петрограду.

27 февраля 1917 года.

26 февраля в 4 часу ночи, в управление 4 участка Московской части явился в нетрезвом состоянии поручик 88 пехотного Петровского полка Евгений Забелло и потребовал от дежурного полицейского надзирателя Вознесенского, чтобы тот принял от него заявление, но вместо этого стал ругать всех чинов полиции грабителями, бунтовщиками, мародерами и т. п., высказывая при этом сожаление, что среди полиции мало пострадало при беспорядках. Затем, увидя на столе объявление командующего войсками Петроградского военного округа о воспрещении скоплений на улицах, произнес бранные слова, добавив: «лучше бы дал населению хлеба». Уходя из управления участка, сказал, что если бы его послали усмирять толпу, то он прежде бы перестрелял всех чинов полиции.

26 февраля, в виду праздничного дня, работы на фабриках и заводах столицы не производились.

Около 2 часов дня, демонстративно настроенные группы рабочих и публики пытались проникнуть на Невский проспект, собираясь в толпы на прилегающих улицах, но пешими и конными воинскими частями и нарядами полиции демонстранты были немедленно же разгоняемы, при этом на Невском проспекте, у здания Городской Думы, на Садовой улице, на Гончарной улице, на Литейном проспекте и на Знаменской площади войска неоднократно открывали по демонстрантам огонь. По предварительным сведениям в больницы поступило 14 убитых и 55 раненых.

Во время столкновения с демонстрантами, из числа чинов полиции получили поранения 1 полицейский надзиратель и 2 городовых».

Ведомость уделяет гораздо больше внимания пьяному офицеру, чем происходившим на улицах города событиям. Такое отношение характеризует не только чиновничьи низы, но и само правительство, и даже охранное отделение, ко-

торые рассматривали грандиозное революционное движение как «голодное буйство» и только. Помечена 27 февраля; утром того же дня началось восстание воинских частей. Так учитывали события охранники господствовавших классов.

На Петербургской стороне.

С квартиры тт. Павловых, находившейся по середине Сердобольской улицы, я направился на Петербургскую сторону, проход куда был совершенно свободен от всяких полицейских заграждений. В районе Каменноостровского проспекта все было тихо. Не видно было ни скопления людей, ни воинских патрулей, ни городовых. Уличная жизнь, предоставленная самой себе не теряла от этого ни своего порядка, ни своей живости.

Лишь в дали, в районе Петропавловской крепости виднелись воинские части и городовые. Свернул, на Кронверкский проспект, на котором встретил целый ряд товарищей, сообщивших бодрые вести с Васильевского Острова, Нарвской заставы. Недалеко от Церковной встретил М. И. Ульянову, возвращавшуюся из охранного отделения, куда она ходила за получением разрешения на свидание со своей сестрой А. И. Елизаровой, арестованной несколько дней до этого. М. И. Ульянова уже в Охранке поняла, что дела Николая II плохи. На ее глазах Охранное Отделение начало пустеть, находившиеся там были очень смущены. На просьбу о свидании «сотрудники» Охранки заявили, что скоро освободят всех.

С товарищем Ульяновой мы зашли к моему земляку, бывшему большевику, А. Н. Рябинину, жившему на Церковной. В квартире А. Н. Рябинина поделился всеми радостными событиями, о которых знал. К вечеру, шутя, обещал своему земляку, что займем и Охранку. Оба мои собеседника были мало осведомлены о том, что происходит и как происходит и мои сообщения для них были сюрпризом.

После этой встречи пытаюсь проникнуть в центр города через Биржевой мост к Дворцовому. На Биржевом мосту стояла цепь солдат и пропускала только едущих из города. Сквозь цепь проходили только чиновники всех ведомств, рангов и чинов. Этим людям не было никакого дела до той борьбы, которая развертывалась на улицах города.

Вдали, в направлении Выборгской стороны, Финляндского вокзала, поднимался к небу высокий черный столб дыма. Взоры всех обращались на этот дым. Встревоженные чиновники тихо делились друг с другом новостями.

Пробую уговорить солдать, чтоб пропустили в город. Образуется маленькая толпа желавших, как и я, пройти в город. Солдаты охотно вступали в разговоры с нами, но в пропуске через цепь в город любезно отказывали. Прохожие передали, что восставшие подожгли здание Окружного Суда.

Вокруг Петропавловской крепости совершались какие-то военные приготовления. Из крепости были выведены несколько рот солдат, прошли вдоль стены, вышли на лед. Часть этих солдат раскинулась цепью вокруг стен, на некотором отдалении от них. На крепостных стенах, обычно погруженных в тишину и безлюдье, на этот раз было заметно оживление. Шли какие-то приготовления, смысл которых был очевиден. Крепостные власти ждали нападения на крепость и готовились к ее защите.

Столб дыма над Выборгской стороной становился все черней и черней. Эхо доносило слабые звуки стрельбы из винтовок. Иногда треск далекого пулемета резал притихший воздух. Улицы Петербургской стороны пустели.

После безуспешных попыток попасть в центр города, решил зайти к Алексею Максимовичу Горькому и узнать от него, что делается в рядах прогрессивного блока, у наших врагов и т. д. У дома № 23 по Кронверкскому проспекту не видно больше дежурных филеров (шпионов).

Алексей Максимович был дома. У него встретил т. Тихонова (Сереброва), какого-то молодого военного, Суханова (Гиммера). От них узнал, что Государственная Дума распущена царем и что Совет Старейшин Государственной Думы сегодня в ней постановил: Государственной Думе не расходиться, всем депутатам оставаться на своих местах. Там же получил сообщение, что совещание членов Государственной Думы или Совета Старейшин избрало особый «Исполнительный Комитет Государственной Думы», имевший задачи «водворение порядка в Петрограде и для сношений с учреждениями и лицами».

Исполнительный Комитет Государственной Думы состоял из следующих лиц: М. В. Родзянко, А. Ф. Керенского, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгина, П. Н. Милюкова, М. А. Караулова, А. И. Коновалова, И. Н. Дмитрюкова, В. А. Ржевского, С. И. Шидловского, Н. В. Некрасова, В. Н. Львова и полковника Энгельгарта.

Из царского лагеря сообщали о большой панике, развале. Министр Внутренних Дел Протопопов, пулеметы которого оказались бессильными победить революционный народ, заболел. Председатель царского Совета Министров Голицын (князь) подал в отставку.

Крушилось царское самодержавие. В самой столице не видно было ни одной крупной силы, которая угрожала бы революционной победе. Лишь суета, молчание Петропавловской крепости, имевшей значительный гарнизон и артиллерию, смущала всех.

Относительно отношения фронта к победе революции— сомнений было мало. Слишком хорошо было известно глубокое недовольство и возбужденное настроение армий. Из другородов известий еще не было.

В Таврическом дворце.

Рассказав Алексею Максимовичу и бывшим у него гостям о событиях, имевших место на Выборгской стороне, я решил направиться в Государственную Думу. Из Выборгского района по телефону сообщали, что кое-где рабочие выбрали депутатов и посылают их в Таврический дворец. Там предполагалось собрание депутатов и организаций Совета Рабочих Депутатов. Итти в Таврический дворец вместе со мною выразили желание тт. Тихонов и Суханов. С обоими я несколько раз встречался у Алексея Максимовича Горького, но был мало знаком.

Был уже шестой час, наступали сумерки, когда втроем мы вышли из квартиры товарища Горького. Ни в подъезде, ни у подъезда, ни у трамвайной остановки не видно было ни одного шпика.

В молчании прошли мы мимо Петропавловской крепости, перешли Троицкий мост и уже около Летнего сада встретили грузовики, переполненные вооруженными солдатами

и рабочими. К одному из них я подошел и попросил их направиться к охранному отделению и занять его.

Вечерняя мгла покрыла Орудийный завод, около которого было много вооруженных винтовками рабочих и солдат. На углу Литейного и Шпалерной улицы у горевшего здания Окружного Суда стояли пожарные части. Из окон огромного, охваченного дымом здания било пламя, освещая красным огнем огромную толпу любопытных, наблюдавшую безнадежные попытки пожарных утишить огненную стихию.

На перекрестке Захарьевской улицы Литейный проспект был забаррикадирован. Вдоль Литейного, в сторону Невского проспекта смотрели два пушечных жерла. Около орудий стояли артиллеристы и на страже, с оружием в руках, рабочие и солдаты. За прикрытием, на углах Захарьевской, лежали ящики со снарядами. Несколько полевых орудий было выкатано из мастерских Орудийного завода и стояли в проезде, отделенные от снарядных ящиков. Вдали по Литейному слышалась беспорядочная ружейная перестрелка.

Первое укрепление и заставу революционных солдат и рабочих мы прошли безо всяких затруднений. Улицы этого аристократического, крупно-буржуазного района, примыкавшего к Таврическому саду, были малолюдны. В разных направлениях шли группы солдат. В районе Песков была слышна усиленная трескотня винтовок.

На углу Шпалерной и Таврического сада стоял грузовой автомобиль с установленным на площадке пулеметом. Около него находился вооруженный патруль. Здесь начиналась охрана подступов к зданию Государственной Думы.

Около Таврического дворца—большое скопление солдат. У входа в здание заседаний Государственной Думы происходила толкотня. Часовые с трудом удерживались на ногах от давления с обеих сторон. В дверях, среди толпы потерял своих спутников и поиски собравшихся делегатов делаю уже в одиночестве. У некоторых дверей стояли воинские посты, кажется из 1 Запасного полка. В Екатерининском зале было много солдат, интеллигенции, из которой выделялись депутаты 4 Думы, державшиеся, как «у себя дома». Рабочих не было видно.

Прошел Екатерининский зал и через него в комнату № 11, в которой встретил суетившегося Н. Д. Соколова. В сле-

дующей комнате № 12, на длинном столе лежали нарезанные из красного сатина ленты. Кто-то из присутствовавших подвел меня к этому столу и нацепил на рукав моего пальто красный бант.

Направо от входа стоял стол, за котрым я увидел группу стоявших рабочих и интеллигентов, среди которых узнал Хрусталева-Носаря, Гвоздева. Оказалось, что это были оборонцы всех мастей, освобожденные в этот день из Крестов.

Н. Д. Соколов познакомил меня с Эрлихом, отрекомендовавшимся бундовцем. Последний также выказывал большую расторопность, бегая из одной комнаты в другую. В комнату приносили стулья, приспособляли ее для заседания. Из рабочих районов не видно еще никого, не было видно также никого из наших партийных товарищей, членов Бюро Центрального Комитета.

Собравшиеся поговорили о том, что следовало бы находящимся здесь взять на себя инициативу учреждения Совета Рабочих Депутатов и выбрать руководящий центр, могущий быть всеми признанным.

Я предложил не спешить с учреждением Совета и подождать для этого представителей рабочих районов. Н. Д. Соколова убедил в необходимости приступить к открытию не иначе, как при наличии двух-трех десятков представителей от рабочих. Большего в этот день невозможно было и ожидать. Согласились повременить пару часов, а этим временем приспособить комнату к открытию заседания Совета.

Оставшееся до открытия Совета время я постарался использовать для предупреждения наших товарищей об ожидавшемся открытии Совета. Телефоны работали слабо и мне с большим трудом удалось позвонить кое-куда и предупредить товарищей, пригласить их в Таврический дворец.

Однако ожидать большого наплыва наших представителей от фабрик и заводов не приходилось, так как большинство товарищей было занято уличной борьбой. Еще во многих местах города приходилось вести бой с засевшими в засадах городовыми. В некоторых казармах заперлись верные царю офицеры и отбивались пулеметным огнем. Наиболее активные товарищи были в рядах тех, которые добивали остатки сопротивлявшегося царизма.

Освобожденные из тюрем, участков и Охранного Отделения наши партийные товарищи, в том числе и члены Петербургского Комитета, тотчас же встали на партийную работу. В то время, когда оборонческие элементы и радикальная мелко-буржуазная интеллигенция спешили в Думу, в надежде на получение «исторических ролей», становились бок-о-бок со своими буржуазными друзьями из прогрессивного блока, наши товарищи продолжали руководить уличной массовой борьбой рабочих и солдат и работать среди них, разъясняя им значение и смысл происходящего.

Комната, в которой предполагалось открытие Совета Рабочих Депутатов, мало-по-малу наполнялась делегатами и интеллигентской публикой. Особенно много было интеллигенции, искавшей мандатов в качестве представителей в Совет. Во избежание переполнения комнаты, пришлось поставить часового и отдать распоряжение о пропуске только представителей заводов, фабрик и организаций. Появились в Таврическом дворце многие из «бывших», игравших когда-то некоторую роль в нашей Российской Социал-Демократической Партии, но отошедшие за последние годы в неизвестность. К победившим рабочим и солдатам потянулись все, до этого дня чуравшиеся их борьбы, а теперь наперерыв предлагали свои услуги в качестве «вождей». Освобожденные из тюрьмы представители «Рабочей Группы» Центрального Военно-Промышленного Комитета использовали свой аппарат для мобилизации своих представителей в Таврический дворец. Думская социал-демократическая фракция Н. С. Чхеидзе так же собрала весь цвет меньшевизма. К. А. Гвоздев, выйдя из Крестов, сумел дать на некоторые заводы «своим ребятам» телефонограмму о собрании Совета на 7 часов вечера.

Время приближалось к девяти часам. Несколько десятков рабочих, представителей от фабрик и заводов, разместились на приготовленных местах. Среди них, поближе к тем, в которых я «чувствовал» своих единомышленников, занял местечко и я. Среди окружающих «зрителей» вижу товарищей В. Молотова и П. Залуцкого и знаками прошу их подойти поближе ко мне, имея в виду возможную необходимость совещания.

Открытие заседания Совета Рабочих Депутатов.

В конце девятого часа вечера, в комнате № 12 собралось человек сорок—пятьдесят, рабочих представителей от различных районов. Никакой проверки прибывших делегатов не было. Не было также и никакой регистрации представителей. Большинство, если не все поголовно, имели «устные» мандаты, без всяких удостоверений от заводов. Да и кто же мог проверять? Предполагалось всеми, что сегодняшнее собрание является инициативным, а настоящее с нормальным представительством мыслилось впоследствии.

Кто мог, спешил занять место. Около стола группировалась оборонческая компания, во главе с К. А. Гвоздевым. Ни Чхеидзе, ни Керенского или кого-либо из депутатов Государственной Думы не было видно ни за столом, ни среди беседующих групп.

Рабочие делегаты, пришедшие из районов, требовали скорейшего открытия заседания, так как все спешили в свои районы. Никому из рабочих не хотелось оставаться в этих стенах, вне массы, вне борьбы. Еще не чувствовалось, а еще менее понималось, что борьба с улиц переносится в стены Таврического дворца.

Мысль об устройстве фракционного, чисто большевистского совещания пришлось покинуть, в виду крайне малого числа единомышленников, пришедших сюда. Другие партийные группировки очевидно были не в лучшем состоянии, так как вели дело по «беспартийному».

Открытие первого заседания первого Петербургского Совета Рабочих Депутатов произошло коллективно, сумбурно, одновременно целой группой лиц, в которой были Н. Д. Соколов, К. А. Гвоздев, Эрлих, Панков и другие, имена коих не сохранились в моей памяти. Наконец, Н. Д. Соколову удалось уже одному открыть собрание и предложить избрать председателя.

Некто из группы оборонцев-меньшевиков, стоявших прочной стеной за столом, выдвигает кандидатуру—«бывшего председателя Совета Рабочих Депутатов в 1905 году, товарища Хрусталева-Носаря». Многие из присутствовавших рабочих не были осведомлены относительно послереволюционной

деятельности Хрусталева-Носаря и, в общем сумбуре, при поддержке меньшевиков-оборонцев, пришедших на это собрание всей своей рабочей и нерабочей группой, этот господин мог бы пройти в члены Исполнительного Комитета. Не зная настоящего политического лица Хрусталева, рабочие могли принять его кандидатуру, как желанную, напоминавшую им одну из славных страниц исторической борьбы петербургского пролетариата. Но был бы величайший позор для питерского пролетариата, если бы он допустил избрание в свой центр одного из позорнейших ренегатов.

Чтобы не допустить этого позора, я вношу предложение избирать не только президиум, но и весь деловой, руководящий орган, тут же названный «Исполнительным Комитетом». Николай Дмитриевич Соколов, очевидно понявший, в чем дело, соглашается с моим предложением, и оно принимается без голосования. Тут же определяется временный, до завтрашнего заседания, и состав Временного Исполнительного Комитета в 11 человек. Приступили к намечению кандидатов.

И опять то же лицо из оборонческих кругов выдвинуло первым имя Хрусталева-Носаря. Н. Д. Соколов, как послушный председательствующий, поставил было эту кандидатуру на голосование, но я потребовал слова по поводу этой кандидатуры.

Прежде всего я выразил свое удивление и негодование по поводу того, что один из ренегатов социализма, ставший сотрудником «Нового Времени», клеветник и антисемит, присутствует на открытии первого боевого, революционного рабочего органа, и не просто присутствует как зритель, а как почетный член собрания. От имени Российской Социал-Демократической Партии (большевиков) потребовал немедленного исключения Хрусталева-Носаря из состава учредителей Совета Рабочих Депутатов, а не голосования его в состав Временного Исполнительного Комитета.

Кроме этого, я предложил проверить присутствовавших и выяснить, кто имеет право и честь быть среди инициаторов. учредителей Совета.

Оборонцы встретили мое выступление крайне враждебно. но никто не осмелился выступить в защиту ренегата. Мои предложения, «как наиболее радикальные», ставились на голосование первыми и получили 33—35 голосов, т.-е. около

$^3/_4$ голосов присутствовавших делегатов. Против предложений голосовали человек десять оборонцев.

Мандатная комиссия была избрана в количестве троих: Н. Д. Соколова, Эрлиха и К. А. Гвоздева. Для проверки присутствующих был объявлен коротенький перерыв. Проверка происходила в соседней № 11 комнате и продолжалась не более четверти часа. Делегатов от рабочих было человек 40—45, не больше. Хрусталев-Носарь был устранен, но по открытии собрания потребовал было слово для объяснений. Однако собравшиеся рабочие не пожелали его выслушать и своими разумными протестами предупредили председательствовавшего, намеревавшегося запросить собрание, угодно ли ему выслушать Хрусталева.

После исключения Хрусталева-Носаря, меньшевики выдвинули Н. С. Чхеидзе, социалисты-революционеры (Сурин и др.) — А. Ф. Керенского, кто-то поставил кандидатуру М. Скобелева. За этими именами пошли выдвижения с «мест», в случайном, неорганизованным порядке. Ставились на голосование социалист-революционер П. Александрович (Пьер Ораж), К. А. Гвоздев. Наши товарищи выдвинули пишущего эти строки, работавшего тогда под фамилией Александра Беленина; я лично поставил на голосование кандидатуру рабочего Петра Залуцкого. Моя кандидатура была вызовом для оборонцев, и они голосовали против, но тем не менее я получил большинство голосов. Всего за меня голосовало человек 25. Из этого следует, что присутствовало делегатов и «правомочных» инциаторов не более 45 человек. Н. Д. Соколов, которого до этого времени считали большевиком, был выдвинут нашими товарищами. Меньшевики (инициативная группа) выдвинули Гриневича и рабочего металлиста Панкова. Социалисты-революционеры пожелали выдвинуть в Исполнительный Комитет тоже одного рабочего и провели Сурина (от Айваза), оказавшегося агентом Охранного Отделения. Всего таким образом было выбрано 11 человек. При этом было принято, что настоящие выборы произойдут на другой день, на полном и более правомочном собрании Совета Рабочих Депутатов. Время созыва Совета определили на 12 часов дня 28 февраля.

Вслед за выборами Временного Исполнительного Комитета я вношу предложение усилить Исполнительный Комитет

введением в него партийного представительства. По этому вопросу я успел перекинуться своими соображениями с т. П. Залуцким и В. Молотовым и сделал свое предложение от имени Бюро Центрального Комитета. Оно не встретило ни принципиальных, ни деловых противников и было принято без голосования. Далее я внес уже детальные дополнения к основному, только что принятому решению о количестве и порядке представительства. После краткого обмена мнений, было принято, что три политические партии: 1) Российская Социал-Демократическая Партия (большевиков), 2) Российская Социал-Демократическая Партия (меньшевиков) и 3) Партия Социалистов-Революционеров посылают с решающим голосом по три делегата каждая. Из этих трех одно место обязательно должно быть предоставлено Петербургским Комитетам партий. Кроме того, каждая национальная организация этих трех партий имеет право послать по одному представителю, также с правом решающего голоса.

Внося это предложение, мы считали нужным усилить партийное влияние во Временном Исполнительном Комитете, в который стремились всевозможные господа, независимые от социализма и революционных рабочих организаций. Быть представителем победоносного революционного пролетариата было и лестно и выгодно. И если в тяжелые времена подпольного житья и борьбы мы чувствовали, как многие из интеллигентов, «бывших» членов партии, сделавшись директорами заводов, ушедших на службу в Союзы Городов и Земств, делали все, чтобы никто ни напомнил им о прошлом, то в эти дни им было выгодно взять обратное направление, спекулировать на «грехах своей молодости»!

Покончив с организационными вопросами, связанными с выборами Исполнительного Комитета, собрание заслушало краткое сообщение о продовольственном положении города. Положение в этой области отнюдь не было катастрофическим. Было выяснено, что общественные организации (главным образом Союзы Земств и Городов), а также интендантство, имели значительное количество продуктов питания. Собрание решило использовать для питания армии и населения все как интендантские, так общественные и частные запасы продовольствия. Для проведения этого постановления в жизнь, а также и для организации всего дела снабжения продоволь-

ствием города, была образована продовольственная комиссия, во главе с товарищем Громаном.

Следующий вопрос, так же поставленный и решенный Советом в спешном порядке, был вопрос об издании «Известий». Питер уже три дня не видел печатного, даже уродливого слова, а революция вызвала такой живой интерес ко всему происходившему даже у обывательских элементов. По улицам ходили огромные толпы собирателей новостей и слухов. Выходивших из Таврического дворца осаждали, требовали сообщений о ходе революционного движения, как в самом городе, так и в провинции и в армии, и отпускали только после удовлетворения просьбы толпы. Совет решил немедленно приступить к печатанию своей газеты «Известий», заняв для этой цели лучшую типографию в городе. Все это дело издания и связанная с ним реквизиция типографии было тут же поручено троим социал-демократам: Б. В. Авилову, работавшему тогда с нами, В. Д. Бонч-Бруевичу, владельцу книгоиздательства «Жизнь и Знание», и Ю. Стеклову. Все трое находились среди гостей в комнате заседаний Совета. Все дали свое согласие и немедленно отправились организовать порученное им дело.

Во время обсуждения вопроса о печати появились в собрании Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенский, М. Скобелев. Очевидно, они были на заседании Комитета Государственной Думы. Н. Д. Соколов передал председательствование Чхеидзе.

После решения вопроса об издании своей газеты, я поставил вопрос о работе в районах. Старая власть была разрушена, и Совет должен был дать указания, как рабочим организоваться в районах. Однако детально обсуждать этот вопрос делегаты не хотели, так как все спешили вернуться в свои районы, но поручили Исполнительному Комитету послать в каждый район своих полномочных представителей для организации рабочих и местных органов власти. Во время обмена мнений по этому вопросу впервые было пущено в ход слово «комиссар». Рабочие представители спешили в свои районы и первое заседание первого Совета Рабочих Депутатов, учредителей великого революционного органа питерского пролетариата на этом закрылось. Следующее заседание было назначено на другой день, т.-е. на 28 февраля, в 12 часов дня, в Таврическом дворце.

ИЗВѢСТІЯ ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА Рабочихъ депутатовъ.

№ 1 28 февраля 1917 года. № 1.

Къ населенію Петрограда и Россіи.

Отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Старая власть довела страну до полнаго развала, а народъ до голоданія. Терпѣть дальше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. Вмѣсто хлѣба царское правительство дало народу свинецъ.

Но солдаты не захотѣли идти противъ народа и возстали противъ правительства. Вмѣстѣ съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ правительственныхъ учрежденій.

Борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію.

Вчера 27 февраля въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократическихъ и соціалистическихъ партій и группъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ засѣдающій въ Государственной Думѣ ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ районныхъ коммиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами.

Всѣ вмѣстѣ, общими силами будемъ бороться за полное устраненіе стараго правительства и созывъ учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ

Газета „Известия Петроградского Совета Рабочих Депутатов"

№ 1 от 28 февраля 1917 г.

Первое заседание Исполнительного Комитета.

Тотчас же после закрытия заседания Совета Рабочих Депутатов начал свои действия Временный Исполнительный Комитет. Первое заседание первого Исполнительного Комитета состоялось в соседней с № 12 комнате, отделенной занавеской от той, в которой только что заседал Совет.

Перед открытием заседания Исполнительного Комитета мы трое членов Бюро Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., П. Залуцкий, В. Молотов и пишущий это, вошедший в Исполнительный Комитет под кличкою А. Беленин, устроили маленькое совещание. На совещании мы кратко наметили наш план действий—выдвигать мероприятия, обеспечивающие победу революции и дающие возможнось немедленной организации рабочих вокруг Совета. В. Молотова решили ввести в Исполнительный Комитет от Бюро Центрального Комитета, одно место предложили Петербургскому Комитету, но в тот вечер он не мог им воспользоваться. Третье место у нас оставалось в запасе, за отсутствием подходящего кандидата, мы решили использовать его по приезде к нам подкреплений.

Заседание Временного Исполнительного Комитета открыл Н. С. Чхеидзе. К порядку конструирования Исполнительного Комитета я заявил, что Бюро Центрального Комитета вводит в его состав товарища В. Молотова. Вслед за этим поступило аналогичное заявление от Инициативной группы, вводившей в Исполнительный Комитет Батурского. От имени Междурайонного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии была внесена просьба дать представительство их Петербургскому Комитету. В виду того, что «Межрайонцы» стояли на родственной с нами платформе, мы поддержали их и один представитель от них был допущен в состав Исполнительного Комитета. Мандат на представительство «Межрайонки» имел товарищ Юренев.

А. Ф. Керенского и М. И. Скобелева на заседании Исполнительного Комитета не было.

В порядок дня заседания были внесены нерешенные Советом вопросы, как-то: об организации районов, а также вопрос о вооружении рабочих, внесенный мною от имени Бюро

Центрального Комитета и делегирование представителей в Военную Комиссию при Комитете Государственной Думы.

По вопросу об организации районной власти было решено назначить членов Исполнительного Комитета и других лиц, по рекомендации членов Исполнительного Комитета, в качество «комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда». Тотчас же состоялось назначение и мне был поручен Выборгский район. В соседний—Лесной район—был назначен социалист-революционер Сурин. На пост комиссара Петербургской стороны социалисты-революционеры выдвинули Пешехонова, как жившего там и знавшего хорошо район. Комиссары обязаны были образовать районные комитеты.

По вопросу о вооружении рабочих были небольшие прения, но в общем вопрос прошел без особых разногласий, постановили вооружить десять процентов питерских рабочих. Мне было поручено выступать по всем вопросам, связанным с делом вооружения рабочих и организации милиции.

После переговоров с представителями районов были намечены сборные пункты для вооружения рабочих и неприкрепленных к казармам солдат. За эти дни борьбы в Питере оказалось очень много солдат, отбившихся от своих частей или пришедших из ближайших к Петрограду городов и местечек. Для Выборгского района было отведено помещение Общества Потребителей и больничной кассы завода Парвиайнен. Петербургский—назначил место сбора в Бирже Труда, по Кронверкскому проспекту. Василеостровский район также выбрал помещение местной Биржи Труда, на 13 линии, д. 46. Рождественский (включая Пески—Смольный) район устроился в столовой местного попечительства по Мытнинской улице. Рабочий район «Невской заставы» объявил местом сбора вечерние классы для рабочих в с. Смоленском. Нарвский район выбрал помещение Больничной Кассы Путиловского завода.

За работой Военной Комиссии рекомендовалось наблюдать всем членам Исполнительного Комитета, кроме того решили послать туда для связи Н. Д. Соколова и П. Александровича—социал-революционера интернационалиста.

Во Временный Комитет Государственной Думы делегировали Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенского. Оба они были

членами этого комитета, но приняли на себя представительство и от Исполнительного Комитета. Давая мандат на представительство, Исполнительный Комитет поручил им следить за тем, чтобы ни одно мероприятие, ни одно решение правительственного характера не исходило бы без ведома Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов. Они должны были наблюдать за деятельностью комитета Государственной Думы и не допустить до того, чтобы господа Милюковы и Родзянко, за спиной восставшего народа, столковались с остатками царизма.

Несмотря на бурлившее настроение и всеобщий энтузиазм, первое заседание первого Временного Исполнительного Комитета отличалось деловитостью и отчетливостью. Пока дело шло о технических средствах и способах укрепления революции, между нами, представителями различных политических партий и групп, разногласий в этот день не было. Но мы не скрывали и не боялись появления наших старых разногласий, разделивших во время войны единый международный социализм на два враждебных лагеря.

Н. С. Чхеидзе во время заседания держался растерянно, молчаливо, машинально ставил на голосование то или иное предложение. Казалось, что происшедшее падение царизма, торжество революции пришибло его своей быстротой и грандиозностью. Он очень часто исчезал из комнаты заседания Временного Исполнительного Комитета. О каком-либо влиянии его на решения Исполнительного Комитета или руководстве событиями через этот революционный орган не могло быть и речи. Его растерянный вид, ответы невпопад, говорили красноречиво о том, что претензий вождя или партийного руководителя он в тот день не имел.

Несмотря на сравнительное единодушие в работе Временного Исполнительного Комитета за первый день, все же мы, большевики, могли определить, что в этом составе Исполнительного Комитета можем располагать поддержкой лишь небольшого числа его членов. Кроме нас троих, голосовали и поддерживали нас социал-демократ меньшевик-интернационалист Панков, социал-революционер П. Александрович, представитель «Межрайонки» Юренев. Из остальных в этот день были с нами Н. Д. Соколов и Гриневич. Последний рекомендовал себя интернационалистом.

Очень поздно, под утро следующего дня, Исполнительный Комитет закончил заседание, но не исчерпал порядка дня. Все время заседания приходили различные делегаты и делегации с докладами и требованиями директив. Было постановлено подыскать для приема делегатов особую комнату и установить очередное дежурство членов Исполнительного Комитета.

По окончании работы Исполнительного Комитета, было устроено совещание районных комиссаров. Все комнаты были заняты и нам удалось найти место на «галерке» в зале заседаний Государственной Думы. В совещании приняли участие человек пять-шесть. На нем мы обменялись мнениями по вопросу об организации власти в районах. Опыта у нас еще не было, а потому совещание носило теоретический характер и было посвящено, главным образом, вопросу о том, как провести в жизнь постановление об организации вооруженных сил и «обеспечении» революционного порядка в столице.

Кому-то из членов Исполнительного Комитета было поручено организовать при нем канцелярию и в ту же ночь был создан маленький аппарат. В канцелярии появился шрифт «карманной типографии» из каучука, из него была скомбинирована печать Временного Исполнительного Комитета.

После закрытия заседания Исполнительного Комитета и совещания районных комиссаров мы, «большевистская тройка» Исполнительного Комитета, устроили совещание нашего Бюро Центрального Комитета. Нас волновал вопрос о том, как пройдут выборы в Петроградский Совет. Собрание делегатов-учредителей показало нам, что наши товарищи увлеклись боевыми задачами и упустили выборы. П. Залуцкому поручили снестись с Петербургским Комитетом и побудить его к большей активности. В Таврическом дворце решили организовать постоянную «явку», дежурство секретаря или членов Бюро Центрального Комитета. Мне было поручено сговориться с Е. Д. Стасовой в целях использования ее для этой работы. Со всех сторон ожидали мы в ближайшие дни подмоги партийными силами. Сами мы «нелегалы», как члены Бюро Центрального Комитета, так и работники Петербургского Комитета, были основательно по-

трепаны нелегальным житьем. Я лично жил в Питере от конца октября 1916 года, не имея постоянного «своего» угла, ночуя изо дня в день по ночевкам. Не в лучшем положении были и другие. Наши же противники, не знавшие нелегальной работы и жизни, вошли в работу громадными свежими силами. Мы надеялись получить пополнение от освобожденных из тюрем, ссылки и от прибывавших из-за границы.

Во время нашей беседы ко мне пришел дежурный от телефонной будки и сообщил о нападении на квартиру А. М. Горького. Кто сообщал, неизвестно. Окончив наше совещание, вероятно, часу в пятом утра, я решил отправиться на Кронверкский проспект осведомиться о положении А. М. Горького. По выходе из Таврического дворца, несмотря на темноту, раннее утро и порядочный мороз, около дворца было очень много вооруженных солдат. Я обратился к стоявшим кучкам солдат с вопросом, имеются ли здесь автомобили. Ответили утвердительно и, пропуская меня вперед, повели к выходу, у которого стоял крытый автомобиль. Разбудили шоффера. «Чей автомобиль», спрашиваю я. «Военного министра Беляева», ответил проснувшийся шоффер.

Сообщив шофферу, что являюсь членом Исполнительного Комитета, приказал завести машину.

«Кто из вооруженных согласен ехать на Петербургскую сторону?», спросил я стоявших около автомобиля солдат. Отвечают согласием десятки голосов, не спрашивая куда и зачем, предложили свои услуги. Троих впускаю на автомобиль, а двое легли у подножек по обеим сторонам, вытянув винтовки вперед.

Был уже пятый час утра, когда мы направились на Кронверкский проспект. Несмотря на раннее утро, город не спал. По улицам, во всех направлениях, бродили группы вооруженных и безоружных людей. Наш автомобиль останавливали в пути несколько раз, предлагая сообщить новости о ходе революции. Кроме победного шествия революционного движения по всей стране, сообщать было нечего и эти успехи чрезвычайно радовали всех и в ответ нам кричали «ура» и пели «Марсельезу».

Кое-где к нам подходили переодетые полицейские чины, дрожавшие от холода и страха, просили арестовать их и

спасти от самосуда или указать, куда они могут направиться для ареста. Указывали Таврический дворец и Михайловский манеж, как место, куда могут итти и там сдаться.

На Кронверкском проспекте все было спокойно. Однако солдаты, узнавшие причину моего беспокойства, заинтересовались судьбой А. М. Горького и просили меня подняться к нему и узнать об его положении. Звоним. Швейцар медлит открывать, но, увидя штыки, стал торопиться. Все поднялись на верхний этаж. В квартире А. М. Горького все было спокойно, и мы тотчас же вернулись обратно в Таврический дворец.

Шоффер министерского автомобиля просил освободить его от работы, так как он провел весь день и всю ночь на автомобиле и больше работать не в состоянии. Отпустили его, но без автомобиля. О принятии в ведение Исполнительного Комитета его автомобиля выдали расписку. Тут же в толпе солдат нашлись двое автомобилистов, согласившихся заменить ушедшего.

Таврический дворец гудел, как пчельник. Люди толпились, спорили, делились уличными победами, вспоминали удалые моменты. Несмотря на ранний утренний час, здание Государственной Думы все наполнялось и наполнялось народом. Екатерининский зал напоминал военный «бивуак», огромную спальню, где расположились на отдых, положив под головы винтовки или сумки, солдаты Петербургского и окрестных гарнизонов, отбившихся от своих частей. Вся эта вооруженная солдатская масса была действующей революционной частью в эту ночь на 28 февраля. По первому требованию Исполнительного Комитета или Военной Комиссии быстро строились отряды охотников, боевые отряды для вышибания полицейских из засад, патрули для разгона хулиганов и ареста контр-революционеров или, как тогда еще называли, приверженцев старого режима.

Таврический дворец с 27 февраля стал не только территориальным, но уже и идейным центром революции. Для собирания наших сил нужно было переносить и нам подпольный центр в здание Государственной Думы. Это предстояло сделать немедленно.

На Выборгской стороне.

Выборгский район я покинул после полудня 27 февраля и уже только на другой день смог побывать там. Товарищи поделились со мной своей работой и переживаниями за вторую половину дня 27-го. Рабочие и работницы Выборгской стороны проявили в этот день много революционной решимости и героизма. Неоднократные, повторные попытки вовлечь солдат, соединиться с ними, дали свои результаты. Сначала присоединялись к рабочим одиночки, затем приходили группами. Удавалось проникнуть и в казармы.

Для проникновения в казармы рабочие и присоединившиеся к ним вооруженные и безоружные солдаты устраивали собрания, тут же на улице выбирали «депутации» и направляли их к упорствовавшим солдатам. Так удалось вовлечь стоявшую на Выборгской автомобильную роту и часть самокатчиков, но без офицеров. Офицеры засели в казармах и обстреливали манифестантов.

В полдень собралось достаточное количество вооруженных рабочих и солдат и совершилось наступление на полицейских в районе Сампсониевского моста, но особенно серьезные силы были вблизи Литейного моста. Наши партийные товарищи руководили многотысячной массой рабочих, работниц и солдат, стремившихся соединиться с восставшими по ту сторону Литейного моста. Против этой массы выступил отряд городовых под командою полицеймейстера, но восставшие не отступили, открывая свои груди навстречу полицейским угрозам стрельбой. Метким ударом полицеймейстер был убит, толпа прервала цепь городовых. С той стороны Невы, вдоль Литейного, и по выходящим на него улицам и переулками—действовали восставшие полки—Волынский, Литовский и Преображенский. Часть этих полков разогнали барьеры городовых около Орудийного завода, согнали их с Литейного и соединились с рабочими, работницами и солдатами Выборгской стороны. Мимоходом выгнали из мастерских Орудийного завода работавших рабочих. По пути были случаи расстрела офицерских и генеральских чинов. Напротив Орудийного был убит генерал Матусов.

Разогнав городовых, рабочие и солдаты бросились освобождать тюрьмы—«Кресты» и «Предварилку». Тюремная охра-

на не оказала сопротивления. Одной угрозы взорвать динамитом ворота тюрьмы было достаточно для того, чтобы взять «Кресты».

В группе рабочих и солдат, «бравших Кресты», находился один наш товарищ-страховик А. Н. Падэрин, служивший в то время в Преображенском полку. Он участвовал в освобождении Гвоздева и других, сидевших там в то время.

Приблизительно таким же образом была взята народом и «Предварилка», в которой также было много политических заключенных.

Многие полицейские «участки» подвергались разгрому, некоторые были преданы огню. Под вечер Петроград был иллюминован заревом пожаров. Горело здание окружного суда, пламя пожирало особняк Губернского Жандармского Управления, пылала Александро-Невская часть, горело тюремное управление, Литовский замок и т. д.

Многие из политических заключенных тотчас же становились в ряды революционного народа и отправлялись сражаться с засадами городовых, офицеров и т. п. реакционными элементами.

В то время, когда я совершал обход Петербургских районов и путешествовал от А. М. Горького в Таврический дворец, победоносные товарищи Выборгской стороны искали меня по явкам и квартирам или кого-либо из других членов Бюро Центрального Комитета. Мы были нужны для разрешения целого ряда вопросов, связанных с воссозданием организации, переходом партии от подпольной работы к широкой легальной организации. Кроме того, товарищи Выборгского района считали необходимым издание партийного манифеста, определяющего ближайшие наши задачи в революции. Ища нас по нелегальным квартирам, товарищи (Каюров, Хахарев, Лебедев, Павлов, Чугурин и др.) не догадались заглянуть в Таврический Дворец, на заседании Совета Рабочих Депутатов, в котором мы принимали все трое активное участие. Не найдя нас, товарищи Хахарев, Лебедев и Каюров отправились на квартиру к последнему и там принялись писать проект манифеста. Рано утром на следующий день (28 февраля) проект манифеста был доставлен нам для редактирования в Бюро Центрального Комитета. Ознакомившись с манифестом, мы приняли его за основу, внесли

ряд исправлений и поручили В. М. Молотову окончательную выправку, а также и сдачу в печать.

Выборгская районная организация нашей партии начала открыто работать уже с вечера 27 февраля. Партийная жизнь била ключом. По заводам происходили собрания партийных коллективов. На 28 февраля утром были назначены общезаводские собрания, на которых должны были произойти выборы в Совет Рабочих Депутатов. Одновременно, или почти одновременно с выборами в Совет, производили организацию «Заводских Комитетов».

То же самое происходило и по другим рабочим районам. Рабочие всюду спешно организовались. По всем фабрикам, заводам и мастерским устраивались митинги, деловые собрания, посвященные экономическим вопросам, выбирались «заводские комитеты» и различные комиссии, как-то: продовольственные, милиционные. Происходили выборы в Совет. Открывали свои действия и партийные ячейки. Рабочая жизнь била ключом. Питерский пролетариат в эти дни развил большую самодеятельность.

Солдаты и революция.

От начала войны (19/VII 1914 г.) до февральских событий на улицах Петрограда в 1917 году прошло более двух с половиной лет. За этот промежуток времени ура-патриотизм первых месяцев войны выдохся. В то же время тяжести войны, в виде дороговизны, исчезновения продуктов, лишения многих миллионов семей их последних кормильцев и работников, возрастали с каждым днем, ложась тяжелым бременем на плечи трудового народа. Буржуазия и правительственная пресса поддерживали лозунги войны до конца, до полной победы. Но положение армии, грандиозные поражения и потери отодвигали самую возможность победы в неизвестную даль времен.

Набор за набором сгоняли в города жителей деревенских просторов, полей и лесов. Сначала города и деревни отдавали только молодых, цветущих, но не хватало их. Высокая немецкая техника по истреблению людей быстро уничтожала наши кадры, подсекая под корень и самый «неиссякаемый источник живой силы», как писали тогда наши

лжепатриотические продажные журналисты. Технические недостатки русской армии, бездарность командного состава, ее общую отсталость стремились поправить обилием человеческого материала, «живой силой», т.-е. пушечным мясом.

Бессмысленность этой войны, царской затеи, сознавалась многими солдатами. Даже отсталая масса солдат инстинктивно чувствовали глубоко враждебный характер этой бойни. Лишь жестокая дисциплина, поповский и патриотический обманы были причиной тому, что антивоенное настроение не выливалось в казарменные бунты.

К началу 1917 года Петербург был превращен в крупную резервную базу Северо-Западного фронта. Все полки гарнизона были развернуты в запасные и некоторые из них насчитывали свыше 16.000 солдат, т.-е. по 1.000 солдат в роте, не считая хозяйственные части. Казарм «мирного времени» не хватало, были заняты частные дома. Все помещения были приспособлены для вмещения возможно большего количества солдат. Внутри казарм были трехэтажные нары. Содержались солдаты плохо. Обращение командного состава было жестокое. На этой почве у солдат было огромное недовольство.

Революционная работа среди солдат Петербургского гарнизона велась все время войны. Однако, в силу переменного состава солдат, прочного организационного закрепления связей с организацией было все же мало. Значительно лучше было дело во флоте. Там наша партия имела крепко организованное ядро. Центром флотской организации был Кронштадт. Работу среди моряков не нарушили и последние провалы военной организации, имевшие место в 1916 году. Связи военной организации (или «военки», как тогда называли ее) среди моряков и крепостных артиллеристов были обширны. Они обнимали не только Кронштадт, со стоявшими там судами и учреждениями, но имелись и в Ораниенбауме, на Красной Горке, в Сестрорецке, на форте Ино, в Гельсингфорсе, Свеаборге. Всей деятельностью «военки» руководил Петербургский Комитет.

Относительно работы среди моряков другими партийными организациями (меньшевиками и эс-эрами) у нас сведений не было. Ни социалисты-революционеры, ни социал-демократы меньшевики о своей работе среди войск Петербург-

ского гарнизона не говорили, ни о какой попытке координировать деятельность в этой области между нами не было и речи. Из этого мы заключали тогда, что ни одна из других партий подпольной работы среди военных не вела.

Для патриотических, оборонческих элементов «воздержание» от пропаганды в армии было в порядке вещей, так как они прекрасно понимали, что антиправительственная пропаганда среди солдат неизбежно подорвет «боеспособность» армии, а это не входило в их задачи. Интернационалисты же в этих партийных (эс-эровских и меньшевистских) организациях были очень слабы и мало активны. Оборонческие центры их подавляли как организационно, так численно и авторитетом.

К настроениям солдатской массы рабочие Питера чутко прислушивались. В Петербургский Комитет бывало много сообщений, шедших непосредственно от заводских коллективов, относившихся к характеристике казарменной жизни солдат, их настроениям и отношению к борьбе рабочего класса.

Рабочие Петербурга имели уже неоднократные свидетельства о том, что казарменный люд, сжатый тисками военной дисциплины, недоволен своим положением пушечного мяса. Часто солдаты выражали свои массовые симпатии к борьбе рабочих и далеко неплатонически. Еще в октябрьские дни 16 года солдаты 181 Запасного полка участвовали в отражении нападения полицейских на стачечников завода «Новый Лесснер». Во время стачки и демонстраций 9 января 1917 года солдаты в некоторых местах выражали открыто и шумно чувства солидарности.

Выдвигая лозунги уличной борьбы с царским самодержавием, мы уже учитывали происшедшее изменение среди обитателей казарм военного времени. Запасной солдат, оторванный от своей земли, батрацкой работы, от фабричного станка или иной службы, был близок по своим настроениям населению рабочих кварталов, так называемой демократии. Правда, эти солдаты, так же как и молодежь, покорно сносили все унижения военной службы и дисциплины, но, по нашему мнению, их трудно было использовать для борьбы против своего брата, рабочего народа. Наоборот, мы ожидали, что в моменты обострения этой борьбы, часть

солдат с оружием в руках станет на сторону борющихся рабочих. Яркий пример этому был у нас в памяти, в дни всеобщей стачки конца октября 1916 года, на Выборгской стороне, когда солдаты в борьбе против полиции неорганизованно, но активно стали на сторону рабочих.

Положение солдат в казармах и вне их было настолько тяжелое, бесправное и возмутительное по унизительности, что не могло не возбуждать солдат. В сохранившемся у меня проекте прокламации к солдатам, написанной в феврале месяце 1917 года и переданном мне товарищем солдатом, членом нашей партии, описывается положение солдата. «Долго ли мы будем сносить жестокости и оскорбления военной службы, будем терпеть кулачные побои, да розги, будем голодать или есть ту гадость, которой нас кормят, будем гнить по тесным вонючим казармам, да грязным окопам?»

О том, что в армии процветала кулачная расправа и порка, было известно всем. Такое обращение с «защитниками» отечества не могло способствовать развитию в них любви к отечеству розги.

Материальное положение солдат страдало от традиционных краж, принявших за время войны легендарные размеры.

Вне казарм солдаты подвергались всякого рода унижениям. Помимо обычных отданий «чести», солдат на улице подвергался всякого рода гонению. Усталый, голодный он не имел права зайти даже в простую чайную, чтобы утолить голод и жажду. Получив увольнение из казармы на несколько часов, солдат не имел права ехать даже на площадке трамвая. Особые патрули следили за солдатами на улицах. Около остановок трамваев дежурили особые военно-полицейские посты, изгонявшие и ловившие солдат за пользование трамваем. За всякое нарушение унизительных для человеческого достоинства правил, солдата тащили в комендантское управление, а там его ждал арест и другие скорпионы.

Такие условия существования солдатской массы, на фоне военного грабежа, наживы и патриотической лжи, создавали благоприятную почву для нашей, антивоенной и революционной пропаганды. Однако, в силу материальной бедности, нам не удалось поставить широко организационную и агитационную работу среди войск. Этот недостаток мы

стремились пополнить путем привлечения самих рабочих, прежде всего членов наших заводских коллективов и кружков, к ведению пропаганды и агитации среди солдат. Многие казармы были расположены в рабочих районах и рабочим было сравнительно легко завязывать связи и знакомства среди солдат. Кроме того, были пущены в ход и земляческие связи рабочих с приезжавшими из родных мест солдатами. Нашей задачей этого периода было вовлечение самой рабочей массы в дело агитации среди солдат Петербургского гарнизона.

Полицейские и военные власти вели решительную борьбу против революционной пропаганды в войсках. Всех, замеченных в склонности к выражению недовольства, немедленно отправляли на передовые позиции. Под огонь передовых позиций было отправлено также немало рабочих-стачечников военного периода. Но никакие репрессии не способны были подавить наросгавшее в стране недовольство царским правительством и его внутренней военной политикой. Армия была лишь частью того же народа и, как ни стремилось правительство изолировать войска от народного недовольства, особенно от проникновения в казармы пропаганды революционных рабочих идей, ему этого достичь не удалось.

В моменты выступлений петербургских рабочих, в дни стачек и демонстраций солдаты задерживались по своим казармам, отпусков не давали. Но все такие мероприятия, проводимые с намерением держать казарменное население столицы в полном неведении того, что делается кругом, приводили как раз к обратному. Закрытием казарм, лишением солдат права выхода в свободное время в город и оставление без отпусков заставляла даже апатичных к общественной борьбе того времени интересоваться причинами такого положения. А от причин уже недалеко было до интереса о целях того возмущения и «бунтов» рабочих, слухи о которых проникали сквозь казарменные стены. И, как показывали события, солдаты не оставались безучастными к борьбе рабочего класса, живо интересовались всем, что происходило за воротами их казарм.

На другой день после выступления рабочих и работниц сначала Выборгской стороны, а затем и других районов, т.-е.

с 24 февраля солдаты Петербургского гарнизона не выпускались на улицы вне служебной надобности. А с 25-го числа когда город был разделен на участки, во главе которых для усмирения были поставлены командиры полков, началось активное применение воинской силы для борьбы с революционным движением. В первые моменты солдат употребляли для заградительной «работы», ставили патрулями у мостов, переходов и путей, ведущих из рабочих окраин в центр города. Усмирение же оружием было возложено на полицейские части. На помощь им и по традиции были приданы казачьи части. Однако размеры движения превзошли все ожидания полицейских стратегов и уже на другой день всеобщей стачки выяснилась картина беспомощности полиции, ее бессилие подавить движение. Были пущены в дело сначала учебные команды воинских частей, а потом посылались уже целыми ротами, главным образом из полков, стоявших в самом городе.

Привлечение солдат к подавлению восстания рабочих, безоружных революционных демонстраций на улицах столицы породило глубокую тревогу в умах и сердцах солдат. Мне лично на улицах города приходилось наблюдать поведение воинских частей при заставах, патрулей и стоявших у дорог и тропинок часовых. Солдаты не могли скрыть внутренних переживаний, волнений и сомнений, которые одолевали их. Их внутреннее состояние отражалось на поведении по отношению к толпам демонстрантов. Имея в руках винтовки, они умоляли, упрашивали демонстрантов разойтись и, очень часто, поглощались толпой, беспомощно теряясь в ней.

Первые расстрелы на улицах Петербурга, имевшие место 25 в субботу и воскресенье 26 февраля, вызвали возмущение солдат четвертой роты Павловского полка. До солдат этого полка, расположенного на Марсовом поле, дошли вести о расстрелах рабочих близ Казанского собора, о бесчинствах полиции над безоружными демонстрантами. В полку волновались, но больше всего возмущались в четвертой роте. Раздавались голоса за присоединение к восставшим рабочим.

После полудня к Павловским казармам подошла группа рабочих и рассказала дневальным о том, что происходит на

Невском проспекте. Рассказы о расстрелах и слезы рассказчиков произвели сильное впечатление на солдат. Рабочие передавали, что среди стрелявших видели солдат в форме Павловского полка.

Извести о том, что «павловцы» стреляют в народ, быстро распространилось по казарме, вызывая всеобщее негодование и возмущение. Солдаты заволновались, послышались предложения итти на улицу и самим стать на сторону народа. Достаточно было одного крика «одеваться! все на улицу!», чтобы нары опустели и солдаты двинулись к воротам, вышли на улицу. Они были без оружия, шли без винтовок, вооруженные лишь одним охватившим их возмущением. За возмутившимися солдатами погнались офицеры и, обнажив шашки, принудили безоружных солдат вернуться в казармы.

В помещение роты явились офицеры во главе с ротным командиром для допроса солдат о причинах волнений. На вопрос: «в чем дело», заданный ротным командиром, десятки голосов возмущенно отвечали вопросами о том, кто приказал Павловцам стрелять? Понеслось требование снять с улиц посты павловцев. Гулко катилось по казарменным сводам заявление солдат о том, что они не будут, не хотят стрелять в народ. В это время раздался выстрел, содравший со стены штукатурку. Офицеры поспешили убраться.

Раздались призывы к винтовкам, но у солдат их не было. Бросились во двор к цейхгаузу, разбили его, но там оказалось всего 30 штук винтовок. Разобрали их по рукам, захватили патроны. И вся рота, имея всего 30 винтовок, выступила вторично на улицу, на подмогу восставшим рабочим. Все усилия офицеров и батальонного командира, пытавшихся остановить роту, оказались бесплодны. Солдаты направились к Екатерининскому каналу на Невский проспект. Со стороны Михайловской площади на павловцев мчались конные городовые и открыли стрельбу из револьверов. Солдаты-павловцы рассыпались цепью, залегли и открыли стрельбу по конным городовым. Городовые, потеряв несколько человек, ускакали обратно. Первая преграда на пути к Невскому была сметена. Но вдруг павловцы заметили большую опасность впереди: из-за угла Конюшенной площади на них шла с винтовками в руках целая рота солдат. Глухо доносилась до них трескотня барабана. На павловцев двигалась цепью рота Прео-

браженского полка. Раздался сигнал для стрельбы... Павловцы тихо приближались к цепи преображенцев, раздираемые сомнениями, подымется ли рука солдата против солдата. Из рядов павловцев понеслись горячие призывы к преображенцам. Десятки голосов задавали вопросы, неужели они, преображенцы, будут стрелять в своих братьев?

Преображенцы были смущены этой встречей и, вскинув винтовки за плечи, закричали, что не будут стрелять. Преображенцев быстро увели.

Надвигался вечер. Павловцы уже расстреляли все свои патроны, потеряли примкнувшего к ним командира. Демонстранты покидали центральные улицы. Борьба на этот день кончалась. Солдаты решили вернуться назад, позвать и остальных оставшихся в казармах товарищей, на борьбу за общее народное дело. С печалью покинули они бурные улицы борьбы и направились в свои казармы.

В казармах четвертую роту встретил батальонный командир Экстен, пытавшийся успокоить солдат и давший солдатам обещание снять с улиц все посты из Павловского полка. По выходе из ворот казармы полковник Экстен был убит выстрелом из толпы демонстрантов, прибывших к казарме с Невского проспекта.

Неудача первого выступления четвертой роты, без поддержки других частей этого полка, посеяла печаль и уныние среди солдат, участников возмущения. Не удалось им прорваться на Невский, не удалось соединиться с революционными рабочими и работницами и привелось вернуться назад, во власть военной дисциплины.

Высокие своды казармы, переделанные из конюшен придворного ведомства, тяжело давили познавших свободу солдат. Слышны призывы на ужин, но из четвертой роты никто не думает об еде. Помыслы всех были направлены на улицы столицы. Сами павловцы считали свое дело проигранным и ждали строгой расправы.

Вечером в их казармы явилось большое количество офицеров. Был отдан приказ отобрать у четвертой роты винтовки. Обороняться было нечем, патронные сумки были пусты и солдаты сдали винтовки. Казарма была окружена. Цепи солдат и расставленные против казармы пулеметы были видны сквозь обмерзлые стекла окон. Военные власти решили же-

стоко наказать «бунтовщиков», чтобы окончательно терроризировать солдат. Начали искать «зачинщиков». Поздно ночью, когда тяжелый сон утишил казарму, поодиночке, обманным путем вызывали «зачинщиков» в канцелярию и немедленно подвергали аресту. Толпа офицеров и тесное кольцо конвоиров, с винтовками наперевес, встречали каждого арестованного. Их было всего девятнадцать человек. Построили. Пригрозили беспощадной расправой прикладами за разговоры и повели по Марсовому полю, через Троицкий мост, в Петропавловскую крепость. Холодный Трубецкой равелин принял их в свои могильные своды. Утром, 27-го, стоявшие у Павловской Казармы (4 роты) патрули арестовали еще 16 человек, вернувшихся из города в казармы, и отправили под арест в батальонную гауптвахту.

Рано утром приехал на гауптвахту Павловского полка «сам» генерал Хабалов и лично производил допрос всем шестнадцати солдатам, задержанным утром. К обеду Хабалов заглянул и в казарму 4-й роты. Там он производил допрос отделенным и взводным, расточая угрозы. Так закончилось первое революционное выступление, на помощь восставшим рабочим, героев солдат 4-й роты Павловского полка.

Тревога и мучительные переживания не были чужды солдатам и других полков, на которых царское правительство возложило палаческую задачу. В то время, когда солдаты 4-й роты Павловского полка в бурном порыве возмущения безоружные пошли на помощь народу, в другой части города, солдаты Волынского полка, поставленные лицом к лицу с восставшими рабочими Песков, Лиговки и Невской заставы, не пожелали быть палачами своих братьев, отказались стрелять по демонстрантам.

Волынский полк, его учебная команда уже 25-го февраля была приведена в «боевую готовность», разделена на две ротные единицы и выведены на улицу. С раннего утра 25-го февраля вторая рота была направлена на Знаменскую площадь, где ей было приказано оставаться до 12 часов ночи, не допускать на площади скопления народа. Первая рота была оставлена в казарме, в виде резерва, готовая к выступлению по первому требованию второй роты.

Вторую роту разместили повзводно в дворницких и сараях домов на Кирочной улице. Командиром (солдатским)

второй роты был фельдфебель Тимофей Кирпичников, взводными были унтер-офицеры: Иван Зайцев, Плиссе, Мирон Кирпичников и ефрейтор Сероглазов.

Около обеда того же дня ротный командир вызвал вторую роту на улицу. Перед глазами солдат развернулась величавая картина рабочей демонстрации, направлявшейся со знаменами и пением революционных песен по Невскому проспекту на Знаменскую площадь. Роту выстроили напротив памятника Александру III. Демонстрация широким потоком разлилась по Знаменской площади. Сотни голосов обратились к солдатам, призывая их присоединиться, не стрелять в своих братьев, не быть палачами народа. Рабочий люд медленно окружает памятник, на который взбирается оратор, и также водружается красное знамя.

Офицер отдал команду «приготовсь», которая механически была исполнена. Однако командиры из солдат, в частности сам фельдфебель Т. Кирпичников, были против стрельбы по рабочему люду. Т. Кирпичников обходил цепь солдат, предупреждая о том, чтобы подумали, больше думали, в кого они будут стрелять.

Один молодой офицер, завидя красное знамя и оратора на памятнике, взял один взвод и пошел в толпу. Прапорщик, желая снять красное знамя, поскользнулся на гранитном фундаменте и упал. Солдатам с большим трудом удалось вырвать его из толпы демонстрантов, бросившейся на него. Многотысячная толпа окружила всю роту. И волынцы, с винтовками на изготовку, просили толпу войти в их положение... Ни одного выстрела в этот раз волынцы не сделали по рабочей демонстрации. В полночь роту увели в казармы.

Поведение второй роты, не давшей ни одного выстрела, ни одного удара прикладом, взволновало реакционное офицерство Волынского полка. Командир первой роты учебной команды сообщил своим солдатам, собранным в казарме, о «недостойном» поведении второй роты, предлагая первой роте на другой день «загладить пятно», наложенное на волынцев поведением второй роты.

В воскресенье 26-го февраля обе роты учебной команды Волынского полка были выведены из казарм и размещены: первая в подвальном этаже Северной Гостиницы и вторая— в домах по Николаевской улице. На Знаменской площади

были поставлены дозоры, которым было приказано не пропускать никого на Невский проспект, не допускать до скоплений, немедленно разгонять.

Рабочий люд начал стекаться на Знаменскую площадь и прилегающие к ней улицы с самого утра. Дозорные довольно вяло предупреждали группы рабочих о запрещении останавливаться и проходить на Невский проспект. Среди дозорных были проявления недовольства на почве навязанной солдатам полицейской обязанности разгонять народ. Были отказы выполнить распоряжения офицера-командира роты, следившего за дозорными.

В полдень демонстрации происходили во многих частях города. Центрами скопления демонстрантов были Невский проспект, Казанская площадь, Знаменская площадь и прилегавшие к ним пути. Главная масса демонстрантов с Лиговки, из-за Невской заставы, двинулись с пением и красными знаменами по Гончарной улице на Знаменскую площадь. Роту Волынского полка (учебной команды), стоявшую в Северной Гостинице, вывели, развернули цепью и повели вдоль Гончарной улицы, с ружьями на-перевес, навстречу поющим, медленно подвигающимся вперед демонстрантам. Рабочие демонстранты видели направленный на них стальной блеск штыков, но смело двигались вперед. Солдаты двигались машинально, подавленные свое палаческой ролью. Командир роты отдал команду стрелять залпом. Солдаты, не глядя на приближавшуюся толпу, стараясь поднять винтовку повыше, дали залп в воздух. В то же время, как эхо прокатился по улице грохот пулемета. Со всех сторон поднялась пальба и демонстранты бросились спасаться во все стороны. Кое-где на снегу виднелись упавшие люди. Гончарная опустела, но, несмотря на это, только часа в три пополудни было отдано распоряжение прекратить стрельбу.

На долю второй роты того же полка выпала задача по «охране порядка» на Знаменской площади со стороны Невского проспекта. Командир второй роты также пылал желанием расправы над демонстрантами, но взводные и отделенные, также и фельдфебель Кирпичников, знавшие близорукость офицера, удачно использовывали этот недостаток всякий раз, когда офицер видел вдали Невского проспекта толпу. На его команду стрельбы по толпе, унтер-офицеры отвечали

обманными заверениями, что это движется не толпа демонстрантов, а кавалерия.

Вечером Знаменская площадь и прилегающие к ней улицы были «очищены» от рабочих демонстрантов. Однако еще много участников демонстраций и прохожих скрывались от выстрелов по дворам домов, по тротуарам улиц, под воротами и у парадных подъездов домов. Многие прямые пути на окраине города были закрыты полицейскими частями и люди целыми часами искали возможностей выхода из окружения. При соприкосновении с солдатами, граждане упрекали солдат за их поведение в этот день.

Только в час ночи был получен приказ вернуться в казармы. Перед входом в казармы (Виленский переулок), командир первой роты остановил солдат и обратился к ним с речью:

«Вот вам была практика сегодня, так и на войне бывает. Только вы плохо работали, нужно лучше, гораздо лучше. Ну, да ладно, спасибо!»

Несколько голосов из рядов ответили нестройным «рады стараться».

О том, как вели себя роты, особенно первая на Гончарной улице, солдатам других рот было известно. Многие из солдат не верили, чтобы волынцы могли расстреливать рабочий народ. Несмотря на поздний час, солдаты других рот старались выяснить действительное положение дела и истинное поведение солдат своего полка. Ночное время не помешало солдатам обсудить создавшееся положение.

Особенно сильное впечатление произвели уличные события на непосредственных участников, солдат учебной команды. Несмотря на строгое распоряжение спать, чтобы на другой день быть готовыми, многие не могли сомкнуть глаз, вели беседы на темы пережитого дня. Все приходили к выводу, что на следующий день никто не должен итти против народа. Теми же думами жили и «солдатские командиры» — унтер-офицеры. Взводные второй роты устроили небольшое совещание у фельдфебеля Т. Кирпичникова, на котором приняли решение не итти на другой день против народа. Кроме того, решили поднять команду на час раньше назначенного командиром роты для выступления срока.

27 февраля казарма ожила с раннего утра. Взводные устроили собрания своих взводов, объяснили им о состоявшемся ночью решении. Все солдаты выразили свою солидарность и готовность стать на сторону народа. Тотчас же решили солидно вооружиться и обеспечить себя хорошим запасом патронов. Из полкового цейхгауза были взяты ящики с патронами и разобраны по рукам. Раздача происходила под наблюдением инструктора И. Дренчука. Солдаты набивали патронами сумки, карманы шинелей и клали даже за воротник рубах. В роте создалось боевое настроение. В семь часов утра рота была построена в «образной» зале. С незамысловатой речью к товарищам выступил старший унтер-офицер Т. Кирпичников, задал вопросы, будут ли они слушать его команду. Дружное «будем» послышалось в ответ. Все солдаты согласны были с необходимостью «загладить» совершенный накануне грех, то пролитие крови, в котором они явились участниками.

К назначенному для выхода часу явились все офицеры. Солдаты концентрировали всю ненависть на командире первой роты и солдаты встретили его заявлением о том, что больше стрелять не будут. В добавление к своему решению прокричали «ура». Офицер заметил, что о нежелании роты стрелять кричал унтер-офицер Марков, побежал к нему, но последний взял винтовку на изготовку и заставил командира отбежать. Две сотни солдат наблюдали эту сцену, готовые притти на выручку Маркову. Все стихло, как будто чувствовалась приближавшаяся гроза. Командир роты из грозного повелителя стал жалким. Вынул из кармана бумажку, заявил, что это телеграмма от царя, гласившая — «немедленно всеми средствами успокоить волнения». Однако солдаты не пожелали слушать дальше его речи. Раздался удар прикладов о каменный пол и грозные голоса — «уходи от нас вон, мы не хотим тебя видеть», были ответом на телеграмму царя. Сотни голосов подхватили и столько же прикладов опустились на плитняки, вызывая грозный гул по всему коридору казармы. Командир съежился, побледнел и как битый выбежал вон. Многие бросились к окнам. Чей-то меткий выстрел догнал бежавшего, уложив его навеки в белый снег во дворе казармы. Т. Кирпичников выводит свою роту во двор. Часть взводных и солдат направилась подымать остальные

команды Волынского полка. На дворе радостное возбуждение охватило волынцев, раздались выстрелы вверх, пальба сменивалась с победными криками «ура». Горнисты играли тревогу, сливаясь с тысячеголосым эхом приветствий свободе и ура.

Через несколько минут весь двор покрылся колючей щетиной штыков. Весь Волынский полк был в сборе. На призыв второй роты отозвались все команды. Не видно было офицеров. С «мятежниками» им было страшновато и они предпочли скрыться. Перед полком со словами призыва «вперед» и командой выступил Т. Кирпичников. Его призыв в «преображенцам», к «литовцам» был принят всеми и части двинулись в боевом порядке, сохраняя дисциплину, «снимать» соседние полки.

Первым был поднят ими соседний Преображенский полк. На зов солдат Волынского полка первыми вышли солдаты второй роты, расположенные в Таврических казармах. Солдаты этой роты побывали уже на передовых позициях, повидали много горя и на себе испытали все прелести войны за царское отечество и были очень чутки к той борьбе, которая развертывалась на их глазах по улицам Петрограда.

Следом за преображенцами были выведены из казарм и солдаты Литовского полка. Солдатами был открыт цейхгауз Литовского полка, в котором были сложены ящики с патронами. Быстро разобрав их, послали небольшой отряд с лошадьми на Госпитальную улицу, в цейхгаузы Преображенского полка. Оттуда было привезено четыре пулемета, тысяча винтовок и тридцать тысяч патронов. Все стремились вооружиться и запастись боевыми патронами.

Настроение солдатской массы было крайне возбужденное. Восторг и энтузиазм выливался в криках ура, стрельбе, в призывах итти на улицы, итти к демонстрантам, итти к другим полкам и освобождать тюрьмы. Офицерство не показывало глаз. Только низший командный состав, унтера, редко фельдфебеля, были вместе с готовой к борьбе солдатской массой.

Разобрав склады с оружием, все три полка, захватив с собой музыку, двинулись к Литейному. Многотысячная лавина штыков выкатилась на широкий Литейный проспект. По дороге снимали, выгоняли из казарм попадавшиеся распо-

ложения воинских частей. У саперных казарм завязалась маленькая перестрелка. Уличная борьба, изгнание из казарм и тому подобные действия расстроили первоначально принятую строевую организацию. Полки смешались, строй распался, на улицах, в борьбе этой стройности и не требовалось. Бывалые фронтовики своим примером показывали, как нужно действовать в уличной борьбе.

К Московскому полку, к московцам! раздался призыв к солдатам и тысячеголосым эхом прокатился по каменным глыбам домов, покрытых морозным утренним туманом.

На Выборгскую! звенели голоса, трещали затворы, гремели металлы оркестра. Щетина штыков, тысячи серых шинелей выравнялись по широкому проспекту и стройной лавиной двинулись к Неве. Маленькая задержка около Окружного суда, около Арсенала. Сняли караулы, выстрелами по мастерским вызвали рабочих на улицу.

Вот и пустынный Литейный мост. За ним—Выборгская сторона. По ту сторону чугунного моста укрепилась полицейская засада. Меткий огонь поражал всякого смельчака, попытавшегося пройти через мост. Но то, что было не под силу отдельным смельчакам, то оказалось легким и доступным лавине отточенных штыков.

На таком миру и смерть была красна. Не помог засевшим за мостом их пулемет. Его треск лишь на миг смутил, задержал наступавшую волну. Несколько жертв было вырвано из передних рядов, но их кровь подействовала бодряще на других, явилась призывом к мести, к победе. Несколько минут—и мост пройден, застава сметена, полицейские в панике скрылись, частью засели в участках.

Перевалив Литейный мост, расчистив дорогу от засад, восставшие солдаты слились с рабочими Выборгской стороны и направились к казармам Московского полка. Оттуда надвигавшуюся толпу встретили огнем. В ответ на это и наступавшие открыли частую ружейную стрельбу. Смельчаки работали прикладами, разбивая забор и ворота казарменного двора. Московцы в одиночку, различными путями выбирались из казарм и присоединялись к восставшим рабочим и солдатам. Стреляли офицеры и учебная команда, но и те и другие вынуждены были скоро замолчать, разбежались и сдали винтовки. Около этой казармы жертв было много.

После взятия казарм Московского полка, вооруженный поток разделился на многочисленные ручейки, которые начали затоплять щетиной штыков весь Выборгский район. Часть откатилась назад, к Литейному, где занялись установкой баррикад и орудий против невиданного врага, но ожидавшегося со стороны Невского проспекта.

Великие чудеса творила восставшая стихия. Самодеятельность вооруженных рабочих и солдат была необычайно велика. Каждый человек, каждый отряд находил себе дело, разбивая в прах всю организацию подавления революции. О самодеятельность и стихийную силу разбилась вся жандармская и полицейская стратегия царских генералов.

Разбиты склады оружия, обезоружены колебавшиеся, неустойчивые и трусливые воинские части. Среди серых солдатских шинелей все чаще и многочисленнее становятся черные рабочие куртки, увешанные патронными лентами и сумками. Рабочие быстро вооружились и повели наступление на тюрьмы.

Взяты участки, взяты «Кресты», взята «Предварилка». В пылу борьбы подожжено здание Окружного Суда. Густой черный дым оповестил столицу о победе рабочих и солдат в районе Литейного, Выборгской стороны. Вооруженные рабочие и солдаты пошли к Таврическому дворцу. Здание Государственной Думы занимается революционными войсками.

Весть о победе на Выборгской, в районе Литейного и Таврического сада, а также о восстании солдат и присоединении их к восставшему рабочему люду быстро пронеслась по всему Питеру. Правительственные и общественные учреждения закрывались. Вооруженные рабочие и солдаты захватывали один район за другим.

Полиция и открытые сторонники царской власти засели в некоторых домах, участках и поливали пулеметным и винтовочным огнем вооруженных рабочих и солдат. Восставшие быстро справлялись с засадами, уничтожали врагов на месте. Полицейских, жандармов, сановников арестовывали и приводили в Таврический дворец.

В вечерних сумерках восстание зарделось румянцем пожарищ. Горел Окружный суд, Губернское Жандармское Управление, Литовский тюремный замок, Александро-Невская часть и много других участков. Всюду сверкало оружие, щел-

кали затворы, воздух резали винтовочные удары. Восставший Питер долго гудел в темноте ночной. Поднявшаяся стихия улеглась лишь после того, как овладела всем городом, обезопасив себя от наступления разбитого, но еще не добитого врага. В руках врагов был маленький островок в центре города: Зимний дворец, Адмиралтейство. Петропавловская крепость загадочно молчала. Командный состав крепости не был в состоянии итти против восставших рабочих и солдат, так как сочувствие гарнизона было на стороне революционного народа. Примкнуть же к движению они опасались, так как не были уверены в его победе.

Восстание солдат в Ораниенбауме, Гельсингфорсе и Кронштадте.

Известия о вооруженном восстании рабочих и солдат в Петербурге быстро докатились до ближайших к Питеру гарнизонов и крепостей. Вечером 27 февраля начались волнения в гарнизоне гор. Ораниенбаума. Волнения начались во 2 пулеметном полку и быстро перешли в восстание. В течение небольшого времени примеру 2 пулеметного полка последовали и другие воинские части и команды гарнизона. Были разбиты склады с оружием и патронами и войска вооружились. Офицерство пыталось противодействовать, внести раскол среди восставших, но потерпело неудачу и вынуждено было скрыться.

Восставшие решили в ту же ночь итти на помощь боровшимся рабочим и солдатам Петрограда. На пути к железнодорожной станции были обстреляны из пулеметов, потеряли убитыми и ранеными около двух десятков людей. Все же, несмотря на преграды, захватили станцию железной дороги, заставили администрацию приготовить поезда, но затем раздумали, опасаясь умышленных крушений, решили итти к Питеру пешим порядком.

Путь на Петроград держали по шоссе, через целый ряд местечек, в которых были расположены войсковые части. И Ораниенбаумские товарищи на пути своем снимали все части, поднимали их на восстание, разбирали оружейные склады, запасались провиантом и двигались дальше, увеличивая свои силы с каждой верстой приближения к столице.

Колонны войск, буквально всех родов оружия, растянулись в пути более чем на двадцать верст. Шли в полном боевом порядке, руководимые только низшими командирами. Зрелище было захватывающее. Все эти войска вступили в город утром 28 февраля через Нарвскую заставу, переполненную восставшими рабочими Путиловского гиганта завода. Встреча рабочих с солдатами была трогательная и полна высокого энтузиазма. Оркестр военной музыки играл «Марсельезу», которую подхватывали тысячные толпы демонстрантов. По пути к центру войска выдержали несколько огневых атак со стороны засевших в домах городовых.

Все движение в Ораниенбауме проходило под влиянием наших социал-демократов, служивших в различных частях гарнизона этого города. По их инициативе состоялось и грандиозное шествие тысяч вооруженных солдат на помощь рабочим Петрограда. С некоторыми из этих товарищей, членами нашей партии, мне пришлось разрешать целый ряд вопросов, как в Петербургском Комитете, так и в Бюро Центрального Комитета, а также и в Исполнительном Комитете.

Чрезвычайно бурные формы приняло революционное движение в Кронштадте. Известия о событиях в Петербурге туда пришли с большим опозданием. Адмирал Вирен держал в терроре весь Балтийский флот и весь гарнизон Кронштадта и его укреплений. Все же, как ни пытались скрыть совершившийся в Питере переворот, известия дошли до рабочих, матросов и солдат. Движение началось 1 марта. Во главе его стали товарищи, оставшиеся от разгромленной военной организации Кронштадта. На особом собрании, сравнительно узком, представителей судовых команд, был создан «Комитет Движения», взявший на себя руководство борьбой с царским режимом и его сторонниками в первые дни марта месяца. Силами вооруженных революционеров матросов, рабочих порта и солдат гарнизона были тотчас же обезоружены наиболее крупные враги революции и преданные сторонники царского строя. Адмирал Вирен и некоторые из офицеров, известные своим зверским отношением к матросам и солдатам были убиты. Сидевшие в военных тюрьмах, гауптвахтах матросы и солдаты были освобождены, а на их места были посажены ненавистные, шедшие против народа, офицеры.

По мере расширения революционного движения, создавались в Кронштадте и еще организации. Необходимость объединения побудила создать Комитет морских частей. Рабочие организовали Совет Рабочих Депутатов. В организации власти и в деле объединения революционных сил получился некоторый параллелизм. Выход из него был найден в слиянии воинских организаций с Советом Рабочих Депутатов. Для этой цели были избраны депутаты от воинских частей, моряков, артиллеристов и крепостных пехотинцев. Этот Совет Воинских Депутатов соединился с Советом Рабочих Депутатов и этим путем был изжит вопрос о параллелизме работы.

Положение в Кронштадте весьма беспокоило Комитет Государственной Думы, а так же и правую часть Исполнительного Комитета Петербургского Совета. В революционных действиях матросов и солдат Кронштадта Временное Правительство видело «самочинные» действия и «анархию». Комитет Государственной Думы направил туда своего комиссара В. Пепеляева, но последний не мог внести успокоения в бушевавшую стихию. Для этой роли он не обладал политическим авторитетом и не мог расположить к себе доверие матросской и солдатской массы. В его действиях они быстро увидели стремление спасти от наказания ненавистных должностных лиц—и только.

Исполнительный Комитет был немного обеспокоен и тем анти-правительственным настроением, которое преобладало среди матросов, рабочих и солдат окружавших Питер крепостей. Для урегулирования взаимоотношений между солдатами и командным составом, была послана особая комиссия в составе М. И. Скобелева и других членов Совета. Исполнительный Комитет поручил им «разъяснить» создавшееся положение, объяснить взаимоотношения между Временным Правительством и Петербургским Советом. Комиссия Петроградского Совета выезжала в Гельсингфорс, устраивала на судах и в крепости митинги и приняла все меры к урегулированию взаимоотношений между моряками и командным составом. Таким путем Петроградскому Совету временно удалось укрепить взаимоотношения между Временным Правительством, солдатами и моряками Балтийского флота, находившимся в Финляндии.

Временное Правительство было чрезвычайно встревожено тем, что армия и флот начали демократизироваться помимо и против воли военной власти. Матросы и солдаты, свергая свое старое начальство, не ожидали пришествия варягов для управления, а тут же, на общих собраниях производили выбор новых начальников. Против этого вели борьбу комиссары Временного Правительства, помогали им в этом и комиссии Исполнительного Комитета.

В Гельсингфорсе и Свеаборгской крепости революционное движение развивалось подобно кронштадтскому. Инициатива выступления принадлежала морякам. Движение также сопровождалось истреблением наиболее ярых сторонников царских порядков. Командовавший Балтийским флотом адмирал Непенин был убит, многие офицеры, особенно на судах, были арестованы.

В этот район Исполнительный Комитет также посылал свою комиссию для «успокоения». Однако комиссия не обнаружила «беспорядков», о которых трубила буржуазная печать. Моряки и солдаты крепости сумели быстро организоваться, не поддались на националистическую и пьяную провокацию, подготовленную жандармами. Организации сумели войти в полное соглашение с финляндскими социал-демократами и общими усилиями вели борьбу с остатками царской власти.

В Кронштадте в первые же дни революции нам удалось быстро наладить партийную организацию. Петербургский Комитет нашей партии послал туда своих представителей. Кроме того туда же направились освобожденные в конце 1916 года моряки, т. Ульянцев и др. Наше отношение к войне, ко Временному Правительству, наши лозунги: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих, кабинетских и монастырских земель,— встречали живейший отклик и поддержку кронштадтских масс.

В Финляндии, в частности в Гельсингфорсе, также вели работу наши социал-демократы-большевики. Наша деятельность вызывала глубокое беспокойство буржуазных кругов. Организованная буржуазия и ее Временное Правительство пытались всяческими средствами препятствовать объединению рабочих и солдат, но терпели крах во всех своих попытках.

28 февраля.

Вернувшись в Таврический дворец из поездки на Петербургскую сторону, я уже никого не нашел в комнатах Исполнительного Комитета. Пошел через покрытый усталыми, спящими солдатскими телами Екатерининский зал в Военную Комиссию при Комитете Государственной Думы.

С первого дня занятия войсками и Советом Рабочих Депутатов Таврического дворца произошло территориальное разделение здания и помещений бывшей Государственной Думы. Одна половина дворца, правая от входа, включая буфет, Екатерининский зал и комнаты по обе стороны большого зала заседаний, занимались Исполнительным Комитетом Совета, его органами и партийными организациями. Левая же часть Таврического дворца, библиотека, кабинеты председателя и другие службы Государственной Думы находились в распоряжении Временного Комитета.

В одной из комнат левой части здания заседала Военная Комиссия, туда направился я в целях осведомления с положением дела в гарнизоне. Военная Комиссия работала всю ночь. Несмотря на ранний час нашел в комнате Комиссии полковника Энгельгардта, окруженного членами Государственной Думы, офицерами Генерального Штаба и членами Исполнительного Комитета Н. Д. Соколовым и П. Александровичем. На столе лежала карта—план Петрограда. При мне шли телефонные переговоры с комендантом Петропавловской крепости, медлившим и колебавшимся присоединиться к революции. Уже несколько часов велись переговоры с некоторыми лицами из командного состава крепостного гарнизона. Были пущены в ход все административные распоряжения, личные связи и знакомства, чтобы окончательно сломить упорство коменданта и офицерства. Часть министров и царских сановников засели в Адмиралтействе и окружили себя воинскими частями с пулеметами и артиллерией. Были попытки взять Адмиралтейство, но, выяснив вооружение засевших, решили не штурмовать, а взять измором и разложением.

В остальных частях гарнизона дело было благополучно. Семеновский полк, оказавший было некоторое сопротивление революционным войскам, вынужден был подчиниться и при-

соединился после небольшой осады и недолгой перестрелки. В некоторых частях офицерство не желало присоединиться, заперлось, вооружившись винтовками и пулеметами, отстреливалось от солдат и рабочих.

Всего опаснее было загадочное поведение Петропавловской крепости. Присоединение ее решало участь Адмиралтейства. Все присутствующие считали необходимым добиться от начальника крепости бескровного, мирного подчинения революционой власти. В обсуждении этого вопроса, помнится, принимал живое участие генерал Юревич, будущий Общественный Градоначальник Петербурга. Деталей переговоров уже не помню, но дело удалось благополучно ликвидировать и крепость присоединилась к революционному народу.

Конечно, офицерство во главе с комендантом подчинилось революции не потому, что их сумели «уговорить», но потому, что прекрасно понимали настроение своего гарнизона, видели, что солдаты крепостного гарнизона не оставались спокойными зрителями, а, наоборот, живо интересовались всем, что происходило кругом, выражали большую радость по случаю народной победы. Рассчитывать на солдат в борьбе с восставшими рабочими и солдатами против царизма офицерство крепости не могло, а потому и вынуждено было, после долгих переговоров, подчиниться новому порядку. Так же удачно удалось ликвидировать засады в Адмиралтействе и арестовать значительную часть скрывшихся там сановников. Находившиеся в Адмиралтействе на охране сановников воинские части быстро деморализовались. Кроме того, в этих зданиях, где помещаются всевозможные канцелярии, службы и квартиры, не было провианта для питания вызванных частей, а поэтому многие из них вынуждены были самовольно сняться.

Арестованных сановников, царских министров и наиболее матерых реакционных генералов и полицейских чинов приводили в Таврический Дворец и разместили в павильоне, а также на хорах большого зала заседаний. В тюрьмы этих господ отправлять еще не решались, хотя свободные места там и были. Связи, знакомства и, по существу, единая душа у вчерашних царских холопов, а ныне преступников, с большинством «зубров» четвертого созыва, заседавших в Комитете Государственной Думы, делали свое дело. Представители новой, народившейся в эти дни власти были чрезвычайно мягки

и предупредительны по отношению к подлинным и заклятым врагам народа. Все это оправдывалось «бескровностью» революции и отвращением победившего народа к жестокостям. На самом деле революция в первые дни восстания далеко не была бескровной для рабочего люда. Погибших рабочих и присоединившихся к ним солдат насчитывали в каждом районе города по много десятков, а по всему городу жертвы полицейской стрельбы насчитывались сотнями убитых и, кроме того, было огромное число пораненых. Но как только победил народ, так была выдвинута фраза о «бескровности», носившая несомненно классовый характер и была рассчитана на обман рабочих и солдат. Буржуазия боялась массовых репрессий над реакцией, представители коей были родственны ей. И часто можно было наблюдать, как некоторые члены Государственной Думы встречали приводимых арестованных, как старых знакомых и гостей.

Утро 28 февраля на Выборгской.

Из Военной Комиссии направился на Выборгскую сторону. Военные шофферы лихо погнали автомобиль по Шпалерной улице, обгоняя и обходя отряды вооруженных солдат, рабочих, шедших в различных направлениях, на поиски врагов революции. Здание Окружного Суда продолжало гореть, выбрасывая огромное количество дыма и пара.

Несмотря на ранний утренний час, рабочий район уже бодрствовал. По улицам и переулкам Выборгской стороны деловито сновали рабочие. Появились уже вооруженные посты. Около казарм самокатчиков, недалеко от завода Лесснера, толпились рабочие. Вся площадь улицы Большого Сампсоньевского проспекта, приблизительно от завода Эриксона и до моста Финляндской железной дороги через тот же проспект, была безлюдна. Когда мы с автомобилем подъехали к этому району, вооруженные пролетарии предупредили нас о том, что вся часть этих улиц находится под пулеметным огнем офицеров-самокатчиков, засевших в одной из казарм.

Рабочие и солдаты готовились к ликвидации засевших офицеров. Весь район предусмотрительно был оцеплен патрулями, предупреждавшими всех пеших и конных относительно опасности. Около злополучной казармы, откуда регулярно

раздавалось чоканье пулемета, собрались части с различными средствами борьбы. Тут были пулеметчики, бомбометы и даже артиллерия. Подготовка к штурму казармы велась удивительно организованно и деловито, хотя и не было видно в толпе привычных «господ командиров». Под прикрытием забора той же казармы, солдаты налаживали бомбомет. Огромная толпа рабочих, работниц и молодежи всех возрастов, рискуя получить пулю, следила с живейшим интересом за этой «маленькой войной». Бомбомет выплевывал сноп искр, за которым следовали удары взрыва по ту сторону забора. В ответ на это из казармы рокотал пулемет.

Эта картина массовой самодеятельности невольно приводила к сравнению с тем, что я видел в Военной Комиссии. Там, в глубинах Таврического Дворца, шел торг с врагами, здесь—жестокая расправа со всяким, кто посмел поднять вооруженную руку против рабочего, восставшего люда.

Ждать исхода борьбы у казармы у меня не было времени, а помощи нашей не требовалось, и мы поехали в объезд по направлению к Сердобольской улице по Лесному проспекту. Подъехав к большому Сампсоньевскому проспекту из переулка фабрики Ландрина, мне пришлось покинуть автомобиль, так как он являлся слишком крупной мишенью для стрельбы. Отпустив автомобиль в поиски за бензином, я один уже направился через Большой Сампсоньевский проспект, огородами, по старым тропинкам, на Сердобольскую улицу. Итти пришлось в перебежку, прячась от выстрелов за заборами, в ямах и за деревьями. Пулеметы трещали со стороны казарм от завода Н. Лесснера и из казармы самокатчиков, с чердака угольного дома по Сердобольской улице. О направлении стрельбы можно было угадывать по падавшим на меня веткам березки. При первом же выстреле я ложился, выжидал перерыва и вновь бежал. И добрался благополучно до квартиры Бюро Центрального Комитета.

Наша тихая конспиративная квартира была неузнаваема. На столах и на стенах висели красные знамена, плакаты с революционными и партийными надписями. Литература, древки, краски, патроны, винтовки, шашки и прочее разнообразное оружие были разложены по углам и на столах. Квартира превратилась в мастерскую, и клуб свиданий революционных работников района.

Наша партийная организация Выборгского района легализовалась уже 27 февраля. Выборгский Комитет спешно стягивал свои силы. На заводах, на фабриках и в казармах предстояла грандиозная работа, борьба с враждебными нам силами и идейными направлениями. Условился с представителями Выборгского Районного Комитета относительно своих «комиссарских» обязанностей по району. Вся революционная и организационная деятельность Районного Комитета была перенесена в квартиры Больничной Кассы завода «Старый Парвиайнен».

С раннего утра начались выборы в Совет Рабочих Депутатов, а также и другие органы заводской жизни и работы. На вечер предполагалось несколько собраний, в том числе собрание делегатов от фабрик и заводов Выборгской стороны. Районный Комитет на этот же вечер созывал общее собрание своих членов. Мне предлагали побывать на обоих, но если не смогу попасть на оба, то постараться быть на делегатском собрании района, чтобы ознакомить делегатов с работой Исполнительного Комитета.

Все товарищи были втянуты в работу. Организация выходила из подполья и, руководя уличной борьбой, организуя рабочих и ведя работу среди солдат, одновременно приспособлялась к новым, открытым условиям существования. Этот переход совершался быстро, настолько быстро, что отдельные работники не успевали приспособиться и сохраняли целый ряд приемов подполья. Выходя на общественную работу, наши активные работники продолжали называться кличками, все еще старались сохранять ненужную конспирацию. Было отрадно видеть, как наши товарищи быстро перешли от кружковой работы подполья к открытому руководству массами. И все мелкие пережитки подполья сглаживались уменьем подойти к самой толще пролетарской массы, знанием ее быта и способностью организовать ее для общего действия.

На квартире Бюро Центрального Комитета встретил ряд товарищей, членов Выборгского Районного Комитета, а также и членов Петербургского Комитета. Познакомил их с первыми шагами Исполнительного Комитета и в свою очередь узнал о положении дела в этом боевом районе. Товарищи говорили о громадном подъеме рабочих масс, о колоссальной работе,

проделанной за первые, еще не полные сутки восстания. На всей Выборгской стороне и в Лесном вся власть принадлежала рабочим организациям. Полиция была выбита в течение дня и вечера 27-го, а борьба с засевшими офицерскими группами кончалась в часы моих разговоров.

Долго беседовать не было времени. Надо было спешить в Таврический дворец, встретиться с членами Бюро Центрального Комитета, обменяться мнениями по ряду неотложных вопросов, принять решения к предстоящему заседанию Совета и т. д.

На обратном пути, проезжая мимо казармы, на месте утренней борьбы не видел больше ни пулеметов, ни бомбометов и артиллерии. Казарма была подожжена, засада истреблена.

Заехал к Е. Д. Стасовой, предложив ей взять на себя секретарскую работу, организацию дежурств (явку) Бюро Центрального Комитета в Таврическом дворце.

Утро 28 февраля в Таврическом дворце.

Часам к десяти утра я закончил поездку на Выборгскую и повидался со Стасовой. Несмотря на сравнительно ранний час улицы были людны. В направлении к Таврическому дворцу шли пестрые толпы народа. Тут были и воинские части, построенные и в порядке шедшие к Думе, тут были и отряды вооруженных рабочих, студенты и солдаты одиночки. Под вооруженными конвоями рабочих и солдат водили в Таврический дворец полицейских, жандармов и охранников.

Около Таврического дворца огромное скопление народа. Целый ряд полков, воинские команды и училища юнкеров строились перед Таврическим дворцом, проходили внутрь здания, выслушивали представителей Комитета Государственной Думы, иногда кого-нибудь из Совета и выражали готовность поддержать новый порядок.

Внутри Таврического дворца была великая толчея. Помимо воинских частей, входивших туда в строевом порядке, там находили приют и отдых сотни и тысячи солдат одиночек и групп, оторвавшихся от своих частей или пришедших в одиночном порядке на помощь восставшему Питеру.

В комнатах Исполнительного Комитета нашел В. Молотова, а также делегата от Выборского Комитета с проектом манифеста. Вдвоем с товарищем Молотовым мы обсудили «Манифест», внесли ряд поправок и исправлений и решили напечатать его от имени Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Манифест «Ко всем гражданам России», извещая о свержении царской монархии, выдвинул на первый план, как немедленную и непосредственную задачу рабочего класса и восставшей армии, создание Временного Революционного Правительства, которое должно обеспечить в стране республиканский строй и провести в жизнь все рабочие и крестьянские требования: ввести 8-часовой рабочий день, конфисковать земли и созвать учредительное собрание. Кроме того, Временное Революционное Правительство должно было обеспечить армию и городское население продовольствием. Для этого мы предлагали конфисковать все частные запасы, а также заготовленное прежним правительством и самоуправлениями. В тексте «Манифеста» в этом пункте сделана опечатка и пропуск слова. Вместо частных запасов, напечатали «полные запасы», искажающее смысл.

Тому же Временному Революционному Правительству вменялось в обязанность вхождения «в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов против своих угнетателей... и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни»... Так была формулирована нами анти-военная платформа революционной власти.

В отличие от других группировок (меньшевиков-интернационалистов, социал-революционеров левых, пасифистов-интеллигентов) мы не выдвигали лозунга простого «мира». Мы считали своей задачей достичь революционного окончания мировой войны, а не простое подталкивание господствующих классов воюющих стран к заключению выгодного им мира.

Выдвигая лозунг создания «Временного Революционного Правительства», мы вплотную подошли к вопросу о характере и составе, классовом составе Революционного Правительства. Утро 28 февраля нам показало, что уличная борьба закончилась полным торжеством восставших рабочих и солдат в Петрограде. В самом городе и его окрестностях не было

ни одной сколько-нибудь серьезной воинской части, которая могла бы угрожать победе революции. В результате этой победы почти одновременно возникли и оформились две силы: Комитет Государственной Думы и Совет Рабочих Депутатов. Первый, тотчас же, вполне продуманно и сознательно, стремился стать государственной властью. Второй, но ставя вопрос о государственной власти, принял ряд решений, организующих на местах эту власть «самочинно», снизу. Рабочая и солдатская масса, выбирая делегатов в Совет, признавала последний органом власти, подчиняясь всем его распоряжениям, преследовала всех, кто смел итти против его решений.

Правда, это было пока только в Петрограде. Но для нас не было сомнений в том, что за питерскими рабочими и солдатами пойдет и вся рабочая и сермяжная Россия. Поэтому мы нисколько не смущались формальными нарушениями «демократии», когда выдвигали лозунги создания питерскими силами Всероссийского Правительства.

Кто же должен практически, на деле, создать это Временное Революционное Правительство? Комитет Государственной Думы, как начало новой власти для нас не был приемлем. В то время он был еще подозрителен и по монархизму. Мы ожидали с его стороны сговора с монархией и следили за каждым его движением. По своему социальному составу и всей программе он не считался нами способным осуществить революционные требования рабочих и крестьян. В вопросе о войне он был орудием империализма и его лозунгов «войны до конца». Другая сила, могущая создать правительство, был Совет Рабочих Депутатов. В тот день, когда мы обсуждали «Манифест», должен был собраться пленум Совета Рабочих Депутатов. Его политическая физиономия нам была еще неизвестна, но по прошлому заседанию мы могли предполагать, что большинство в нем будет не наше. И все же, другого органа, способного создать Революционное Правительство, не было, и мы решили проводить в Петербургском Комитете, а также и в самом Исполнительном Комитете Совета наш взгляд на создание Временного Революционного Правительства из недр революционной демократии, организованной в Совете. На деле мы предполагали возможным создание Революционного Правительства из тех социалистических пар-

тий, которые окажутся большинством в Совете. Мы считали возможным осуществление требований революции, даже в рамках того, что определяли границами «буржуазной» революции, только руками самой революционной демократии, опираясь на созданные ею организации.

Обсудив «Манифест», внеся в него поправки, окончательная редакционная правка, а также сдача в печать была возложена на т. В. Молотова. В прибавлении к № 1-му «Известий Петроградского Совета Рабочих Депутатов» наш Манифест был напечатан в тот же день и выдержал несколько изданий. Меньшевики были смущены таким быстрым появлением Манифеста, но ничего не могли возразить ни по существу, ни по поводу его появления в «беспартийном» органе.

Международный Комитет и партия Социалистов-Революционеров выпустили листок к солдатам, за подписями обеих организаций. В этом листке, написанном Юреневым и Александровичем (Пьером Оражем), солдаты призывались к организации и совместным действиям с народом против царского правительства. Кроме того, листок призывал солдат к захвату в «свои руки» телеграфа, телефонной сети, вокзалов, электрических станций, Государственного банка и министерств. Обе организации предлагали солдатам выбирать своих представителей для «Временного Революционного Правительства».

На-ряду с предложениями захвата органов власти, связи и городских учреждений, был наивный призыв к солдатам «не расходиться по казармам, не оставлять города... ждать листков». Все эти призывы оказались уже запоздалыми. Вслед за первыми победами в городе и его окрестностях начали создаваться различные комитеты и коллективы, движение начало принимать организованные формы. Через эти комитеты и коллективы начали вести свою работу различные политические партии нашей страны.

Заседание Исполнительного Комитета в то же утро было непродолжительное. На двенадцать часов дня было назначено заседание первого пленума Совета и Исполнительный Комитет едва успел наметить порядок дня. Первым решили поставить отчет Временного Исполнительного Комитета, выборы Исполнительного Комитета, а также ряд информационных сообщений о положении продовольственного и прочих дел.

Первое пленарное собрание Совета.

Людно и шумно в стенах и за стенами Таврического дворца. Размеренный топот, лязг оружия, медно-голосые звуки «Марсельезы», речи, призывы, крики ура, все смешалось и катилось из одного конца громадной Екатерининской залы в другой. С самого раннего утра к Таврическому дворцу тянулись серые колонны воинских частей. Дворец напоминал в эти часы огромный военный бивуак.

Около полудня, назначенного часа заседания Совета Рабочих Депутатов, на сером фоне массовых посетителей Таврического дворца появились черные пальто. В одиночку и группами начали прибывать представители фабрик и заводов. Все направлялись в те комнаты, где расположилась канцелярия Исполнительного Комитета. Заседание Совета решили устроить в комнате № 11, могущей вместить пару сотен депутатов и, путем открытия двери в соседнюю комнату, использовать и ее для тех, кому не хватит места в первой.

Единственным помещением в Таврическом дворце, приспособленным для массовых собраний, был зал заседаний Государственной Думы. Но этот зал, вернее его хоры, был отведен для содержания арестованных чинов царского правительства. Поэтому этим залом нельзя стало пользоваться для собраний. Возможно, что это было сделано умышленно, чтобы не допустить использования этого помещения для устройства митингов и собраний. Государственная «мудрость» Комитета Государственной Думы была именно такого свойства, что допускала подобное предположение. И первому собранию пленума Совета Рабочих Депутатов пришлось состояться в неприспособленных для этого маленьких комнатах.

После 12 часов дня комната № 11 забивается пришедшими депутатами рабочими. К дверям становятся часовые, на обязанность которых возлагается контроль над проходящими. Эта задача была крайне трудная, так как ни Совет, ни Исполнительный Комитет не имели никаких однообразных билетов или мандатов и часовой превращался в простого привратника, растворявшего дверь и не допускавшего простого хождения.

В первом часу дня Н. С. Чхеидзе открыл заседание Совета. Первым был заслушан доклад Исполнительного Коми-

тета о своей работе. Доклад свелся к простой информации собравшихся относительно того, как произошло накануне, в соседней комнате, инициативное собрание и был выбран Исполнительный Комитет. По докладу были выступления, но значительная доля их не имела прямого отношения к отчету. Выступали солдаты представители некоторых полков с приветствиями и поздравлениями с «победой народа». Благодаря этим выступлениям, заседание Совета быстро превратилось из делового в митинговое. Хотя порядок дня и был принят, но выступавшие, особенно представители воинских частей, не могли сдерживать своих чувств и, под громовые аплодисменты битком наполненной залы, излагали корявыми словами свои красивые, пробудившиеся чувства солидарности всего трудового народа.

Несмотря на страшнейшую тесноту, жару и духоту, собрание не уменьшалось и не понижалось в своих настроениях. Председатель уже не руководил собранием, оно плыло захваченное великим энтузиазмом и минутами торжественного единения революционных рабочих и солдат. Все же отчет Исполнительного Комитета был обсужден. Состав Временного Исполнительного Комитета был утвержден и, кроме того, Совет решил пополнить его тремя-четырьмя представителями «левого направления».

Около Таврического дворца раздается пулеметная пальба. Звуки выстрелов проникают и в комнату собрания, долетают и до чутких ушей солдат. Моментально создается паника, люди бросаются сплошною массою к дверям, волной выкатываются в Екатерининский зал. Солдаты, находившиеся в этой огромной зале, также стремились к выходу в различных направлениях. Некоторые бросились бить окна, выходящие в сад, намереваясь выпрыгнуть через разбитые стекла.

Во время паники я стоял недалеко от председательского стола; хлынувшие к выходу буквально вынесли меня в Екатерининский зал. В Екатерининском зале раздался крик, что «Государственную Думу расстреливают». Члены Исполнительного Комитета успокоили Совет, а мы, выжатые из комнаты, где заседал Совет, устыдили тех солдат, которые готовились уже вылезти в сад через разбитые окна. Эта паника показывала, насколько тревожно и неуверенно было настроение солдатской массы. В то же время этот панический случай заставил нас обратить более серьезное внима-

ние на охрану Таврического дворца и входа в него. Произведенным тотчас же расследованием было установлено, что какая-то патрульная или караульная воинская часть произвела около Таврического сада «пробу» своего пулемета. Паника скоро улеглась и суматоха в Екатерининском зале пошла своим чередом.

После успокоения попытался пробиться вновь в глубину заседания Совета, но безуспешно. Плотная стена депутатских спин решительно сопротивлялась. Комната была настолько плотно набита людьми, что люди стояли, не имея возможности даже свободно повернуться, не потревожив своих соседей.

Кто-то вносит предложение о воззваниях к народу, к офицерам и т. д. Все принимается без прений, без голосований. Пытаются поставить вопрос о возобновлении работ, о движении трамвая, но это встречает единодушный отпор и, как несвоевременное, отклоняется.

Докладчик от Продовольственной Комиссии сообщает о благополучном положении дела с хлебными продуктами, предлагает установить контроль над товарным движением железных дорог, а также согласование движения с нуждами снабжения фронта и столицы. Все предложения комиссии проходят, не встречая возражений, и все нужные полномочия даются.

Первый пленум Петербургского Совета оставил в памяти весьма сумбурное впечатление. Праздник революции, победа народа, как говорили тогда, отвлекала его от задачи непосредственного руководства теми событиями, которые развертывались в стране. И деловая работа из Совета автоматически переносилась в Исполнительный Комитет.

Лица «левого направления» в Исполнительном Комитете.

После окончания заседания Совета Рабочих Депутатов, собрался Исполнительный Комитет. Заседание Исполнительного Комитета было перенесено из комнаты с занавеской в другую, более просторную, имевшую два выхода и удобный длинный стол.

На этом заседании, третьем по счету, появился целый ряд новых членов. Петербургский Комитет прислал своим представителем Демьянова (К. И. Шутко), Бунд был пред-

ставлен Эрлихом, от социалистов-революционеров появился, кажется, Зензинов и Пешехонов, от народных социалистов—Брамсон, от меньшевиков были Б. Богданов, Батурский. Кроме того, в качестве «лиц левого направления» вступили в Исполнительный Комитет Н. Суханов (он же Гиммер), Ю. Стеклов (он же Нахамкес), Красиков-Павлович, Капелинский и Соколовский.

Некоторые члены Исполнительного Комитета, в том числе и пишущий эти строки, были очень удивлены появлению этой новой пятерки в Исполнительном Комитете. Суханов принадлежал к тому кругу радикальной интеллигенции, которая объединялась вокруг А. М. Горького, и был известен в этой среде, как противник войны и, пожалуй, считался «пораженцем». Ю. Стеклова знали по изданиям «Прибой», считали, по прошлому, большевиком. Красикова-Павловича считали также большевиком. Относительно того, как были выбраны они в Исполнительный Комитет, никто толком не знал. По поводу Соколовского и Капелинского говорили, что они оба, или кто-то один из них, были выбраны от кооперации. В Исполнительном Комитете сообщили, что они добавлены на пленуме Совета, в качестве представителей «левого направления».

По поводу появления новых членов, особенно с большевистским прошлым, мы, члены Исполнительного Комитета—большевики, Демьянов, Залуцкий, Молотов и пишущий это тут же обменялись мнениями и решили держаться по отношению к ним выжидательной тактики. Ближайшие дни должны были показать на деле, с кем пришли эти «лица левого направления»[1]) в Исполнительный Комитет и с кем намерены они итти. До этого времени дело шло лишь о мероприятиях технического и организационного порядка, в обсуждении которых хотя и было разномыслие, но остроты и принципиального расхождения еще не наблюдалось. Важнейшие вопросы политики были еще впереди, обсуждение их невидимо стояло в порядке дня. И по тому, кто и как будет относиться к вопросу о власти, о войне не на словах, а на деле, и мы будем определять свое отношение к ним.

---

[1]) Так были отмечены их выборы в опубликованном № 2 «Известий» от 2 марта 1918 г.

В порядке дня заседания Исполнительного Комитета Совета стояли, по-прежнему, и всегда «неотложные» и никогда не кончаемые вопросы «обороны революции». После окончания заседания Совета, с Николаевского вокзала было получено сообщение о движении в Петроград воинского эшелона георгиевских кавалеров, под командою генерала Иванова, с контр-революционными намерениями. Некоторые члены Исполнительного Комитета быстро поддавались беспокойству, так как считали Питерские полки еще недостаточно организованными после переворота и поэтому мало способными к бою. Все же были приняты военные и агитационные меры. Но, к счастью, дело обошлось без столкновений. Солдаты, привезенные для подавления «беспорядков», присоединились к войскам и народу тотчас же по выходе из вагонов. Делегация Георгиевских кавалеров была в Исполнительном Комитете и контр-революционная попытка сорвалась.

В Исполнительный Комитет приходили группами делегации от солдат, выбранные в Совет. Все были крайне взволнованы воззваниями и распоряжениями Комитета Государственной Думы относительно офицеров. Вечером в одной из комнат Исполнительного Комитета собралось несколько десятков солдат различных полков и просили Исполнительный Комитет войти в положение солдат. Возвращавшиеся офицеры по-прежнему повели работу по царскому уставу, с чем солдаты-революционеры мириться уже не могли. Многие солдаты высказывали опасения, что офицеры, вернувшиеся под влиянием распоряжений Комитета Государственной Думы, будут мстить солдатам и поведут провокационную работу против революции, против завоеванных народом прав. Настроение было ярко антиофицерское.

Исполнительный Комитет вынужден был поставить вопрос о солдатах и, в первую очередь, вопрос об организации солдат. В то время, как Комитет Государственной Думы принимал энергичные шаги по объединению офицеров, солдаты еще не были сплочены так, как этого требовало создавшееся положение. Среди членов Исполнительного Комитета возник спор относительно организации солдатской массы в Совет.

Около солдатских представителей увивались меньшевики и народные социалисты. Из первых большую активность развивал Богданов, стремился изолировать и монополизировать

солдат и подчинить их своему влиянию. По его следам пошел Ю. Стеклов. Из наших работал среди представителей войсковых частей П. Залуцкий, отстаивая идею общего Совета для рабочих и солдат. Эта идея создания общего Совета Рабочих и Солдатских Депутатов не встречала сочувствия и поддержки в рядах оборонческих групп. Все они боялись вовлекать армию в политическую борьбу, мотивируя свое отрицание различным образом. Одним из аргументов был тот, что Питерский гарнизон имел текучий характер, делегаты, однажды выбранные, по уходе войск потеряют с ними связь и, наконец, кончали откровенными соображениями о том, что включение солдат в состав Совета повлечет за собой агитацию и борьбу за армию со стороны всех партий, а это может разложить ее. Были и другие соображения с виду более «принципиального характера», вроде нежелания и недопустимости «засорять» чисто пролетарский орган мелко - буржуазными элементами. Правые же оборонцы не скрывая высказывали опасения, что революционная работа и политика может сделать армию небоеспособной, а поэтому и не спешили привлекать солдат в организацию.

Такое отношение оборонцев к делу организации солдат в политическую силу было чрезвычайно опасно. За влияние на гарнизон, на армию отчаянную борьбу вела буржуазия. Правда, последняя была слишком реакционна, чтобы суметь привлечь к себе крестьян, но тем не менее существовала опасность раскола внутри казарм и усиление неорганизованных действий и анархических настроений. Мы предлагали допустить солдат в Совет, пролетарская чистота его от этого, конечно, пострадает, но революция выиграет. Что же касается до «чисто пролетарских» организаций, через которые рабочий класс может себя выявить, мы полагали, что такими могут и должны быть профессиональные союзы и партия. После долгих колебаний и в значительной мере, под давлением солдат, было постановлено организовать при Совете Рабочих Депутатов «Солдатскую секцию». Была намечена и норма представительства—по одному на роту. Рабочие имели на каждую тысячу человек одного представителя, поэтому когда выдвигали предложение одного представителя от солдат на каждую роту, имели в виду запасные полки, в которых роты были по 1.000 и более солдат. На деле же получи-

лось очень широкое представительство для солдат, так как многие воинские части и командиры, хотя и с малым числом солдат, все же посылали по одному, а иногда и более представителей. И получилось огромное число солдатских представителей, в котором рабочие совершенно потонули.

Дипломатические ухищрения Богданова оказались неспособными сломить настойчивое требование солдатской массы на представительство в Совет. Тогда для обработки солдат в оборонческом духе меньшевиками были брошены многочисленные силы. Б. О. Богданову и его коллегам оборонцам удалось настроить солдат против большевиков, особенно в «штатском», и на одном собрании, в одной из комнат Таврического дворца, мне, как большевику, солдаты не давали говорить, чему особенно радовались оборонцы-меньшевики.

Что же касается изменения правовых и бытовых условий казарменной, служебной и внеслужебной жизни солдат, то разработка необходимых мероприятий была поручена группе представителей гарнизона, взявшей на себя инициативу организации солдат. В этой группе солдат были товарищи, стоявшие на нашей точке зрения, как-то: Садовский, Падерин, Борисов и один матрос, фамилии которого не помню.

Сами мы мыслили внутреннюю организацию солдатской жизни по фабрично-заводскому типу. Выборность начальников мы поддерживали, но не делали из этого принципиального вопроса. В отношении изменения правовых норм, мы агитировали за отмену всех стеснений, связанных со словом «нижний чин», а равно и уничтожение самого названия «нижний чин». В этом направлении вели работу наши партийные товарищи. Солдаты особенно хорошо и доверчиво относились ко всем, кто носил серую солдатскую шинель, гимнастерку и сапоги. Одетых таким образом солдаты считали за своих и часто ошибались, попадали на удочки всяческим мобилизованным адвокатам, служившим в воинских канцеляриях и учреждениях, выбирали их как «своих» в Совет.

Государственная Дума и революция.

Уличные демонстрации, схватки рабочих с полицейскими и солдатами на центральных улицах Питера, всеобщая стачка, приостановившая всю промышленную, торговую и обще-

ственную деятельность в столице, сосредоточили внимание всего населения на борьбе рабочих с силами царского строя. Газеты не выходили. О том, что Государственная Дума распущена царским указом от 25 февраля, рабочее население не знало, да и не могло особенно интересоваться жизнью и деятельностью Государственной Думы, чуждой рабочему люду.

Отношение наиболее видных деятелей этой Думы, ее прогрессивного блока, к революционному рабочему движению было крайне враждебное и отрицательное. Всем рабочим было известно отношение П. Н. Милюкова к наметившемуся движению в начале февраля. Однако все попытки представителей прогрессивного блока отмежевать свою «оппозицию» от революционной позиции рабочего класса, перед лицом представителей дворянско-помещичьих, придворных клик, и полюбовно столковаться, потерпели неудачу, разбились о непримиримость дворцовой камарильи. Царское самодержавие, направляя вооруженные силы против восставших рабочих, одновременно задумало, под звуки барабанов и пулеметов на улицах, уничтожить и верноподданническую оппозицию в Государственной Думе. Этим актом царское правительство нейтрализовало часть даже своих сторонников и приподняло, в глазах политически мало сведущего населения, авторитет Государственной Думы.

Сообщение о роспуске Государственной Думы было получено 26 февраля. Экстренное заседание Совета Старейшин, созванного по этому случаю, постановило: «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах». Это было все, чем ответила Государственная Дума на вызов Николая II.

Положение на улицах в Питере было в то время еще неопределенное. Весь рабочий Питер был на улицах. Демонстрации были грандиозные. Воинских и полицейских сил было развернуто много, но все же их не хватало для подавления движения даже в центре города. Жертв было уже много, но исхода определить даже для этого дня было невозможно. Вечером рабочие покинули центральные кварталы, сами ушли из них, они не были выбиты силой штыков и пулеметов.

Неопределенность результата борьбы сегодня, неизвестность, что принесет завтрашний день, все это оказывало

свое действие на организованную буржуазию. Сделка с царизмом до восстания не состоялась, но возможности этой сделки могли быть после. Об этом говорят и те телеграммы, которые отправил председатель Думы М. В. Родзянко царю. Его первая телеграмма, после роспуска Государственной Думы, 26 февраля в Ставку, сообщала Николаю II:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

В этом обращении к царю ярко сквозит тревога буржуазии за будущее. Дана в нем и оценка революционного движения, которое характеризуется, как анархия, верх непорядка и только. Для борьбы с этой «анархией» нужно было «новое» правительство и г. Родзянко требует его. Свое верноподданническое ходатайство председатель Государственной Думы сопроводил предупредительными телеграммами к командующим армиями генералам: Брусилову, Рузскому, прося их поддержать перед царем его предложение. Но, несмотря на давление генералитета, царь не сдавал позиции.

Вторая телеграмма тем же М. В. Родзянко была отправлена утром 27 февраля: «Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

Тот момент, когда восставшие рабочие братались с солдатами, момент, решавший революцию, у г. Родзянко зафиксирован в телеграмме, как «Положение ухудшается». Это было верно по отношению к Николаю Романову, но обратное было для восставших трудящихся масс. С этого момента положение революции стало непобедимым.

Со стороны Государственной Думы и ее прогрессивного блока не было сделано ни одного шага, даже ни одного простого жеста поддержки восставших, поддержки движения. Одна мысль объединяла зубров 4 созыва, это страх перед революционным народом, и этот страх побуждал Думских

деятелей буржуазии искать соглашения с царизмом. Это соглашение против народа не состоялось не по вине буржуазии. Она сделала в первые дни все, что могла, для сохранения царской монархии.

Поворот Государственной Думы по отношению к революционному движению, своеобразное признание членами Государственной Думы революционного переворота совершилось уже тогда, когда революционные рабочие и солдаты разбили главные силы своих врагов, и победа революционного движения была обеспечена. Сама Государственная Дума, порождение царской монархии, умерла одновременно с ней.

Члены распущенной Государственной Думы собрались 27 февраля под председательством М. В. Родзянко, но уже на «частное совещание». Они не посмели отвергнуть указ своего коронованного повелителя, объявить его низложенным. Эти шаги были слишком революционны для них. На этом совещании господа члены Государственной Думы больше всего заботились о «порядке и спокойствии». В целях установления этого порядка и спокойствия было выдвинуто предложение о создании Временного Комитета Государственной Думы. Выбор этого Комитета был поручен Совету Старейшин. Выборы состоялись в тот же вечер. Официальное сообщение, помещенное в «Известиях»—органе комитета Думских журналистов, гласило, что создан Комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами. В состав Временного Комитета вошли: 1) М. В. Родзянко, 2) Н. В. Некрасов, 3) А. И. Коновалов, 4) И. И. Дмитрюков, 5) А. Ф. Керенский, 6) Н. С. Чхеидзе, 7) В. В. Шульгин, 8) С. И. Шидловский, 9) П. Н. Милюков, 10) М. А. Караулов, 11) В. Н. Львов, 12) В. А. Ржевский.

В ту же ночь на 28 Комитет окончательно сформировался с дополнением 13-го члена, полковника Энгельгардта. От имени этого Комитета появились два воззвания к населению Петрограда. Первое воззвание обращалось к жителям города с призывом щадить государственные, общественные учреждения, фабрики, заводы, а также всякое имущество.

Второе воззвание Комитета, напечатанное в 1 номере «Известий Совета Рабочих Депутатов», носило характер Правительственной декларации. Его ближайшие задачи были определены в нем следующим образом: «Временный Комитет чле-

нов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Это воззвание в тогдашних условиях развития революции было первой попыткой буржуазии заявить свои права на самодержавное наследство. Не достигну в желанного соглашения с царем, прогрессивный блок, переменивший вывеску, оказался «вынужденным» взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Эта вынужденное была удобной, хитрой классовой маскировкой, сыгравшей крупную роль в деле создания первого Временного Правительства. Среди социалистов того времени было немало беспокойства по поводу того, что буржуазия «не хочет взять власти».

Организованный Комитет Государственной Думы повел энергичную работу, в направлении сплочения около себя буржуазных организаций и представителей командного состава армии и флота. Для популяризации себя и своей работы среди революционного населения, Комитет получил и печать в виде «Известий», выходивших в первые дни под фирмой «Комитета Петроградских журналистов». Кроме того, его лидеры П. Н. Милюков и М. В. Родзянко выступали перед, приводимыми к Таврическому дворцу, полками, призывая их слушать и повиноваться Комитету Государственной Думы.

Первые два дня, представители Комитета Государственной Думы были монопольными ораторами для солдат, приводимых к Таврическому Дворцу или вводимых в Екатерининский зал. Речи членов Комитета Государственной Думы не блестели красноречием, были не глубоки по мысли, но характерны по существу. Солдаты приходили к Государственной Думе, как центру революции. Им всячески пытались внушить, что Дума боролась за «права народа» и что теперешние вожди ее Комитета являются настоящими друзьями народа.

Очень часто в эти первые дни мне приходилось видеть выступления членов Государственной Думы, членов их Ко-

митета, слышать, хотя и мимоходом, их речи. То были не обычные собрания граждан, рабочих и солдат. Нет, это были различные воинские части, в большинстве гвардейские части, приходившие во дворец со своими знаменами, с музыкой, стройными рядами, в ногу. Митинг открывался под команду «смирно» и который-нибудь из «старых солдат», преимущественно М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, вкупе с А. И. Гучковым, В. Н. Львовым брал на себя выступление с приветствиями, пожеланиями, непременными предложениями поддерживать Комитет Государственной Думы.

Два мотива красной нитью проходили в речах прогрессивного блока, каждый был приспособлен и поучителен для слушателей, один для офицеров и другой для солдат. Так в речи будущим офицерам-артиллеристам, юнкерам Михайловского артиллерийского училища, М. В. Родзянко, приветствовал их приход к Государственной Думе и видел в нем «желание помочь усилиям Государственной Думы водворить порядок в том разбушевавшемся море беспорядка»... «Я приветствую вас еще и потому, что вы — молодежь, основа и будущее счастье великой России». Тут же предлагалась и программа действий: «Сейчас надо найти друг друга, найти своих офицеров и ждать приказаний Временного Комитета Государственной Думы. Это единственный способ победить».

Тот же М. В. Родзянко, приветствуя пришедших лейб-гренадер, предлагает им поддержать «традиции доблестного Российского полка», слушаться офицеров, «ибо без начальников воинская часть превращается в толпу, неспособную водворить порядок».

К офицерам того же полка г. Родзянко обращается иначе, от них он ожидает помощи... «Вы должны помочь нам организовать власть, которой бы доверяла страна».

К солдатам—призывы к послушанию, дисциплине, согласия к начальникам. Одно и то же, на десятки различных ладов. «Я прошу вас подчиниться и верить вашим офицерам, как мы им верим», говорил г. Родзянко «православным воинам»—преображенцам. «Возвращайтесь спокойно в ваши казармы, чтобы по первому требованию явиться туда, где вы будете нужны».

Гораздо более содержательными были речи кадетского лидера П. Н. Милюкова. В своих выступлениях г. Милюков

ставил ребром вопрос о власти. Утром 28 февраля в офицерском собрании Первого Запасного полка, П. Н. Милюков выступил с речью, в которой заявил, что «в настоящий момент есть единственная власть, которую все должны слушать, это Временный Комитет Государственной Думы. Двоевластия быть не может». Относительно недопустимости «двоевластия», начали говорить на другой день после организации буржуазного центра Комитета Государственной Думы и центра «революционной демократии», Совета Рабочих Депутатов. Взаимоотношения между этими центрами не были определены и оба выступали в первые дни, как органы власти. Буржуазия понимала и видела в Совете Рабочих Депутатов своего классового противника и конкурента на власть.

В той же речи г. Милюков следующим образом определял задачи Комитета—«восстановить порядок и организовать власть, выпавшую из рук старого правительства. Для этого Временному Комитету необходимо содействие военной силы, которая не должна действовать разрозненно, а в том организованном виде, в каком он видит эту часть»... Обращаясь к солдатам того же полка, г. Милюков особенно внушительно подчеркивал, как «необходимо быть солдатам в данный момент вместе с офицерами, которые пойдут об руку с Государственной думой». Кроме того, г. Милюков заявил, что они должны подчиняться исключительно приказаниям, которые исходят от принявшего на себя обязанности начальника Петроградского гарнизона, члена Государственной Думы, полковника Энгельгардта.

«Найдите своих офицеров, которые стоят под командой Государственной Думы и сами станьте под команду», предлагал г. Милюков собравшимся в Екатерининском зале лейб-гренадерам. Эти постоянные призывы подчиняться офицерам, слушать их, вносили глубокое смущение в солдатскую среду. В моменты переворота очень немногие офицеры оставались вместе с солдатами. Большинство Питерского офицерства сбежало из казарм, попряталось и не хотело итти нога в ногу с солдатами. Кроме того, среди офицеров было много явных врагов переворота и немало ненавистных солдатам за грубое бесчеловечное отношение к ним. Многих подобных офицеров солдаты сами изгнали из казарм. Солдаты слушали речи гг. Родзянко, Милюкова и прочих советников, даже кричали

ура, но, приходя в казарму, не могли мириться с огульным возвращением офицеров. Тех, которые были с ними в эти решающие часы и дни, они помнили, доверяли им и ценили их, но значительную долю других они встречали как своих врагов и поступали с ними, как с врагами народа.

В советах П. Н. Милюкова и М. В. Родзянко была незамысловатая политика, имевшая целью обработку солдат авторитетом Государственной Думы и революции, подчинение их своему влиянию и закрепление этого влияния через командный состав. Со стороны Совета и Исполнительного Комитета не было никакой попытки борьбы с той пропагандой, которую вели члены Государственной Думы. Порою с той же трибуны, вслед за г. Милюковым или г. Родзянко выступали и социалисты, А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе, но их речи были того же либерального покроя.

Нередко речи господ из прогрессивного блока умершей Государственной Думы были явно и грубо шовинистическими, пропитанными империалистскими аппетитами. «Мы должны разделаться с немцем внешним и покончить с немцем внутренним». Так определил г. Милюков «революционные» задачи власти в области внешней и внутренней политики.

Некоторые члены Исполнительного Комитета, разделявшие «интернационалистские» положения, возмущались агитацией Комитета Государственной Думы. Я же поставил своей задачей найти подходящего человека для постоянной агитации среди солдат, прибывающих в Таврический Дворец. Это дело тогда представлялось очень серьезным, так как была опасность провокации со стороны противника. Некоторую работу среди солдат, представителей полков, вел П. Залуцкий, но его раобта была иная. Он подталкивал солдат к организации в Совет. Для агитации желателен был военный человек, которому, как мы наблюдали, солдаты доверяли больше, чем штатскому. Такой человек скоро нашелся и по внешности подходил вполне. Это был солдат М. Лашевич, обтрепанный и корявый.

Одновременно с обработкой армии, ее командного состава, Временный Комитет Государственной Думы решил овладеть и остальными механизмами государственной власти. Решением этого Комитета от 28 февраля во все министерства были направлены особые комиссары, члены Государственной

Думы. В № 4 «Известий» думских журналистов был опубликован следующий список назначенных комиссаров: Министерство Внутренних Дел: 1) Гр. Д. И. Капнист, 2) А. М. Масленников, 3) И. Н. Ефремов, 4) М. И. Арефьев. Почта: 5) А. А. Барышников, 6) К. К. Черносвитов. Телеграф: 7) И. Н. Гронский, 8) М. Д. Калугин. Министерство Военное и Морское: 9) Н. В. Савич, 10) А. П. Саватеев. Петроградское Градоначальство: 11) Н. В. Герасимов, 12) В. Н. Пепеляев. Министерство Земледелия: 13) Н. К. Волков, 14) И. П. Демидов, 15) Кн. Васильчиков, 16) Гр. Капнист 1-й. Министерство Юстиции: 17) В. А. Маклаков, 18) М. С. Аджемов, 19) В. Н. Басаков. Министерство Торговли и Промышленности: 20) С. И. Родзянко, 21) Н. А. Ростовцев. Министерство Финансов: 22) В. А. Виноградов, 23) И. В. Титов. Сенат: 24) Н. В. Годнев.

Таким образом, состоялся организационный подход буржуазии к овладению государственной властью. Разговоры о составе фактического, «именного» правительства начались в тот же день, но уже после назначения Комитетом своих комиссаров. Какое действительное участие в переговорах и решениях Комитета Государственной Думы принимали социалисты А. Ф. Керенский и Н. С. Чхеидзе, Исполнительному Комитету подлинно не было известно.

В Петербургском Комитете нашей партии.

В первые дни своей открытой деятельности Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков) нашел себе пристанище в центральной городской бирже труда, на Кронверкском проспекте. Ее заведующий. т. Михайлов (Политикус) предложил Петербургскому Комитету свои услуги для партийной работы, а равно предоставил в распоряжение организации и помещение биржи труда.

Члены нелегального Петербургского Комитета последней формации в большинстве были арестованы утром 26 февраля. После разгрома тюрем и участков 27-го февраля они быстро начали разыскивать друг друга и во вторник 28-го февраля Петербургский Комитет начал приступать к работе.

Первой и неотложной задачей Петербургский Комитет поставил стягивание и сплочение вокруг организации прежде всего кадра своих старых работников. Их было много разбросано по фабрикам, заводам и учреждениям, а также освободилось от сидки в тюрьмах. Время было горячее, надо было действовать быстро и решительно, чтобы не оказаться позади событий.

В Петербургском Комитете я нашел К. И. Шутко, В. Шмидта, Михайлова, а также целый ряд представителей районов и солдат, членов партии, пришедших из Ораниенбаума со своим гарнизоном на помощь столичным рабочим. Товарищ из Ораниенбаума, раненый в ногу, рассказывал различные эпизоды из «Похода на Петроград», картинно изображая движение солдат, охваченных революционным порывом.

Вскоре информационный разговор об отдельных эпизодах борьбы последних дней был прекращен и товарищи перешли к беседе о состоянии партии и ее ближайших задачах. Некоторые из присутствовавших товарищей были в тот день на заседании Совета и были удивлены тому, что видели очень мало членов нашей партии. Наше Бюро Центрального Комитета в этот день имело уже свой «явочный стол» в Таврическом дворце и служило справочным местом для всяческих партийных нужд. Однако среди членов Совета мы в этот день насчитывали очень мало членов нашей партии. Присутствовавшие на собрании в помещении Петербургского Комитета пытались выяснить причины, которые привели к такому положению. Во время подполья, вплоть до самых последних дней восстания, наша организация была наиболее мощная из всех других, работавших тогда нелегально. Поэтому все были очень поражены слабостью представительства в Совете и искали этому объяснения. Некоторые товарищи высказывали предположения, что слабое представительство наших районных организаций в Совете произошло потому, что наиболее передовые и решительные члены партии были увлечены всякого рода боевой работой и, в пылу увлечения, не заботились о выборах. Другие объясняли нашу слабость тем обстоятельством, что арестами 26-го февраля нарушено было партийное руководство районами и выборы шли неорганизованно. Все выступавшие товарищи искали объяснений, главным образом, в организационной стороне дела. Из этих предположений де-

лались выводы, которые также шли по линии совершенства организационной связи, и предложения о привлечении к работе всех активных членов подпольных организаций. Объяснения товарищей и их практические выводы мне казались очень однобокими и недостаточно продуманными. Нужно было внимательно отнестись к создавшемуся, в результате переворота, положения дел в Питере, учесть не только наши организационные недочеты, но подойти и к оценке наших лозунгов и приемов агитации в совершенно иной, чем это было всего лишь два дня назад, обстановке. Революция всколыхнула самые дремучие низы, призвала их к активности, втянула в битву солдатскую массу, разночинную интеллигенцию и даже обывателя. Таким путем движение, начатое как пролетарское и под пролетарскими и революционными «народными» лозунгами, по мере своего расширения, принимало все более и более «общенародный характер». И наши ближайшие задачи не могли быть только организационными. Обмен мнений на эту тему грозил затянуться, мне же, как и многим другим, не было в этот час времени и мы предложили Петербургскому Комитету собрать своих активных работников 1-го марта вечером, в Бирже Труда, на котором поставить один вопрос о наших ближайших задачах, обещая выступить с докладом на эту тему.

На заседании Районного Совета.

Из Петербургского Комитета я направился на Выборгскую сторону, в здание больничной кассы завода Старый Парвиайнен. Помещение кассы было наполнено рабочими района. Откуда-то привозили оружие и тут же происходило его распределение.

Меня провели в небольшую комнату, в которой происходило совещание представителей от заводов и фабрик Выборгской стороны. В порядке дня стояли различного рода вопросы об организации революционной власти на Выборгской стороне. Мне предложили сделать доклад о работе Исполнительного Комитета Петроградского Совета. В своем докладе я информировал товарищей о проделанной Исполнительным Комитетом работе, указав, что крупные вопросы, как организация власти и ее программа, еще не обсуждались. Наше отношение к вла-

сти и ее ближайшие задачи были намечены в Манифесте Центрального Комитета, который был уже в тот день роздан всем делегатам.

Из всей деятельности Исполнительного Комитета первых двух дней вопрос о вооружении рабочих, об организации рабочей милиции, был наиболее популярным. В эти дни все прекрасно понимали, что каждая винтовка в руках пролетария является наилучшим способом защиты революционных завоеваний.

Интересовались собравшиеся участью Николая II. Все знали, что он находится в ставке и предполагали, что ведет подготовку движения войск на подавление «мятежного Петрограда». В Исполнительном Комитете Совета не было еще известий о том, что бывший всероссийский самодержец покинул ставку. Все делегаты высказывали пожелания, чтобы вся царская семья была немедленно изолирована, арестована и вместе с Николаем II предана суду революционного народа.

Затронули товарищи выборжцы и вопрос о том, каков должен быть у нас политический строй. По этому вопросу мнение рабочих было единодушное: таким желанным строем должна быть Демократическая Республика, с выборностью всех правительственных должностей. В этом единодушии не было ничего удивительного. Единомыслие по этому вопросу было результатом десятилетий социал-демократической пропаганды.

После моего доклада и вызванных им вопросов и обмена мнений, приступили к делам организации власти в Выборгском районе. Организация новой власти началась здесь, как и в других местах, с установления порядка, в самом «широком» смысле этого слова, разумея охрану личности и имущества. Для этой цели с утра 28-го февраля был организован Милиционный Комитет, которому передана была вся гражданская власть в районе. Во главе милиции, состоявшей из рабочих, был поставлен товарищ Дюмин (рабочий, кажется, с металлического завода).

Силами Милиционного Комитета и рабочими организациями была взята и пущена маленькая типография. О своем возникновении Милиционный Комитет поставил в известность всех граждан путем расклейки особого «воззвания», написанного, как мне помнится, товарищем Дюминым.

В соседнем «Лесном районе» организация власти находилась в руках рабочих завода Айваза, а также активных студентов Политехнического Института. Институт в эти дни был центром всех организаций, в нем происходили митинги и собрания партийных организаций.

Первое марта.

Утро первого марта ознаменовалось чрезвычайным волнением Петербургского гарнизона. В Исполнительный Комитет Совета с раннего утра прибывали представители различных воинских частей, заявивших целый ряд протестов и жалоб на действия возвратившихся в казармы офицеров. Среди всех сетований особенно характерное было одно, принявшее всеобщий характер и выражавшееся иногда шумно: «нас разоружают».

На двенадцать часов дня было назначено заседание Совета, пока все еще Рабочих Депутатов, но с представителями от воинских частей. Однако, ввиду большого наплыва воинских делегатов, Исполнительный Комитет уполномочил ряд своих членов и поручил организовать особое совещание солдат, на котором выяснить создавшееся положение.

На этом собрании было установлено, что благодаря агитации и прямым распоряжениям Комитета Государственной Думы, его призывам к «дисциплине, порядку» и безусловному подчинению офицерам, возбуждение в казармах достигло высшего напряжения и могло вылиться в избиение офицеров. Сами офицеры, привыкшие к точному и неуклонному исполнению приказов и устава, не поняли, что вместе с царизмом пали и все его уставы и приказы, обезличивавшие солдата-человека. У многих офицеров не оказалось даже элементарного такта по отношению к своим подчиненным. В некоторых частях командный состав неодобрительно относился к «самочинному» захвату солдатами оружия. Солдаты быстро поняли все это, как наступление враждебных им сил и понесли свои беспокойства в Исполнительный Комитет.

Военная Комиссия также отозвалась на беспокойное состояние гарнизона, выпустила объявление, за подписью председателя, члена Государственной Думы Энгельгардта, в котором указывалось, что слухи о разоружении солдат офицерами,

по проверке, оказалось ложными. В то же время предупреждало офицеров, что если ими будут допущены подобные случаи, против них будут приняты самые решительные меры, вплоть до расстрела.

Поведение Комитета Государственной Думы вызвало большое недовольство среди членов Исполнительного Комитета. Предстоящее заседание Совета решили посвятить целиком солдатским вопросам. Члены Исполнительного Комитета пытались выяснить у Н. С. Чхеидзе и у А. Ф. Керенского подлинные намерения Комитета Государственной Думы, а также их личное отношение ко всем приказам и воззваниям, исходящим от того же Комитета, загоняющим солдат под прежнее иго бесчеловечной и противународной дисциплины, но ничего толкового не получили в ответ.

Заседание Совета открылось с некоторым запозданием. На заседание прибыло уже значительное количество депутатов от воинских частей. В виду присутствия вновь избранных представителей в Совет, от имени Исполнительного Комитета был сделан информационный доклад об организации Совета и наметившихся взаимоотношениях между Исполнительным Комитетом и Комитетом Государственной Думы. По докладу прений не было, тотчас же перешли к обсуждению волновавшего всех солдатского вопроса. Наметили план обсуждения, установили такой порядок:

1) отношение солдат к возвращающимся офицерам;

2) о выдаче оружия;

3) о Военной Комиссии и пределах ее компетенции.

По всем этим вопросам было предоставлено слово многим представителям гарнизона. Накипевшее возмущение выливалось в криках негодования по отношению к Комитету Государственной Думы. Однако, благодаря предварительному обсуждению частью представителей от солдат всех вопросов солдатского положения, заседанию был предложен на обсуждение ряд практических мероприятий. Таким путем заседание Совета не расплылось в простых изливаниях горечи, а обсудило и наметило ряд конкретных мер.

Поведению Комитета Государственной Думы, который организовал и поддерживал офицерство полностью, безо всякой чистки, который под личиной дисциплины гнал солдат под прежнее ярмо и бесконтрольную власть офицеров, на-

шую достойную оценку и отповедь. Один выступавший товарищ охарактеризовал поведение Временного Комитета Государственной Думы угрожающим по отношению к революционному войску. Позиция Комитета Государственной Думы в солдатском вопросе была явно контр-революционная. В некоторых выступлениях солдат этот анти-революционный момент был отмечен, но характерно то, что со стороны самого Исполнительного Комитета, вернее его большинства, не было дано должной оценки действиям Комитета Государственной Думы.

После длительного и горячего обсуждения были приняты следующие положения:

1) Солдаты не выдают оружия никому.

Этот пункт имел в виду имевшие место попытки отобрать у воинских частей приобретенное ими «захватным путем» (из цейхгаузов своих частей, а также из арсенала и у полиции) оружие: винтовки, револьверы, пулеметы. Попытки эти были в замаскированном виде, как возвращение в склады или тем частям, от которых оно было отобрано.

2) Солдаты выбирают своих представителей в Совет по одному на роту.

3) В своих политических выступлениях солдаты подчиняются только Совету.

4) Подчинение солдат офицерам должно быть только во фронте (т.-е. во время занятий). Вне фронта (службы), солдаты и офицеры являются равноправными гражданами.

5) Воинские части подчиняются распоряжениям Военной Комиссии до той поры, пока эти распоряжения не расходятся с постановлениями Совета.

Принимая эти решения, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов становился на путь конфликта с Комитетом Государственной Думы. Принятые положения были переданы Исполнительному Комитету для более подробной обработки и опубликования.

На этом же заседании Совета были избраны представители от солдат в Исполнительный Комитет, с оговоркой: «временно на три дня». В этот срок предполагалось закончить выборы депутатов в Совет от всего гарнизона и тогда, на более крупном собрании, произвести выборы от солдатской части в Исполнительный Комитет.

Первыми представителями солдат в Исполнительный Комитет были избраны следующие товарищи: 1) Садовский, 2) Падерин, 3) Баденко, 4) Линде, 5) Соколов (матрос), 6) Кудрявцев, 7) Борисов, 8) Климчинский, 9) Барков, 10) Ваkуленко.

В Военной Комиссии Государственной Думы в этот день произошли некоторые изменения. Согласно постановления Временного Комитета Государственной Думы, полковник Энгельгардт был назначен начальником Петербургского гарнизона, а на пост председателя Военной Комиссии был поставлен А. И. Гучков. О своем назначении он известил «приказом», кроме того в тот же день отдал следующее распоряжение:

Приказываю:

1) Всем командирам отдельных частей ежедневно к двенадцати часам доносить мне о наличном составе частей и их состоянии.

Первое донесение представить к 18 часам второго марта в *Государственную Думу.*

2) Всем командирам частей представить мне списки офицеров, вернувшихся к исполнению своих обязанностей.

3) Завтра второго марта начальникам Главных Управлений Военного Министерства начать правильные занятия в Управлениях, Штабах и во всех заведениях.

4) Распространить среди г.г. офицеров и нижних чинов прилагаемые при сем воззвания *председателя Государственной Думы.*

5) Районным начальникам, кроме общего наблюдения за порядком в своих районах, назначить особые посты, коим, находясь в определенных им пунктах, принимать решительные меры к прекращению беспорядков.

6) Никоим образом не допускать отбирания у офицеров оружия, нужного им при несении своих обязанностей по службе.

Настоящее распоряжение касается как оружия носимого офицерами на улице, так и находящегося у них на квартире их.

7) Моим помощником назначается генерал-майор *Потапов.*

Председатель Военной Комиссии *А. И. Гучков*».

Комитет Государственной Думы принимал различные меры к тому, чтобы вернуть офицерство в казармы. Ведя агитацию среди солдат в пользу соглашения их с офицерами, члены Комитета издали особый «Приказ», которым предлагали офицерам «явиться 1 и 2 марта в зал Армии и Флота для получения удостоверений на повсеместный пропуск и точной регистрации, для исполнения поручений Комиссии по организации солдат, примкнувших к представителям народа для охраны столицы». Тот же приказ предупреждал, что «промедление явки г.г. офицеров к своим частям неизбежно подорвет престиж офицерского звания». Под этим приказом-воззванием была помещена подпись «Председатель Государственной Думы М. Родзянко». Очевидно авторитет Комитета Государственной Думы был недостаточен.

От имени офицеров было выпущено воззвание к солдатам, которое уверяло, что «свобода родины нам дороже всего». Составленное в вульгарном тоне, спекулировавшее на борьбе с немцем и на общности интересов солдат и офицеров, стремлений к победе «над врагом, как на фронте, так и внутри России», листок этот успеха среди солдат не имел, хотя и носил на себе печать «Государственной Думы».

В Исполнительном Комитете.

Приказ номер первый.

Заседания Исполнительного Комитета в этот день начались с раннего утра и, с небольшими перерывами по приему делегаций и всякого рода просителей и ходоков, продолжались весь день. Когда настало время открытия заседания Совета, туда была направлена часть членов Исполнительного Комитета для открытия и проведения. При этих посылках членов Исполнительного Комитета для проведения заседаний Совета, оборонческие элементы действовали сплоченно, не доверяя никаких выступлений членам Исполнительного Комитета с «большевистскими» уклонами.

После обсуждения в Совете вопроса о правах солдат и организации гарнизона, все принятые решения были принесены в Исполнительный Комитет для окончательной обработки и редактирования. Всему наличному составу членов

Исполнительного Комитета пришлось еще раз обсудить все выдвинутые предложения. Политически вопрос стоял о том, кто должен опираться на революционный Петроградский гарнизон: революционная демократия, организованная в Совете, или же буржуазия, организованная вокруг Комитета Государственной Думы. Опыт показал, что согласованная работа обоих этих органов в армии невозможна. Буржуазия не хотела лишиться тех привилегий, которые она и ее дети имели в армии. Она не выражала никакого желания хоть кое-как почистить ряды командного состава, ограничившись по отношению к офицерам требованием формального признания власти Комитета Государственной Думы. Отношение Комитета Государственной Думы к солдатам было столь возмутительное, что даже наиболее покладистые оборонцы, как Богданов (от меньшевиков), высказывались за необходимость положить конец двусмысленным выступлениям Комитета.

После обмена мнений по существу предложенных мероприятий по организации казармы и обеспечению прав солдата, решили объединить в одно целое и опубликовать в виде приказа. Составление и редактирование приказа поручили группе товарищей, членов Исполнительного Комитета, работавших в Военной Комиссии, и солдат, делегированных в Исполнительный Комитет.

Всякий раз, когда я вспоминаю происхождение приказа номер первый, передо мною ярко развертываются некоторые моменты из заседания Исполнительного Комитета в тот день. Это дело было как раз в тот же день, когда мы перебрались в другую комнату, занятую когда-то Финансовой Комиссией Государственной Думы. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, заседали члены Комитета. На одном из концов стола, с листом бумаги в руках сидел глубоко штатский человек, Н. Д. Соколов, окруженный представителями от солдат, среди которых помню: А. Падерина, Садовского, В. Баденко, Ф. Линде, диктовавших Н. Д. Соколову параграфы приказа. Остальные члены Исполнительного Комитета не вмешивались в их техническую работу, выжидая, когда приказ будет закончен и целиком поставлен на обсуждение.

Частенько в группе возникали споры, тогда все вставали, переходили к окну, выходящему в запушенный снегом сад,

садились у окна и вновь продолжали писать. Наконец, приказ готов, предложен Исполнительному Комитету.

Н. Д. Соколову предлагается зачитать. Торжественно и внятно читает Николай Дмитриевич приказ, приковывая внимание всех к его содержанию. Приказ имел восемь разделов, обнимавших совокупность всей жизни солдата, как в казарме, так и вне ее, вне службы. Ни одного принципиального возражения не было высказано в этот день. Казалось, что все правильно, права солдата ограждены. Так был принят в Исполнительном Комитете знаменитый приказ номер первый. Той же группе товарищей предложили провести его и на собрании Совета, еще не разошедшегося, хотя время было под вечер.

Солдаты и рабочие заслушали приказ в торжественной тишине. Нужно было видеть лица солдат, чтобы понять, какое революционное значение имел тогда этот приказ. Гул одобрения, как будто гигантский вздох облегчения, раздался в душных, набитых комнатах Совета. Солдаты были вне себя от восторга. Предаваться наблюдениям было некогда, и я вернулся снова в комнату Исполнительного Комитета.

На другой день «*Приказ номер первый*» появился в «Известиях Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», № 3 от 2 марта [1]).

---

[1]) Вот полный текст этого приказа:

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных служб разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

Значение этого приказа было огромное. Действие его на буржуазные круги и командный состав было убийственное. Комитет Государственной Думы и все буржуазные организации отнеслись к нему с ожесточением и негодованием. Для его опровержения было написано много воззваний, приказов и всяческих «поправок», но никакими мерами вытравить его не удалось. Большинство Исполнительного Комитета, под давлением возмущения буржуазии, начало бить отбой. И впоследствии не мало было заседаний, на которых выплывал приказ номер первый, вызывая споры.

Появление этого приказа внесло значительное успокоение в ряды разбушевавшейся солдатской массы. В этом приказе солдаты получили все необходимые им указания, как организовываться в политическую силу, как устроить свой быт внутри казармы. Этот же приказ резко оттенил недоверие к офицерскому составу петроградского гарнизона. Вся его деятельность стала под общественный контроль ротных, батальонных, полковых и других комитетов, избранных самими солдатами.

---

4. Приказы Военной Комиссии Государственной Думы следует исполнять за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Сов. Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВЫДАВАТЬСЯ ОФИЦЕРАМ даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Буржуазные круги и высший командный состав своим отрицанием и пренебрежением к приказу номер первый только способствовали его популярности. Солдаты, самые широкие армейские низы, приняли приказ, как манифест об освобождении от гнуснейших сторон милитаристического ига. Действие его распространялось далеко за пределы петроградского гарнизона. Приняв этот приказ, Исполнительный Комитет разом завоевал доверие солдатских масс и сдунул, как ветер былинку, все агитационные махинации Комитета Государственной Думы.

Приказ помечен номером первым вполне сознательно. Солдаты высказывали соображения, что впереди еще возможны случаи, когда Совету придется издавать приказы помимо обычной командной линии. Никто из членов Исполнительного Комитета в тот день не посмел возражать по существу предложений солдат, никто не высказывал сомнений относительно приказов по войскам в будущем. Атмосфера борьбы еще не улеглась, поэтому многие предложения боевого характера проходили в эти дни сравнительно единодушно.

О Николае II и его семье.

Одновременно с солдатским вопросом обсуждался в Исполнительном Комитете и вопрос о царе. Утром было получено сообщение о прибытии царских поездов на ст. Псков. Одновременно же было указано, что принятыми мерами поезда задержаны. От имени Комитета Государственной Думы поступило предложение разрешить составить поезд для поездки к царю. Железнодорожные власти, к которым обратился Комитет Государственной Думы, предложили ему принести разрешение от Совета, постановление которого им было необходимо для столь ответственного дела.

Исполнительный Комитет отнесся весьма недоверчиво к желанию членов Думы поехать к царю. Все выражали соображения, что Комитет Государственной Думы, посылая к царю свою делегацию, способен на закулисную сделку с монархией. Исходя из этих соображений, Исполнительный Комитет отклонил просьбу Комитета Государственной Думы.

После этого перед Исполнительным Комитетом стал вопрос о судьбе самого Николая II и наиболее видных членов

его семьи. В прениях все соглашались в том, что пребывание Николая II на свободе недопустимо, что он неизбежно будет центром объединения контр-революционных сил. Мы высказывались за изоляцию всего дома Романовых, смещения с военных и прочих постов великих и малых князей. С этим соглашались все, но «пока что» решили принять меры изоляции только против Николая II и его семьи. Группе членов Исполнительного Комитета, из которых помню одно имя, К. А. Гвоздева, было поручено произвести арест царя и его семьи.

Отказ Исполнительного Комитета дать поезд членам Думы не помешал последним отправиться к Николаю II. Тогда же сообщалось, что они направились туда на автомобилях. События опередили ту группу членов Исполнительного Комитета, которой был поручен арест Николая.

Сдача власти.

Еще вечером 28-го февраля в Исполнительном Комитете в частном порядке велись разговоры об организации всероссийской власти, о составе правительства. Утром первого марта эти разговоры приняли уже определенную форму. Комитет Государственной Думы «взял на себя» почин организации правительства. Некоторые члены Исполнительного Комитета, как, например, Н. Суханов, Н. Д. Соколов, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, держали весьма тесную связь с Комитетом Государственной Думы и служили не только передаточным звеном между организацией буржуазии и революционной демократией, но и проводниками многих «пожеланий» буржуазии в самом Совете. Они принесли сообщение, что буржуазные партии решили, наконец, осчастливить революцию и взять власть в свои руки. Особенно волновался и радовался этому событию Н. Суханов.

К моменту обсуждения вопроса о характере и составе власти, положение в крупнейших городах, а особенно в Петербурге и в Москве, уже определилось. Революционное движение протекало в них настолько быстро и могуче, что никто не ожидал более каких-либо серьезных контр-революционных сюрпризов, попыток стать на сторону романовской монархии. Революция развивалась закономерно и со-

вертелась по всей стране буквально с телеграфной скоростью. Старая самодержавная власть низвергнутая в центре, легко свергалась на местах. Власть выпала из рук старого правительства, говорил Милюков еще 28-го. Она не просто «выпала», а была выбита восставшим народом. Восставшие рабочие и солдаты не ждали, пока найдется добрый молодец, чтобы поднять эту «выпавшую власть», а забирали ее в свои руки, правда, не всегда сознательно, не всегда организованно, но в этом направлении шло дело.

Первые заседания Исполнительного Комитета, как 27-го, так и в следующие дни, были заседаниями органа власти революционной демократии. И казалось, что те лозунги, которые были выдвинуты нами в манифесте Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии о Временном Революционном Правительстве, получают свое выражение в действиях и намерениях Исполнительного Комитета. Наш манифест и его лозунги в те дни не только никем не опровергались, но даже и распространялись органом Совета. Поэтому мы встретили все разговоры о составе власти из недр Государственной Думы, как сдачу занятых революционной демократией позиций.

Вопрос о власти в виде предложения Комитета Государственной Думы был поставлен в порядок дня заседания Исполнительного Комитета еще днем, но ряд, как всегда, «неотложных» вопросов оттеснил обсуждение его на самый конец. В течение дня было несколько попыток всесторонне обсудить создавшееся положение и принять решение по существу предложений Комитета Государственной Думы.

На заседаниях Исполнительного Комитета в этот день участвовало уже не менее двадцати членов. Протоколы заседания велись отрывочно, кажется, с.-д. меньшевиком Капелинским. До обсуждения вопроса о власти, среди членов Исполнительного Комитета в предварительных беседах уже наметились три основных линии: первая—социалисты не могут взять власти в эпоху буржуазной революции, вторая—поддерживаемая оборонцами—социалисты должны войти в соглашение с буржуазией и принять участие в правительстве, и, наконец, третья—позиция тогдашних с.-д. большевиков, предлагавших взять дело управления страной в руки революционной демократии, путем выделения Времен-

ного Революционного Правительства из состава большинства Совета.

Выступал с видом государственного человека, свободного от партийной «узости», Н. Суханов, предупреждая Исполнительный Комитет и, особенно кивая в нашу сторону, что наша агитация может отпугнуть буржуазию, и она не согласится взять власть. Из этого он делал вывод: не обострять отношений с Комитетом Государственной Думы, не вести «левой» (то-есть нашей) анти-думской и анти-военной агитации, иначе дело революции погибнет. Все эти пошленькие мысли сопровождались ссылками на то, что он все время войны был интернационалистом, сам разделяет наши взгляды, но считает агитацию за них преждевременной.

Социал-демократы меньшевики из Инициативной Группы, как Гриневич, высказывались пространно, пытаясь обосновать марксистски недопустимость участия социалистов в... буржуазном правительстве. В общем, все «социалистические» говоруны того времени рассуждали так: наша революция—буржуазная. В ее задачи входит освобождение страны от остатков феодализма, разрешение земельного вопроса и установление политических свобод. Эти задачи должна и сможет выполнить сама буржуазия. Социалисты же своим участием во власти могут повести к распространению в рабочих массах иллюзий социалистического характера, затем разочароваться, увидя, что их желания не получают удовлетворения, и что напуганная красным призраком буржуазия, откажется от ведения всех дел.

Немного было нас, членов Исполнительного Комитета, разделявших взгляды революционной социал-демократии о социальном составе Временного Революционного Правительства и о задачах социалистов в нашей революции. Из числа членов Исполнительного Комитета, приближавшегося к 30, нас было: А. Беленин, П. Залуцкий, В. Молотов, М. Демьянов (К. И. Шутко), солдаты: А. Падерин, Садовский и социалист-революционер П. Александрович (Пьер Ораж), да объединенец Юренев. Только восемь человек стояли за власть самой революционной демократии. Нам казались смешны страхи и опасения Н. Суханова по поводу того, что буржуазия откажется от власти. Из истории мы знали, что никакой класс добровольно от власти не отказывался. Наобо-

рот, вся история говорила о том, что каждый класс отстаивал свою власть и не отдавал ее добровольно своему врагу. Что же касалось нашей российской буржуазии, то уже по действиям Временного Комитета Государственной Думы мы могли судить о том, что она хочет власти и способна за нее бороться. Именно это стремление к власти толкало ее в оппозицию царскому правительству. Если же Милюковы, Коноваловы, Гучковы и К° при разговорах с Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелевым, Н. Сухановым и жеманились, много говорили о тяжести власти и ответственности момента, так это делалось лишь для того, чтобы сделать более покладистыми представителей «революционной демократии», в виде Чхеидзе, Керенского и других, боявшихся революционной постановки вопроса о власти.

В нашем «манифесте» Центрального Комитета, который составлялся еще до выборов в Совет и писался под ружейный и пулеметный гул, говорилось, что «рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное Революционное Правительство». По существу так и происходило. Восставшие рабочие и солдаты посылали своих представителей в Совет, который, избрав Исполнительный Комитет, располагал фактически всей полнотой власти и ему принадлежала вся реальная, наличная в Петербурге вооруженная и безоружная сила. Совет и его Исполнительный Комитет были действительными органами революционной власти, хотя и не приступали к овладению бюрократическими аппаратами государственной власти. Правда, проявление этой власти, благодаря господству мелко-буржуазного, неустойчивого большинства членов руководящего органа, находилось в постоянных колебаниях и противоречиях. Мелко-буржуазные вожди, окрашенные в социалистический цвет, стремились доктринерски и внешне формально сохранить свою принципиальную чистоту и непримиримость,—воздержание от власти во время «буржуазной» революции,—на деле вступали в откровенный блок с буржуазией, передоверяя власть классовым врагам пролетариата и врагам революции.

Благодаря наплыву всевозможных «неотложных» дел Исполнительный Комитет отодвигал все дальше и дальше обсуждение официального предложения Комитета Государ-

ственной Думы. Возможно, что эта оттяжка происходила по причине партийных совещаний социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров. Из отрывочных бесед и обмена мнений было уже ясно, что большинство социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров было против образования Временного Правительства из представителей большинства Совета. Вечером этого дня я должен был ехать в Петербургский комитет на собрание активных работников партии, где был поставлен мой доклад. Но прежде, чем отправиться туда, я решил переговорить с Чхеидзе и Гриневичем о том, как официально, как члены партии, решили они вопрос о власти.

Член Исполнительного Комитета Гриневич был представителем левой части Инициативной Группы. Из бесед с ним мне удалось установить, что Инициативная Группа высказывается против вхождения в состав буржуазного правительства, считая подобное вступление изменой принципам революционной социал-демократии. Она была также против того, чтобы взять власть силами одной революционной демократии. Гриневич, Скобелев и Чхеидзе были против того, чтобы их партия, в коалиции с социалистами-революционерами, взяла власть в свои руки.

Когда в беседе с Н. С. Чхеидзе я указал на то, что считаю крупной ошибкой передачу власти в руки буржуазной Думы, что она неспособна выполнить требования революции, то получил в ответ, что революционная демократия будет подталкивать ее. Один только вопрос о взятии власти силами самой революционной демократии пугал представителей социал-демократов меньшевиков. После разговоров с различными представителями «революционной демократии», у меня получалось такое впечатление, что как будто наша революционная победа была для этих групп большой неприятностью, которую нужно не развивать и завершать, а как можно скорее ликвидировать, свести к буржуазной законности и порядку.

Н. С. Чхеидзе принес из Комитета Государственной Думы сообщение, что без вхождения представителей левых партий, последний составить правительство не может. Наши государственные мужи à la Н. Суханов, Ю. Стеклов, Гриневич и т. д. были смущены. Министерский кризис создавался раньше,

чем образовался самый кабинет министров. Только среди оборонческих элементов было некоторое ликование: они надеялись, что упорство буржуазии поможет им осуществить желанную коалицию.

Перед поездкой на собрание в Биржу Труда (первое помещение Петербургского комитета), мы договорились с В. Молотовым и П. Залуцким относительно общей линии, которую они должны были, от имени Бюро Центрального Комитета нашей партии, проводить на заседании Исполнительного Комитета. Разногласий по вопросу о составе власти и ее задачах в нашей среде не было. Мы предлагали Исполнительному Комитету составить Временное Революционное Правительство из рядов тех партий, которые входили в Совет того времени. Его программой должно быть осуществление минимальных требований программ обеих социалистических партий, а также решение вопроса о прекращении войны. Мы соглашались с социал-демократами меньшевиками в том, что переживаем момент революционной ломки феодальных крепостнических отношений, что на смену им идут всяческие «свободы», свойственные буржуазным отношениям. Разногласия у нас были не в том, что мы ставили непосредственной задачей нашей революции немедленное осуществление социализма, а они были бы против. Так вопрос не стоял. Мы, социал-демократы большевики, не были «максималистами». Мы отказывались понимать буржуазный характер нашей революции в том вульгарно-урезанном виде, как хотели того другие. Мы считали вредными надежды социал-демократов меньшевиков и большинства социалистов-революционеров на проведение через буржуазию и ее руками революционных требований рабочих и крестьян. Для развития пролетарского движения было далеко небезразлично, в какой мере произойдет революционная ломка крепостнических отношений. Правые круги социалистических партий того времени надеялись достич максимального (в пределах «буржуазных» отношений) размаха революционной ломки путем «постоянного и неуклонного давления на буржуазию и подталкивания ее влево». Эту тактику мы считали ошибочной и указывали и доказывали на примерах даже убогого прошлого в нашей стране, как обманчивы надежды на реальные достижения путем «подталкивания» буржуазии.

Прием делегаций.

Около дверей Исполнительного Комитета толпились десятки различных делегатов и ходоков. Каждого выходившего из дверей обступали, требуя различных указаний, советов или распоряжений. На долю каждого члена Исполнительного Комитета приходилось по несколько часов приемов и дежурств. Ко мне приходили, первые дни особенно много, по вопросам организации милиции, по делам вооружения и охраны «порядка». Приносились даже своеобразные отчеты о деятельности. В бумагах сохранился один экземпляр донесения о состоянии и порядке организации охраны Василеостровского района, следующего содержания:

«28 февраля в Горном институте избран Организационный Комитет, который вступил через своих представителей в сношения с Временным Революционным Правительством и был утвержден вечером 28 февраля комендантом Государственной Думы.

Организационный Комитет, выделив Милиционную Комиссию, принял на себя с вечера 28 февраля вооруженную охрану части Васильевского острова. Служба состояла в следующем:

1) Охрана порядка:

а) запрещать беспорядочную стрельбу, б) отбирать оружие у малолетних и пьяных, в) арестованных городовых направлять в Тринадцатую линию, дом 46, г) в случае недоразумений улаживать дело в очередях, д) останавливать автомобили и требовать пропуска.

2) Охрана постов состоит в расставлении часовых.

Служба студентов распределяется по сменам так: от 8 утра до 2 час. дня, от 2 дня до 8 час. вечера, от 8 до 12 час. вечера, от 15 час. ночи до 4 час. утра и от 4 час. утра до 8 час. утра и т. д.

Солдаты на службе стоят три часа. Смена происходит так: студент оставляет патруль, приходит в Институт, получает сменяющего себя, последний идет в полк, берет новую смену солдат без оружия, идет к оставленному патрулю, который передает свои ружья новой смене и т. д.

Васильевский остров от гавани до 5—4 линии включительно разбит на следующие участки:

Посты: 1) Андреевский рынок—2 студента, 20 человек солдат, 2) Малый проспект—рынок 2 студента, 20 солдат, 3) угол 21 линии и Среднего проспекта—склады 180 полка—один студент и 17 часовых, 4) арестованных охрана 12 линия, д. 46—4 чел. студентов и 30 солдат, 5) угол 15 линии, д. 90—склады Максимова—Дровяной склад.

Патрули: 1) Набережная от Горного до Николаевского моста, 2) Большой проспект от гавани до Горного, 3) Большой проспект от Горного до 6 линии, 4) Средний проспект от гавани до парка, 5) Средний проспект от парка до 8 линии, 6) От 8 линии до Кадетской линии, 7) Малый проспект и по одному патрулю на каждую из остальных линий. Все патрули состоят из 10 человек солдат под начальством студентов.

Порядок на Васильевском острове, в указанном районе, соблюдался образцово.

Организационный Комитет района Васильевского острова, утром 1 марта, приняли на себя организацию солдат Финляндского полка, устроил совещание офицеров и делегатов от солдат, содействовал правильному, организованному выступлению полка вместе со своими офицерами.

В обеспечение активной деятельности своей Милиционной Комиссии Организационный Комитет запасся патронами и винтовками, через Военную Комиссию Государственной Думы.

Организационный Комитет района Горного института захватил в свои руки несколько грузовых и легковых автомобилей.

С Милиционной Комиссией Организационного Комитета вошла в связь Милиционная Комиссия революционного пролетариата Васильевского острова».

Принимал делегатов от Шлиссельбургского порохового завода, пришедших с весьма показательными, характерными мандатами.—«Центральный Комитет Шлиссельбургского порохового завода поручает товарищу Туркину Павлу войти в сношения с Временным Революционным Правительством в Петрограде для получения сведений и директив». Мандат был за подписями и датирован 1 марта 1917 года. От этих товарищей мы узнали о взятии народом Шлиссельбургской крепости 28 февраля и об освобождении из нее 67 полити-

ческих заключенных. Сведения об этом были переданы в «Известия», а товарищам Туркину и другим я дал требуемые разъяснения.

Из самого мандата и со слов товарищей было ясно, что они не имели и тени сомнений относительно правительственной роли Совета. Исполнительный Комитет, у дверей которого они простаивали долгими часами и был для них желанным Временным Революционным Правительством. Но большинство членов Исполнительного Комитета расходилось с мнением широких масс относительно своей роли и задачи, склоняясь к тому, чтобы его считали просто «общественной организацией».

На собрании в Бирже Труда.

Когда я пришел в помещение Биржи Труда на Кронверском проспекте, в кабинете ее заведующего собралось уже несколько десятков товарищей, бывших членов Петербургского Комитета и работников, представлявших различные районы. Значительная часть активных работников подполья присутствовала там. Даже с Выборгской Стороны было несколько товарищей, несмотря на то, что у них там в этот же вечер было свое районное собрание. Из всех собравшихся в тот вечер в памяти осталось немного имен: т.т. Антипов, Михайлов, Хахарев, Шмидт, Толмачев, Павлов.

В своем докладе я познакомил собравшихся товарищей с деятельностью Исполнительного Комитета, а также с позицией Бюро Центрального Комитета по отношению к тем вопросам, которые проходили или ставились нами (вопрос об организации местных, районных органов власти, об организации рабочей милиции, об организации солдат и т. д.) на обсуждение в нем. Особенно выделил, поставленный в тот же вечер на обсуждение Исполнительного Комитета, вопрос о власти. Вопрос о Временном Революционном Правительстве, как органе власти революционной демократии, был схематично поставлен в нашем манифесте. Мне пришлось применить его к тем конкретным условиям, в которых приходилось фактически его решать. Действительное положение вещей было таково: все органы революционной демократии находились в руках оборонцев или полуоборонцев.

И если мы хотим иметь Временное Революционное Правительство, оно должно быть составлено из с.-д. меньшевиков и социалистов-революционеров. Отказываться от него, несмотря на это, мы не должны. Такое правительство революционной демократии мы должны будем, в известных пределах, поддержать. Правительству же, выдвигаемому Комитетом Государственной Думы, зная хорошо его социальную основу, мы доверять не можем и должны будем повести против него массовую кампанию. Самой желанной системой правления был бы Совет, как полномочный революционный орган, выделяющий из себя Временное Революционное Правительство, опирающееся на всю организованную демократию. Однако все наши соображения и «хорошие мысли» разлетались в прах от соприкосновения с суровой действительностью. Ни социал-демократы меньшевики, ни социалисты-революционеры не хотели власти, боялись ее. В этом мы видели продолжение политики единения классов. Уже в те дни нам приходилось наблюдать, как легко поддавались широкие рабочие массы на удочки «всенародного братства» или единства «революционной демократии», в лоно которой попали и петербургские промышленники, и московские купцы. Поддаваться разочарованию и тяжелым чувствам мы не рекомендовали. А эти настроения сквозили во все щели. В Совете мы были горсточка, ничтожная по количеству, но мы не унывали, не боялись такого меньшинства. Солдаты и отсталые слои рабочих размякли под влиянием первых побед, увлеклись «братством», единством всех «живых сил», опасностями для революции со стороны германского империализма, пошли за нашими политическими противниками. Для нас был большой урок, но я рассматривал его не как «урок поражения». Я высказывался против тех соображений, что мы, социал-демократы (большевики), ведя массы на бой, организуя демонстрации, собрав в период с 23 по 27 февраля под своими лозунгами большинство петербургского пролетариата, будто вышли из битвы побежденными, так как в Совете нас оказалось меньшинство. Между нашей дореволюционной работой и деятельностью в революционный период нужно было положить границу, провести красную черту. Для жизни партии начиналась новая эпоха. Политические выводы были такие: наши лозунги не укорачивать в угоду

сегодняшнего дня. Помнить, что политическая практика единения классов быстро рассеет этот всенародный обман. Классовая борьба, по которой мы должны равняться, разрушит самообман общности интересов. Тактические выводы сводились к приспособлению приемов нашей работы к новым условиям, а наша количественная слабость ставила перед нами необходимость бросить все силы организации в рабочие и солдатские массы. Для этого нужно было укрепить петербургский партийный центр и собрать вокруг него все силы. И на третий день победоносной революции первыми нашими лозунгами были: в массы, к рабочим и солдатам, с неурезанными требованиями рабочей и революционной демократии.

После доклада открылись прения. В обсуждении его приняли участие многие товарищи, но содержание выступлений помню крайне смутно. Никто из выступавших не оспаривал моих положений как по вопросу о власти, так и по предложениям организационного характера. Обмен мнениями длился несколько часов и, благодаря малой твердости председателя, угрожал расплыться и затянуться до бесконечного и пустого говорения. Но этому положили конец присутствовавшие члены бывшего нелегального «Пека» (Петербургского Комитета), предложившие закончить дискуссию и разойтись, приняв основные предложения доклада к немедленному руководству.

После закрытия большого собрания, осталась небольшая группа товарищей, среди которых помню Антипова, Шмидта, Михайлова, Хахарева, Толмачева. Позднее на это собрание пришли В. Молотов, К. Шутко, В. Залежский. На этом собрании было решено немедленно привлечь старых членов Петербургского Комитета к работе, усилив его состав кооптацией. Принять меры к организации районов и созыву городской конференции, на которой произвести выборы Петербургского Комитета. Так было положено начало работы первого Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков) в новых революционных условиях.

Партийное собрание на Выборгской.

Общее собрание членов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков) Выборгского района, намеченное на 28-ое, смогло состояться лишь поздно вечером

первого марта. Об этом собрании я был осведомлен целым рядом товарищей, в том числе основным докладчиком районного комитета, К. И. Шутко (т. Михаил).

Собрание созывалось при помощи расклейки афиш и на него приглашались только члены партии. Но, несмотря на это, помещение Самсоньевского братства было переполнено народом. Среди присутствовавших было много не только не членов партии, но даже таких, которые не имели никакого понятия о том, кто и по какому случаю собирается. От имени Выборгского Комитета было дано разъяснение, что состоится заседание партийной организации, а не митинг, и что правом голоса и выступать имеют право только члены Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Этим случаем воспользовались некоторые социал-демократы меньшевики и выступали с возражениями против такого недемократического отношения к рабочим, требуя для всех присутствовавших совещательный голос. Но ввиду того, что это было еще первое и учредительное собрание для легальной организации Выборгского района, этого допустить было нельзя. Собрание было открыто в присутствии нескольких сот беспартийных. Открыто обсуждался и был утвержден порядок дня: текущий момент и выборы районного комитета партии.

В докладе по «текущему моменту» дело касалось об успехе и дальнейшем развитии восстания. Основная мысль докладчика сводилась к тому, что в целях закрепления революции необходимо создать такой орган восстания, который был бы в состоянии эту петербургскую победу расширить во всероссийскую, вовлекая для этого все новые и новые ряды пролетариев. По мнению докладчика, выступавшего от имени районного комитета (еще подпольного), таким органом должно быть Временное Революционное Правительство, выделенное Петербургским Советом. Это Временное Революционное Правительство должно подчинить себе всякие другие организации (имелся в виду Комитет Государственной Думы).

В духе доклада была внесена резолюция. Подлинника этой резолюции мне добыть не удалось, а поэтому привожу ее по записи, данной мне К. И. Шутко: «В целях победоносного завершения дела великой борьбы за освобождение трудящихся России, необходимо создать единый орган восстания, для чего, вбирая все новые и новые ряды восставших рабочих и солдат-

ских масс, перестроить заново армию, заменяя оставшийся и остающийся верным царскому режиму офицерский состав представителями революционных рабочих и крестьян, Петроградский Совет должен объявить себя Временным Революционным Правительством. Чтобы обеспечить политическую свободу и возможность создания Демократической Республики, Временное Революционное Правительство должно установить все политические права и вольности, низложить основанную на контр-революционном избирательном законе Государственную Думу, созвать Учредительное Собрание на основе четырехчленной формулы».

Эта резолюция была принята общим собранием членов партии единогласно, при общем и живейшем сочувствии присутствовавших на этом собрании беспартийных рабочих и работниц. Ее политическое содержание и отношение к развертывавшимся событиям резко отличалось от всего того, что мы видели и слышали в Исполнительном Комитете от представителей других партий. Взгляд на состав Временного Революционного Правительства и его задачи, развитый на партийном собрании, в основном совпадал с позицией, занятой по этому же вопросу Бюро Центрального Комитета. В то время как оппортунистические элементы партии социал-демократов (меньшевиков) и социалистов-революционеров вели торги и переторжки за кулисами Исполнительного Комитета, передовые рабочие Выборгской Стороны, не будучи еще осведомлены об их деятельности, правильно оценивали положение и решали вопрос о правительстве действительно революционно. В революционном движении снова появляются две линии, два подхода, как и во времена подполья, но уже в других внешних условиях.

Утро второго марта.

Морозное утро. На улицах празднично. Не слышно призывных рабочих гудков. Не видно звенящих трамваев. Несмотря на ранний час, город, особенно рабочие кварталы уже ожили. На перекрестках улиц и у обычных «постов» нет больше городовых—этих символов царского самодержавия. Около фабрик и заводов снуют рабочие, стоит своя, проле-

тарская вооруженная охрана. Кое-где по улицам проходят патрули солдат и рабочих, наблюдая за порядком.

Около Таврического дворца обычная сутолока. Екатерининский зал переполнен солдатами. В комнатах Исполнительного Комитета еще пусто. По коридорам устанавливались столики для продажи литературы. Наше Бюро Центрального Комитета также имело свой стол, который за отсутствием литературы служил «явочным» местом для партийных дел. Около места явки я нашел членов Бюро В. Молотова и П. Залуцкого. Тотчас же устроили совещание.

За эти дни революции, начиная с 27 февраля, нормальных заседаний Бюро устраивать не приходилось. Заседания и совещания имели буквально летучий характер. Многие вопросы, возникавшие в процессе нашей работы в Исполнительном Комитете, приходилось решать, как говорят, «на ходу». О записях, протоколах не приходилось и думать. Последнее нас беспокоило, но таковы были условия, в которых мы оказались в первые дни нашей работы во время революции.

В этот день мы обсудили вопрос об организации партийной газеты. Решили восстановить «Правду», погибшую в борьбе с царским правительством в 1914 году. Для получения типографии постановили обратиться в Исполнительный Комитет. Все заботы по делу организации газеты, подыскапию сотрудников и технических работников поручили В. Молотову. Для заведывания хозяйством газеты решили пригласить К. М. Шведчикова.

Подвергли обсуждению и действия каждого из членов Бюро за последние дни. Каждому из нас приходилось часто действовать в одиночку и без предварительного сговора. Во время же заседаний Исполнительного Комитета мы понимали друг друга с полуслова, и в своих выступлениях никогда не противоречили друг другу. Со стороны делегата от Петербургского Комитета, в те дни им был К. И. Шутко, мы имели полную поддержку и взаимное понимание. Подведя итоги нашей работе, мы намечали и некоторые вехи для будущей. В этот же день предстояло определить еще раз наше отношение к вопросу о передаче власти в руки крупной буржуазии.

Закулисные переговоры в этот день были в полном разгаре. Н. Суханов и Ю. Стеклов обнаружили недюжинные маклерские способности, сумели «пробить» тот ледок, который существовал между Комитетом Государственной Думы и «революционной демократией» и мешал этим представителям соглашательства убедить буржуазию в том, что Исполнительный Комитет не поведет против нее борьбы. Ко всем этим торгам мы, Бюро Центрального Комитета, относились отрицательно. На всех заседаниях Исполнительного Комитета в последний день, когда обсуждался вопрос о власти, мы выступали со своими предложениями о том, чтобы исходным началом власти был Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Письменных формулировок этих предложений не сохранилось, протоколов в Исполнительном Комитете также не велось, а поэтому не сохранились и устные наши предложения. Отчетливо помню и до сих пор—это резко отрицательное отношение к этим предложениям большинства членов Исполнительного Комитета и особенно со стороны тех, которые считали себя «тоже большевиками»—как Ю. Стеклов и Красиков-Павлович и «тоже» интернационалиста Н. Суханова. От первых двух мы слышали возгласы возмущения нашей позицией и «угрозы» рассказать Ленину, когда он приедет, о нашем немарксистском поведении. Работать приходилось в атмосфере вражды, которая началась между нами и другими представителями партий с момента обсуждения вопроса о власти.

На заседании Бюро Центрального Комитета мы еще раз попробовали обсудить создавшееся положение, проверить свои выступления и пришли к заключению, что взятая нами линия правильна и ее же надо выдвинуть и защищать на заседании Совета. Выступления решили согласовать с представителем от Петербургского Комитета. Кроме того, нами было постановлено: при выступлении и мотивировке нашего положения о том, что власть должна быть сосредоточена в Совете, не упустить возможности критической оценки того соглашения, которое будет положено в основу при окончательном соглашении с буржуазией.

Не мало смущало нас то обстоятельство, что наша борьба по вопросу о власти замыкалась пределами Таврического дворца. Широкие круги рабочих еще не были втянуты в

эту борьбу. Нам необходимо было найти опору в рабочей среде, в казармах, среди солдат, испытать наши лозунги на массе, подвергнуть их оценке снизу. Но Петербургский Комитет еще только развертывал свой аппарат, из районов же наилучше организованным был Выборгский, по которому я числился «комиссаром Исполнительного Комитета». Мы сговорились попробовать хоть в этом районе вынести вопрос о власти на обсуждение рабочих. Это дело я взял на себя, так как имел постоянную партийную и личную связь с работниками Выборгской стороны.

Наши противники уже выносили вопрос о власти на суждение революционной демократии. В номере «Известий» от того же 2 марта мы находим статью, озаглавленную «Участие демократии во временном правительстве», в которой развивался взгляд на необходимость участия демократии во временном правительстве. Статья полна самых неожиданных и противоречивых выводов и, можно сказать, вполне отражает позицию тогдашних руководителей Совета. Так, характеризуя буржуазные партии, как враждебные революции, для которых «самым любезным исходом был бы компромисс со старым порядком, возвращение к власти Николая II в роли конституционного монарха», статья указывает, что под давлением демократии буржуазии пришлось выйти за пределы этих границ. В чем бы вы думали «вышла» буржуазия за пределы желанных ей границ: «Временному Комитету пришлось стать временным правительством, санкционировать аресты министров и других агентов старой власти». Из прямой нужды, перед которой стала российская буржуазия, редакция делала добродетель и приписывала себе «победы». Дальше из той же статьи явствует, что этот «революционный» путь может стать контр-революционным и для предотвращения этого превращения предлагала демократии «с неослабной энергией участвовать в дальнейшем преобразовании страны (демократия *А. Ш.*) должна войти в состав Временного Правительства». Программа демократии определялась ролью «толкача» буржуазии к тем реформам, которые необходимы стране. Большую опасность видела редакция в возможной оторванности Совета от Временного Правительства. Этот разрыв, по мнению редакции, будет способствовать отходу буржуазии в лагерь врагов революции. Демократия же

не может построить своими силами всего аппарата государственной власти и итти против коалиции всех буржуазных сил. «Тактика абсолютного обособления не сулит нам ничего, кроме скорого и верного краха всенародной революции. Принять эту тактику было бы роковой ошибкой, граничащей с самоубийством». Так заканчивалась статья и конец ее был заострен против нас, которых обвиняли и в «узости», и в стремлении «расколоть» революционную демократию, изолировать ее от передовой буржуазии и т. д.

Буржуазия великолепно учитывала эту слабость руководящих кругов, их неверие в силы пробужденного революцией народа, неспособность действительно по-революционному решить вопрос о власти. Признание своей неспособности своего бессилия толкало оппортунистические элементы Исполнительного Комитета в плен цензовой буржуазии.

Конфискация прокламации.

Когда мы пришли в комнаты Исполнительного Комитета, заседание еще не начиналось. Члены Исполнительного Комитета были в большом волнении. Особенно громко выражали негодование Керенский, Стеклов, Суханов. В чем же дело? Кое-кто имел в руках большого формата печатный листок, набранный крупным шрифтом и начинающийся обращением «Товарищи солдаты!».

Узнаем, что возмущение вызвано появлением обращения к солдатам, за подписью Междурайонного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Партии Социалистов-Революционеров, помеченное первым марта 1917 г. Авторами были: т.т. Юренев и Александрович.

Некоторые члены Исполнительного Комитета требовали сейчас же обсудить вопрос об этом воззвании и вносили уже предложения о немедленной конфискации его.

Прежде чем высказаться по поводу произведения нового блока, мы решили познакомиться с этим обращением. При беглом знакомстве с содержанием стало понятно, что оно явилось ответом на те мысли и тревоги, которые были выражены солдатами на заседании Совета, посвященном вопросам о правах солдат, от 1 марта. По существу проклама-

ция [1]) имела яркий агитационный характер и была направлена против политики замалчиваний, которую проводил Комитет Государственной Думы. Первым был поставлен вопрос о земле для крестьян и о воле для рабочих. «Вот уже два дня, как Петроград во власти солдат и рабочих, —говорилось в воззвании, два дня как распущенная Государственная Дума выбрала Временный Комитет и называет его временным правительством; но до сих пор вы не слышали ни от Родзянко, ни от Милюкова ни одного слова о том, будет ли отнята земля у помещиков и передана народу». Далее солдаты призывались быть настороже как по отношению к Государственной Думе, так и по отношению к офицерам.

Некоторые фразы об офицерах, как например: «Солдаты! теперь, когда вы восстали и победили, к вам приходят вместе с друзьями также и бывшие враги офицеры, которые называют себя вашими друзьями. Солдаты! лисий хвост нам страшнее волчьего зуба». Такой оборот дал многим повод спекулировать на счет провокационного натравливания на офицеров, обвиняли составителей в демагогии, в огульном походе на офицеров и т. д.

Мы не видели опасности в распространении обращения двух социалистических организаций. С политической частью мы солидаризировались, но этого было мало. Большинство испугалось обращения по политическим соображениям и приговорило его к уничтожению. Кажется, ни Александровича, ни Юренева при этом на заседании не было.

Кому-то из оборонцев было поручено составить воззвание против этой листовки. В тот же день, в экстренном выпуске «Известий» появилось следующее сообщение: «Товарищи солдаты и рабочие! Исполнительному Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов стало известно, что по городу распространяются слухи и расклеиваются воззвания, призывающие к насилиям над офицерами. Исполнительный Комитет не сомневается в том, что означенные рабочие и солдаты не только не последуют за этими возмутительными призывами, но и будут всячески противодействовать их рас-

---

[1]) **Смотрите прокламацию в приложениях за номером двадцать четвертым.**

пространению, так как они являются новой попыткой посеять смуту и раздробить революционные силы. Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

После конфискации обращения, заседание Исполнительного Комитета приняло частный характер. Чхеидзе, Скобелев, Керенский, Стеклов и Суханов ожидали приглашения от Комитета Государственной Думы для продолжения переговоров о передаче власти. Комитет Государственной Думы и представитель кадетской партии П. Н. Милюков не соглашались составить правительство без участия, в качестве членов Совета Министров, некоторых деятелей Совета, членов партии социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков. На посту министра юстиции буржуазия хотела иметь А. Ф. Керенского, а во главе нового Министерства Труда желала видеть Н. С. Чхеидзе.

Буржуазии нужны были министры-социалисты, нужны для того, чтобы прикрыть собою империалистическую политику буржуазии. Не случайно было то обстоятельство, что представители «революционной» демократии, в том числе и «циммервальдисты» Н. Суханов и Ю. Стеклов, во время переговоров с Комитетом Государственной Думы не обмолвились ни одним словом о войне, ни одним намеком—о земле. Эти люди сознательно избегали всего того, что могло бы нарушить то национальное единение, которое проводили оборонцы всех мастей. Буржуазные политики очень хорошо учли это молчание. На деле, этим соглашением разрешение всех вопросов, во имя которых совершалась революция, отдалялось до «Учредительного Собрания».

И все же, несмотря на уступчивость представителей «революционной» демократии, утром 2 марта среди большинства Исполнительного Комитета существовало некоторое беспокойство по поводу того, что буржуазия «не хотела брать» власти без участия в правительстве представителей от Совета. Ю. Стеклов, Н. Суханов «искали» выхода... Эти поиски выхода заключались в сущности в уговаривании А. Ф. Керенского вступить в правительство.

Во время обмена мнений по вопросу о составе правительства, опять-таки в частном порядке, мне пришлось быть свидетелем разговоров между А. Ф. Керенским и Ю. М. Стекловым. Стеклов, комментируя желание буржуазии иметь

социалиста, в качестве представителя Совета в правительстве, предлагал Керенскому принять портфель министра юстиции. Когда же Керенский поставил вопрос о том, почему же и Чхеидзе не войти в состав Временного Правительства, то получил от Стеклова любопытнейший ответ. —Социал-демократы имеют уже партийное мнение по этому вопросу, даже постановление, запрещающее кому-либо из членов партии участвовать в этом правительстве. Вы же —совершенно свободны, решением партии не связаны и можете вступить. Таков был смысл всех его уговоров. Не помню, что ответил на это в тот момент А. Ф. Керенский. Его вхождение выручало большинство Исполнительного Комитета из того кризиса, в который влекла его политика отношения к власти.

Вскоре после этих бесед «переговорщики» пошли на «думскую половину» для продолжения начатых накануне торгов о передаче власти. Оставшиеся члены Исполнительного Комитета были поглощены различными приемами делегаций, подготовкой к заседанию и т. п. делами. В Таврический дворец начали собираться депутаты на обычное заседание Совета. Исполнительный Комитет, не помню под каким предлогом, решил предварительно устроить заседания Совета по-секционно, собрав солдат отдельно от рабочих. Разъединение было сделано с политической целью—обработать каждую группу депутатов отдельно, применительно к тем постановлениям, которые были намечены большинством членов Исполнительного Комитета. Убедить солдат в необходимости соглашения с буржуазией было очень важно и, пока еще не трудно, так как солдаты были заражены энтузиазмом «единения», братства, свободы и т. п. словесной мишурой. Докладчиком на солдатской секции был намечен Б. О. Богданов, крайний правый оборонец. Кто руководил секцией рабочих депутатов, теперь уже не помню.

Первые лозунги советской власти.

Переговоры тянулись. В Исполнительном Комитете суетились по мелким делам. В секциях Совета ждали результата переговоров. Я решил воспользоваться оставшимся временем до обсуждения Советом соглашения с буржуазией по вопросу о власти, побывать на Выборгской стороне.

В Районном Комитете нашей партии встретился и познакомился с целым рядом вернувшихся из тюрьмы товарищей, в том числе и с осужденным за социал-демократическую пропаганду в октябре 1916 года моряком Балтийского флота Ульянцевым.

Наши партийные подпольники широко развернули работу. Митинги по заводам и фабрикам организовывались каждый день. Там же создавались вооруженные отряды рабочей милиции. Рабочий район жил самостоятельно, пролетарии захватили в свои руки все административное управление в районе. Я, как назначенный к ним «комиссар Исполнительного Комитета», был только содействующим лицом в той громадной самодеятельности и инициативе, которую проявляли пролетарии этого района.

В районном комитете тогда работали товарищи: Каюров, Чугурин, Моисеев (Ершистый), Женя (Егорова) в качестве секретаря и целый ряд других товарищей, в том числе и Дядя (Лацис). Центр района был тогда еще в помещении Больничной кассы заводов Парвиайнена.

Мне нужно было договориться с товарищами из района относительно развития митинговой кампании в пользу массовой поддержки наших лозунгов и путей организации Временного Революционного Правительства. Все члены Районного Комитета, помню, были солидарны с Бюро Центрального Комитета по вопросу об организации власти и ее программе, а поэтому мне не приходилось тратить времени на убеждения и уговоры товарищей в необходимости массовой кампании за наши лозунги.

На этом собрании решили выработать резолюцию, которую и пустить через агитаторов по собраниям в районе. В основу были положены те предложения, которые были приняты накануне, на общем собрании членов партии Выборгской Стороны, по докладу К. И. Шутко.

В конечном итоге этого заседания была отредактирована резолюция в следующем виде

«Граждане, солдаты и рабочие!

Митинги солдат и рабочих, собирающихся в Петрограде, принимают следующие резолюции:

1) Вся власть до созыва Учредительного Собрания должна быть сосредоточена в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, как единственно Революционного Правительства, 2) Армия и население должны исполнять только распоряжения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и считать распоряжения Исполнительного Комитета членов Государственной Думы недействительными, 3) Все чиновничество и офицерство, служившее старому режиму, должно быть обезврежено и устранено от управления. Точно так же должны быть устранены от управления страной и городом все лица и организации, которые не солидарны с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, 4) Совет Рабочих и Солдатских Депутатов должен позаботиться о созыве Всенародного Учредительного Собрания, которое решит вопрос о новом государственном строе и о прекращении войны, 5) Совету Рабочих и Солдатских Депутатов поручается приветствовать революционный германский пролетариат, ставший на борьбу с своим правительством.

Принятые резолюции решено довести до сведения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

Эта резолюция была размножена на ротаторе и роздана агитаторам. По сообщению К. И. Шутко первым агитатором, проведшим эту резолюцию на собрании в Сампсониевском братстве, был Н. Толмачев. Впоследствии Петербургский Комитет запретил распространение этой прокламации, как идущей вразрез с позицией Петербургского Комитета.

Сведения о германской революции тогда шли из агентских телеграмм, и «Известия» были первыми, распространившими эту радостную ложь. Впоследствии удалось выяснить, что весть о революции в Германии, да притом еще кровавой, произошла потому, что цензура исковеркала телеграмму из Кронштадта, зачеркнув по «военным обстоятельствам» указание города, а газета поместила это под городом «Берлин».

Первый пункт о том, что вся власть должна принадлежать Совету, требует пояснений. Мы тогда еще не выдвигали власти Советов, как особой системы управления государством. При выставлении этого положения мы, члены Бюро Центрального Комитета, а также и наши сторонники в Петербургском Комитете, держали курс только на осуществление требований рево-

люционной демократии. Мы рассматривали Совет, как орган революционной демократии, единственно правомочный дать стране то Временное Революционное Правительство, которое было необходимо для окончательной ликвидации царско-помещичьего режима и установления действительной демократии. И все же, эта резолюция является исторически первой, отчетливо поставившей лозунг власти Советам.

После переговоров.

Переговоры представителей Исполнительного Комитета с Комитетом Государственной Думы о составе правительства и его программе закончились только часа в три пополудни. Екатерининский зал и все прилегавшие к нему комнаты и коридоры были переполнены посетителями. Тотчас же после окончания переговоров начались митинги. Первым оратором, поведавшим собравшимся о достигнутом между Исполнительным Комитетом и Комитетом Государственной Думы соглашении по вопросу о власти, был П. Н. Милюков. Его речь носила программный характер, как все его речи за этот период. Характеризуя создавшееся положение в стране, Милюков призывал ко всеобщему единению во имя победы над силами старого порядка. Особенно много говорил он об единстве внутри армии. Вся речь его прерывалась возгласами и аплодисментами. Он дал характеристику многих министров и первый поведал о вхождении А. Ф. Керенского в состав правительства. Во время характеристики новых министров, Милюков назвал их «представителями русской общественности» и голоса из толпы бросили в дополнение: цензовой. Этим крикам Милюков противопоставил нецензового представителя А. Ф. Керенского. Гучкова Милюков рекомендовал как... «организатора уличных побед. Коновалова и Терещенко он представил как представителей той либеральной группы русской буржуазии, которые первые в России попытались организовать представителей рабочих». Когда в ответ послышались недоуменные вопросы, он указал, что А. И. Коновалов организовал Рабочую Группу при Центральном Военно-Промышленном Комитете, а М. И. Терещенко сделал то же в Киеве.

На вопрос из толпы о том, что думает правительство о династии, П. Н. Милюков заявил, что «старый деспот, до-

ведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу». После такого заявления поднялся такой шум, протесты и крик «да здравствует республика! Долой династию!», что Милюков в течение нескольких минут не мог продолжать свою речь. Далее Милюков развивал идею о парламентской конституционной монархии, которую слушавшая толпа встретила весьма враждебно. О восстановлении династии никто не хотел и слушать.

Когда речь Милюкова о регентстве и восстановлении династии Романовых стала известна рабочим и солдатам, возмущение было огромное. Комитет Государственной Думы, Исполнительный Комитет Совета, каждый его член были буквально засыпаны вопросами относительно судьбы династии. «Этот единодушный протест был тотчас же учтен кадетской партией, и она начала бить отбой. Сам Милюков был вынужден дать объяснение своим словам о регентстве, заявив, что «его слова о временном регентстве великого князя Михаила Александровича и наследовании Алексея являются его личным мнением».

Таким образом потерпела крах первая попытка вернуть ненавистную революционному народу Романовскую династию.

Вопрос о власти на Пленуме Совета.

Когда я вернулся с Выборгской Стороны, на пленарном заседании уже шли прения по докладу Исполнительного Комитета о результатах переговоров с Временным Комитетом Государственной Думы о составе и программе Временного Правительства. Докладчик Комиссии, ходившей на переговоры (кажется, Ю. Стеклов), изложил Совету взгляд Исполнительного Комитета на вопрос о создании власти, а равно и мотивы, по которым Исполнительный Комитет отказался от участия во Временном Правительстве. В заключение была оглашена следующая программа новой власти, выработанная на совместных совещаниях членов Исполнительного Комитета с членами Комитета Государственной Думы:

«1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим, религиозным, террористическим покушениям, военным восстаниям и т. п.

2) Политическая свобода во всех формах: свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек. Свободы эти должны быть распространены и на военнослужащих на действительной военной службе.

Оба эти требования были приняты думским комитетом. Не принято было предложение: 3) Об устроении армии на началах самоуправления, так как думский комитет считал невозможным в момент войны вводить в войска порядок, не испробованный ни в одной армии мира. В результате переговоров думский комитет согласился на следующую формулировку этого пункта: при сохранении строгой воинской дисциплины в строю, устранение для солдат всех ограничений в пользовании всеми общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России.

4) Организация народной милиции для несения службы по охране порядка с подчинением ее местным самоуправлениям, избранным на основах всеобщего, равного и тайного голосования.

5) Отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений.

6) Гарнизон Петрограда остается в городе и не разоружается.

Все эти требования были приняты думским комитетом единогласно.

Отвергнут был вопрос о немедленном введении демократической республики, так как форма управления Российским Государством должна быть установлена Учредительным Собранием, созыв которого является ближайшей целью учреждаемого временного правительства».

После докладчика на трибуне появился А. Ф. Керенский, которому было дано слово для внеочередного заявления. Речь его носила довольно сумбурный характер, с истерическими взываниями о доверии, о готовности умереть, а предложение свелось к просьбе утвердить его решение принять на себя пост министра юстиции. Этот фарс вызвал у многих глубокое возмущение и отвращение к А. Ф. Керенскому, но большинство Совета, мало искушенное в политике, покрыло его речь аплодисментами и этим утвердило его в качестве представителя «революционной демократии» во Временном Правительстве.

Во время открывшихся по вопросу о власти прений, выявились три точки зрения. Позиция большинства Исполнительного Комитета неучастие во Временном Правительстве и непринятие власти на себя, эта позиция была центром, Позиция слева была нашей. Мы отрицали всякую возможность контакта с Комитетом Государственной Думы и требовали создания Временного Революционного Правительства Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Справа выдвигали принцип коалиции или, как говорили тогда, посылки представителей во Временное Правительство для сотрудничества с буржуазией.

В опубликованном протоколе заседания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов от 2 марта, в котором занесены решения Совета по докладу Исполнительного Комитета, очень путано сказано относительно имевших место прений. Существа прений, хотя бы в отдельных выдержках, совершенно нет. Протокол указывает только некоторые имена участников прений: Петров, Молотов, Демьянов, Канторович, Дюбуа, Павлович, Иванович, Заславский, Орлов, Борисов, Грибков, Смирнов, Павленков, Петревиц, Юренев, Воронков, Беленин, Анин, Ионасов и представитель литовских организаций Жуков, Ерманский, Пометов и некоторые другие».

Наши выступавшие товарищи начали свои речи с критики той программы, которая легла в основу соглашения с Комитетом Думы о составе Временного Правительства. Особенно настойчиво указывали на отсутствие в программе отношения к войне и на то, что ни одного слова не сказано в программе правительства о земле крестьянам. Эти указания встречались аплодисментами депутатов. Упущен был и вопрос о 8-часовом рабочем дне. Все последующие ораторы выступали против нас. Не смея оспорить основательность наших программных требований, они козыряли Учредительным Собранием, которое должно решать все эти важные вопросы.

После прений были поставлены на голосование все предложения Исполнительного Комитета и, как идущее против этих предложений по существу вопроса о власти, наше предложение о создании власти Советом. Предложение о коалиции на голосование не ставилось. Из всех присутствовавших в обеих комнатах, вероятно, человек до 400, за наше предложение го-

лосовали всего 19 человек. Многие из членов нашей партии. члены Совета, поддались тому враждебному настроению, которое было создано речами противников против нас и не только не голосовали за наше предложение, зачитанное товарищем Демьяновым (К. И. Шутко), но даже голосовали против нас, как мы тогда видели (случай с В. Ивановым). В нашей фракции в те дни было уже человек сорок. Если допустить, что некоторые не могли попасть на это собрание, то и тогда число политически «убоявшихся» было значительно. После голосования основных предложений Исполнительного Комитета, были приняты еще следующие дополнения:

«1) Временное Правительство оговаривает, что все намеченные мероприятия будут проводиться, несмотря на военное положение.

2) Манифест Временного Правительства должен быть одновременно за подписью М. Родзянко и Временного Правительства.

3) Включить в программу Временного Правительства пункт о предоставлении всем национальностям прав национального и культурного самоопределения.

4) Образовать наблюдательный комитет за действиями Временного Правительства из состава Совета Солдатских и Рабочих Представителей».

Таким образом решался и разрешился вопрос о власти. Наше предложение о составе власти, а также программные дополнения по вопросам о войне, о земле и о 8-часовом рабочем дне были отвергнуты и не просто отвергнуты, а с мотивами, как «опасное», могущее повести к краху революции. Однако такое отношение к нам не обескуражило нас, членов Бюро Центрального Комитета. Мы боялись лишь одного — дезорганизации наших собственных рядов, вследствие чрезвычайно тяжелой атмосферы, которая создавалась против нас. Поведение некоторых товарищей, вроде В. Иванова, голосовавшего против предложения представителя Петербургского Комитета, нас очень обеспокоило.

В этот день начались аресты провокаторов, в том числе М. Черномазова, В. Шурканова, «бывших» большевиков. Все эти случаи муссировались в кулуарах Государственной Думы. Враги пользовались этими провокаторами для того, чтобы бросить тень на всю нашу партию.

Весь вечер в Екатерининском зале Таврического Дворца происходили митинги, на которых выступали члены Временного Правительства и лидеры большинства Исполнительного Комитета. Керенский много говорил о своих намерениях и просил у солдат содействия. В то же время предупреждал их о том, чтобы они не слушали «призывов, исходящих от агентов старой власти. Слушайтесь ваших офицеров». Этот кивок был направлен против авторов известного обращения к солдатам, конфискованного в этот день.

Выступавший Чхеидзе назвал эту прокламацию прямо провокаторской. Впоследствии, по настойчивому требованию т.т. Юренева и Александровича, он был вынужден опровергнуть свое обвинение, заявив, что имел в виду другие прокламации.

После заседания Совета мы, члены Бюро Центрального Комитета и некоторые члены Петербургского Комитета, устроили краткое совещание по вопросу об отношении к решению Совета, а также и по вопросу об отношении к тому Временному Правительству, которое с этого дня начинало управлять страной. Не помню точно место, где было это небольшое заседание, но хорошо запомнил те мысли, которые были высказаны там. Линия Бюро Центрального Комитета после решения Совета оставалась прежней: вести агитацию за создание Революционного Правительства, единственно способного вести страну по пути революционного преобразования всех учреждений, повести страну к миру, вырешить рабочий и крестьянский вопрос. Очень хорошо помню, как К. И. Шутко выступил в развитие нашей позиции и довел ее до необходимости немедленной агитации за вооруженное выступление против Временного Правительства. Но он тогда оказался одиноким. Соотношение сил не позволяло ставить вопрос в плоскость борьбы с оружием в руках. У Временного Правительства тогда оружия было куда больше, чем у нас. Не было никакой нужды форсировать события, бросаться в явно невыгодную авантюру. В то же время появились и другие взгляды, примирявшиеся с решением Совета, предостерегавшие от опасности слишком уйти от Совета. Члены Петербургского Комитета нашей партии решили созвать Комитет на 3-е марта и посвятить заседание вопросу об отношении

к Временному Правительству. На этом и разошлись. Участвовали: К. И. Шутко, В. Молотов, П. Залуцкий, В. Шмидт, А. Шляпников и, кажется, В. Залежский, К. Лебедев.

В партийных организациях.

В партийной социалистической среде в эти дни развивалась кипучая организационная деятельность. Подполье вполне легализовалось. В социалистическом лагере происходили новые перегруппировки. Меньшевики всех направлений объединились в одну организацию и среди них исчезло былое деление на «интернационалистов» и «оборонцев». На заседаниях Исполнительного Комитета мы видели уже единую сплоченно действующую группу социал-демократов меньшевиков. Правда, борьба внутри организации была, это мы знали и частенько отмечали ее проявления и на заседаниях, особенно между крайним правым крылом оборонцев, возглавлявшихся Б. Богдановым, и левым — Гриневичем.

Социалисты-революционеры сумели уже второго марта созвать городскую конференцию и вынести ряд решений. Пьер Ораж (Александрович) был тогда весьма нелестного мнения по поводу этой конференции. Конференция высказалась «за поддержку Временного Правительства, за широкое развитие творческой организационной работы социалистов-революционеров для подготовки учредительного собрания, за укрепление сил революционного народа и армии».

Эта же конференция обсудила вопрос о выпуске от имени партии социалистов-революционеров, совместно с «Междурайонкой», прокламации «К солдатам». Конференция «резко осудила ее, как неудачно составленную, вселяющую в народные массы взаимное недоверие и рознь и к тому же изданную без всякого ведома правомочных партийных учреждений». Таким образом действия левого крыла не нашли поддержки среди собравшихся социалистов-революционеров и официальные учреждения (фракция Совета, Петербургский Комитет Партии) оказались в руках правых элементов, типа Пешехонова-Чайковского.

После этой конференции я имел неоднократно беседы с Пьером Оражем по поводу тактики партии социалистов-революционеров. Он весьма отрицательно относился к Пешехо-

нову, Керенскому, Филипповичу и другим официальным представителям партии, доходя до отрицания за ними права на название социалиста. Все свои надежды он возлагал на приезд В. М. Чернова, с которым он поддерживал переписку. Пока же продолжал в голосованиях поддерживать нашу позицию.

Легализация привела в Совет еще одну группу—народных социалистов, правый отколок от партии социалистов-революционеров. Она возглавлялась некиим Брамсоном, домогавшимся представительства в Исполнительном Комитете. Ничего нового, в революционном мире того времени, эта группа не представляла, колеблясь в своей политике, между кадетами и социал-революционерами, являясь глубоко враждебной нашей партии.

От имени Междурайонного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии действовал т. Юренев. Он уже с первых дней марта почувствовал и понял организационную двусмысленность своего положения и лишь фракционная косность и желание особой самостоятельности мешали ему слиться полностью с нашей петербургской организацией. Во всех политических выступлениях он шел вместе с нами.

К первым дням марта относится и политическое оживление в различных национальных социалистических партиях. Бунд, по традиции, был с меньшевиками. Польские социал-демократы послали своим представителем присяжного поверенного Козловского, пошедшего вместе с нами.

Латышские социал-демократы выдвинули представителем в Исполнительный Комитет товарища Стучку. Он был нашим подпольным работником и в лице его наша группа приобрела активного работника.

Первые дни работы социалистических партий были посвящены вопросам и делам самоорганизации. Все старые принципиальные споры, расхождения, хотя и не были ни забыты, ни изжиты, но изменение условий, а также еще не закончившаяся борьба против непосредственного, еще близкого общего врага, отодвигала их.

Первые и весьма обостренные разногласия выявились на вопросе об организации власти в стране. В «частных» переговорах оживали и все остальные жгучие разногласия по вопросам военного времени. Вопросы войны требовали ответа. Политика «умолчания», на которую встало большинство чле-

нов Исполнительного Комитета, долго продолжаться не могла. Все наши попытки поставить этот вопрос на обсуждение Совета наталкивались на отпор по мотивам «еще несвоевременно». Не находя путей для постановки вопроса о войне организованно сверху, мы прибегли к испытанному и оправданному давностью средству, это непосредственному обращению к массам рабочих и солдат. На этой арене бой был для нас наиболее выгодным, и мы его повели.

Третий день марта.

Утренний номер «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», а также «Известия» Комитета так называемых «думских» журналистов, отвели первые колонны своих первых страниц декларациям Временного Правительства и Исполнительного Комитета[1]). Голод на газеты был огромный, а поэтому «Известия» расходились быстро, брались буквально с бою.

В то же утро вышли специальные номера этих же двух газет с известиями об отречении Николая Романова от престола в пользу своего брата Михаила. Последний также последовал примеру своего брата,—в свою очередь, отрекся от предложения Николая II.

Представители буржуазии неоднократно за эти дни пытались популяризировать имя «регента» Михаила Романова, в качестве желанного преемника на царский престол, но встретили решительный отпор со стороны народных масс и вынуждены были отступить.

Члены Совета, особенно пролетарии, были очень обеспокоены монархической агитацией Родзянко, Милюкова и других вождей буржуазии и требовали от Исполнительного Комитета принятия мер по прекращению этой двусмысленной политики.

В Исполнительном Комитете собравшиеся до его открытия члены делились впечатлениями от состоявшегося накануне заседания Совета. Все давали отрицательную оценку выступлению Керенского, протащившего против воли Исполнительного Комитета министерский портфель через пленум Совета. Мы предлагали возмущавшимся поставить вопрос о

[1]) Смотрите обе декларации в приложении двадцать пятом.

его поведении в порядок дня, обсудить его и дать по поводу его выступления мнение Исполнительного Комитета. Предложение было столь логичное, что, казалось, не могло найти противников. На деле же получилось иное. Очевидно, все возмущавшиеся меньшевики и социалисты-революционеры выражали свое негодование только по неведению действительного положения дела. Поэтому, когда вырабатывался порядок дня заседания, вопроса о поведении Керенского никто и не отстаивал. Нам же была известна закулисная сторона дела и выделять Керенского из всего этого фарса не было никакого смысла. Обсуждение на собрании могло бы разоблачить «уговорщиков», но этого-то они и не допустили, отвергнув постановку вопроса в порядок дня.

Об аресте членов романовской династии.

Помимо настойчивых требований, шедших со стороны рабочих и солдат, о лишении свободы членов романовского дома, до Исполнительного Комитета дошли кое-какие сведения о том, что Комитет Государственной Думы и члены Временного Правительства согласились на выезд Николая II из России в Англию. Выпускать кого-либо из видных членов династии за границу, а равно и оставлять их на свободе на деле означало прямое пособничество контр-революционной работе монархистов. Исполнительный Комитет понял грозящую революции монархическую опасность, и в заседании от 3 марта еще раз подверг обсуждению вопрос о судьбе романовского дома.

На заседании этот вопрос был поставлен прямо об аресте Николая II и членов династии Романовых. Во время обсуждения «союзники» из соглашательского лагеря очень нелестно отзывались о тех, с которыми они только сутки тому назад заключали договор об управлении страной. Помню, что многие оборонцы (типа Б. Богданова) не скрывали своих подозрений в монархических симпатиях и комбинациях со стороны деятелей Комитета Государственной Думы и Временного Правительства.

После обсуждения было принято следующее решение: 1) довести до сведения рабочих депутатов, что Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов поста-

новил арестовать династию Романовых и предложил Временному Правительству произвести арест совместно с Советом Рабочих Депутатов. В случае же отказа запросить, как отнесется Временное Правительство, если Исполнительный Комитет сам произведет арест. Ответ Временного Правительства обсудить вторично на заседании Исполнительного Комитета.

2) По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии.

3) По отношению к Николаю Николаевичу, ввиду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое за ним наблюдение.

4) Арест женщин из дома Романовых производить постепенно, в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти.

Вопрос о том, как произвести аресты и организацию арестов поручить разработать Военной Комиссии Совета Рабочих Депутатов. Чхеидзе и Скобелеву поручено довести до сведения правительства о состоявшемся постановлении Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов».

Это решение, доведенное до сведения рабочих, устранило то беспокойство, которое росло по мере усиления агитации за «конституционную» монархию со стороны кадетской и иной контр-революции.

Вторым вопросом, поставленным в порядок дня на обсуждение был вопрос о приказе номер первый. На почве его толкования, а, главное, ввиду непрестанного и организованного сопротивления командного состава при проведении его в жизнь, возникали недоразумения. Комитет Государственной Думы, а также Временное Правительство, в лице своего военного министра А. И. Гучкова, относилось отрицательно к этому приказу, видя в нем только разлагающее влияние.

Первой попыткой ограничить действие этого приказа явилось объяснение, что действие приказа номер первый распространяется только на петербургский гарнизон. Однако этот приказ получил столь широкое распространение и был так радостно встречен всеми солдатами, особенно строевыми, что все попытки ограничить его действие, не давали желанных результатов.

Солдаты требовали от правительства официального его распространения на всю Россию, в том числе и на действующую армию. Перетрусившим вожакам из лагеря оппортунистов стоило больших трудов убедить делегацию «повременить» с проведением приказа номер первый в действующих армиях. Я помню несколько делегаций офицеров и солдат, с тревогой запрашивавших Исполнительный Комитет о том, каково его отношение к продолжению войны. Среди делегаций были и такие, которые понимали, что дальнейшее ведение войны, в революционных условиях, при наличии явной мечты солдат о мире, усталости и начавшейся разрухи, может повести к гибельным последствиям. В Исполнительном Комитете им не давали ответа. Помню, что на все вопросы о том, что думает Исполнительный Комитет по вопросу о мире, какова его международная политика, солдаты и офицеры получали неизменный ответ: Исполнительный Комитет еще не обсуждал этого вопроса. В то же время Исполнительный Комитет заявлял, что он является противником «простого втыкания штыка» в землю.

Во время приема таких делегаций, пользуясь их запросами, мы пытались поставить вопрос об отношении к войне в полном объеме при изменившихся, благодаря революции, условиях. Но эти попытки были безуспешны. Когда нашим товарищам удавалось высказать свои соображения о необходимости активной борьбы за мир, тогда наши речи объявлялись «частным мнением»— и только.

Для всякого военного человека, имевшего намерение продолжать войну, была совершенно непонятна двусмысленная политика большинства членов Исполнительного Комитета. Особенно непонятно было таким людям отношение Исполнительного Комитета к приказу номер первый. Несмотря на энергичные домогательства со всех сторон, Исполнительный Комитет не соглашался на отмену этого приказа, давая в каждом случае особое толкование. И на этот раз было принято решение, что, «ввиду возникших недоразумений в связи с приказом номер первый по Петербургскому гарнизону, поручено Военной Комиссии разъяснить этот приказ».

Приемы воинских делегаций были возложены на особую группу членов Исполнительного Комитета, куда умышленно не ввели ни одного сторонника прекращения войны. Этим

пытались изолировать нас от возможностей влияния на приезжающих фронтовиков, а также и присутствовать при тех путаных объяснениях, которые давались делегатам оборонцами всех направлений.

По городу началась уже агитация за прекращение стачки. Частично этот вопрос встал в Исполнительном Комитете по по вопросу о пуске трамвая. Принимая во внимание, что революционная власть уже достаточно организовалась, пришли к решению, что трамвайное движение следует возобновить. Вопрос о 8-часовом рабочем дне был отложен до обсуждения вопроса о возобновлении работ во всех предприятиях Петербурга.

Только на этом заседании от 3 марта Исполнительный Комитет уделил некоторое внимание собственной организации. Впервые за все дни начали вести протокольную запись решениям. Кроме того, было принято решение организовать при Исполнительном Комитете Комиссии в следующем составе:

1) Продовольственная—Громов, Франко-русский, Волков и Чайковский (все не члены Исполнительного Комитета. *А. Ш.*).

2) Канцелярская—Богданов, Соколовский, Капелинский.

3) Агитационная—Эрлих, Павлович, Беленин.

4) Районная—Соколовский, Гриневич.

5) Железно-дорожная и Почтово-телеграфная—Свентицкий (не работал и комиссия была поручена мне. *А. Ш.*).

6) Издательско-Литературная—Стеклов.

7) Комиссия по возобновлению работы—Гвоздев, Панков, Соколовский.

8) Финансовая—Гвоздев, Брамсон.

9) Автомобильная—Гвоздев, Линде.

10) Информационная по текущим делам—Борисов, Батурский, Эрлих.

11) Комиссия по рассмотрению вопроса о выходе периодических изданий — Стеклов, Суханов и Петр Александрович.

На беглом обсуждении работ этих комиссий и закончилось заседание Исполнительного Комитета. Начинался прием различных делегаций, входивший в текущую работу Исполнительного Комитета. Ко мне отсылали всех, приходивших по вопросам милиции, охраны и т. п. дел.

Прием представителей.

Представители районов, делегации от воинских частей, депутации от граждан пригородных местечек кучей толпились около дверей Исполнительного Комитета, часами простаивая в ожидании встречи с кем-либо из членов Исполнительного Комитета. Обычно посетители старались поймать хоть кого-нибудь из членов его. осаждая всех, выходящих из комнаты заседаний.

«Мы из Шувалова, Озерков, Парголова», обступили меня представители и представительницы «обывательского комитета» этих местечек. Они приехали в Исполнительный Комитет за полномочиями и содействием. Тотчас же засыпали меня вопросами и требованиями. В качестве доказательства своей революционной деятельности, вручили мне маленькое, но характерное по тому времени, воззвание следующего содержания:

Граждане!

Россия стала свободной!

Поддерживайте правительство свободной страны!

Первые шаги его чрезвычайно трудны.

Ему нужна поддержка населения, которое должно объединиться вокруг временно избранных обывательских комитетов.

По призыву исполнительных комитетов Государственной Думы и Совета Рабочих Депутатов собрание обывателей Шувалова, Озерков и Первого Парголова избрало первого сего марта обывательский комитет в составе следующих комиссий:

1) Продовольственная комиссия.

2) Комиссия гражданской милиции.

3) Комиссариат.

На обязанности продовольственной комиссии лежит: снабжение населения продуктами первой необходимости и справедливое распределение их между всеми.

На обязанности гражданской милиции лежит: охрана порядка и имущества граждан.

Комиссариат разбирает все спорные вопросы и дает все необходимые справки.

Граждане

Шувалова, Озерков и Первого Парголова!

Поддерживайте обывательский комитет вашей местности и обращайтесь к нему во всех затруднительных случаях.

Вы обязаны также немедленно передать в комитет под расписку его представителей все имеющееся у вас оружие.

Лица, не сдавшие или скрывшие оружие, считаются врагами народа.

Комитет и Комиссариат помещаются: Шувалово, Старо-Орловская улица, д. № 1, кинематограф «Жизнь», где принимаются записи милиционеров и сотрудников других комиссий».

Представители этих местечек требовали от Исполнительного Комитета полномочий на организацию милиции, просили дать им воинскую силу для охраны железнодорожных путей, а также назначения кандидатов на местные ж.-д. станции. Требовали оружия, патронов.

Эти местечки служили убежищами для подпольной и полулегальной рабочей братии. Там же селились многие рабочие предприятий Выборгской стороны. Рабочие хотели знать, могут ли они не являться на работу и оставаться при исполнении обязанностей в различных комитетах. Интересовались и материальной стороной дела. Приходилось давать разъяснения, что работа в организации, если она не может быть совмещена со службой или работой в предприятии, должна оплачиваться из местных средств. У Исполнительного Комитета не было финансовой возможности для поддержки каких-либо революционных организаций и органов власти. Что же касалось до оставления места службы, то мы высказывались против военного прикрепления рабочих, а в эти дни особенно. По вопросам вооружения и предоставления воинской части направляли в Военную Комиссию.

С докладом в письменном виде пришел ко мне путиловский рабочий Григорьев. Он был один из активных работников нашей партийной организации на заводе. Вел работу в связи со стачкой с 18 февраля. Вот его доклад, сохранившийся у меня:

3 III — 1917 г.

Доклад

«Нижеподписавшийся с вечера 28 февраля по 2 марта был представителем исполнительной рабочей власти в Нарвском районе (на Путиловском заводе).

Вместо сборного пункта (больничная касса) рабочий центр перенесен был на территорию Путиловского завода в здание конторы.

Организован был Рабочий Комитет с комиссиями: милиционной, продовольственной и автомобильной. В распоряжении комитета находится весь Путиловский завод, ему подчиняется даже и комендант завода казачий подъесаул Решетик, присланный от военной комиссии Государственной Думы.

Вся административная власть в районе всецело находилась в наших руках. В целях лучшей концентрации предполагалось организовать военно-рабочий штаб Нарвского района. Но районное рабочее собрание пришло к выводу, что власть эта слишком диктаторская, а поэтому я сложил с себя полномочия и ныне предлагаю свои услуги Совету Рабочих Депутатов для более подробной информации.

Одновременно ставлю себя в распоряжение исполнительной комиссии».

Не помню теперь, куда направил я его, но, кажется, в Петербургский Комитет. Мы, члены Бюро Центрального Комитета, были против того, чтобы делать из наших товарищей технических работников Совета или Исполнительного Комитета. Наших работников на местах среди рабочих было слишком мало, чтобы мы могли позволить себе роскошь рассеивать их по канцеляриям Таврического дворца.

Мой прием приходил к концу, когда меня вызвали к телефону. Звонил А. Ф. Керенский и, когда узнал кто говорит с ним из Исполнительного Комитета, усиленно просил меня предотвратить разгром оружейных складов Петропавловской крепости. Не знаю, откуда он получил такие сведения, будто рабочие решили «разгромить» склады. Я навел справки, и из крепости мне сообщили, что с окрестными рабочими они живут в мире и дружбе и сами солдаты отпустили часть оружия, по предложениям Военной Комиссии,

для рабочих. Через некоторое время получил еще телефонограмму:

«Министр Юстиции Керенский просит Совет Рабочих Депутатов немедленно командировать кого-либо из членов Совета Рабочих Депутатов на автомобиле в Петропавловскую Крепость к Арсеналу для предотвращения разгрома. Оружие находится под охраной революционного правительства и принадлежит ему».

Убедившись из разговоров, что никакой опасности «разгрома» арсеналу не угрожает, я не принял никаких мер против попыток рабочих теми или иными путями найти себе оружие. Временное Правительство я считал совсем нереволюционным и его охрану не считал надежной.

О партийных делах.

Решение вопроса о сдаче власти партиями социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков в руки цензовой буржуазии, способствовало установлению более ясных взаимоотношений между социалистическими партиями. Между социал-демократами меньшевиками, социалистами-революционерами и всеми их спутниками создался фактический блок. За пределами этого блока была только наша партия. Наше положение в Исполнительном Комитете было положением оппозиции слева. «Правой» оппозиции внутри Совета или Исполнительного Комитета не было. Все, что было правее народных социалистов, находилось вне Совета, а народные социалисты шли в ногу со всеми правыми социалистами. Это же решение и поведение при этом социал-демократов меньшевиков «интернационалистов» нанесли решительный удар агитации за объединение всех социал-демократических элементов в одну партию.

Вечером предполагалось заседание Петербургского Комитета, на котором должно было обсуждаться отношение нашей партии к Временному Правительству. Перед этим мы устроили заседание Бюро Центрального Комитета, на котором обсудили ряд партийных дел.

Работа по организации газеты «Правда» подвигалась вперед быстро. Была взята типография бывшей газеты «Сельский Вестник», на Мойке, 32, там же нашли и помещение для

редакции. Кроме того, принимались меры к возобновлению издательства «Прибой».

На заседании Петербургского Комитета поручили выступить в защиту позиции Бюро Центрального Комитета В. М. Молотову. Помнится мне, что тут же была обсуждена и принята нами резолюция, в таком виде:

«Резолюция Бюро Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. об отношении к Временному Правительству.

Находя, что Временное Правительство является классовым представительством крупной буржуазии и крупного землевладения и стремится свести настоящую демократическую революцию к замене одной правящей клики другой кликой, а потому неспособно осуществить основные революционные требования народа, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов признает, что:

1) Главнейшей задачей является борьба за создание Временного Революционного Правительства, которое только и сможет осуществить эти основные требования.

2) Совету Рабочих и Солдатских Депутатов необходимо оставить за собой полную свободу в выборе средств осуществления основных требований революционного народа и, в частности, в выборе способов воздействия на Временное Правительство.

3) Установление же контроля над Временным Правительством в виде особой Контрольной Комиссии от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов является паллиативной мерой и не достигает поставленной цели контроля над осуществлением основных требований революционной демократии».

Эта резолюция у меня сохранилась от того времени. Не знаю, была ли она опубликована в печати или нет. В духе этой же резолюции вносили мы и наши предложения на пленуме Совета, когда обсуждался вопрос о сдаче власти Временному буржуазному правительству. К. И. Шутко припоминает, что оглашенная им резолюция от имени Бюро Центрального Комитета совпадает по существу с этой же резолюцией.

Бюро Центрального Комитета полагало, что мы не должны отказываться от выдвинутых лозунгов Временного Револю-

ционного Правительства и путей его осуществления — через Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, несмотря на то, что Совет данного состава и был против наших предложений. Программа Временного Правительства и его социальный состав подтверждали нас в убеждении, что такое правительство не может осуществить народные требования, идущие в разрез с его классовым господством.

Мне не удалось быть на том заседании Петербургского Комитета в этот вечер, когда обсуждался вопрос об отношении к Временному Правительству. И даю справку об этом по передаче В. Молотова, К. Шутко и В. Залежского.

Собрание Петербургского Комитета было многочисленное с представителями от районов и членами агитационной коллегии. Докладчиком от Бюро Центрального Комитета выступал В. Молотов. В докладе он дал пояснения позиции Бюро Центрального Комитета во время обсуждения вопроса о власти в Исполнительном Комитете, а также на пленуме Совета. Дал обстоятельную критику поведения соглашательских партий и характеристику классового состава членов Временного Правительства и его программы. В заключение развил наше понимание «Временного Революционного Правительства», как органа власти только революционной демократии и огласил приведенную выше резолюцию Бюро.

Прения приняли весьма оживленный характер. Работники Петербургского Комитета, за исключением Выборгской стороны, заметно качнулись вправо. Очевидно, та победа социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров на последнем пленуме по вопросу о власти и послужила этим психологическим толчком для Петербургского Комитета, двинувшим его направо. В результате обсуждения, Петербургский Комитет разделился на две части. Меньшинство стояло на позиции Бюро Центрального Комитета (К. Шутко, М. Калинин, Н. Толмачев и др.) и большинство, предложившее другую резолюцию (В. Залежский, В. Шмидт, Михайлов, Федоров, Антипов, Стучка и др.).

Резолюция, принятая Петербургским Комитетом гласила: «Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, считаясь с резолюцией о временном правительстве, принятой Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, заявляет, что не противодействует власти временного

правительства постольку, поскольку его действия соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа и объявляет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток временного правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления».

Эта резолюция своим острием была направлена против Выборгского Районного Комитета, в котором были сторонники немедленной (и даже вооруженной) борьбы всеми способами против Временного Правительства. Выборжцы были несколько склонны к форсированию событий, но их позиция была по принципу более родственна нам, чем позиция Петербургского Комитета. Мы расходились с Выборгским Районным Комитетом лишь в том, что призывали сначала вести подготовительную работу, организовать силы, а потом уже итти в бой.

В порядке дня нашей работы стояли вопросы реорганизации нашего Бюро, а также и о Всероссийском партийном совещании. На последнем настаивали и члены Петербургского Комитета. Все эти вопросы мы решили отложить до собрания Бюро с представителями Петербургского Комитета. Партийное же совещание требовало некоторой подготовительной работы, а у нас еще не была налажена даже газета. Созвать его в ближайшие недели не было возможности.

Вопрос о редакции «Правды» решался также в этот день. Первая редакция центрального органа партии была утверждена нами в составе: В. Молотова, М. Ольминского, К. Еремеева, М. Калинина. Последний входил в редакцию, как представитель Петербургского Комитета.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Материалы и документы, не вошедшие в текст

Приложение первое.

Печатаемая ниже корреспонденция была написана мною после поездки в Нижний и Сормово в 1917 году и отправлена в Швейцарию, в центральный орган нашей партии «Социал-Демократ».

Найдена мною в Швеции, во время поездки в 1920 году.

Января 6-го 1917.

Нижний-Новгород.

За время войны количество жителей Нижнего-Новгорода значительно возросло.

Во время «великого переселения» из Царства Польского, черты оседлости и Прибалтийского края в глубину Руси, Нижний-Новгород и его окрестности явились гостеприимными углами для польских и еврейских беженцев.

В пригородах разместились многочисленные предприятия, эвакуированные из военной зоны и значительно увеличили пролетарское население района. Из крупных предприятий около Нижнего (в Канавине и др.) находятся следующие: Фельзер 4000 рабочих, Гантке 400 рабочих, Этна около 1000 рабочих, завод Биржевого Комитета 800 рабочих, Сименс и Гальске 300 рабочих (расширяется), кроме того, увеличились местные заводы: Доброва и Набгольца до 4000 рабочих, «Теплоход» (Сироткина) до 3000 рабочих. Возник завод по изготовлению снарядов «Союза Городов» с 400 рабочими. На ст. Растяпино строится новый завод по выработке взрывчатых веществ и т. д.

Сормовские заводы построили много новых мастерских по изготовлению пушек и снарядов. Количество рабочих на них возросло с 7000 довоенного времени до 23.000 рабочих, постоянно занятых в мастерских, кроме того, около 4000 работают «по двору» от подрядчиков по постройкам, военных 700 человек и т. д. Все трактирщики, лавочники и домовладельцы нашли себе там приют от военной службы.

Положение рабочих тяжелое. Всех давит дороговизна и многих — сверхурочная эксплоатация. В снарядных и пушечных отделениях работают в три смены, а в паровозных отделах иногда наблюдается безработица, за недостатком стали, которая вся уходит на более прибыльное «военное» дело. Заработная плата рабочих оставалась в довоенной норме и поддерживается «продовольственными» мероприятиями завода. Заводоуправление доставляет рабочим продукты первой необходимости, в почти довоенной цене в следующей норме:

Муки ржаной по 45 ф. на взросл. рабоч.	цена	за	пуд	1 р.	40 к.
» 2 сорт пшеничн. 30 ф. »	»	»	»	2 »	40 »
Крупы или пшена 12 ф. на	»	»	фун.		$5^1/_2$ к.
Масло постное 2 ф.	»		»		13 к.
Чай $^1/_4$ фунта	»		»	1 »	60 »
Сахар $1^1/_2$ фунта	»		»		17 »
» песок $1^1/_2$ фунта	»		»		13 »
Мыло 2 фунта	»		»		17 »

На жен и детей рабочих полагается уменьшенная доля. Эта норма существует с октября 1916 г. и ниже существовавшей раньше для муки на 10%, крупы 25%, сахару 50%.

Понижение продовольственной нормы является, при существующих условиях, откровенной сбавкой платы. Так и было понято это рабочими, которые выразили по сему случаю открытый протест. Была выбрана особая делегация к директору и комиссия по вопросу о повышении заработной платы. Последняя вынесла следующее заключение, что для улучшения при существующей дороговизне минимальная заработная плата в месяц не должна быть ниже 120 р. в месяц. Теперешняя заработная плата весьма далека от этой нормы: по отчету больничной кассы за 1916 г. средний заработок сормовичей был 2 р. 25 к. в день. Комиссия выработала особую норму заработной платы и прогрессивную прибавку

от 5 до 100% к ней. 21 декабря эти требования были предъявлены заводоуправлению. Директор заявил уполномоченным, что такая прибавка потребует от завода около 6 миллионов рублей, что вместе с приплатою на продукты—2 м. руб. доводит общую цифру «прибавки» до 8 миллионов рублей. Такой расход не под силу предприятию, которое, по словам либерала директора, дает всего от 5 до 25% прибыли, из коей приходится покрывать проработку части завода, где нет работ. Предложил рабочим «сократить» требования. С этого же времени правление увеличило поденную заработную плату, по усмотрению заведующих до 50%. Однако рабочих это не удовлетворяет и возможно, что в ближайшие дни мы будем свидетелями нового стачечного движения в Сормове.

Вообще заработок сормовских рабочих ниже заработка соответствующих заводов Нижнего. За время войны администрация даже понизила расценки. Так, например, в сталелитейном цехе за формовку и отливку курьерских колес платили до войны 12 р. за штуку, а теперь 7 р. 50 к., вагонное колесо стоило 1 р. 65 к. — теперь 90 коп. и т. д. на многих деталях во всех цехах.

В некоторых цехах заработок рабочих понижен на 75%, несмотря на дороговизну. Обычно пускается в дело угроза позициями.

Более года существует несколько «военных прибавок»:

1) по 15 к. в день семейному и 10 к. одинокому,

2) 10% на заработанный рубль (с 1 октября 1915 г.),

3) по усмотрению заведующего в виде повышения заработка.

Конфликты на заводе довольно часты. В прошлом году, 24 июля была стачка. Возникла она по случаю «отдачи на позиции» двух рабочих старо-механической мастерской, не понравившихся заведующему инж. Скворцову. Требовали возвращения, а также выдвинули требование повышения заработной платы от 10% до 500%, получающим 60 коп.— 3 руб. и миним. работницам 2 р. 50 к.

На третий день стачки мастерские были оцеплены войсками и полицией. Кое-где в цеха была введена вооруженная сила. Рабочим не давали сходиться в мастерских, таким образом принуждали к работам.

При охране полиции и солдат полицейские власти арестовали чел. 7 рабочих и предали их военному суду. Недавно всех арестованных освободили под залоги в 300 руб. до суда.

Так, путем солдатской силы была разбита стачка в Сормове.

Социал-демократическая работа в Нижегородском районе ведется все время войны, хотя также ослаблена общими «военными» причинами. Выпускались листки в духе линии Ц. К.

Нижегородский Комитет объединяет всю социал-демократическую деятельность. В него входят также латышские и другие национальные социал-демократические группы рабочих. Есть в городе и бундовцы, но они обретаются в «неизвестностях».

В конце декабря и начале января в районе, главным образом, Канавина были многочисленные обыски и аресты. Арестован член страхового присутствия рабочий Козин и др.

Приложение второе.

Корреспонденция, полученная из Иваново-Вознесенска в начале 1917 года, вместе с об'явлением о расчете рабочих.

Иваново-Вознесенск.

В связи с ростом цен на продукты первой необходимости и отсутствия их совершенно в городе, шло глухое брожение и недовольство в рабочей среде, которое 29 декабря приняло характер итальянской забастовки, к обеду 30 декабря на всех фабриках, за исключением 3-х, работы прекратились. Рабочие предъявили экономические требования, а именно: выдать единовременное 4-месячное вознаграждение. Означенное требование рабочих вызвано тем, что фабрика Витова выдала своим рабочим означенное вознаграждение без требования рабочих еще на Рождество, тогда как остальные фабриканты отыгрываются следующим вывешенным на всех фабриках объявлением о прибавке: «что с 1 января 1917 г. к полученному ранее продовольственному пособию будет прибавляться: мужчинам по 7 рублей, женщинам по 5 рублей и подросткам по 3 рубля в месяц (до 17-летнего возраста), таким образом с 1 января всего рабочим и мастеровым будет

выдаваться продовольственного пособия: «мужчинам по 15 р. в месяц, женщинам по 13 руб. и подросткам по 11 рублей». Что же касается выдачи 4-месячного вознаграждения, то фабриканты в своем заседании постановили не выдавать, так как если выдать в настоящее время, то придется выдать обязательно и на Пасху. Недовольные означенной прибавкой, рабочие всех фабрик объявили стачку, выставив 2-ое требование: чтобы не отделять козлов от овец, а прибавить с 1 января всем по 7 руб. и выдать «вознаграждение».

31 декабря 1916 г.

Стачка разрастается, но у рабочих не имеется однородных требований. На каждой фабрике они различны. Сегодня машины, не дожидаясь трехдневного срока и разрешения фабричной инспекции, остановлены, фабриканты на требования рабочих отыгрываются молчанкой. Настроение нервное. Были попытки собраться на площади, но это не имело успеха.

В. С.

Р. S. О дальнейшем сообщу.

Торговый Дом

ПЕТР КАШИНЦЕВ

с Сыновьями и К⁰.

В Иваново-Вознесенске.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Настоящим доводится до сведения всех прекративших работу на фабрике, что лицам, не пожелавшим встать на работу на прежних условиях, будет выдан по истечении трех дней, то-есть 4-го января 1917 г., полный расчет, на основании ст. 175, пункта 1-го о прекращении и расторжении договора о найме.

31 декабря 1916 г.

Аналогичные требования вывешены и на других фабриках.

Приложение третье.

Печатная листовка к 9 января 1917 года Петербургской Инициативной группы социал-демократов меньшевиков.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Двенадцать лет тому назад улицы Петербурга были залиты потоками крови: была подвергнута расстрелу трехсоттысячная пролетарская армия.

Это было 9 января...

С тех пор ежегодно рабочий класс России оставляет в этот день фабрики и заводы, и, вспоминая траурный день 9 января, празднует свое первое массовое выступление на арену общественно-политической борьбы.

Призывая рабочих Петербурга и в этом году отметить забастовкой этот памятный день, мы, организованные социал-демократы меньшевики, предлагаем связать это массовое политическое выступление с величайшими событиями нынешнего дня. Мы предлагаем превратить наш ежегодный траурный праздник в первое активное выступление в борьбе за мир.

Довольно ненужной крови! Довольно слез!

Настал момент, когда вопреки воле и желания господствующих клик, насильственно втянувших народы в братоубийственную войну, мы должны братски протянуть свою руку пролетариям всех стран и громогласно заявить:

Мы не хотим войны!
Да здравствует мир!

Мы не хотим, чтобы, пользуясь вынужденным молчанием задавленного народа, правительство и буржуазия нагло подменяли наше мнение своим.

Мы не хотим и не допустим, чтобы наши судьбы решались помимо нас, ибо мы находим, что свою собственную судьбу должен решить лишь сам народ.

Лишь ясно выраженная воля пролетариев всех стран способна прекратить настоящую бойню и добиться желательного народам Европы мира.

Не мир, заключенный Штюрмером или штюрмеровцами, а мир, добытый волею народа,—вот что спасет народы от гибели и вырождения.

Поэтому, провозглашая лозунг борьбы за мир, делая в день 9 января смотр своим силам, и хорошо сознавая, что на пути к достижению желательного народу мира стоит отживший в России политический строй—ненавистная монархия, мы должны помнить, что вне борьбы со старыми, отжившими лицами, немыслим такого рода мир.

Пусть наши братья по ту сторону окопов знают, что, мобилизуя свои силы для борьбы со старым режимом, активно выступая за желательный международному пролетариату мир и тем самым подготовляя почву для совместного единодушного выступления за мир пролетариев всех стран, мы, русские рабочие, ждем от них такого же активного выступления за мир и поднимаем свой голос за созыв международного рабочего съезда, в котором должны принять участие представители всех стран.

Долой войну. Да здравствует мир.

Долой самодержавный режим. Долой монархию. Да здравствует демократия. Да здравствует демократическая республика.

Да здравствует борьба за созыв всенародного учредительного собрания.

Да здравствует международная солидарность рабочих.

Да здравствует борьба за социализм.

Петербургская Инициативная группа С.-Д. меньшевиков.

Январь 1917 г.

Приложение четвертое.

Печатный листок, выпущенный Петербугским Междурайонным Комитетом перед 9 января 1917 года.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие! Уже третий раз встречаем мы день 9 января, день великих поминок в условиях чудовищной войны, организованной буржуазией и дворянским правитель-

ством. Третий год длится война, третий год шлет правительство миллионы за миллионами рабочего народа на бесславную смерть на далеких полях фронта, в грязных окопах, на смерть от голода и стужи, смерть в кровавой схватке с такими же ни в чем неповинными братьями-тружениками. Во имя чего, спрашивается, рабочие всех стран в бесконечных боях зверски режут, взрывают, убивают друг друга? Во имя каких целей половина мужского населения всей Европы изуродована, искалечена, уничтожена? Стройным хором отвечают нам газетные писаки, лакеи буржуазии, что война ведется за право и справедливость; за братство и равенство всех народов миллионы людей режут и истязают друг друга, льется невинная человеческая кровь. Товарищи! они ложью хотят крыть правду. В том-то и весь ужас, что убийство миллионов, что самое подлое преступление, которое когда-либо совершали наши «господа»—дворяне, банкиры и промышленники, всегда прикрывается лживыми, предательскими словами о праве, нравственности и справедливости. На обмане—их сила! На темноте народа и его раздробленности строят наши господствующие классы свою силу и богатство. Лишь по темноте своей наши же братья, одетые в военные мундиры, запуганные военной дисциплиной, стреляли 9 января 1905 года в восставший пролетариат, пролили кровь своих беззащитных отцов и матерей на зловещей площади перед Зимним дворцом. Штыками, нагайками, пулями подавляло правительство первую русскую революцию в 1905 и 1906 году. «Патронов не жалеть»—приказывал Трепов. Но чьи штыки тогда ранили, чьи пули убивали?—наших же товарищей—несознательных рабочих и крестьян. Дешево обошлась правительству и буржуазии победа над великой революцией 1905 года—всего лишь несколько тысяч погибших рабочих и несколько сотен убитых солдат, т.-е. тех же рабочих и крестьян. На нашем расколе, товарищи, на неорганизованности рабочего класса держится все самодержавное государство. Но прибавилось у нас опыта за 12 лет! Не обмануть нас сейчас буржуазии! Будем твердо помнить, что не за право и справедливость умирают наши кровные и близкие на фронте и плачут их матери и жены в тылу, а за «процветание отечественной промышленности», как об этом глагольствуют в буржуазных газетах. Товарищи-солдаты! ваша смерть нужна буржуазии

для увеличения ее прибылей, ваша смерть нужна, чтобы было больше простору ее людоедству! Им мало России. Подавайте им Константинополь, подавайте им Босфор и Дарданеллы. Такие же хищные аппетиты руководят буржуазией всех воюющих стран. Сейчас нет обороняющихся—сейчас все наступают. Чтобы ослабить противодействие рабочего класса, буржуазия каждой страны призывает его к патриотизму, к защите отечества. Да, мы также защищаем отечество, но не от врага внешнего, а от врага внутреннего: царского самодержавия, от кучки бандитов, затеявших войну, от кучки убийц, стремящихся к тому, чтобы расстроить мятежные ряды пролетариата призывами к патриотизму. Перепутать дороги ее,—вот цель буржуазии и ее газетных прислужников. Руки прочь!—скажем мы тем предателям из нашей среды, членам рабочих групп при военно-промышленных комитетах, которые забыли наше классовое самосознание, призывая к объединению с буржуазией. Они растеряли окончательно свои пролетарские убеждения и, плетясь в хвосте буржуазии, покорно повторяют все то, что ей выгодно. В начале войны они говорили о гражданском мире—теперь рабочая делегация при Военно-Промышленном Комитете, фальсифицируя голос рабочего класса, призывает пролетариат к «массовым политическим действиям» в помощь буржуазии в ее словесной борьбе с правительством. Но они забывают, что буржуазия с князем Львовым и Милюковым во главе борется не против всего полицейского режима, а против отдельных лиц, не сумевших организовать победоносную завоевательную войну, не обеспечивших им Константинополя и проливов. Они забыли, что Милюковы объединились с Гучковыми для борьбы против революции, для восстановления пошатнувшегося доверия к кровавому монарху. Нет, товарищи, нам с ними не по пути, так как всякая наша помощь буржуазии в ее размолвке с правительством лишь облегчит ей достижение ее завоевательных целей—отдалив надолго день надвигающейся революции, гибельно отразится на нашем собственном положении. Сила только в нас, рабочих, в крестьянстве и многострадальной армии; только на самих себя мы можем надеяться. Так вперед, товарищи, смело пойдем по пути классовой борьбы пролетариата. Будем помнить, что не решены еще наши пролетарские задачи, что живы еще те требования,

которые были начертаны на наших знаменах 9 января 1905 г. Не в одиночку, не в раз, а в мощном объединении со всем международным пролетариатом, дружной мировой семьей, мы пойдем к борьбе за социализм, за новую жизнь. В настоящий же момент наша задача—создать мощную партийную организацию. Мы, большевики и меньшевики социал-демократы, призываем вас, товарищи, к созданию единой Социал-Демократической Рабочей Партии, чтоб мощный в своем организованном единстве пролетариат, опираясь на поднявшую знамя восстания армию, смог противопоставить свою силу силе дворянства и бюрократии, смог опрокинуть весь прогнивший полицейский режим, смог создать на его развалинах демократическую республику. Близок, товарищи, день народного гнева, день мести, день суда и расправы над распутным правительством, надругающимся над народными массами. Теперь же, в день 9 января, в день великой скорби и печали по товарищам, предательски загубленным в 1905 г., крепче сомкнем ряды свои, крепче сплотимся стальной цепью братской солидарности. Дружно, мощно, товарищи, крикнем: «Месть насильнику на троне. Погибель царским прихвостням. Погибель народоубийцам, что кровью и потом народного труда сколачивают себе миллионные состояния, пируя во время чумы народного бедствия, они заставляют жен и матерей оплачивать расходы по убийству своих мужей и братьев. Однодневною забастовкой в день 9-го января мы призываем вас, товарищи, помянуть погибших в пятом году. Вперед, товарищи! Устраивайте митинги, собрания протеста против войны. Устраивайте сборы на репрессивных и на нелегальную печать. В этот день, в день смотра сил организованного пролетариата, мы должны еще раз мощно и единодушно крикнуть: Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует международная солидарность пролетариата! Да здравствует единая Р. С.-Д. Р. П.!

Петербургский Междурайонный Комитет.

Январь 1917 года.

Приложение пятое.

Письмо Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета в Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков).

9 января в Петрограде.

Сообщаю предварительные, неполные сведения о 9 января у нас, в Петрограде. Этот день показатель громадного роста революционной сознательности и активности петроградского пролетариата за истекший год. Несмотря на отсутствие прокламаций местной организации (не вышедших из-за крупных провалов техники), 9-январская стачка превзошла по своим размерам не только прошлогоднюю в этот день, но и все вообще стачечные выступления за годы войны. Количество бастовавших больше даже, чем в бурные октябрьские дни этого года.

Подготовительная кампания, как обычно, была начата заблаговременно, но серьезные организационные провалы сильно тормозили организационную работу. Все же уже 5 января на некоторых заводах Выборгской стороны были собраны митинги, а 7-го митинги были на всех крупных заводах Выборгской стороны, на Путиловском и Обуховском заводах, на ряде заводов Московской заставы и Петроградской стороны.

Всюду выступали наши товарищи, призывавшие к однодневной стачке 9 числа. На Выборгской стороне успешное проведение забастовки было обеспечено. На Путиловский и Обуховский заводы питали мало надежды.

Блестящий успех забастовки превзошел все самые смелые ожидания.

На Выборгской стороне на заводах были митинги (2 Лесснер, Эриксон, Айваз, 2 Парвиайнена, Барановский, Феникс, Пузырев, Щетинников, Нобель, Русско-Балтийский и др.). С митингов рабочие выходили с пением революционных песен, а кое-где и с красными флагами. Крупных столкновений с полицией не было.

Бастовали даже остальные мануфактуры и мелкие заводы. В первый раз с 1905 года, несмотря на казарменный режим, бастовал Петербургский Арсенал. В общем бастовало 21 пред-

приятие. Число стачечников сейчас установить трудно; 60 тысяч не будет преувеличенной цифрой.

За Невской заставой впервые с 1905 года бастовал Обуховский с его 14 тыс. рабочих. При чем забастовка была проведена дружно с большим подъемом. Там же бастовали частично: Семянниковский, Картонная фабрика, Торнтон, Паль и др.

В общем за Невской заставой бастовало свыше 28 тыс.

На Путиловском заводе, где полицейские внутри-заводские порядки не дают возможности созыва даже большого общезаводского митинга, отдельные мастерские с утра, не приступая к работам, устроили собрание и пошли снимать остальных. Часов с 10 утра стоял весь «Старый завод», а с обеда и верфь. Всего около 30 тыс. человек. С Путиловского завода стачка перекинулась на завод Тильманса с 3 тыс. рабочих. Хорошо прошла стачка за Московской заставой, где стояли: Сим.-Шуккерт, Речкин, Коппель, Динамо, Зигель и др. Была устроена от Сим.-Шуккерта демонстрация с красными флагами, при чем на улице выступил оратор. Демонстрация была разогнана конной полицией.

На Петроградской стороне бастовало 7—8 предприятий (Вулкан, Геслер, Дюфлон, Семенов, Щетинников).

Хуже чем обычно была проведена забастовка во втором городском районе, где только что проиграна с большими потерями крупная экономическая стачка в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Здесь бастовал только Франко-Русский завод, и то не полностью. Всего полторы тысячи.

На Васильевском Острове недавние крупные аресты в организации также помешали провести стачку в крупном размере. Здесь бастовали: Сименс-Шуккерт, Балтийский, Печаткин и, частично, др. заводы. Всего 10 тыс. человек.

Кроме того к выступлению примкнул целый ряд типографий, так что 9-го не вышли: «Речь», «День», «Совр. Слово» и др.

В общем, на основании этих неполных сведений число бастовавших можно определить в 160—170 тысяч участников, иные определяют в 200 тысяч и более.

Это несмотря на отсутствие наших воззваний. Нами было выпущено лишь ничтожное количество листовок на Выборг-

ской стороне и к тому же поздно, да латышский районный комитет издал на латышском языке 2 тысячи прокламаций, под заглавием: «Слава павшим товарищам, смерть убийцам». Нужно отметить еще о латыш. организации, что ею было вывешено в городе несколько красных флагов.

На заводах были распространены листки Межрайонного Комитета (всего около 2 тысяч) и немного Инициативной гр. Успешное проведение выступлений 9 января очень подняло дух масс. Настроение на заводах очень бодрое, политически-сознательное и открывает широкие революционные возможности.

На большинстве заводов зреют острые экономические конфликты из-за понижения расценок, вследствие массового сокращения производства за недостатком сырья.

В.

Приложение шестое.

Письмо Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета в Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков).

Письмо № 1.

Прежде всего, спешим поделиться с вами, дорогие товарищи, радостными сведениями о том, как у нас прошел день 9 января.

Вам известно, что товарищи безжалостно расстреляны правительством Николая II 9 января 1905 г., тот же день положили начало Великой Российской Революции. Продолжая их дело, из года в год Социал-Демократическая рабочая партия призывает всех, кому дорого создание политической свободы, заявить в этот день о своей солидарности с требованием рабочих, раздавшихся 9 января. Еще в декабре прошлого года комитет нашей партии, выяснив настроение масс на местах постановил призвать Петроградский пролетариат к однодневной политической забастовке, с устройством митингов, на которых должна быть выяснена цель этой политической стачки и указана необходимость особенно усилить революционную борьбу теперь, когда неслыханными бедствиями войны, правящие классы думают отвлечь внимание народа от

истинных врагов. Было решено выпустить листовки, того же содержания, но полицейские атаки, непрерывно посыпавшиеся на нашу организацию, в декабре ограничили эту возможность, лишь одному району удалось издать утвержденную Комитетом прокламацию в незначительном количестве экземпляров. Правда, за долго до 9 января вышла прокламация, посвященная этому дню, изданная на латышском языке, Латышским районным Комитетом Петроградского К-та.

Однако само настроение масс, неустанная работа районных комитетов, заводских коллективов сказались в том, что 9 января забастовало до 50 предприятий с числом рабочих около 150—160 тысяч человек, некоторые товарищи при обсуждении вопроса о том, как отметить день 9 января в этом году, высказывались за то, чтобы на этот раз выступление развернулось вглубь и вширь вплоть до решительного сражения.

Но, учитывая то обстоятельство, что кризис все еще нарастает, что недовольство с каждым днем охватывает все более широкие круги населения, Комитет совершенно правильно указывает невозможность предвосхитить, как могут пойти события, определяя свою задачу лишь в том, чтобы в этот день только усилить свою агитацию за революционные лозунги: долой царскую монархию, долой войну. Сведения, поступающие из других мест, указывают, что желание борьбы обнаруживают рабочие во многих городах. Известно пока, что в Харькове не работали все крупные заводы, устроены были митинги. В Москве не работало $^1/_3$ предприятий, была устроена демонстрация на Театральной площади (называют цифру участников до 1.000 чел.) с пением революционных песен и провозглашением наших лозунгов: долой войну, долой царскую монархию.

Вы сами, товарищи, можете сделать выводы из этих событий.

Еще упорней, настойчивее поведем нашу работу.

В следующий раз мы поговорим о взаимном отношении рабочей организации и организации революционной армии.

Исполнительная комиссия Петербургского Комитета Российской Соц.-Дем. рабочей партии (большевиков).

Приложение седьмое.

Письмо рабочей группы Центрального Военно-Промышленного Комитета, адресованного другим группам Военно-Промышленн. Комитетов.

В предыдущих письмах мы уже извещали вас о тех настроениях, которые назревают в рабочих кругах Петрограда в связи с переживаемым сейчас страной политическим моментом.

Насколько мы можем учесть, по имеющимся у нас сведениям, взгляды и настроения организованных элементов рабочего Петрограда, взгляды эти сводятся к тому, что страна вступила в полосу небывало-резкого столкновения буржуазно-цензовой России с властью. Столкновение это может привести к сколько-нибудь благоприятным для демократии результатам лишь в том случае, если пролетариат сумеет во время бросить на чашу весов свое организованное действие.

Так оценивали момент указанные выше рабочие круги. Скоро мы уже стали свидетелями ряда фактов, вытекающих из такой оценки.

С 5 января в Петрограде началась полоса заводских митингов, отразивших пробуждающуюся активность рабочих масс Петрограда. Такие митинги состоялись, насколько нам известно, на Обуховском заводе, зав. «Вулкан», в Арсенале и т. д. Все они заканчивались вынесением резолюций, направленных в Гос. Думу и требующих от нее отказа от половинчатой политики и немедленного вступления на путь решительной борьбы с властью. «Стремясь к тем же целям, какие были выдвинуты рабочим движением в 1905 году,—говорит одной из доставленных нам резолюций,—российский пролетариат при нынешних условиях в первую очередь выдвигает образование временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ. Это правительство именем народа и в его интересах решит вопрос о войне и мире и приступит к политической реорганизации страны».

Начавшаяся политическая кампания совпала с традиционной для русского рабочего движения датой—днем 9 января. Те воспоминания, которые связаны с этим днем, в современных условиях, приобрели, повидимому, особенную остроту. И 9 января было отмечено в этом году рабочим классом не только

как традиционная дата. Основной темой речей, прозвучавших в этот день на заводских митингах, был вопрос о преодолении в интересах демократии назревшего политического кризиса, а самое выступление рабочих рассматривалось ими как первый шаг к такому преодолению. На большинстве митингов, насколько нам известно, приняты были резолюции, аналогичные отмеченной уже нами выше. Во многих местах, кроме того, были вынесены резолюции протеста против отсрочки занятий Государственной Думы и требование ей немедленного созыва.

Но ограничиваясь этими проявлениями своей активности, рабочие Петрограда отметили дату 9 января еще и однодневной забастовкой, прошедшей под теми же лозунгами.

По имеющимся у нас сведениям, забастовка охватила большинство фабрик и заводов Петрограда. Московская застава, Выборгская и Петроградская стороны стали почти целиком. Бастовал ряд предприятий и в других районах города, в том числе наиболее крупные заводы Петрограда—Путиловский, Обуховский, Франко-Русский, Невский Судостроительный и др. Не работало также значительное число типографий, вследствие чего 10-го января не вышли некоторые газеты. Всего 9 января бастовало в Петрограде, по приблизительным нашим подсчетам, до 200.000 рабочих.

Забастовка была объявлена только на один день, и 10-го января рабочие везде вернулись к станкам.

Как нам передают, в организованных рабочих кругах полагают, однако, что проявления рабочей активности, имевшие пока своим завершением забастовку в день 9 января, этим отнюдь не закончатся. По их мнению, перед рабочим классом стоит неотложная задача организованного вмешательства в ту политическую кампанию, которая началась в связи с близящимся возобновлением занятий Гос. Думы. Отмечая повсюду приподнятое настроение рабочих масс, круги, о которых мы говорили, считают необходимым направить это настроение в сторону энергичного воздействия на политическую жизнь страны.

По имеющимся у нас сведениям, вновь началась полоса заводских митингов, выносятся и направляются в Гос. Думу резолюции и т. д. Все это дает основание указанным выше кругам полагать, что в дальнейшем такое участие рабочих

масс в начавшемся политическом движении примет еще более широкий характер.

Мы надеемся, что вы, в свою очередь, расскажете нам о жизни и настроениях рабочих кругов вашего города.

Центральный Военно-Промышленный Комитет.

Рабочая группа.

Приложение восьмое.

Информационный листок, размножавшийся на пишущих машинках и гектографе. Вышло всего два номера. Последний номер был сдан для размножения 26-го февраля. Первый номер распространялся в конце января 1917 г.

Осведомительный листок № 1.

Издание Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Выпуская «Осведомительный Листок», Бюро ставит своей задачей посильное ознакомление Российских социал-демократических организаций с положением дела в партии, с характером рабочего и общественного движения отдельных мест обширной России. В интересах полноты сведений Бюро предлагает всем организациям регулярно присылать информации.

Петербург. В ноябре и декабре массовые обыски и аресты. В начале декабря арестована типография Петроградского Комитета, 5 тысяч брошюр «Кому нужна война?», набор «Пролетарского Голоса» № 4. Во второй половине декабря арестованы товарищи техники, печатавшие «Пролетарский Голос» в легальной типографии захватным путем. Арестованы уже при выходе с пакетами газеты.

Благодаря этим провалам к 9-му января Петроградский Комитет не смог выпустить листовки. Однако все партийные ячейки повели агитацию за стачку и стачка в этом году отличалась большим количеством участников. Бастовал Путиловский, Обуховский и даже С.-Петербургский Арсенал, не знавший стачки уже с 1905 года. По районам стачка шла следующим образом: Выборгский — всеобщая, Невский—всеобщая, Городские — большинство и слабо на Васильевском острове, Петербургская сторона—большинство. Число стачечников определяют до 300.000 рабочих.

Москва. 1917 г. 9 янв. К 9-му января 1917 года Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии выпустил листок с призывом отметить этот день однодневной забастовкой с митингами по заводам и уличными демонстрациями. Листок оканчивался призывом: «Да здравствует революция!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!». Аналогичный листок был выпущен двумя-тремя партийными социал-демократическими группами. Московская организация, недавно и неполно восстановлешая, не могла хорошо и в большом количестве воспроизвести и распространить листки. Тем не менее о забастовке 9-го января говорили по промышленным предприятиям уже за несколько дней. 9-го января с утра после собраний по заводам, бросили работу заводы Бромлей, Добров-Набгольц, Изноской - Зуккау (бывш. Гакенталь), Михельсон (бывш. Гоппер), Динамо, зав. Бари, Густав Лист, фабрика Хишина, Циндель и другие. Бастовали портные, и много мелких предприятий. Всего с утра не работало приблизительно 20% рабочих. После обеда число бастующих поднялось %% до 30-ти. К часу дня на Тверской бульвар по приглашению Московского Комитета собралось две-три тысячи рабочих, среди которых можно было насчитать десятка три студентов. Собранная заранее полиция сделала демонстрацию невозможной. Начались аресты при попытке запеть. Появилась конная полиция. Товарищи направились небольшими группами на Театральную площадь. В начале третьего часа на Театральной площади собралась толпа рабочих с небольшим количеством студентов. Запели «Отречемся от старого мира» и с красным знаменем, на котором было написано «Долой войну»—«Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия» прошли от Неглинной улицы до половины Охотного ряда и обратно. Толпа возросла до тысячи человек. Движение трамваев приостановилось. Толпы наблюдающих увеличивались. Слышались сочувствующие возгласы иногда со стороны находившихся в публике нижних чинов, были и враждебные возгласы. Около гостиницы Метрополь дорогу преградили полицейские офицеры и на встречу толпе бросились два прапорщика с обнаженными шашками. Полицейские тотчас также обнажили шашки и били ими плашмя. Появились в то же время конные наряды сзади

и с боков. Толпа согласно ранее данным указаниям организации рассеялась. Несколько человек было арестовано. Всего с ранее арестованными насчитывается до 1½ десятка арестов. Несколько ранее состоялась небольшая демонстрация с пением и красным знаменем «Да здравствует Революция!» на Елоховской улице. Человек двести двинулись от здания Союза Потребительских Обществ по Рыкунову переулку и были остановлены и рассеяны полицией на Елоховской площади. Были аресты. Кроме демонстрации на Театральной площади были несколько демонстраций на окраинах: на Благуше, в Рыкуновом переулке (демонстрация потребительских служащих), за Пресней, а также у Красных ворот, на Лубянской площади. На-днях будет выпущен бюллетень с подробным перечнем забастовок, имевших место 9-го января.

12-го января обычное празднование Татьянина дня окончилось к вечеру демонстрацией учащейся молодежи с пением революционных песен. Демонстрация была разогнана полицией на Страстной площади и снова собралась на Моховой. Студенты отмечают Татьянин день. Вечером собрались к памятнику Пушкина. Трезвые, мрачные. Полиция разгоняла. Позднее собралась большая толпа учащихся обоего пола на Моховой к столовке. Пели революционные песни. Приехал полицеймейстер и предложил хоть раз пропеть национальный гимн. Ответили крепким словом. Полицеймейстер уехал. Студенты позднее разошлись. С утра кое-где бастуют рабочие. Из крупных заводов можно отметить Бромлея (отсюда Черегородцев)[1]), Доброва, Листа, Мендельсон (б. Гоппер). Иногда рабочие предъявляют экономические требования. К вечеру у Даниловской заставы (фабричный район) собираются толпы рабочих. Идут с караваем хлеба и требуют хлеба. Произошло серьезное столкновение с полицией. Позднее столкновение толпы рабочих с полицией на Калужской площади.

Нижний Новгород. Перед Рождеством и после Нового Года происходили аресты в Канавине. Организацию они не затронули. В Сормове намечается движение за повышение заработной платы. В округе много крупных предприятий, эвакуированных из военной зоны. Социал-демократическая работа ведется всюду.

---

[1]) Вождь военно-промышл. социалистов Московск. промышл. района

Иваново-Вознесенск. С 29 декабря рабочие начали итальянскую забастовку, а 30-го бросили работу. Требование— уплата за 4 месяца на дороговизну. Это вознаграждение было получено рабочими фабрики Витова и послужило общим требованием района. Фабриканты отказываются удовлетворить и объявили всем рабочим расчет. Были попытки к демонстрациям.

Шуя. После рождественских праздников началась забастовка на трех фабриках. Требования экономические.

Кохма. Забастовка рабочих с экономическими требованиями.

Поволжье. В Поволжье в главных центрах имеются социал-демократические организации. Организации построены следующим образом: заводские ячейки—кружки—являются основой. Общее собрание их выбирает руководящий центр— Комитет. Число членов кружков колеблется от 8—10 человек. Членский взнос в партийную кассу происходит довольно регулярно. В кружках ведутся занятия и они же являются организационными и деловыми центрами во время выступлений рабочих. За последнее время организациями было выпущено несколько листков с оценкой текущего момента и с нашими обычными лозунгами. Получалась заграничная литература и читалась нарасхват. Большой недостаток ощущается в интеллигентах и профессиональных работниках. Летом в Поволжье была организована областная конференция. Были подготовлены резолюции: доклады были проведены в низах. Съехались делегаты из 4 главных городов Поволжья, но по независящим обстоятельствам конференция не могла закончиться и часть ее членов пострадала. Оборонцев в Поволжьи почти совсем нет ни среди интеллигентов, ни среди рабочих. Были забастовки исключительно на экономической почве, но организации старались внести в них политический момент, что в некоторых случаях удавалось. Очередными задачами, поставленными организациями, является более тесная связь с центром и литературная массовая пропаганда и агитация (листки, газета).

Тула. Стачка железнодорожных мастерских.

Бюро Центрального Комитета предлагает всем организациям озаботиться присылкой 10% отчислений. Недостаток средств служит препятствием к своевременной доставке литературы на места.

Января 22—1917 года.

Приложение девятое.

Воззвание Рабочей Группы Центрального Военно-Промышленного Комитета, послужившее материалом для ареста ее членов 26 января 1917 года.

Режим самовластия душит страну. Политика самодержавия увеличивает и без того тяжкие бедствия войны, которые обрушиваются всей тяжестью на неимущие классы. И без того бесчисленные жертвы войны во много раз умножаются своекорыстием правительства. Создав тяжкий продовольственный кризис, правительство упорно и ежедневно толкает страну к голоду и полному разорению. Пользуясь военным временем, оно закрепощает рабочий класс, приковывая рабочих к заводу, превращая их в заводских крепостных. Неспособный справиться с задачами, поставленными войной, господствующий режим воспользовался ею, однако, для усиления гонений и гнета над населяющими Россию народами.

Ликвидация войны и мир, которого жаждет утомленная страна, не выведет народ из бедственного положения, *если ликвидировать войну будет не сам народ, а теперешняя самодержавная власть.*

Ликвидируя войну, оно будет стремиться сковать для народа новые цепи. Конец войны вместо облегчения может принести народу новые, еще более страшные несчастья. Связанный по рукам и ногам политическим бесправием, народ, в особенности же пролетариат, окажется отданным на произвол безработице и голоду. Дороговизна и безработица, об'единившись самовластием правительства, ввергнет рабочий класс в нищету и рабство.

Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны является теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования рабочего класса и демократии.

Исходя из всего вышесказанного и считая, что нынешнее столкновение имущего буржуазного общества с властью создает момент, особенно благоприятный для активного вмешательства рабочего класса, что столкновение Думы с правительством может быть использовано народным движением в интересах решительного удара по самодержавию.

Мы, рабочие   ., постановляем: немедленно приступить к сплочению и организации своих сил и избрать заводский комитет; сговориться с товарищами других фабрик и заводов; на ряде собраний выяснить всем товарищам исключительную важность момента; сообщить о своих решениях на другие заводы.

К моменту открытия Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступление.

Пусть весь рабочий Петроград к открытию Думы, завод за заводом, район за районом дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии.

Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса: только учреждение Временного Правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, способно вывести страну из тупика и гибельной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на приемлемых, как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран, условиях.

Приложение десятое.

Ответ Центрального Военно-Промышленного Комитета на правительственное сообщение об аресте Рабочей Группы. **12846.**

Центральный Военно-Промышленный Комитет.

Петроград, Литейный пр., 46. Телегр. адр. «Ассоциация». Телеф. 238-22, 433-86 и 131-21.

Разъяснение Центрального Военно-Промышленного Комитета по поводу правительственного сообщения 30 января 1917 г. об аресте Рабочей Группы (утверждено Бюро Комитета 31 января).

Опубликованное 30 сего января в периодических изданиях правительственное сообщение о революционной деятельности Рабочей Группы Центрального Военно-Промышлен-

ного Комитета и о возбуждении судебного преследования против членов Группы освещает вопрос о деятельности этой группы неправильно и односторонне.

Правительственное сообщение причисляет всех членов Рабочей Группы к членам революционных партий. Такая характеристика политических воззрений группы является, однако, совершенно неверной.

При выборах на фабриках и заводах Петрограда уполномоченных, из состава которых были избраны члены Рабочей Группы, в среде рабочих появилось два течения. Одно из них стояло за совместную работу с другими классами общества на пользу обороны, другое — совершенно отвергало эту работу. Победило первое течение, и одно уже это обстоятельство свидетельствует о том, что в уполномоченные и в члены Группы попали не самые крайние представители рабочего класса, а, напротив, более умеренные элементы. Члены Рабочей Группы ближе всего примыкали, по своим воззрениям, к так называемым «меньшевикам», т.-е. одному из более умеренных политических течений среди русских рабочих. Деятельность Рабочей Группы протекала открыто и была далека от методов борьбы, обычно применяемых революционными партиями для достижения своих целей.

В правительственном сообщении говорится далее, что Рабочая Группа «с самого начала своей деятельности заняла обособленное в Комитете положение и вместо того, чтобы посвятить свои силы делу обороны страны, стала обращаться в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в Империи, поставив своей конечной целью превращение России в социал-демократическую Республику».

Между тем, в действительности Рабочая Группа, хотя и заняла в Центральном Комитете самостоятельное положение, отнюдь не чуждалась работы Комитета по организации обороны страны. Группа и отдельные члены ее оказывали Комитету самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, занятых в предприятиях, работающих на оборону. При этом Группа решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы. Группа обсуждала далее ряд мер к улучшению положения рабочего класса и

к предотвращению конфликтов рабочих с предпринимателями и вносила свои предположения в Комитет. Так, при действительном участии Рабочей Группы были выдвинуты и разработаны вопросы о рабочих старостах, о примирительных камерах и о бирже труда. Группа стремилась к уменьшению продовольственной нужды рабочих, к созданию общественных столовых, члены Группы принимали также ближайшее участие в кооперативном и профессиональном движении Петрограда. Эта совместная деятельность Группы и Центрального Военно-Промышленного Комитета не только не носила революционного характера, но, напротив, имела целью создание условий для спокойной работы на оборону путем удовлетворения насущных нужд рабочего класса, являющегося главнейшим элементом в этой работе.

С формальной стороны Рабочая Группа пользовалась самостоятельностью, но не была обособлена от Центрального Военно-Промышленного Комитета, ибо внешние сношения Группы производились обычно с одобрения Бюро Комитета.

Если за последнее время усилились политические выступления Рабочей Группы, то основною причиною этому являлось тяжелое общее политическиое положение страны и постепенно укоренявшееся в населении убеждение, что существующий политический режим ведет страну не к победе, а к поражению. В частности, политика правительства в отношении рабочего класса и его систематическое противодействие всяким мерам к улучшению положения этого класса не могли не внушить Рабочей Группе сомнения в целесообразности спокойной и органической работы, предпринятой Группою. С другой стороны, мероприятия к ликвидации Рабочих Групп в провинциальных Комитетах оказывали самое тягостное влияние на душевное настроение членов Группы и, в свою очередь, толкали ее от спокойной деловой работы в сторону энергичного участия в политике. Как далеко шли политические чаяния Рабочей Группы в Комитете, данных не имеется, но Центральный Комитет глубоко убежден, что беспристрастноо следствие и гласный суд обнаружат полную несостоятельность утверждения правительственного сообщения, что конечной целью деятельности Рабочей Группы являлось превращение России в социал-демократическую республику.

Центральный Военно-Промышленный Комитет чрезвычайно дорожил участием в нем рабочих элементов страны. Полная политическая обособленность рабочих и принципиальное их отчуждение от всяких общений с так называемыми буржуазными элементами представляет, несомненно, серьезную опасность для нормального политического развития страны, для поддержания в ней внутреннего спокойствия, столь необходимого для борьбы с внешним врагом. Поэтому Центральный Комитет высказывает самый горячий протест против разгрома Рабочей Группы. Это — несомненно тяжелый удар делу национальной обороны, угашающий в народных массах последнюю искру веры в плодотворность участия в общественной работе для защиты родины.

Мера, принятая властью в целях подавления рабочего движения, может принести обратные результаты: не ослабить, а усилить существующее брожение в рабочей среде.

Вместе с тем, Центральный Комитет признает, что те самые условия, которые толкали в область политики Рабочую Группу, оказывали и продолжают оказывать однородное влияние на все общественные организации.

Расходясь подчас с Рабочей Группой в ее политических и социальных воззрениях, комитет в то же время согласен с этой Группой в оценке нынешнего политического режима и правительственного курса и признает существующую власть неспособной обеспечить победу России над внешним врагом.

Бюро Центрального Военно-Промышленного Комитета.

Приложение одиннадцатое.

Печатная прокламация, полученная в Бюро Центрального Комитета в январе 1917 года из Сибири. По нашим тогдашним предположениям была выпущена в городе Канске.

ТОВАРИЩ!!!

Самая гнусная из всех известных истории войн опустошает уже более двух с половиной лет большую часть вселенной. Эта война наносит удар человечеству в его наиболее драгоценном наследии: она угрожает похоронить под своими развалинам все, чем Европа гордилась на заре XX века.

Почему же заговорили о мире люди, мечтавшие о том, чтобы придавить к земле всю Европу железной пятой своих армий? Германия и ее союзники заговорили о мире не потому, что проснулась совесть в душах немецких министров. И не потому, что силы их на исходе.

Нет! Ничто не изменилось в душах министров, обрекших смерти цвет своего народа ради захвата новых земель, ради новых барышей для отечественного капитала.

Не миролюбие и не слабость заставили правительства Германии и Австро-Венгрии выступить с предложением мира. Этот шаг они сделали под давлением выросшего у них за плечами призрака революции.

Наши товарищи, пролетарии Германии и Австро-Венгрии, давно уже выступили на борьбу против бедствий войны. Они первые подняли знамя с дорогим нам кличем: «*Долой войну!*»

Мужественно и стойко боролись они под этим знаменем два года. Правительство Германии хватало и сажало их в тюрьмы, расстреливало на площадях и улицах толпы. Но кровь, пролитая за дело свободы, за дело человечества, не пропадает бесследно, не впитывается в бесплодную землю, как кровь умирающих на поле сраженья. Несмотря на все насилия, день ото дня росла в Германии армия пролетариата, поднявшегося на борьбу за восстановление мира.

Все громче раздавались требования прекращения войны. Все яснее звучали угрозы. Все яростней бились волны народного гнева в стены дворцов. И заколебались троны под ударами этих волн.

Правительства воюющих с нами стран заговорили о мире. Расчет их ясен. Они предлагают мир воюющим с ними странам. Если враги откажутся вести с ними переговоры, они скажут своим народам: «Мы сделали все, чтоб прекратить кровопролитие. Но вы видите сами, что мы бессильны остановить войну. На нас нападают, мы должны защищаться».

Если этот маневр удастся, движению рабочих против войны в Германии будет нанесен смертельный удар. С новым ожесточением возгорится война. Новые потоки крови, новые груды трупов, опять наборы, опять призывы. И чем это кончится? Когда наступит конец этому безумию?

Весь маневр германского правительства построен на предположении, что германский пролетариат одинок в своей борь-

бе за мир. Игра ведется на то, что рабочие России, Англии, Франции не поддержат рабочих Германии в их требовании. *«Долой войну!»*.

Только народное движение заставило правительства воюющих с нами стран выступить с предложением мира. Только народы могут заставить правительства России, Англии и Франции принять это предложение. Откликнутся ли русские рабочие на призыв, обращенный к ним их братьями, немецкими рабочими? Поддержат ли их в великой тяжелой борьбе за мир?

Теперь решаются судьбы Европы. Решается вопрос, станет ли предложение, сделанное нам правительствами воюющих с нами стран, ступенью к миру или поведет к дальнейшему увеличению ожесточения войны. Решается этот вопрос, и в такое время не может уклониться от решения его никто, в чьей груди бьется живое сердце, в чьей голове не угасла ясная мысль, в чьей душе не умерла совесть.

Товарищи! Кто из вас не проклинал в душе нынешней бесплодной и бесчеловечной войны. Но мертвы проклятья, заключенные в четырех стенах, когда нужно действовать.

Каждый день война уносит 25.000 человеческих жизней. Каждый лишний час войны стоит жизни тысячи человек, разрушает счастье тысячи семейств. Приблизить на час, на один только час перемирие — значит спасти от гибели сотни товарищей и братьев.

Преступно молчать в такое время. Кто молчит теперь, на того падает доля ответственности за продолжение войны... Что же нам делать? Чего добиваться?

Мы хотим, чтоб были сдернуты маски с лицемеров, говорящих о мире и раздувающих пламя всемирной войны.

Мы хотим, чтоб из тайных дипломатических кабинетов, где все вопросы решаются интригами, подкупом, изменой, вопросы войны и мира перешли в руки народов.

Вопросы о мире должны быть начаты немедленно.

Все предложения, сделанные правительствами воюющих с нами стран, должны быть опубликованы во всеобщее сведение и сделаны предметом общенародного обсуждения.

Когда будут известны предложения той и другой стороны, одни и те же задачи встанут перед нами и перед нашими товарищами в Германии и Австро-Венгрии.

Мы будем бороться с завоевательными стремлениями наших правящих классов. Наши товарищи будут продолжать свою мужественную борьбу с захватными планами капиталистов своей страны.

Вместе мы будем добиваться мира на основе признания прав народов. Но мы не можем доверить ведение переговоров о мире нашему правительству и нашей Государственной Думе.

Мы заявляем: голос правительства и Думы — не голос России, не голос народа. В тот час, когда решается судьба народа, не может быть представителем его кучка людей, набранных из толпы придворных льстецов Николаем Вторым и Григорием Распутиным.

Не может в этот час говорить от имени народа Дума, избранная помещиками по закону 3 июня. Дума, одобрившая суд над рабочими депутатами и изгоняющая со своих заседаний депутатов социал-демократической фракции — единственной фракции, не запятнавшей себя кровью убитых в нынешней войне, единственной фракции, которой верит народ.

Правительство и Государственная Дума одинаково виновны в нынешней войне. Правительство и Дума привели страну к краю пропасти. И народ не может доверить им свою судьбу. В руки самого народа должно перейти решение вопроса о войне и о мире. Из народа выйдут силы, способные залечить раны, причиненные ему войной. И встает старое наше требование *Учредительного Собрания.*

Наша страна на распутье. На распутье стоит и вся Европа. Только совместными усилиями пролетариев всех стран может быть потушен пожар всемирной войны.

Наши товарищи в Германии подняли знамя борьбы. Изза траншей тянутся к нам их руки, готовые бросить обагренное кровью оружие...

Слово за нами. Что скажем мы? Что ответим на их призыв? Мы ответим им словом привета. Мы скажем им, что их знамя и наше знамя — одно. Наш клич и их клич один — *долой войну.*

Немедленно должны быть начаты переговоры о мире.

Немедленно должны быть осуществлены все гражданские свободы для всенародного обсуждения условий мира.

Для ведения мирных переговоров, для заключения мира и для устроения жизни по стране должно быть созвано Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Таковы наши требования. В борьбе за них наши союзники—пролетарии Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции. Пусть же старый наш клич несется над миром, ждущим спасенья и избавления от рабочего класса: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь*.

Долой войну за угнетение других народов!

Да здравствует гражданская война за освобождение всего человечества!

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание!

Долой всех врагов свободы!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Комитет Рабочего Союза.

Январь 1917 г.

Приложение двенадцатое.

Листок Петербургской Инициативной Группы социал-демократов меньшевиков, посвященный лозунгам Рабочей Группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете.

Листок распространялся написанным на пишущей машинке в январе — феврале 1917 года.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие!

На заводах Петербурга известные группы рабочих ведут усиленную агитацию за то, чтобы рабочие поддержали борьбу буржуазных классов и их Думского представительства в теперешнем конфликте с существующим правительством.

Распространяется даже неизвестно кем выпущенная бумажка, призывающая рабочих Петербурга итти к Таврическому дворцу в день открытия Государственной Думы и тем самым спаять освободительное движение рабочего клас-

са с оппозиционной борьбой буржуазии и Государственной Думы во имя ее политических требований.

Товарищи рабочие, можем ли мы поверить на слово анонимным листкам и признать нынешнюю Думу действительным борцом за народные интересы и вождем народных масс в их борьбе с господствующим самодержавным режимом?

Можем ли мы в своей борьбе за полное раскрепощение России рассчитывать на подержку Государственной Думы и ждать от нее защиты наших интересов? Нет, товарищи, положение дел у нас совершенно иное, чем рисуют его авторы анонимных листков. Наша Государственная Дума, антинародная по своему составу и реакционная по своим политическим требованиям, не способна к борьбе за народные интересы и в решительную минуту скорей пойдет с правительством против народа, чем с народом против правительства.

Вся деятельность нашей Государственной Думы показала, что она всеми силами борется не за народные интересы, а против них. Дума боится народа и его борьбы. Дума всегда поворачивается спиной к народной борьбе, и старается в корне пресечь всякое народное движение. Дума систематически преследует представителей рабочих и крестьян за их попытки действительной борьбы с правительством.

Дума не останавливается перед клеветой и ложью, лишь бы втоптать в грязь действительную борьбу рабочих за народные интересы. Нашу славную борьбу против войны и против военного суда над нашими товарищами матросами, наше массовое выступление в октябре прошлого года, когда пришло в движение до 130 тысяч рабочих Петербурга, Государственная Дума вместе с буржуазными организациями и Рабочей Группой Военно-Промышленного Комитета назвала делом рук провокации и призывала правительство к самой решительной борьбе с нами.

Наши основные требования — созыв Учредительного Собрания и Демократической Республики — Дума устами Милюкова называет провокаторскими. Дума хочет вести войну без конца и в этом коренным образом росходится с интересами народных масс и рабочего класса России. Изгнав представителей рабочего класса и крестьян. Дума, вопреки желаниям народа, решительно отвергла всякие переговоры

о мире, требовала от правительства дальнейшего ведения войны и захвата Константинополя и проливов. Всю тяжесть войны, ведущейся исключительно в интересах имущих классов России, Дума вместе с правительством перекладывает на плечи народных масс.

В вопросах внутренней политики Дума хочет сохранить нетронутыми все привилегии имущих классов, а народ оставить таким же бесправным, каким он был и до сих пор. Третьеиюньская Дума не хочет слышать о демократизации России и боится истинного народовластия.

Товарищи рабочие, можем ли мы следовать за такой Государственной Думой, поддерживать все ее требования — нет. никогда. Рабочий класс не может принизить своей борьбы до уровня требований нашей Думы. Рабочий класс должен организовать свою борьбу за достижение действительной политической свободы, за торжество истинного народовластия. Рабочий класс должен добиться неограниченной свободы слова. печати, собраний, союзов и т. д., на что никогда не пойдет нынешняя Дума! Рабочий класс должен получить всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. но его не признает наша Дума.

Но рабочий класс больше всего заинтересован в скорейшем прекращении войны, а Дума требует ведения ее без конца. Рабочий класс кровно заинтересован в том, чтобы сбросить с своих плеч все то непосильное бремя войны, которое взвалила на его плечи Государственная Дума вместе с правительством. Рабочий класс должен поддержать требования крестьян о конфискации помещичьих земель. должен получить 8 часовой рабочий день, но в осуществлении этих требований пролетариат встретит в лице Думы самого ярого противника.

Товарищи рабочие! мы не хотим и не можем игнорировать борьбу наших буржуазных классов с правительством, но мы не можем в угоду им обрезать свои политические требования. Мы не можем превратить пролетариат в слепое орудие в руках буржуазии.

Без борьбы пролетариата немыслима политическая свобода России. Рабочий класс будет бороться за свои классовые цели и задачи, а не плестись беспомощно за третьеиюньской Думой. Но борьба рабочего класса во имя его собственных

интересов сметет и правительство и самую третьеиюньскую Думу. И именно для того, чтоб у нас упрочился парламентский режим и буржуазия могла приобщиться к государственной власти—русский рабочий должен бороться за торжество народовластия, за Учредительное Собрание и Демократическую Республику, а не ограничиваться поддержкой третьеиюньской Думы.

Товарищи рабочие, мы не должны мешать борьбе общественных сил с существующим самодержавным режимом, мы должны учитывать настроение и результаты борьбы буржуазии. Но в гораздо большей степени мы обязаны считаться с настроением рабочих масс и их готовностью к решительной борьбе. Мы не имеем права в угоду буржуазии с легким сердцем звать пролетариат на открытое массовое выступление, если не будем уверены, что оно является результатом накопившейся революционной энергии рабочего класса. Мы не должны верить всяким анонимным листкам, призывающим нас на выступление. Мы не последуем за безответственными и политически недобросовестными группами, которые нашу славную массовую борьбу за прекращение войны в октябре клеймят провокацией, а в январе призывают нас к массовому выступлению для борьбы против той же войны и аннексионистских вожделений нашей буржуазии.

Мы будем следовать только за призывом Р. С.-Д. Р. П. и признанных рабочим классом ее организаций.

Мы будем собирать свои силы, организовываться и готовиться к решительной борьбе во имя наших чисто пролетарских классовых задач и интересов. Мы будем бороться за созыв Всенародного Учредительного Собрания, за полную демократизацию нашей общественной и государственной жизни, за Демократическую Республику.

Да здравствует массовая борьба рабочего класса во имя его интересов! Долой войну, мы требуем мира!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует Демократическая Республика!

Да здравствует международная солидарность рабочего класса!

Да здравствует социализм!

Петербургская Инициативная Группа С.-Д. Меньшевиков.

Январь 1917 г.

Приложение тринадцатое.

Листок печатный, на латышском языке, распространенный в декабре—январе 1916—1917 годов в Петербурге.

Российская Соц.-Дем. Раб. Партия. Петроградская организация.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«На земле мир».

На рай обещанный
И спасителей надежда тщетна.
Сами себя освобождая,
На земле рай мы создадим.

Товарищи. Опять пришел праздник мира, опять колокола зовут нас в храмы, пороги которых сотни лет топтали угнетенные и порабощенные толпы, попарно обращая взоры на небо в ожидании, что оттуда действительно когда-то придет обещанный освободитель, который облегчит ярмо угнетенных, успокоит боли страдающих и прекратит стоны. В мире вечности утонули сотни лет, но немое небо молчит, как молчало, все темнее и темнее затягиваясь тучами над головами угнетенной толпы. Вместо ожидаемого мира ручьями разливается кровь наших братьев-рабочих; выплевывая смерть и разрушенье, тысячам пушек несут мир и облегченье тем, которые его ожидали. Голодных кормит король—голод, слабых лечит холод и эпидемии, стоны страдающих заглушают тюрьма и тундра, а все это покрывает шум оргий и пир пьяных спекулянтов. И тогда, видите, на кафедре поднимается призванный божий слуга и фарисейско-сладким голосом проповедует: «Слава в вышних Богу и на земле мир». Пришел на землю освободитель, который освободит порабощенное человечество.

Товарищи! Мыслима ли еще большая наглость и бесстыдство? Мыслимо ли еще большее издевательство над рабочим классом, в груди которого всегда горела жажда свободы и братства? Наших братьев, отцов и сыновей миллионами убивают на поле битвы. Наши матери, жены, сестры и дети-подростки принуждены на улице продаваться и быть предметом наслаждения для наших эксплоататоров и угнетателей. На-

ним потом и кровью добытое богатство превращают в оружие смерти; на праздничный стол нам преподнесен новый налог, вместо праздничной елки—горящие села и города, вместо песен радости—слезы и стоны...

Вот наши праздничные подарки. И все-таки господствующему классу и его священникам достает бесстыдства утверждать, что «На земле мир» и что неслыханная бойня—теперешняя война будет наш спаситель и освободитель.

Товарищи. Переполнена чаша наших страданий, чересчур много крови и стонов, чтобы дальше верить этому вранью, в то время, когда на поле войны наши близкие и братья, может быть в последних судорогах проклинают тех, которые устроили войну и поддерживают ее. Мы знаем, что пока человечество делится на богатых и бедных, пока существуют классы, живущие на наш труд, в интересах своей наживы гоняют на смерть миллионы—мира не было и не будет.

Борьба, упорная борьба против господствующих классов, против существующей системы эксплоатации—война войне и устроившим ее, борьба за народную власть,—вот наши лозунги. Выполнение этих лозунгов даст нам мир и счастье. Международная революционная социал-демократия эти лозунги писала на своем знамени борьбы, облитой кровью борцов свободы, и только в их рядах мы успешно достигнем победы.

И поэтому, товарищи, все те, в груди которых действительно горит жажда мира, которые не хотят предательски и молча смотреть на убийство своих братьев, для которых нестерпимо ярмо царствующей разрухи—вступайте в ряды социал-демократии. И когда раздадутся звуки праздничного звона, когда чернохалатые с алтарей будут проповедывать лживый мир, призовем угнетенный класс и всех против войны, за действительный мир и счастье всего человечества.

Только тогда, когда рабочим классом будет уничтожен существующий строй, когда рабочий класс будет решателем своей судьбой—тогда

На поле бойни ангел
Посадит ветку мира,
И звуки песни радостной нам скажут:
«Теперь пришел спаситель наш».

Долой войну.
Долой самодержавие.
Да здравствует международная солидарность рабочих.
Да здравствует революция.

Районный Комитет.

Приложение четырнадцатое.

Подготовка подавления революции.

О том, что царское правительство вело подготовительную работу по борьбе с уличным революционным движением, нашим подпольным организациям было известно. Правительственные мероприятия по борьбе с революцией шли по трем направлениям. В первую очередь борьба велась Охранным Отделением, путем установления «внутреннего освещения» (через провокаторство и агентов), а также наружного наблюдения и филерства («слежки»). Как показывали последствия. все эти области политического сыска были поставлены Петербургским Охранным Отделением не плохо.

Особенно усердно готовились к уличной борьбе полицейские, конные и пешие силы. Городовых дрессировали, создавали из них команды пулеметчиков. Сообщали нам и о том. что к подавлению беспорядков подготовлялись и воинские части Петербургского гарнизона. Но по полученным нами отрывочным и случайным сведениям еще нельзя было вскрыть полностью подготовленный план подавления. Лишь теперь, по некоторым материалам, можно установить почти полностью организацию полицейского и воинского участия в деле борьбы с рабочим революционным движением на улицах Петрограда.

Все подготовительные мероприятия по борьбе с революцией были сосредоточены в руках военных властей. Во главе всего дела стоял начальник охраны города Петрограда, генерал-лейтенант Чебыкин. Под его руководством был разработан план охраны города. Петроград был разбит на шесть отделений, во главе каждого из них стоял полицеймейстер. Каждое отделение было разбито на районы. Все районы были распределены между полками. Район включал два—три участка и воинскую часть в виде одного запасного батальона.

Казачьи, а также и другие кавалерийские части и артиллерия находились, очевидно, в непосредственном распоряжении начальника охраны. План был детально разработан и в развернутом виде представляет из себя хорошо продуманную механику кровавого подавления рабочих.

«Районы охраны города Петрограда». Так скромно озаглавлен документ совершенно секретного характера, в котором точно указаны участки борьбы для полицейских и воинских команд. Даю сводку с сохранением военного стиля.

Во главе *Первого отделения* стоял полицеймейстер действительный статский советник Значковский. В это отделение входило три района.

Район номер первый. Полицейские силы 1-го и 2-го участков Адмиралтейской части.

Район действия запасного батальона Лейб-Гвардии Преображенского Полка: Адмиралтейская Набережная (от Сенатского проезда), Дворцовая набережная, по реке Фонтанке до Пантелеймоновского моста, по реке Мойке до Мариинской площади, Исаакиевская площадь, Сенатский проезд. Преображенцы охраняют мосты: Михайловский, Певческий, Полицейский и Синий.

В особой «диспозиции» запасному батальону Лейб-Гвардии Преображенского полка было дано указание на «места, кои будут охраняться частями» и намечены «количества наряда». В первой рубрике были указаны: Зимний Дворец— ½ роты пехоты; дворец великой княгини Марии Павловны— ¼ роты пехоты; дворец великого князя Михаила Николаевича—¼ роты; дворец принца Ольденбургского на Марсовом поле—¼ роты; Министерство Иностранных Дел—¼ роты: Телефонная станция на Морской, № 22—¼ роты пехоты и 44 всадника кавалерии; одну роту на Полицейский мост; 2 взвода на Прачешный мост; одну резервную роту на Дворцовый мост.

Район номер второй. Полицейские силы 1-го и 2-го участков Казанской части, 3-го и 4-го участков Спасской части.

Район действия 2-го Гвардейского Стрелкового запасного батальона: Набережная реки Мойки от М. Конюшенного моста до Вознесенского проспекта, Вознесенский проспект, через Вознесенский мост направо по набережной Екатерининского канала до Крюкова канала, налево по Крюкову каналу, на-

бережная реки Фонтанки до Апраксина переулка, Мучной переулок, набережная Екатерининского канала до реки Мойки. Стрелки охраняют мосты: Малый Конюшенный, Красный, Вознесенский, Ново-Никольский, Казанский и Театральный.

Район номер третий. Полицейские силы 1-го и 2-го участков Спасской части и 1-го участка Литейной части.

Район действия запасного батальона Лейб-Гвардии Павловского Полка: по реке Неве, Французская набережная, Литейный проспект, Невский проспект через Аничков мост налево по набережной реки Фонтанки, Апраксин переулок, Мучной переулок, набережная Екатерининского канала, по реке Мойке через Пантелеймоновский мост, набережная реки Фонтанки до реки Невы. Павловцы охраняют мосты: Прачешный, Пантелеймоновский, Семеновский, Чернышев и Лештуков.

Согласно данной запасному батальону лейб-гвардии Павловского полка диспозиции, ему было поручено охранять: Аничков дворец нарядом в ½ роты; Мраморный дворец — ¼ роты; дворец великого князя Николая Николаевича — ¼ роты; дом г. министра внутренних дел и департамента полиции—¼ роты; Государственный банк—½ роты; Гостиный Двор—1 рота.

Во главе *Второго отделения* был полицеймейстер генерал-майор Григорьев.

По *четвертому району* полицейские силы были: 3-го уч. Казанской части, 1-го и 2-го участков Коломенской части.

Район действия воинской части,—запасного батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка: Вознесенский проспект от реки Мойки до Екатерининского канала, набережная Екатерининского канала до Крюкова канала, через Ст. Никольский мост, налево по Крюкову каналу, набережная реки Фонтанки до впадения ее в р. Неву, с Галерным островом включительно, набережная р. Невы до Сенатского проезда, Сенатский проезд, Исаакиевская и Мариинская площади, Вознесенский проспект.

По данной запасному батальону Кексгольмского полка диспозиции, на него возлагалась охрана следующих пунктов: дворец великого князя Александра Михайловича—¼ роты пехоты; Новое Адмиралтейство—½ роты; Франко-Русский завод—½ роты; Судостроительный завод на Галерном острове—½ роты; Главный Телеграф и Почтамт—½ роты; Литовский

замок — ¼ роты; Святейший Правительствующий Синод — ½ роты пехоты, полсотни казаков; Правительствующий Сенат—полсотни казаков.

Район номер пятый. Полицейские силы 2-го и 4-го участков Нарвской части.

Действующая воинская часть: запасной батальон лейб-гвардии Петроградского полка. Его район замыкался следующими границами: Забалканский проспект от реки Фонтанки по направлению к Московским Триумфальным воротам, по соединительной ветке железной дороги, через Черниговскую улицу, через Лиговский канал, по Путиловской ветви ж. д., по линии Балтийской ж. д., по линии Таможенной ветки ж. д., по реке Таракановке, через Обводный канал, Таракановская улица, набережная реки Фонтанки до Забалканского проспекта. Петроградцы охраняют вокзалы: Варшавский и Балтийский и мосты: Измайловский, Варшавский и Египетский.

По диспозиции на долю этого полка приходилась охрана следующих мест: Экспедиция заготовления Государственных бумаг—½ роты пехоты; Балтийский вокзал—½ роты; Варшавский вокзал—1 рота; на завод Динамо и для охраны других заводов—½ роты; Вагоностроительный завод, а также для фабрики обуви «Скороход»—1 рота.

Район номер шестой. Полицейские силы 3-го участка Нарвской части и Петергофский участок.

Район действия воинской части запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка: набережная реки Фонтанки от реки Екатерингофки, Таракановская улица, через Обводный канал, по реке Таракановке, по линии Таможенной ветки, по линии Балтийской жел. дор., по берегу Финского зал., по реке Екатерингофке до реки Фонтанки со включением Гутуевского острова. Измайловцы охраняют Большой Калинкинский мост.

В диспозиции, данной запасному батальону, значится следующее: места охраны: Путиловский завод—1 рота; Портовая таможня—¼ роты пехоты и 1 взвод кавалерии; Винный склад (Обводный, 159)—¼ роты; Винный склад на Гутуевском острове—¼ роты; Резиновая мануфактура, Гербовое казначейство—1 рота пехоты и полсотни казаков.

Отделение третье. Полицеймейстер — действительный статский советник Мораки.

Район номер седьмой. В него входят полицейские силы 1, 2, 3 и 4-го участков Московской части.

Район действия запасного батальона лейб-гвардии Семеновского полка: Невский проспект от реки Фонтанки до Знаменской площади, Лиговская улица, Глазовская улица, набережная Обводного канала, Клинский пр., набережная Введенского канала, Забалканский проспект, набережная реки Фонтанки до Невского проспекта. Семеновцы охраняют Царскосельский вокзал и мосты: Аничков, Семеновский, Обуховский и Рузовский.

По диспозиции Семеновцы должны были охранять следующие пункты: дворец великой княгини Елизаветы Федоровны и Дмитрия Павловича, Невский, 43—¼ роты; Главное казначейство—½ роты, Царскосельский вокзал — ½ роты; Электрическая станция Бельгийского о-ва—½ роты; Сенная площадь—½ роты.

Район номер восьмой. Полицейские силы 2, 3 и 4-го участков Литейной части, 1-й участок Рождественской части.

Район действия запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка: Невский пр. от Литейного пр. до Шлиссельбургского проспекта, Шлиссельбургский просп. по реке Неве, Калашниковская набережная до Калашниковского просп., Калашниковский пр., Боровическая улица, Лиговская ул., Бассейная улица, Греческий проспект, Госпитальная улица, Суворовский пр., Таврическая ул., Кирочная ул., Потемкинская ул., Шпалерная ул., Водопроводный пер., по р. Неве, Воскресенская набережная к Литейному проспекту, Литейный проспект до Невского проспекта.

По диспозиции запасной батальон лейб-гвардии Волынского полка должен охранять следующие места: Петроградское казначейство—¼ роты; Окружный суд—¼ роты; дворец великой княгини Ольги Александровны—¼ роты; Дом предварительного заключения на Шпалерной—¼ роты; Пересыльная тюрьма, Новоконная площадь—½ роты; Николаевский вокзал—1 рота; Обуховский завод—1 рота.

Район номер девятый. Он включал 2-й и 3-й участки Рождественской части и запасной батальон лейб-гвардии Литовского полка.

Район действия батальона был следующий: Калашниковский проспект от реки Невы, Боровичская ул., 5-я Рождественская ул., Лиговская ул., Бассейная ул., Греческий пр., Госпитальная ул., Суворовский пр., Таврическая ул., Кирочная ул., Потемкинская ул., Шпалерная ул., Водопроводный переулок, по реке Неве, Воскресенская набережная, Смольная набережная, Калашниковская набережная до Калашниковского проспекта. Литовцы охраняют мост Императора Петра Великого (Охтенский) по всей его длине.

Согласно «диспозиции», на запасный батальон лейб-гвардии Литовского полка была возложена охрана следующих пунктов: Электрическая станция (б. Гелиос, Новгородская, 12)—¼ роты; Казенный винный склад (Калашниковский пр., 58)—¼ роты; Финляндский вокзал—1 рота, подчинена командиру запасного батальона лейб-гвардии Московского полка. Водопровод на Шпалерной — ¼ роты; Рождественский трамвайный парк—¼ роты; Рожковский продовольственный магазин—½ роты; Таврический дворец—¼ роты; Охтенский мост. Батальону предписано выставить заставы: 1) угол Таврической и Суворовского пр.; 2) угол Кирочной и Суворовского пр.; 3) угол Таврической и Шпалерной; 4) угол Кавалергардской и Шпалерной; 5) угол Кавалергардской и Подгорной ул.; 6) в конце Таврической, у водокачки; 7) Водопроводный переулок.

Это расположение застав заставляет предполагать, что план и диспозиция были разработаны к предполагавшемуся моменту шествия рабочих к Государственной Думе.

Во главе *Четвертого отделения* был полицеймейстер генерал-майор Галле. В его ведении были три района.

Район номер десятый. Полицейские силы 3-го и 4-го Петроградской части и Ново-Деревенский участок.

Район действия запасного батальона Лейб-Гвардии Гренадерского полка был определен следующий: по реке Неве, набережная императора Петра Великого, по реке М. Невке, Петроградская набережная, Аптекарская набережная, по реке М. Невке, Песочная набережная, Колтовская набережная, набережная реки Ждановки через Петровский Парк, Гимназический переулок, Б. Спасская ул., Порховская ул., Геслеровский пер., Бармалеева ул., набережная реки Карповки, Каменноостровский проспект к Троицкому мосту до

реки Невы, со включением островов: Аптекарского, Каменного, Елагина, Крестовского, Петровского, а также Новой Деревни и Старой Деревни, кроме расположенных в этом районе мостов. Гренадеры охраняют и Троицкий мост по всей его длине, а также вокзал Приморской ж. д.

Согласно диспозиции на этот же запасный батальон была возложена охрана следующих пунктов: Елагин Дворец—¼ роты; Петровский трамвайный парк—¼ роты; Газовый зав. (Левашев пер.)—¼ роты; водокачка—½ роты; Фильтро-озонная станция на Петроградской стороне—¼ роты; Завод военно-врачебных заготовлений—½ роты.

Район номер одиннадцатый. В него входили 1 и 2 участки Петроградской части, а также 3-й Гвардейский Стрелковый запасный батальон.

Район действий запасного батальона: Петропавловская Крепость, Каменноостровский проспект, Набережная реки Карповки, Бармалеева ул., Геслеровский пер., Пороховая ул.. Большая Спасская ул., Гимназический переулок, через Мало-Петровский парк по набережной реки Ждановки к Тучкову мосту, набережная реки Невы до Петропавловской крепости. Стрелки охраняют Биржевой мост.

По диспозиции запасной батальон лейб - гвардии 3-й стрелковый его величества полк должен охранять следующие места: Государственный Совет—¼ роты; Губернское Казначейство (отделение при Петроградской Казенной Палате)—¼ роты; Дворец великого князя Николая Николаевича—¼ роты; дворец великого князя Павла Александровича—¼ роты; Винный склад на Ватном острове—¼ роты; Охранное отделение—¼ роты; Народный Дом—1 рота; Гвардейское Экономическое Общество—¼ роты.

Район номер двенадцатый. Полицейские силы—1 и 2 участки Васильевской части, Суворовский участок, Гаваньский участок.

В этот район входил весь Васильевский остров, служа районом действия для запасного батальона лейб-гвардии Финляндского полка. Финляндцы охраняют мосты: Николаевский, Дворцовый и Тучков по всей их длине.

Кроме того, согласно «диспозиции», финляндцы должны были охранять следующие пункты: Отделение Петроградского Казначейства в здании Биржи—¼ роты; Подстанция Элек-

трического Общества 1886 года, 12 линия, д. 15—$1/4$ роты; Газовый завод, 27 линия—¼ роты; Балтийский завод—1 рота; Трубочный — 1 рота; Василеостровский трамвайный парк — ¼ роты.

Отделение пятое. Во главе его был полицеймейстер полковник Шалфеев. Объединял два района.

Район номер тринадцатый. 1 и 2 участки Выборгской части и Лесной участок.

Район действия запасного батальона Лейб-Гвардии Московского полка: по реке Неве Полюстровская набережная от Александровской улицы, Арсенальная набережная, Пироговская набережная по реке большой Невке, Самсониевская набережная, Выборгская набережная, набережная реки Черной Речки, Сердобольская ул., Большой Самсониевский проспект, Выборгское шоссе до Поклонной Горы, Старо-Парголовский проспект, дорога в Сосновку, включая Политехнический Институт, дорога в Гражданку, Кушелевская дорога, Полюстровский проспект, Александровская улица до реки Невы. Московцы охраняют: Финляндский вокзал и мосты: Александровский, Самсониевский, Гренадерский.

По диспозиции на долю того же батальона приходилась охрана следующих пунктов: Арсенал и водокачка—1 рота; Арсенал (снаряжательный отдел) — 1 рота; Финляндский вокзал—1 рота; Электрическая станция на Лесном проспекте—¼ роты; Электрическая станция—Синявинская пл.—¼ роты; Вспомогательная станция водопровода на Выборгской стороне—½ роты; Одиночная тюрьма (Кресты)—$1/2$ роты.

Район номер четырнадцатый. Входят Полюстровский и Охтенский участки.

Район действия Первого Запасного Пехотного полка: по реке Неве Полюстровская набережная от Александровской улицы, набережная реки Невы вдоль Охты до железнодорожного моста соединительной ветви с Финляндскими жел. дор. по линии этой ветви до Полюстровсского проспекта, Полюстровский проспект, Александровская улица, до реки Невы. На него же возложена охрана Ириновского вокзала.

Шестое отделение возглавлял полицеймейстер полковник Ччелин. В это отделение входило два района и два запасных батальона.

Район номер пятнадцатый имел полицейские силы 1-го участка Алексанро-Невской части, Шлиссельбургский и Александровский участки.

Район действия запасного батальона лейб-гвардии Егерского полка: Знаменская площадь, Невский проспект, Шлиссельбургский проспект, село Михаила Архангела, село Александровское до Обуховского завода включительно, набережная Обводного канала, Атаманская улица, Кременчугская улица, Миргородская улица, Полтавская улица, Гончарная улица до Николаевского вокзала, Николаевский же вокзал, под'ездные пути Николаевской ж. д., а также и товарные склады последней будут охраняться запасным батальоном Лейб-Гвардии Преображенского полка.

Район номер шестнадцатый. В него входили 2, 3 и 4 участки Александро-Невской части.

Район действия запасного батальона лейб-гвардии Егерского полка: Лиговская улица, Глазовская улица, набережная Обводного канала, Клинский проспект до Забалканского проспекта, Забалканский проспект, включая Новодевичий монастырь, Киевская улица, Ямской проспект, Растанный переулок, вдоль северной стороны Единоверческого кладбища, склады керосина Нобеля, по линии Николаевской ж. д. через Американский мост, набережная Обводного канала, Екатеринославская улица, Чубаров переулок до Лиговской улицы; охраняют мосты: Ново-Московский. Егерский, Новокаменный и Американский.

Кроме того, согласно диспозиции, данной запасному батальону лейб-гвардии Егерского полка, на него была возложена охрана следующих мест: Электрическая станция (Обводный, 76)—½ роты; Газовый завод (Обводный, 74)—½ роты; Газовый завод (Забалканский проспект, д. 68)—¼ роты; на завод Сименс-Шуккерт и для других заводов—½ роты; Московский трамвайный парк охраняется Петроградским полком; на фабрику Новая бумагопрядильня для охраны ее, а также заводов Вестингауза, Жукова и района Боровая 36—½ роты; Американский мост. Роты, назначенные для охраны участков, помещаются: 1 рота на Глазовской улице; 2 рота на Бумагопрядильне; 3 рота на Тамбовской улице; 4 рота в казармах батальона; учебная команда на Обводном канале; 4 рота на Забалканском проспекте.

Кроме перечисленных мною воинских частей, к подавлению революционного движения были привлечены и другие воинские и полицейские силы.

На улицах Петербурга в те дни я видел казачьи части, жандармерию, конную полицию, кавалерийские части неизвестных мне полков. Очевидно, все кавалерийские части, за исключением небольших нарядов, прикрепленных к отдельным воинским командам, находились в непосредственном распоряжении начальника охраны города. К сожалению, в тех материалах, коими располагаю я, нет данных об организованном использовании других частей, кроме перечисленных.

Все части были связаны телефонами (общего пользования). Каждый пункт охраны имел телефон. Кроме того, все заводы, фабрики, полицейские участки имели специальные номера телефонов, для вызова войск или полицейских команд на помощь.

Организационная подготовка к вооруженному, кровавому подавлению возмущения рабочих была основательная. Механизм был рассчитан на полную остановку не только уличных революционных демонстраций, но всякого движения вообще. Все было учтено, каждая улица, каждая тропинка и проходной двор. Одного лишь не учли царские генералы, что армия уже была не та, которую они так послушно направляли против рабочих во время 1905 года и после него. Все эти лейб-гвардейские полки, на знаменах которых было много рабочей и крестьянской крови, изменились за время войны. Все муштрованные и забитые воинской дисциплиной солдаты выбыли из строя. Война внесла крупные изменения в жизнь армии. Все эти запасные полки состояли из крестьян и рабочих, только-что оторванных от работы и семьи, они не забыли того горя и бедствия, которые переживали их близкие. Направить таких солдат против рабочих оказалось невозможным. Вот почему не удался план подавления, так хорошо разработанный генералами. А если бы вся эта машина оказалась прочной в своем действии, тогда ни о какой демонстрации говорить не пришлось бы. Все движение было бы залито рабочей кровью. На примере пользования войсками в 1917 году подтвердилось вполне старое положение социал-демократии, которое служило основанием для борьбы

за милиционную армию. Армия в этом 1917 г. была близка по своему положению к милиционной и поэтому царским генералам не удалось направить ее против народа.

Приложение пятнадцатое.

Официальный денежный отчет Бюро Центрального Комитета.

В него не вошли суммы, полученные после 1-го февраля (полученное от А. М. Горького 3.000 руб. и от Брауде (через Н. Д. Соколова) 1.000 рублей).

Российская Соц.-Дем. Раб. Партия.

Суммы, поступившие в кассу Бюро Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. от 1-го декабря 1916 г. по 1-е февраля 1917 г.:

% отчисление от Петербургского комитета . .	147 р.	50 к
» Сормовской организации	25 »	—
» Московского Областн. Бюро Центр. Комитета	100 »	—
На партийную литературу и работу от Выборгского района .	200 »	—
На литературу Ц.К.	75 »	—
» от Московской группы учащихся	50 »	
На партию от татарина (Джемилев)	25 »	
» содействующих	45 »	—
» через старушку (Е. Д. Стасову)	200 »	—
» от В. В. (И. П. Ладыжников) .	200 »	
Самарцев	20 »	—
У.—27 р. и от 3—10 р., всего	30 »	
Всего . .	1.117 р.	50 к.

Приложение шестнадцатое.

Печатная прокламация Петербургского Комитета по поводу хождения к Государственной Думе. Вышла в начале февраля.

Российская Соц.-Дем. Раб. Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Петля, которую правящие классы набросили на шею народов Европы, делается все туже. Погибли миллионы чело-

веческих жизней, искалечены и вырваны лучшие молодые силы народа, томятся в плену еще миллионы цветущих сил. Наступает сокращение работы, идет голод. Двухлетняя бойня, ведущаяся в угоду сильных мира, вывела из круга жизни во всех воюющих странах до 15 миллионов человек. Какое неслыханное преступление! Какой стыд, позор для тех, кто затеял это массовое истребление лучших сил народа! Великий и трудный долг лежит на нас, рабочем авангарде, порабощенной демократии, льющей свою кровь за чуждое ей дело,—остановить это преступление!

А что делают они?

За эти два с половиною года услыхали ли мы хоть слабый голос разума со стороны господствующих классов, распоряжающихся судьбой угнетаемых ими народов? Исполняется двухлетняя годовщина суда над представительством российского рабочего класса в Государственной Думе. Государственная Дума с самого начала войны, завывающая на своих заседаниях об экономическом процветании России,—за стенами Таврического дворца разоряет ее, отдает на с'едение волчьим аппетитам землевладельцев-помещиков, капиталистов-фабрикантов и банкиров. Когда из среды Государственной Думы были выхвачены наши депутаты и после быстрой расправы изгнаны в далекую холодную Сибирь,—в Государственной Думе помещики и капиталисты потирали руки от удовольствия, что теперь свободнее у них развяжутся языки. Два года молчит Государственная Дума о попрании ее прав. Она смолчит и в день двухлетней годовщины изгнания наших депутатов. Но зато она кричит и ее маклера усердно хлопочут, чтобы холопские речи «товарищеских» депутатов нашли сочувственный отклик в обезглавленном ими рабочем классе. И находятся некоторые, ослепленные военным ураганом шовинистически настроенные группы рабочих, которые несут вожделения думских либералов в рабочую среду. Теперь, ко дню предполагаемого созыва Государственной Думы 14-го февраля, в рабочей среде ходят самые прихотливые слухи о намерениях Государственной Думы. Не трудно разглядеть, что ничего нового Государственная Дума делать не собирается, но еще раз не прочь думские либералы

помахать кулаками за спиной поднявших голову рабочих. На заводах прозвучал призыв—поддержать и даже толкнуть Государственную Думу на решительный шаг—пред'явлением рабочих требований у дверей Таврического дворца. Призыв не только бесполезный, но и предательский: хождение народа к дворцам царей и правящих классов дорого стоит тем легковерным, которые надеялись, что-либо получить от обитателей этих дворцов. Либералы и либеральные рабочие политики, когда у них не хватает пороху, охотно рядятся перед народом в решительных бойцов за народное дело. Но они скрывают свои действительные намерения. Товарищи, они прибегают к вашей помощи, чтобы вы им дали возможность более полно отдать страну на дальнейший военный разбой, на бесконечное ведение войны «до конца». Прямо об этом они нам не говорят, но это—их заветные мечты.

Наш призыв.

Когда либералы кричат о своем недовольствии нынешним правительством и тайно делят между собою будущие министерские кресла; когда у них с языка срываются решительные фразы об устранении власти, или когда подымается речь о «временном правительстве», опирающемся на организующийся народ, и наряду со всеми этими хорошими словами ни звука о войне,—то мы знаем, что означают их хорошие слова. Мы твердо знаем, что лишь от могучего удара демократии прекратится это испытание народа и издевательства над ним. Мы должны им заявить: «все наши усилия—против войны, затеянной вами, беспощадная борьба против вас. Мы—против царской монархии, которую вы так любите, ибо она своим скипетром прикрывает ваши аппетиты и ваши темные дела. Мы—против царского правительства, с которым вы хотите бороться, но боитесь его поражения, так как только царское правительство позволяет вам играть с народом. Мы—за демократическую республику, дающую власть в руки самого народа. Мы—за временное революционное правительство рабочих и крестьянской бедноты, оно в состоянии будет созвать Всенародное Учредительное Собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Мы—против шовинистической преступной алчности националь-

ных капиталистов, разделяющих мир, наносящих ему глубокие раны. Мы — за международную солидарность рабочих, несущую людям мир и счастье. В день 10-го февраля, когда царский суд занес свою руку над нашими депутатами, отдавшими свои силы на борьбу за наши лозунги, мы посылаем им свой братский привет, —мы требуем немедленного их возвращения и ознаменовываем этот день однодневной стачкой, в знак готовности отдать нашу жизнь в борьбе за лозунги, которые открыто звучали в устах наших сосланных депутатов. Долой царскую монархию! Война войне! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует Международный Социализм!!

Петербургский Ком. Российск. Социал-Демократ. Раб. Партии.

Приложение семнадцатое.

Печатный листок Петербургского Международного Комитета, посвященный Международному дню работниц—23 февраля. Распространялся в Петрограде в феврале 1917 года.

Российская Соц.-Дем. Раб. Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи-работницы! Уже десятый год женщины всех стран отмечают день 23 февраля, как женский рабочий день, как женское «1-ое мая». Первыми решили отмечать, делать смотр своим силам в этот день американки, а к ним уже постепенно присоединились женщины всего мира. В этот день устраиваются митинги и собрания, где стараются об'яснить причины нашего тяжелого положения и указать выход из него. Уже давно голод выгнал женщин на заводы и фабрики, уже давно миллионы женщин наравне с мужчинами весь день стоят у машин. Как из товарищей-мужчин, так и из нас одинаково выжимают пот заводчики-хозяева, как их, так и нас садят в тюрьмы за стачки, как им, так и нам необходимо бороться с хозяевами. Но женщины вступили в рабочую семью еще недавно, часто они еще боятся, не знают что и как надо требовать. И их темнотой и робостью всегда пользовались и

пользуются хозяева. В этот день, товарищи, давайте особенно подумаем как победить нам нашего врага—капиталиста, поскорее. Вспомним наших близких на фронте, вспомним какой тяжелой борьбой вырывали они у хозяев каждый лишний рубль заработка, каждый час отдыха, каждую свободу у правительства. Сколько их за смелую борьбу свою попало на фронт, в тюрьмы и ссылку. Вы заменили их в тылу—на фабриках и заводах и ваш долг продолжать их великое дело,—дело освобождения всего человечества от угнетения и рабства. И не удерживать, товарищи-работницы, должны вы оставшихся товарищей-мужчин, а сами присоединиться к ним в дружной борьбе с правительством и заводчиками, ради которых ведется теперь война, льется столько слез и крови во всех странах. Уже третий год тянется эта ужасная бойня. Отцы наши, мужья и братья гибнут. Близкие приходят домой несчастными и калеками. Царское правительство послало их на фронт, искалечило, убило, а о пропитании не заботится. Оно без конца лило и льет рабочую кровь. Оно расстреливало рабочих 9-го января, 4-го апреля за забастовку на Лене, оно недавно расстреляло в Иваново-Вознесенске, Шуе, Горловке и Костроме. Льют рабочую кровь на всех фронтах, сама царица торгует народною кровью и распродает Россию по кусочкам. Солдат посылают под расстрел почти не вооруженными на верную смерть. Сотни тысяч людей убивают они на фронте и получают за это деньги. А в тылу заводчики и фабриканты, под предлогом войны, хотят обратить рабочих в своих крепостных. Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна. В деревнях отнимают последний хлеб и скот на войну. Мы часами стоим в очередях. Дети наши голодают. Сколько их вовсе осталось без призора и потеряло родителей. Они дичают, многие становятся хулиганами. Много девочек, детей еще, голод выгнал на панели. Сколько детей до позднего вечера стоят у машин за непосильной работой. Везде горе и слезы. И не только в России, во всех странах тяжело рабочему люду. Недавно немецкое правительство жестокой расправой усмирило голодный бунт в Берлине. Во Франции свирепствует полиция и за стачки посылают на фронт. Везде война несет бедствия, дороговизну и угнетение рабочего класса. Товарищи-работницы, ради кого? Для чего же ведется война? Нужно ли нам убивать миллионы австрий-

ских и немецких рабочих и крестьян? И германские рабочие тоже не хотели воевать. Не волей идут наши близкие на фронт, их ведут силой. Не по своей воле идут также австрийские, английские и германские рабочие. Везде их провожают с плачем, как и у нас. За золото, блеснувшее в глаза капиталистам, за их наживу она ведется. Министры, фабриканты, банкиры надеются наловить рыбы в мутной воде, они наживаются в военное время, а после войны не они будут платить военные налоги, рабочие и крестьяне несут все жертвы и заплатят все расходы. Дорогие товарищи-женщины, долго ли мы будем еще все терпеть молча, да иногда срывать накипевшую злобу на мелких торговцах. Ведь не они виноваты в народных бедствиях, они и сами разоряются. Виновато правительство, оно начало войну эту и не может ее кончить. Оно разоряет страну, по его вине вы голодаете. Виноваты капиталисты—для их наживы она ведется. И давно пора крикнуть им: Довольно! долой преступное правительство и всю его шайку грабителей и убийц. Да здравствует мир! уже близится день расплаты. Давно уже мы перестали верить россказням министров и хозяев. Во всех странах растет народный гнев. Везде рабочие начинают понимать, что от своих правительств не дождаться конца войне. Они если и заключат мир, то при этом постараются отнять чужие земли, ограбить другую страну, а это поведет к новой бойне. Рабочим не нужно чужого. Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая республика! Да здравствует международная солидарность пролетариата! Да здравствует единая Р. С.-Д. Р. П.

Петербургский Междурайонный Комитет.

1917 г.

Приложение восемнадцатое.

Второй номер «Осведомительного Листка» был закончен мною в воскресенье 26-го и сдан для размножения. На другой и следующий день получил некоторое распространение только в Петербурге. Частью был использован «Правдою» в первые дни марта.

№ 2. «ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТОК». № 2.

Издание Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Провокаторство и демагогия Милюковых. За последнее время учащаются выступления отдельных либералов с гнусной клеветой на организованных рабочих. Пользуясь вынужденным молчанием открытой рабочей печати, либералы в союзе с черной бандой провоцируют несознательных рабочих, опубликовывая в печати и заявляя в заседаниях Государственной Думы и т. д., что революционное движение в России выгодно теперь немцам и вызывается какими-то темными источниками. Эта чисто полицейская точка зрения (вспомните, кстати, что революцию 1905—6 г.г. прихвостни правительства «об'ясняли» «японскими деньгами»), совершенно не считается с тем, что причин для растущего недовольства народных масс в порабощенной царским правительством России слишком много. Либералы демагогически выступают в качестве заботливых опекунов рабочих, встречая в этом поддержку царского правительства.

Особенно широко этот гнусный прием провокации и демагогии использует кадетский лидер Милюков.

Перед последним выступлением рабочих (10—15 февраля), которое обсуждалось с.-д. рабочими организациями Петербурга и некоторых других городов (см. известия в этом № «О. Л.»), появилось в газетах до наглости самоуверенное лживое письмо Милюкова с предупреждением о «коварном замысле» кого-то, какого-то «темного источника». При этом провокатор-клеветник не имеет смелости назвать прямо, кого он имеет в виду.

Не знающие меры своему холопству Милюковы должны встретить самый решительный отпор со стороны не только с.-д. организаций, но и от всякого честного демократа. Между тем приходится указать, что к этим же презренным средствам прибегала «рабочая группа» Центр. Военн. Промышлен. Комитета и даже депутаты левых фракций в Государственной Думе—Керенский, Чхеидзе и др. в октябре 1916 года.

Товарищи-рабочие. раз'ясняйте всем гнусные приемы демагогии и провокации.

На «внутреннем» фронте. У начальника Петроградского военного округа, генерала Хабалова, в его канцелярии «работает» жандармский генерал Гордон, обложенный подробными планами Петрограда, на которых он помечает на отдельных улицах и перекрестках места, где должны быть поставлены, во время ожидаемых выступлений рабочих, как полицейские и воинские команды, так и пулеметы. Передают, что, ввиду ненадежности Петроградского гарнизона, в Петроград стягиваются казачьи полки (в частности, Текинский казачий полк и так называемая «дикая кавказская дивизия», избранная из кавказских горцев-мусульман.

Еще о пулеметах. Не только в Петрограде, но и в других городах правительство снабжает полицию пулеметами для борьбы с народным движением. Недавно этот вопрос был поднят в «Особом Совещании по обороне» (заседание 21 января) под председательством военного министра Беляева. На факт передачи военными властями значительной части пулеметов полиции в Петрограде, Москве и др. городах было указано Родзянкой и одним из «зубров» Государственного Совета — Карповым. Министр Беляев лгал, растерянно оправдываясь незнанием.

К событиям 10—15 февраля. В конце января по заводам стали распространяться листки (без всякой подписи) с критикой политики правительства и с призывом к рабочим: направиться 14 февраля (день открытия Государственной Думы) к Таврическому Дворцу с требованием Временного Правительства. На заводах стали устраиваться митинги, где выступали сторонники «гвоздевцев» в защиту только что приведенного призыва.

Передают, что именно в связи с этим была арестована «рабочая группа» (большинство ее) при Военно-Промышленном Комитете. В связи с этими событиями Бюро Центрального Комитета вынесло резолюцию (см. ниже). Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии высказался также в духе резолюции Бюро, но решил днем начала выступления назначить 10 февраля, день суда над с.-д. депутатами. Петербургский Комитет, кроме того, выпустил листок.

Колпино. 8 февраля начинается экономическая забастовка. Требования: 1) увеличение платы 3 коп. на час, 2) увеличение

% платы на 150%, 3) получившим увечье на заводе плата полного заработка, заболевшим ¾, 4) постройка женской больницы, 5) прибавка сторожам, 6) уплата за время стачки и 7) не применять репрессий. С 8-го проводили итальянскую забастовку, 10 завод об'является закрытым до 15 февраля: «по случаю ремонта». В эти дни на улицах было несколько митингов, которые проводились своими силами. Были казаки, но не разгоняли. 15 митинг на заводе, около 6000 чел. Выступил оратор из города, принята наша резолюция. Решено к работам не приступать до полного удовлетворения всех требований. 16 завод об'явлен закрытым и окружен полицией и солдатами. Есть аресты. Настроение бодрое.

Собранные сведения относительно выступлений 10—15 февраля дают следующую картину. Ввиду того, что $^{1}/_{10}$ часть заводов совсем не работала, или работала только до обеда, что на многих заводах были получки, а также ввиду возникших разногласий среди передовых групп, день прошел, в смысле выступления, неудачно. На многих заводах состоялись митинги, на которых выступали ораторы всех течений, принимались резолюции. Распространено около 10000 нашей листовки. 10-го вечером митинги на заводах. На некоторых принимается предложение на 14-ое не выходить на работу. Распространяется литература. На заводах митинги проходят под нашими лозунгами. Митинги и демонстрации на улицах. стычки с полицией и аресты во время демонстраций. Число бастующих около 80 тысяч.

Вот сведения об этих днях по отдельным районам:

Невский район. 14-го забастовка на Обуховском заводе, карточной фабрике Торнтон, Атлас и др. На Обуховском заводе 2 митинга, выступали ликвидаторы. Ждали большего.

2-ой Городской район. Спокойно.

Выборгский. 10-го забастовка на заводе Пузырева. 14—на заводе Айваз, Экваль, Рено, Новый и Старый Лесснер, Парвиайнен, Эриксон, Феникс, Металлический, Промет, Лебедев и др. Рабочие Нового Лесснера вышли с пением на улицу. При появлении полиции осталось около 200 человек, которые с криком: «хлеба», «долой войну» продолжали итти через Сампсоньевский мост к Литейному проспекту, несмотря на нагайки, пока полиция не обнажила шашки. С пением вышли: Промет и Ст. Парвиайнен. 15-го на заводе Лесснер состоялся митинг.

Московский и Нарвский. 14-го демонстрация у Скорохода рассеяна с нагайками. У Путиловского вышли на улицу с 2 красными флагами: 1) «долой правительство», «да здравствует республика» и 2) «долой войну». Стычка с полицией, арестовано 2 человека. На Путиловском заводе некоторым рабочим заявлен расчет. Настроение приподнятое. 18-го состоялся митинг, ожидается забастовка.

Васильевский Остров. Начиная с 9 февраля митинги на Трубочном и Кабельном заводе и др. 14-го на Кабельном митинги и забастовка проходят под нашими лозунгами. Забастовка на заводах: Рейхель и др. мелких. 15-го митинг на Кабельном заводе, решено приступить к работе.

Студенческий район. 13-го сходка в Политехническом институте около 5000 человек, принята наша резолюция, об'явлена 3-дневная забастовка и принят протест против суда над депутатами. Собрано на организацию 42 р. 88 к.

Лесной институт. Сходка, 2-дневная забастовка. Стебутовские курсы—сходка, сбор для пострадавших в предстоящих выступлениях 130 р., одновременная забастовка. Психо-Неврологический институт—сходка 800 человек, принята наша резолюция, однодневная забастовка. Разошлись с пением. Курсы Лесгафта—сходка, 3-дневная забастовка, 14-го сходка в Политехническом Институте, решено итти на Невский проспект. Сходка в Медицинском Институте — 2-дневная забастовка (на следующий день была сорвана). Сходка в Университете—одна часть решила итти к Таврическому дворцу, другая—на Невский. На Невском толпы студентов и курсисток ходили с пением революционных песен, несмотря на громадное количество полиции и отчаянное усердие ее на Невском, арестовано 15—20 человек. Около Таврического Дворца собралось около 500 человек, рассеяны полицией. В общем в рабочей среде было настроение, ждали решительного выступления и разочаровались, но обыватель заметно запрятался в квартирах—пустовали улицы, магазины и даже трамваи.

Сокращение работ. На Балтийском заводе сократили работы: работают только до 2-х часов дня. Сокращение происходит и в ряде других предприятий.

Стачка и локаут на Путиловском заводе. 18 февраля забастовала одна мастерская. Состоялся митинг по всем мастерским. Избрана делегация к дирекции для пред'явле-

ния требования рассчитанных. 20-го были митинги. Делегация ходила к директору, который грозил расчетом и делегации.

После возвращения делегатов опять митинги. 21-го митинг по всему заводу. 22-го об'явлен локаут. Верфь «итальянит», пред'явив требование — увеличение цеховой платы на 20—60%. 22-го вышли на работу. Избран стачечный комитет. Решено обратиться за поддержкой к рабочим Петрограда.

Москва. План выступления на 13—14 февраля, предложенный Бюро Центрального Комитета, был принят Московской организацией. Был выпущен листок, но в количестве не более 500 экземпляров. Но и эти немногие листки были плохо распространены: помешали обыски и аресты. 13-го и 14-го бастовала Симоновская слобода: завод Динамо и Бари. Сюда преимущественно и попали листки. Бастовали Сокольничьи мастерские военного снаряжения Московского Городского Управления и несколько мелких предприятий. Усиленные наряды полиции 14-го разгоняли по улицам кое-где скоплявшиеся толпы народа. Был обыск в помещении столовой Московского Коммерческого Института. Были аресты. Число не работающих за недостатком топлива предприятий растет. Не работает Даниловская мануфактура (быв. Менцерина) и много других. 21 февраля бастовали отдельные предприятия, частично и трамвай. Требуют пищи и хлеба. Хвосты растут. Столкновения с полицией.

Нижний-Новгород. 3 февраля был суд за экономическую стачку, о которой сообщалось в № 1 «Осведомительного Листка» (суд был в Москве). Осудили одного (Макарова) к 8-ми месяцам тюрьмы, 3-х—к 5-ти и остальных на разные сроки. На заводе большое количество рассчитано. После ареста, а некоторых после отсидки отправили на фронт. В дни суда готовилась стачка протеста, которая прошла частично: Сормово—2 цеха, Канавино—некоторые мастерские. В ответ на стачку новые обыски, аресты, расчеты и отправки на фронт. Арестовано человек 13, которые содержатся в Нижегородской тюрьме.

Сокращение производства. На мельнице Башкирова рассчитывают рабочих, оставляют лишь часть корпусных рабочих. Рассчитанным предлагают в виде милости работать из-за хлеба. Мельница Бугрова закрыта из-за недостатка зерна. Сокращается производство в Сормове, за недостатком сырья

тоже на некоторых других фабриках Канавина и Нижнего-Новгорода.

Воронеж. Январь. В связи с обострением продовольственного дела вспыхнули забастовки. Бастовали железнодорожные мастерские, фабрики и заводы. Были вызваны войска. Стреляли по рабочим. Много убитых и раненых. Среди солдат замечается недовольство на то, что их часто шлют на «усмирение».

Киев. Из города выслали много курсисток и студентов за простую причастность к экономической организации учащихся (за кооперативы, столовые и т. п.).

Из Сибири. Полицейские и правительственные власти открыли поход на кооператоров. Всюду высылки, обыски, аресты.

В Луганске был остановлен с 11 февраля на несколько дней завод Гартмана за недостатком угля.

Саратов. Демонстративная с под'емом забастовка студентов—общая и политическая.

Тула. Забастовка Оружейного завода ликвидирована. Требования рабочих—8-часовой рабочий день, минимум заработной платы—3 рубля чернорабочим, 5 рублей—квалифицированным и ряд второстепенных — не удовлетворены. Взяты на позиции 2 года военнообязанной молодежи. Во время забастовки состоялся митинг тысяч 6—7, где была принята политическая резолюция по текущему моменту.

Предварительные сведения о революционном движении с 23 февраля. В связи с женским днем, по требованию организованных женщин, был организован ряд митингов на Выборгской стороне, закончившихся стачкой и с'емкой с работ рабочих других районов. Обращение путиловцев за поддержкой, отсутствие хлеба создали в массе боевое настроение, вылившееся в демонстрации, митинги и схватки с полицией. 24-го движение охватывает частично все районы. Организация призывает к демонстрации в центре города. Вечером тысячные митинги-демонстрации у Казанского собора, Знаменской площади, около Литейного проспекта и др. В субботу—к движению примыкают остальные заводы, типографии, трамваи, и забастовка принимает характер всеобщей. Десятки тысяч граждан и гражданок стекаются к полудню к Казанскому собору и примыкающим к нему местностям.

Делаются попытки устраивать митинги, демонстрации; имел место ряд столкновений с полицией. Толпа постепенно росла и открыла демонстративное шествие с красными социал-демократическими знаменами по Невскому проспекту, по направлению к Знаменской площади, где состоялся многочасовый митинг, прерываемый столкновениями с конной полицией и учебными военными командами. Была стрельба. Есть убитые и раненые. В воскресенье праздничные толпы рабочих двинулись к полудню со всех частей пригорода в центр. По пути во многих местах шествие их преграждалось воинскими патрулями. Город напоминает боевой лагерь. Всюду патрули, заставы, раз'езды конницы. Все пути, ведущие к Невскому проспекту, усиленно охраняются. По собравшимся по углам Невского проспекта толпам граждан раздаются залпы из невидимых засад. Много убитых и раненых на Знаменской площади и других местах. В пролетарских и демократических кругах—большое революционное возбуждение. В субботу вечером состоялось заседание Городской Думы, на котором присутствовали рабочие. Дума приняла резолюцию с требованием свободы слова, собраний, печати и свободы выбора в учреждения, ведающие делами продовольствия.

Приложение девятнадцатое.

Доклад охранного отделения министру внутренних дел Протопопову о ходе забастовочного движения 23-го февраля, а также список предприятий, бастовавших в этот день. Характерно отметить, что все органы власти, как полиция и жандармерия и ее охранка, приписывают забастовку недостаче хлеба. На деле же забастовка была начата под флагом празднования «женского дня». Требованием хлеба было одним из многих требований, выставленных работницами в этот день, а отнюдь не главным и единственным.

Доклад охранного отделения беднее по своему содержанию, чем сводки полицейских участков. Эта разница об'ясняется характерными особенностями работы охранного отделения. Когда движение вылилось в забастовки и уличные демонстрации, полиция оказалась «ближе к массам», чем

секретная агентура охранки. Поэтому ее донесения носят более полный и живой характер.

В определение количества забастовавших в этот день также имеются расхождения между данными охранного отделения и полицейскими. Так, по сообщению полиции в этот день забастовало 87.534 рабочих, а по сведениям охранки— только 78.443. Рабочая статистика в обоих этих учреждениях сильно хромала. Путиловский завод почему-то не был поставлен в число бастующих. Одно это упущение вносит поправку в 32.000 рабочих. Сведения по другим заводам также не отличаются полнотой.

ДОКЛАД
Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице.
23 февраля 1917 г.
№ 5727.

Секретно.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Внутренних Дел.

Сегодня с утра явившиеся на заводы мастеровые Выборгского района постепенно стали прекращать работы, и толпами выходить на улицу, открыто выражая протест и недовольство по поводу недостатка хлеба. Движение масс в большинстве носило настолько демонстративный характер, что их приходилось рассеивать нарядами полиции.

Вскоре весть о забастовке разнеслась по предприятиям других районов, мастеровые которых также стали присоединяться к бастующим. Таким образом, к концу дня бастовало 43 предприятия с 78.443 человеками. (Ведомость не работавших предприятий при сем представляется).

Большинство оставивших заводы рабочих почти все время находилось на улицах и при первом удобном случае устраивало демонстрации и беспорядки.

Около часу дня, старший помощник пристава 2-го участка Выборгской части, надвор-

ный советник Каргельс, наблюдавший за правильным движением трамвая, на углу Финского переулка и Нижегородской улицы хотел задержать рабочего, отнявшего ключ от мотора у вагоновожатого. Попытка чина полиции арестовать хулигана была замечена находившимися вблизи рабочими, которые, окружив названного помощника пристава, нанесли ему твердым предметом легкую рану в голову и дали возможность задержанному скрыться.

Приблизительно в это же время, с целью проникнуть в центр города, к Литейному мосту двинулась толпа рабочих около 1.000 человек. У Финляндского вокзала демонстрантов встретил помощник пристава Гротгус с небольшим нарядом полиции и пытался их рассеять, но был окружен мастеровыми, один из которых, вытащив его же шашку, нанес ему легкую рану в голову.

Около 3 часов дня на Большой Болотной улице собралась толпа рабочих приблизительно в 300 человек, которая, остановив трамвайное движение, двинулась по направлению к Суворовскому проспекту. Вскоре демонстранты были рассеяны нарядами полиции.

Точно такая же толпа собралась на Знаменской площади и намеревалась, с пением революционных песен, направиться к Казанскому собору, но подоспевшим нарядом полиции демонстранты были рассеяны.

Около 6 часов вечера на казенный Орудийный (Литейный пр., 3) и Петроградский снаряжательный заводы ворвались толпы бастующих мастеровых и сняли с работ не нарушавших до сего порядка рабочих.

В 7½ часов вечера рабочие Петербургского механического и литейного завода «Вулкан» (Б. Спасская улица, д. № 28), в числе 1.500 человек, прекратив работы, вышли с завода и направились по Большой Колтовской улице. На Корпусной улице демонстранты остановились у ворот Механического завода 1-го Российского Товарищества Воздухоплавания и стали ломиться в ворота. Находившиеся в это время полицейские надзиратели 4-го участка Петроградской части начали уговаривать демонстрантов прекратить беспорядок. Убедившись, что мирно воздействовать на рабочих не удастся, полицейский надзиратель Башов, вынув револьвер, стал им угрожать буйствовавшим. Окружив моментально

Башова и выбив у него из рук револьвер, рабочие избили его палками, после чего, проникнув на завод, сняли спокойно работавших там мастеровых. Полицейский надзиратель Башов отправлен в больницу св. Марии Магдалины, при чем у него, кроме побоев, обнаружен перелом нижней челюсти.

В 3 часа дня, после заявления администрацией булочной Филиппова (Петербургская сторона, Большой проспект, № 61) о том, что нет хлеба, оставшиеся неудовлетворенными 300 человек стали бросать в окна магазина глыбы снега и льда, после чего, проникнув в магазин, произвели там полный разгром.

В 2 часа дня на заводе «Айваз» в доме №№ 21 — 23 — 25 по Выборгскому шоссе собравшиеся в автоматном отделе рабочие в числе 3.123 человек, предложили отпраздновать сегодняшний день, как день равноправия женщин. Пользуясь удобным случаем присутствия всех рабочих, заводская администрация об'явила им, что сегодня будет получена мука и на завтра будет увеличена выпечка хлеба. В будущем завод принимает на себя ежедневную выпечку хлеба до 5.000 фунтов в день, для чего им уже заарендовано помещение. После этого, решив сегодняшний день не работать, мастеровые спокойно разошлись по домам.

Других нарушений порядка в течение дня не было.

О вышеизложенном имею честь донести вашему высокопревосходительству.

Начальник Отделения, генерал-майор
(подпись).

Ведомость

предприятий, рабочие которых бастовали 23-го сего февраля.

№№ по порядку.	Наименование предприятий.	Число рабочих.	Отметка.
1	Турбинная мастерская Путиловской верфи	600	
2	Выборгская мануфактура	950	
3	Никольская мануфактура	2000	
4	Старо-Сампсониевская мануфактура	1580	
5	Джутовая мануфактура Лебедева	1000	
6	Машиностроительный завод Нобель	2200	
7	Петроградский вагонно-строительный завод	2000	

№№ по порядку.	Наименование предприятий.	Число рабочих.	Отметка.
8	Завод Новый Лесснер	7500	
9	Автомобильный завод Русский Рено .	1500	
10	Невской ниточной мануфактуры . .	2800	
11	Снарядный завод Русского общества . .	2800	
12	Общество оптическ. и механ. заводов . .	1000	
13	Машиностроительный завод Лесснер .	1350	
14	Трубочный завод Барановского. .	4500	
15	Телефонная фабрика Эриксон	4500	
16	Русско-прядильная мануфактура Шталь. .	300	
17	Трубочный завод Промет. .	3000	
18	Завод Венцель	130	
19	Петроградский металлический завод. .	7500	
20	Машиностроительный завод.	3500	
21	Петроградский арсенал императора Петра Великого.	3500	
22	Медно-прокатный и трубочн. завод Розенкранц .	4000	
23	Сигарная фабрика Гаванера . .	360	
24	Электро-механический завод	250	
25	Электро-механический завод Дюфлон . . .	800	
26	Машиностроительный завод Раковицкого .	120	
27	Завод Лангензипен. .	1200	
28	Фабрика Жемет Бек . . .	800	
29	Тюлевая фабрика	700	
30	Охтенская бумагопрядильня . .	900	
31	Военно-судостроительный завод . .	1000	
32	Арматурный завод . . .	1050	
33	Завод Промет	480	
34	Завод военно-походных хлебопекарен . .	120	
35	Русско-Балтийский аэропланный завод . .	500	
36	Петроградский снарядительный отдел. .	5000	
37	Завод Айваз	3123	
38	Хромо-литография Кибеля . . .	600	
39	Орудийный завод.	2500	
40	Франко-русский завод вальцовочной мастерской.	250	
41	Механический и литейный завод	1500	
42	Механический завод 1-го Российского Товарищества Воздухоплавания	300	
43	Трикотажная фабрика Керстен. .	800	
	Итого. . . .	78.443	

Приложение двадцатое.

В докладе охранного отделения министру внутренних дел Протопопову от 25-го февраля, первого дня всеобщей стачки, число забастовавших определяется в 201.248 рабочих, занятых в 173 предприятиях. Согласно участковым сведениям, бастовавших было 240.000. Путиловский завод и на этот раз не значится в числе бастовавших. Это происходило, очевидно, потому, что, согласно распоряжения администрации, Путиловский завод считался закрытым. Статистические данные хромают в обоих учреждениях. Согласно учета Петербургской промышленности, произведенного осенью 1916 года, Заводским Совещанием, в предприятиях, работавших на оборону (около 600 предприятий), было занято около 400.000 рабочих. Кроме заводов и фабрик, работавших на войну, были еще предприятия, особенно мелкие, которые обслуживали нужды частных потребителей, а также типографии, рабочие городских предприятий, торгово-промышленные служащие и т. д. Всего следует предполагать, что бастовало с этого дня свыше 500.000 человек. Город был буквально залит стачечниками.

ДОКЛАД
Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице.
25 февраля 1917 г.
№ 5823.

Секретно.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Внутренних Дел.

В течение сегодняшнего дня бастовало 201.248 рабочих 173 предприятий.

Около 10 часов утра с Самсониевского проспекта на Нижегородскую улицу двинулась толпа рабочих приблизительно в 600 человек. На углу Финского переулка и Нижегеродской улицы демонстранты были остановлены сотней казаков и взводом драгун. В это же время туда прибыл полицмейстер 5 отделения полковник *Шалфеев* с 9—10 конными городовыми.

После прихода полиции казаки и драгуны сейчас же повернули лошадей и уехали.

Демонстративный уход войск, при появлении наряда полиции, настолько ободрил толпу, что она бросилась на наряд, стащила с лошади полковника Шалфеева и избила его палками до полной потери им сознания.

Находившиеся при полковнике Шалфееве городовые пробовали его защищать, но по своей малочисленности ровно ничего для его спасения сделать не могли.

Выстреливший из револьвера после падения полковника Шалфеева с лошади городовой 1-го участка Выборгской части Москалев был избит рабочими, при чем толпа отобрала у него револьвер и клинок шашки.

Около этого времени толпой рабочих приблизительно в 1000 человек, двигавшейся по Косой линии, был встречен городовой Суворовского участка Бах, шедший с двумя подручными дворниками. Предполагая, что Бах ведет арестованных, рабочие избили его и отняли у него шашку и револьвер. После этого демонстранты с пением революционных песен и красными флагами двинулись дальше.

В 11 часов утра, прекратившие работы мастеровые Обуховского завода, сняв с работ мастеровых Карточной фабрики, в числе около 17.000 человек, с пением революционных песен и несколькими красными флагами по Шлиссельбургскому проспекту направились в центр города.

У Александровского Механического завода толпа была рассеяна нарядом полиции.

Около 10 часов утра через Тучков мост прошла толпа мужчин и женщин приблизительно в 500 человек и направилась по Малому проспекту к заводу Электрических сооружений Сименс и Гальске, где, остановившись, вызвала рабочих свистками. Прибывшим нарядом полиции собравшиеся были рассеяны. Часть толпы около 100 человек направилась к Трубочному заводу, но, увидав там полуроту Финляндского полка, изменила маршрут и двинулась по 8, 9 линиям, Малому и Среднему проспекту Васильевского острова. В это время были получены сведения, что у завода Сименс-Гальске вновь скопилась толпа. Поэтому туда был направлен отряд. Образовавшаяся там толпа приблизительно в 5.000 человек с пением революционных песен двинулись

по Среднему проспекту. Встретивший демонстрантов наряд конных городовых врезался в толпу, с тем, чтобы ее рассеять. В это время появился казачий раз'езд под командой урядника. Надеясь на помощь нижних чинов, бывший в наряде помощник пристава титулярный советник Евсеев и поручик Пачогло обратились к ним за содействием, однако, патруль, проследовав немного за толпой и не приняв участия в ее разгоне, скрылся. На погонах казаков были инициалы «Н. П».

В это же время, в находившейся в доме № 13, по Каменноостровскому проспекту, булочной и кондитерской, принадлежащей швейцарскому гражданину Евгению Крузи, стоявшими покупателями были выбиты три больших стекла, после того, как было заявлено, что булок больше нет, несмотря на то, что таковые в действительности были и предназначались к отвозу в какое-то предприятие. По распоряжению полиции булки были распроданы публике.

Около этого же времени толпа приблизительно в 8.000 человек подошла к зданию Государственной типографии и хотела снять оттуда рабочих, но подошедший наряд полиции рассеял демонстрантов.

В 11½ часов дня на Среднем проспекте Васильевского острова была рассеяна толпа рабочих.

Около часу дня рабочие казенного Трубочного завода (Уральская улица, 1) при выходе с завода устроили сходку. На завод был введен взвод нижних чинов Финляндского полка под командой поручика Есса. Увидя солдат, рабочие стали высмеивать их и говорить по их адресу дерзости. Скомандовав нижним чинам на руку, поручик Есс нечаянно произвел выстрел из револьвера, которым убил рабочего Кузьмина.

Около 12 часов дня толпа рабочих и подростков по 8 линии направилась к Николаевскому мосту, где нарядом лейб-гвардии Финляндского полка сперва была остановлена, а потом разогнана.

В 12½ часов дня на той же линии к Среднему проспекту с пением революционных песен подошла толпа преимущественно подростков, которая была рассеяна находившимся там нарядом полиции. Около этого же времени на Знаменской площади собралась толпа рабочих в несколько тысяч человек и, выбросив красные флаги, устроила митинг. Прибывший на место происшествия пристав 1 участка Александро-Нев-

ской части ротмистр Крылов пытался водворить порядок, но был зарублен одним из находившихся в наряде казаков. Вскоре на площадь прибыл наряд конных городовых, который, обнажив шашки, хотел рассеять толпу. В это время появился отряд казаков под командой офицера и оттеснил городовых. Видя сочувственное отношение к себе казаков, толпа устроила им овацию. После этого на площади произошел митинг.

Около $5^1/_2$ часов вечера из собравшейся у Городской Думы толпы было произведено несколько выстрелов в городовых.

После этого спешился Драгунский отряд и произвел несколько выстрелов в толпу, которыми 3 человека убито и 8 ранено.

В это же время на углу Невского и Владимирского проспектов при рассеянии толпы ранен в плечо навылет полицейский надзиратель Иванцев и обезоружен помощник пристава.

В 7 часу вечера от Малого проспекта Васильевского острова к Большому подошла толпа рабочих, женщин и подростков с криками «хлеба», здесь ее встретила полусотня казаков 1-го Донского Казачьего полка и, обнажив шашки, рассеяла ее.

В 8 часов 30 минут вечера на углу Каменноостровского и Большого проспектов собралась толпа рабочих приблизительно в 300 человек и с пением революционных песен направилась к Широкой улице. На углу Покровской улицы и Большого проспекта демонстранты были рассеяны мерами полиции при содействии воинских частей.

В 9 часов 30 минут вечера на углу Невского и Литейного проспектов собралась толпа около 300 человек, среди которой раздавались призывы собраться завтрашний день на Знаменской площади. Демонстранты были рассеяны воинской частью.

Во втором часу дня в главном коридоре Императорского Петроградского Университета состоялась сходка, на которой об'явлена забастовка, после чего студенты по одиночке разошлись по домам.

По имеющимся у меня сведениям совершенно аналогичные решения вынесены и в большинстве остальных учебных заведений.

О вышеизложенным имею честь донести Вашему Высокопревосходительству.

Начальник Отделения
генерал-майор *(подпись)*

Ведомость

предприятий, рабочие которых бастовали 25 сего февраля.

№№ по пор.	Наименование предприятий.	Число рабочих.	Отметка.
1	Франко-Русский завод	7000	
2	Адмиралтейский завод	1300	
3	Сименс-Гальске	2100	
4	Механический завод Рейхель	300	
5	Механический завод Русско-Балтийского Акционерного общества	435	
6	Кожевенный завод бр. Сановых	125	
7	Оптическая мастерская Герцер	45	
8	Фабрика графильных искусств Маркуса	800	
9	Табачная фабрика Богданова	500	
10	Газета „День“		
11	Отделение Балтийского завода	350	
12	Медно-литейный завод „Оуф“	250	
13	Фабрика Паля	2070	
14	Акционерн. общест. Северн. проволочных и гвоздильных заводов	155	
15	Пульный завод Ипполитова	180	
16	Акцион. Общество „Рессора“	250	
17	Невский гвоздильный завод Аристова	125	
18	Обуховский завод	15000	
19	Табачная фабрика „Лаферм“	360	
20	Никольская мануфактура	1500	
21	Бумаго-прядильная мануфактура	950	
22	Сампсониевская мануфактура	150	
23	Жгутовая мануфактура	1200	
24	Завод Новый Лесснер	7500	
25	Ниточная мануфактура	2800	
26	Завод Нобель	2200	
27	Снарядный завод Русского общества	2800	
28	Оптичный завод	1000	
29	Наждачная фабрика „Струк“	300	
30	Механический завод „Экваль“	125	
31	Автомобильный завод Пузырева	240	
32	Телефонная фабрика Эриксон	4500	
33	Бумаго-прядильная фабрика Шталь	300	
34	Бумаго-прядильная фабрика Дергард	320	
35	Общество Донецких Юрьевских заводов	110	
36	Бумаго-прядильная фабрика „Витцель“	300	

№№ по пор.	Наименование предприятий.	Число рабочих.	Отметка.
37	Завод Старый Лесснер	1350	
38	Трубочный завод Барановского	4500	
39	Механический завод	4000	
40	Минный завод Русского Общества	5000	
41	Механический завод Земнова	700	
42	Завод Акционерного Общества Г. Лангензипен	850	
	Акционерн. общест. механического и котельного завода	1200	
44	Акционерного общества Перун	800	
45	Акционерн. общ. бумаго-прядильной мануфактуры Джек Бек	1200	
46	Машиностроительный завод Раковицкого	120	
47	Акционер. Общ. Электрических сооружений бывший Дюфлон	800	
48	Акционерн. Общ. гильзовых, трубочных и механических заводов Шефилова	800	
49	Акционерн. общест. беспроволочных телефонов и телеграфов	600	
50	Акционерн. обществ. машиностроительного завода Лангензипена	1200	
51	Фабрика запольных стаканов Тунель Гольстрем.	300	
52	Фабрика роялей и пианино Шредера	190	
53	Машиностроительный завод Семенова	880	
54	Завод бывш. Лорен телеграфов и телефонов	320	
55	Мебельная фабрика	220	
56	Завод Влохи	600	
57	Завод пулеметов	900	
58	Стекольный завод	450	
59	Завод Штейн	300	
60	Завод Сан Галли	1200	
61	Фабрика Блигкен и Робинсон	900	
62	Фабрика Кожевника	700	
63	Табачная фабрика Колобаева и Боброва	800	
64	Лесопильный завод „Штудер“	300	
65	Кузнечно-слесарная мастерская Палехова	125	
66	Пуговичная фабрика Копейкина	150	
67	Аккумуляторный завод „Чудор“	200	
68	Переплетная и брошюровочная фабрика Кирхнера	1000	
69	Завод Северо-технического товарищества Этингера	130	
70	Ткацкая фабрика Воронина, Лютш и Чешер	300	

№№ по пор.	Наименование предприятий.	Число рабочих.	Отметка.
71	Авиационный завод Слесаренко . . .	120	
72	Инструментальный завод Шапдыгина .	70	
73	Механическая фабр. обуви „Вейс" . .	50	
74	Типография „Якорь" . . .	100	
75	Альбомная фабрика Бехли	400	
76	Карточная фабрика . .	1300	
77	Завод Сименс-Шуккерт . .	3100	
78	Гвоздильный завод . .	2000	
79	Завод Нефтеград .	170	
80	Фабрика Воронина	1000	
81	Балтийский судостроительный завод .	8200	
82	Кабельный завод	2700	
83	Мастерская при училище дальнего плавания .	450	
84	Кожевенный завод Брусницина . . .	445	
85	Селиторный завод Русского Общества .	80	
86	Экстрактная фабира Фрейлик .	105	
87	Отделение завода Бенуа . .	105	
88	Табачная фабрика Лаферм	2500	
89	Аккумуляторный завод Рекса .	110	
90	Механический литейный завод	50	
91	Петроградский вагоностроительный зав. .	2000	
92	Завод „Динамо"	3000	
93	Механический завод Артур Коппель .	700	
94	Механический завод Зигель . . .	1100	
95	Невская механическая фабрика . .	1200	
96	Завод Сименс-Шуккерт . .	2000	
97	Завод Коне	150	
98	Российск. бумаго-прядильная фабрика . .	1200	
99	Завод Анчар .	70	
100	Завод Паль . . .	50	
101	Трубочный завод Промет . .	3000	
102	Завод Вентцель	130	
103	Петрогр. механический завод	7500	
104	Машиностроительный завод Феникс.	3500	
105	Петроградск. арсенал императора Петра Великого	3500	
106	Медно-прокатный и трубочный завод Розенкранца	4000	
107	Сигарная фабрика „Гановер" .	350	
108	Электро-механический завод . .	260	
109	Авиационный завод Щетинина . .	500	
110	Авиационный завод Слюсеренкова .	300	
111	Авиационный завод Лебедева . .	600	

№№ по пор.	Наименование предприятий.	Число рабочих.	Отметка.
112	Лесопильный завод Семенова . . .	1000	
113	Красильный завод Пекле	300	
114	Невская ниточная мануфактура	2400	
115	Невская бумаго-прядильная фабрика	2800	
116	Судостроительн. завод морск. ведомства .	1000	
117	Охтенская бумаго-прядильная мануф . .	900	
118	Арматурный завод	1050	
119	Завод „Промет“	1050	
120	Завод походных хлебопекарен Дегтярева . . .	120	
121	Адмиралтейский судостроительный завод	1300	
122	Ново-механический завод Кочетова	25	
123	Угольный завод Центр. Военно-Промышл. Комит.	25	
124	Механический завод Петан .	50	
125	Рабочие почтового двора . .	75	
126	Гвоздильный завод Эльсона	25	
127	Типография „Биржевые Ведомости“ .	300	
128	Фабрика конторских книг Кан . . .	500	
129	Механический завод Гесслера	960	
130	Фабрика графического искусства Веверского . .	450	
131	Механический завод Бека	70	
132	Хромолитография Кибеля .	500	
133	Завод Боровского	90	
134	Механический завод Леонова	437	
135	Механический завод Введенского .	597	
136	Завод Кофмана	110	
137	Механический завод Петрова .	130	
138	Гребной порт	400	
139	Механический завод Вальц . . .	155	
140	Механический завод Штонер . .	40	
141	Завод инженера Фаянст	240	
142	Фабрика Товарищества Зифель .	120	
143	Завод Товарищества Гранат . .	250	
144	Завод Айваз	5048	
145	Механ.-литейный зав. бывш. „Вулкан“ .	3100	
146	Воздухоплавательный завод Щетинина	900	
147	Фабрика бр. Леонтьевых . . .	500	
148	Фабрика Керстен .	2300	
149	Завод Маленкова .	80	
150	Завод Рыкаткина .	120	
151	Фабрика Кебке	250	
152	Лесная биржа Степанова .	100	

№№ по пор.	Наименование предприятий.	Число рабочих.	Отметка.
153	Железо-прокатный и провол. завод . .	500	
154	Чугунно-литейный завод Атлас .	700	
155	Фабрика Торнтон . . .	2700	
156	Невская писчебумажная фабрика .	500	
157	Корсетная фабрика Миньон . . .	300	
158	Типография газеты „Новое Время" .	80	
159	Типография Стойковой . .	100	
160	Отделение Балтийского завода . .	150	
161	Типография „Уль" . .	24	
162	Типография Розена . .	15	
163	Кожевенный завод Парамонова	450	
164	Товарищество точных металл. изделий .	600	
165	Новая бумагопрядильная фабр. „Говарда" .	1900	
166	Завод Вестингаузен . . .	800	
167	Казенный Трубочный завод .	9707	
168	Чемоданный завод „Трезор" .	800	
169	Чугунно-литейный зав. „Вестерстранда" .	50	
170	Медно-литейный механический зав. Однер .	470	
171	Медно-литейный завод „Бейер"	170	
172	Жестяная фабрика Плохова (Гортарди) .	63	
173	Петроградский военно-подковный завод . . .	1455	
	Итого . .	201248	

Начальник Отделения

Генерал-Майор (подпись)

Приложение двадцать первое.

ДОКЛАД
Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице.
26 февраля 1917 г.
№ 5865.

Секретно.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Внутренних Дел.

— —

25 сего февраля вечером, в помещении Городской Думы состоялось созванное Городским Головой П. И. Леляновым совещание, которое должно было рассмотреть вопрос о введении в Петрограде карточной системы на хлеб, но вскоре приняло характер памятных по 1905 году революционных митингов.

Заседание открылось в начале 9-го часа. Председателем собрания, по предложению П. И. Лелянова, был избран председатель Городской Думы Л. А. Базунов.

В собрании, кроме гласных, участвовали представители санитарных попечительств и попечительств о бедных. К началу заседания в Думу пришли и многие рабочие из «сознательных».

На собрание ожидали также председателя Государственной Думы М. В. Родзянко. Но так как вчера же вечером в Государственной Думе разбиралось законодательное предположение о расширении прав городских управлений в области продовольствия, то М. В. Родзянко сообщил П. И. Лелянову, что он, к сожалению, не может принять участия в собрании.

Первый из ораторов—сенатор С. В. Иванов—доказывал, что собрание не может ограничиться узкими рамками вопроса о карточной системе, а должно рассмотреть создавшееся положение в более общей форме. Оратор просит городского голову сообщить, что происходило

в состоявшемся накануне у председателя Совета Министров совещании.

По словам городского головы, М. В. Родзянко «в сильных выражениях» обрисовал создавшееся положение и призывал правительство к борьбе с продовольственным недугом обратиться за содействием общественных сил.

Сен. Иванов подчеркивает, что только теперь, когда положение стало критическим, правительство додумалось до передачи продовольственного дела в руки города, несмотря на то, что городское управление об этом хлопотало уже давно.

Гласный, генерал-ад'ютант П. П. Дурново, в ответ на заявление Городского Головы, что Министр Земледелия обещал ежедневную доставку для Петрограда 27 вагонов муки, указывает, что этого количества недостаточно для того, чтобы прокормить столичное население, ибо еще недавно нормой для Петрограда было установлено 35 вагонов муки. Оратор вообще скептически относится к обещаниям Правительства. На город хотят возложить обязанность распределять продукты. Но для этого надо, чтобы город имел, что распределять,—восклицает оратор, предлагающий городскому управлению пред'явить правительству требование об обязательной ежедневной доставке не менее 50 вагонов муки для Петрограда. Если же правительство откажет, то довести до сведения населения о создавшемся положении.

С примирительной речью выступил гласный В. В. Маркозов, который советует перестать говорить зажигательные речи, а лучше заняться делом. В продовольственном кризисе виновато не только правительство, но и общество.

С докладом о положении продовольственного дела в Петрограде выступил председатель городской продовольственной комиссии И. В. Никаноров. По его словам, запасов муки у города и Градоначальника хватит только на 2 недели.

М. С. Маргулиес докладывает, что 11 санитарных попечительств уже приступили к организации районных комитетов для распределения продуктов между населением, согласно ноябрьскому постановлению Городской Думы. Но так как ведомство внутренних дел не допустило избрания в эти комитеты представителей рабочего класса, то попечительства прибегли к компромиссному решению—районные продовольственные комитеты организуются с правом коопта-

ции, что дает им возможность привлекать в свой состав представителей рабочих. Тем не менее, санитарное попечительство Выборгской части отказалось от работы, ссылаясь на запрещение администрации привлекать к этому делу рабочих. Районные комитеты из своей среды изберут центральный продовольственный комитет, который будет ведать распределением продуктов между районными комитетами и общими вопросами распределения продуктов.

Гласный Н. С. Чистяков доказывает, что надо осуществить Думское постановление о районных комитетах явочным порядком, в полном об'еме, не считаясь с тем, что̀ думают в сферах.

Член Государственной Думы А. И. Шингарев также находит, что рабочие должны войти в состав районных комитетов. Но власти должны не вмешиваться в это дело. Они должны обещать нам, что эти комитеты не превратятся в те же ловушки для рабочих, какими оказались рабочие группы при военно-промышленных комитетах. Только тогда городское управление может взяться за это дело.

Речь А. И. Шингарева покрывается бурными аплодисментами собрания.

Гласный Н. Н. Шнитников доказывает, что нынешнее правительство, как совершенно неспособное, должно уйти и дать место коалиционному кабинету. (С и л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

После перерыва собрание приняло совершенно революционный характер. Тем не менее, никто из ораторов не был ни разу остановлен председателем.

Некто Каган, говоря о расстреле толпы на Невском проспекте, доказывал, что надо что-то сделать и не позже завтрашнего утра.

«Что же надо сделать?» прерывают оратора.

«Я не знаю», чистосердечно сознается тот.

Следует смех.

«Надо, чтобы не стреляли в народ»,—заявляет какая-то дама с места.

Ее поддерживают некоторые голоса с мест.

Представитель Петроградского союза рабочих кооперативов (об'единяет 23 общества) рабочий Волков предлагает собранию почтить память невинно-павших рабочих вставанием.

Все встают.

Оратор заявляет, что вспыхнувшее движение, кроме требований хлеба, таит в себе и другие чаяния рабочих. Он упрекает городское управление, которое не пригласило рабочих на сегодняшнее собрание. На него рабочие должны были притти сами. Что же, городское управление не знало о существовании возникших за последнее время рабочих кооперативов?

Далее оратор доказывает, что только при демократизации современного строя можно бороться с продовольственными неурядицами; предлагает предоставить рабочим в продовольственных организациях половину мест. По его рецепту выборы в эти организации должны производиться всем населением.

По словам рабочего Волкова, в понедельник должны состояться собрания рабочих для выборов представителей в продовольственные организации.

В ответ на речь депутата Шингарева, Волков заявляет, что никакой гарантии от правительства рабочим не надо, ибо они в посулы правительства совершенно не верят.

На горькую участь рабочего класса сетует член санитарного попечительства Петроградской части Савельев. Рабочие, по его словам, совершенно бесправны, не имеют голоса, загнаны в тупик. Мы не верим,—заявляет он,—«верховной власти», ибо она ведет братоубийственную войну и загнала нас в голод.

Гласный, проф. М. В. Бернацкий, уверен, что если и утолить голод, то начавшееся движение не остановится, а «валом докатится до конца». Высказывая свои симпатии требованиям рабочих, оратор предлагает всем делать свое дело явочным порядком.

Появление на кафедру члена Государственной Думы А. Ф. Керенского аудитория встречает бурными аплодисментами.

Оратор указывает, что, когда была возможность уладить вопрос продовольственный, правительство не вняло голосу общественных сил и только теперь, когда положение безвыходно, обратилось к ним. Почему? Да потому, что сложить с себя ответственность перед населением и свалить ее на городские общественные управления. Оратор предостере-

гает собрание от этого «дара данайцев». Для передачи продовольственного дела город должен поставить условием, чтобы правительство не вмешивалось в это дело. Населению и рабочему классу должна быть дана полная возможность свободно обсудить продовольственный вопрос и созывать для этого собрания.

Это условие, видимо, пришлось по вкусу оратору, ибо он не раз в своей речи возвращался к нему. По его же предложению, собрание вынесло резолюцию о том, чтобы правительство не препятствовало собранию обывателей и рабочих на заводах для обсуждения продовольственного дела и выборов членов в продовольственные организации.

Далее оратор рассказывает, что в Центральном Военно-Промышленном Комитете, на Литейном, собрались рабочие, чтобы обсудить свое отношение к продовольственному вопросу и свое решение сообщить собранию в Городской Думе. Но когда рабочие направлялись в Думу, то были арестованы по пути. Дошла только часть рабочих, которые пошли в Думу группами, разными путями.

Гласный, тайный советник С. С. Григорьев предлагает собранию просить Городского Голову войти сейчас же в переговоры с властями об освобождении невинно-арестованных рабочих.

Переговоры эти собрание возлагает на П. И. Лелянова и А. И. Шингарева. Через некоторое время оба возвратились и поведали собранию, что их хлопоты не увенчались успехом. Председатель совета министров ответил городскому голове, что он ничего не знает по этому поводу и обещал переговорить с министром внутренних дел. А председатель Государственной Думы, к которому обратился А. И. Шингарев, звонил к военному министру, но не мог его застать. Кроме того, М. В. Родзянко обратился к князю Н. Д. Голицыну, который заявил ему, что вызовет директора департамента полиции по этому делу и расспросит его. По словам А. И. Шингарева, председатель Государственной Думы просил председателя совета министров также о том, чтобы стрельба в народ завтра не повторялась.

Член Государственной Думы М. И. Скобелев указывает на то, что продовольственный вопрос связан с вопросом политическим, что последний вопрос еще труднее, чем первый. Он

призывает население сорганизоваться и доказывает, что в основе деятельности городского управления должна лежать самодеятельность населения. Правительство борется с продовольственным кризисом путем расстрела едоков. Это предательство надо заклеймить, оно требует возмездия. Оратор предлагает использовать «растерянность правительства» и действовать решительно. Правительство, проливающее кровь невинных, должно уйти. (Бурные аплодисменты.)

Рабочий завода Лесснера Самодуров (деятель больничной кассы) от имени «рабочих всей России» протестует против ареста товарищей и горько жалуется на участь затравленных рабочих, за требованием хлеба,—вещает он,—слышится другой крик, это крик о воле. Беда не в Протопоповых, а в системе. Дела мы не поправим, если на современный Государственный аппарат будем накладывать заплатки; его надо уничтожить до основания. Только тогда наступит успокоение, если современная правительственная система будет вырвана с корнем.

Гласный В. В. Маркозов после деловой речи, посвященной продовольственному вопросу и отношению городского управления к рабочим, призывает последних не выходить на улицу и не повторять печальных событий 1905 года, что явилось бы предательством родине.

Рабочий Самодуров находит это предложение неприемлемым для рабочих. Как же скажем своим товарищам — не выходите на улицу, когда их могут забрать и дома, — спрашивает он. Нет, в знак протеста арестов рабочие должны выйти на улицу.

Л. А. Базунов, резюмируя прения, высказался за то, чтобы городское управление приняло на себя продовольственное дело при условии достаточного подвоза продуктов правительством и широкого участия в этом деле всех слоев населения.

Собрание просило Городского Голову обратиться к населению с соответствующим воззванием.

Горячий спор вызвал вопрос, собраться ли на следующий день, чтобы «предупредить эксцессы» и когда. Решили не собираться, ибо в воскресенье вечером состоятся некоторые районные собрания для «обсуждения продовольственного вопроса».

Предложение С. В. Жданова (гласного) о том, чтобы в Городской Думе устроить дежурства свободных гласных «для предотвращения эксцессов», собрание встретило сочувственно. По его словам, гласные должны выходить на улицу, чтобы выполнить свой долг перед населением.

По предложению члена Государственной Думы А. Ф. Керенского, собрание еще раз почтило память расстрелянных рабочих вставанием.

На этом собрание закончилось.

О вышеизложенном имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству.

Генерал-Майор (подпись).

Приложение двадцать второе.

М. В. Д.
Петроградский
Градоначальник
По канцелярии.
1-ое Делопроизв.
23 февраля 1917 г.
№ 823.

Копия.

Командующему войсками Петроградского Военного Округа.

В течение последних четырех дней почти вся столичная пресса посвящала ряд статей и заметок вопросу о введении в Петрограде карточной системы на хлеб; обстоятельство это было вызвано тем, что Петроградское городское общественное управление занялось обсуждением этого дела, не имея на то, по моему мнению, ни права, ни достаточных оснований без ведома Уполномоченного Председателя Особого Совещания по продовольствию столицы. Однако обсуждение городом указанного вопроса и муссирование его печатью в связи с распространяемыми слухами о том, что по карточкам будет отпускаться по 1 фунту на каждого взрослого и по пол-фунта на малолетнего, — вызвали волнения в особен-

ности в рабочей среде и, в течение двух истекших суток, выпекаемый для продажи хлеб быстро расхватывается ранее пришедшими в лавку покупателями, очевидно, в запас, позже же приходившим рабочим уже ничего не оставалось; на этой почве сегодня забастовало более 15.000 рабочих предприятий, расположенных на Выборгской стороне, и распространение этой забастовки возможно ожидать и на других фабриках и заводах. Уполномоченным Председателя Особого Совещания по продовольствию столицы, действительным статским советником Вейсом, приняты соответствующие меры, причем, по его распоряжению, в наиболее распространенных повременных изданиях столицы («Русская Воля», «Вечернее Время») были помещены статьи, раз'ясняющие истинное положение дела.

Докладывая об изложенном Вашему Превосходительству, покорнейше прошу предложить Г. Городскому Голове немедленно же представить Вашему Превосходительству доклад об основаниях предполагаемого городом введения карточек на хлеб. Кроме того, я полагаю, что обсуждение прессою вопросов, вызывающих волнения в населении столицы, подобно только-что указанному, без соглашения с Уполномоченным Председателя Особого Совещания по продовольствию столицы, представлялось бы весьма опасным и потому было бы желательно, чтобы цензура не допускала статей, трактующих о возможном сокращении потребления продуктов первой необходимости, так как это вызывает повышение требования на продукты со стороны населения и затрудняет снабжение его продовольствием.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

За Управляющего Канцелярией
Петроградского Гарнизона
(подпись).

Приложение двадцать третье.

Печатная прокламация Петербургского Междурайнного Комитета, посвященная Февральским дням. Распространялась 27-го февраля 1917 г.

Копия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие! Нас расстреливают! На улицах Петрограда пролилась рабочая кровь! Царь свинцом накормил поднявшийся на борьбу голодающий люд. Как в день 9 января 1905 года слуги самодержавия расстреляли рабочих, шедших к царю за правдою и милостью, так в день 25 и 26 февраля они расстреляли голодных рабочих, вышедших на улицу с протестом против царящего произвола и голода! Товарищи! свершилосось ужасное преступление, бессмысленное, чудовищное. И в эти дни, дни народного гнева, дни беспощадной расправы с народом городовых и кучки верных царю солдат. мы были беспомощны. На удар мы не могли ответить ударом, за смерть заплатить смертью. Мы были безоружны. В бессильной злобе сжимались наши кулаки. Нас били шашками, топтали лошадьми, и безоружный народ с ненавистью в сердцах к врагам обращался в бегство. Товарищи! в эти тяжелые дни яснее чем когда бы то ни было рабочий класс увидел, что без сильных мощных пролетарских организаций, без боевых дружин, без поддержки народа армией нам не сломить врага, не уничтожить самодержавие. Эти дни показали нам также и то, что наши братья солдаты не всегда послушно идут на братоубийство. Привет казакам, гнавшим конных городовых от Знаменской площади. Привет наш и братское спасибо Павловцам, расстрелявшим у храма Воскресения отряд конных городовых. Солдаты начинают прозревать. Они понимают, что их враг не голодающий, угнетенный народ, а царское самодержавие. В эти тяжелые для рабочих дни только часть солдат, учащихся и граждан поддержали нас. Государственная Дума — лженародное представительство — преступно молчит. В дни, когда камни вопиют об отмщении—Государственная Дума глуха и слепа к народному горю. Товарищи! нас не только расстреливают, нас выбрасы-

вают на улицу на голод и нищету. Закрыты Путиловский и Трубочный заводы. 50 тысяч рабочих лишены куска хлеба! Товарищи! В ком не погибла совесть, кто не раб и не жалкий изменник рабочему делу, тот услышит наш призыв, он сольется с нами в единодушном протесте против беспощадной международной войны. Товарищи! Пусть замрет жизнь в городе. Пусть станут все фабрики и заводы, мастерские и типографии, пусть погаснет электричество. К всеобщей стачке протеста, к удару по самодержавному произволу зовем мы вас. К организации и лихорадочной мобилизации своих сил, мы большевики, меньшевики социал-демократы и социалисты-революционеры призываем пролетариат Петербурга и всей России. Товарищи! по фабрикам и заводам организуйте нелегальные стачечные комитеты. Связывайте район с районом. Устраивайте сборы на нелегальную печать и на оружие. Готовьтесь, товарищи! Близится час решительной борьбы, нас не запугает генерал Хабалов, посмевший назвать нас изменниками, не мы, рабочие, изменяем народу, а Сухомлиновы, Хабаловы—эти предатели и убийцы. Изменяет народу Государственная Дума и либералы.

Товарищи! нам приказывает Хабалов стать 28 на работу, а мы зовем вас на борьбу, на всеобщую стачку!

Смелее! Все за одного—один за всех!

Да здравствует всеобщая политическая стачка протеста!

Вечная память погибшим братьям!

Долой войну!

Долой самодержавие!

Да здравствует революция!

Да здравствует Временное Революционное Правительство!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует международная солидарность пролетариата!

Петербургский Междурайонный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Приложение двадцать четвертое.

Воззвание к солдатам, опубликованное от имени Междурайонного Комитета Р. С-Д. Р. П. и партии Социалистов-Революционеров, конфискованное Исполнительным Комитетом Петербургского Совета утром 2-го марта 1917 г.

Товарищи
Солдаты!

Свершилось! Восстали вы, под-яремные, закабаленные крестьяне и рабочие восстали, и с треском и позором рухнуло самодержавное правительство.

Солдаты! долго терпел народ, долго страдал крестьянский люд, отданный во власть помещиков, земских начальников, становых и всей шайки слуг царского самодержавия. В то время, как казна, монастыри и помещики захватили всю землю, в то время, как паны-дворяне с жиру бесились, высасывая народную кровь, — многомиллионное крестьянство пухло от голода: курицы некуда выгнать обезземеленному мужику!

Братья солдаты! Что нужно вам, крестьянам-хлеборобам? Что нужно вам, рабочим? Вся земля и вся воля—вот что нам нужно! Не напрасно же вы лили свою кровь. Вот уже два дня, как Петроград во власти солдат и рабочих, два дня, как распущенная Государственная Дума выбрала Временный Комитет и называет его временным правительством; но до сих пор Вы не слышали ни от Родзянки, ни от Милюкова ни одного слова о том, будет ли отнята земля у помещиков и передана народу.—Надежда плохая!

Солдаты! будьте настороже, чтобы паны-дворяне не обманули народ!

Идите к Думе, спросите у нее: будет ли земля народу, будет ли воля, будет ли мир?

Солдаты! почему Дума не говорит об этом? Нужно с корнем вырвать самодержавный произвол. Если мы не доведем дело до конца, если не будет созвано Учредительное собрание, в которое посылали бы своих депутатов все крестьяне и все рабочие, а не как в нынешней Думе, кто побогаче, да посановитее, то погибнет народное дело!

Для того, чтобы вас не обманули дворяне и офицеры — эта романовская шайка,—возьмите власть в свои руки. Вы-

бирайте сами взводных, ротных и полковых командиров, выбирайте ротные комитеты для заведывания продовольствием. Все офицеры должны быть под контролем этих ротных комитетов.

Принимайте к себе только тех офицеров, которых вы знаете, как друзей народа.

Подчиняйтесь только делегатам, посланным от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов!

Солдаты! теперь, когда вы восстали и победили, к вам приходят вместе с друзьями, также и бывшие враги-офицеры, которые называют себя вашими друзьями.

Солдаты! лисий хвост нам страшнее волчьего зуба. Ваш верный друг и брат—только рабочие и крестьяне. Теснее связывайтесь с ними! Посылайте своих делегатов-представителей в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, за которым уже в одном Петербурге стоит 250.000 рабочих. Ваши представители и рабочие депутаты должны стать Временным Революционным Правительством народа и от него вы получите и землю и волю!

Солдаты, услышьте наш голос! Требуйте у Думы, чтобы она ответила вам,—теперь же: будет ли отнята земля у помещиков, казны и монастырей? Будет ли она передана крестьянам? Будет ли дана вся воля народу? Будет ли созвано Учредительное Собрание? Не теряйте времени!

Солдаты! толкуйте об этом по ротам, по батальонам! Устраивайте митинги! Выбирайте из своей среды командиров и представителей в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Всю землю—крестьянам!
Всю волю—народу!

Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов!
Да здравствует Временное Революционное Правительство!

Петербургский Международный Комитет Р. С.-Д. Р. П.
Петербургский Комитет Социалистов-Революционеров.

Марта 1917 г.

Приложение двадцать пятое.

От Временного Правительства.

Граждане!

Временный Комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный Комитет Государственной Думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью.

Председатель совета министров и министр внутренних дел, кн. Г. Е. Львов.

Министр иностранных дел П. Н. Милюков.

Министр военный и морской А. И. Гучков.

Министр путей сообщения Н. В. Некрасов.

Министр торговли и промышленности А. И. Коновалов.

Министр финансов М. И. Терещенко.

Министр просвещения А. А. Мануилов.

От Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Товарищи, граждане!

Новая власть, создающаяся из общественно-умеренных слоев общества, об'явила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами. Политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного Собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы полагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью,—демократия должна оказать ей свою поддержку.

Товарищи и граждане! Приближается полная победа русского народа над старой властью. Но для победы этой нужны еще гро-

Свят. синода Вл. Львов.

Министр земледелия А. И. Шингарев.

Министр юстиции А. Ф. Керенский.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководиться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

мадные усилия, нужна исключительная выдержка и твердость. Нельзя допускать раз'единения и анархии. Нужно немедленно пресекать все бесчинства, грабежи, врывания в частные квартиры, расхищение и порчу всякого рода имущества, бесцельные захваты общественных учреждений. Упадок дисциплины и анархия губит революцию и народную свободу.

Не устранена еще опасность военного движения против революции. Чтобы предупредить ее, весьма важно обеспечить дружную, согласованную работу солдат с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивного развития родины, должны употребить все усилия, чтобы наладить совместную деятельность с солдатами. Они будут уважать в солдате его личное и гражданское достоинство, будут бережно обращаться с чувством чести солдата. С своей стороны, солдаты будут помнить, что армия сильна лишь союзом солдат и офицерства, что нельзя за дурное поведение отдельных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацию. Ради успеха революционной борьбы, надо

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное Правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государств. Думы
М. Родзянко.

Председатель Сов. Министров
кн. Львов.

Министры: *Милюков, Некрасов, Мануилов, Коновалов, Терещенко, Вл. Львов, Шингарев, Керенский.*

проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую вы ведете со старым режимом.

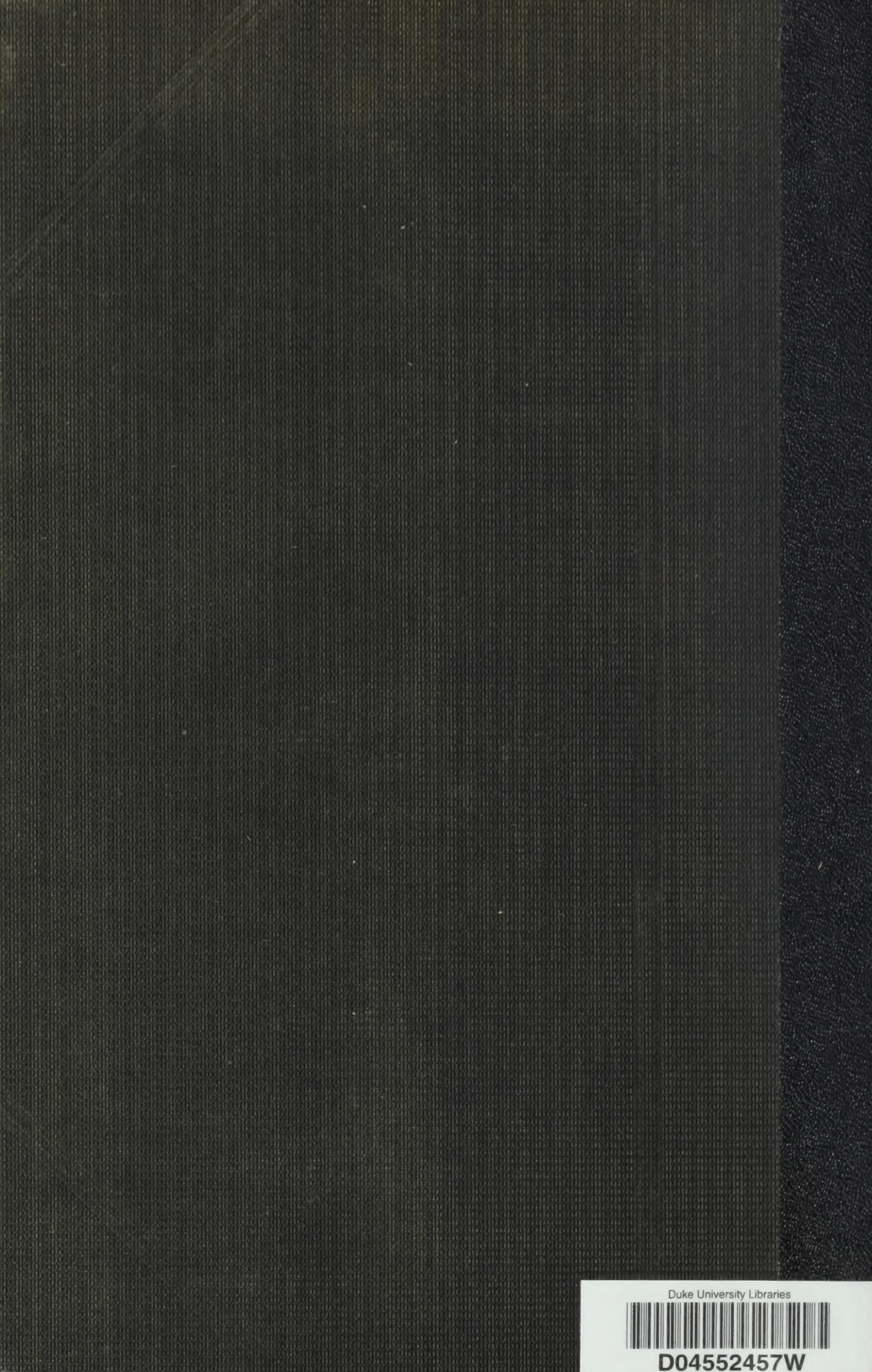
Исполн. Комитет Сов. Солд. и Раб. Депутатов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр

Стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Duke University Libraries
D04552457W